

ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА КАРЕЛИИ

РУССКИЕ
ЭПИЧЕСКИЕ
ПЕСНИ КАРЕЛИИ

ПЕТРОЗАВОДСК «КАРЕЛИЯ» 1981

ББК 82.3Р
РФ
Р89

КАРЕЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Издание подготовила
Н. Г. Черняева

Научный редактор
доктор филологических наук
Б. Н. Путилов

Утверждено к печати
Ученым советом
Института языка,
литературы и истории
Карельского филиала
АН СССР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник составлен по материалам, собранным в 1930—60-е годы на территории КАССР и хранящимся в архиве Карельского филиала АН СССР (далее — архив). В сборник вошли былины, баллады и «старшие» духовные стихи, большинство из которых по типу сюжетов и по поэтике близки былинам и до сих пор встречаются на Русском Севере.

По предварительным данным в архиве хранится более 250 неопубликованных былин, 200 с лишним баллад и около 100 духовных стихов, записанных в основном в Карелии. Архив пополняется за счет экспедиционных материалов последних лет. В сборник включено 54 текста: 36 былин, 8 баллад и 10 духовных стихов. Все тексты публикуются впервые.

Принципы отбора текстов обусловлены целями издания. Составитель сборника стремился представить по возможности максимальное количество сюжетов, бытовавших и бытующих в Карелии, учитывая также качество того или иного варианта — его полноту, каноничность. Исключением из этого являются редкие сюжеты, например, «Голубиная книга», «Саул Леванидович». В этом случае важен сам факт их публикации, которая, быть может, будет полезна для ряда фольклористических исследований. При подборке текстов была поставлена и другая задача — ввести в науку имена новых исполнителей, заслуживающих внимания своим репертуаром и манерой исполнения (И. А. Степанова, А. А. Портнягин, К. Е. Ремизова, А. С. Логинов). Наряду с ними в сборнике есть и знакомые имена прославленных сказителей Карелии: И. Т. Фофанова, А. М. Пашковой, А. Ф. Трухавой, П. Г. Горшкова, М. Е. Самылина и др. Сборник предоставляет новый материал фольклористам, интересующимся проблемами вариативности эпических текстов, типологией сказительского искусства. Задачи эти вовсе не частные. Самым непосредственным образом они связаны с вопросами поэтики фольклорных текстов, механизмом их запоминания и функционирования в традиционном крестьянском быту. Публикация вариантов фольклорных произведений уже известных науке сказителей дает возможность сопоставить записи разных лет и сделать более четкие выводы об исполнительском

типе певца, его репертуаре и «учителях». Последнее обстоятельство принималось во внимание при выборе сказителей, которые публикуются впервые, но источники эпического знания которых известны. В случае, если есть записи от «учителей», также можно установить характер варьирования былинных текстов. Разумеется, не всегда это удается. О некоторых исполнителях не осталось даже точных паспортных данных, не говоря уже о других сведениях (например об А. А. Портнягине, А. С. Логинове). Однако довольно интересный репертуар этих певцов, их незаурядный талант несомненно заслуживают внимания.

Согласно давней и хорошей традиции русской фольклористики, сборник построен по историческим регионам Карелии (Заонежье, Пудож, Карельское Поморье) и по сказителям. В архиве эти эпические центры представлены наиболее полно. В паспортных данных учитывалось современное районирование КАССР, укрупнение населенных пунктов.

При подготовке сборника составитель ориентировался в первую очередь на «Былины Севера» А. М. Астаховой¹, издание, которое по праву считается образцовым в нашей фольклористике в силу полноты материала, удобства его расположения и высокого научного уровня комментариев. Конечно, в таком жанре, как например заметки о сказителях, трудно соперничать с А. М. Астаховой, которая прекрасно знала материал и каждого сказителя. В наших небольших очерках нет теплоты непосредственного общения со сказителями — большинства из них уже нет в живых, поэтому заметки кратки и чисто информационны. Лишь некоторые исполнители оставили свои автобиографии, сохранившие безыскусность и искренность разговорной речи, и немногие собиратели написали о своих впечатлениях от знакомства со сказителями. Однако мы благодарны собирателям за их нелегкий труд: ведь в 30-е и первые послевоенные годы записывали от руки, без магнитофонов, и каждому фольклористу понятно, насколько это тяжело и сколько профессиональных собирательских навыков требует такая работа.

В заметках об исполнителях даны биографические сведения о них, об источниках их былин, если они известны, о фольклорном репертуаре. В конце заметки приводится литература о сказителе, о публикациях его былин.

В комментарии входят: краткое описание сюжета, библиография исследований его, перечень опубликованных вариантов. При составлении библиографии сюжетов и вариантов ссылка часто делалась на последнее издание былин, в котором наиболее полно представлены эти сведения. Например в двухтомном

¹ Былины Севера. Записи, вступительная статья и комментарии А. М. Астаховой. Т. I. Мезень и Печора. М.—Л., 1938; т. II. Прионежье, Пинега и Поморье. М.—Л., 1951.

издании «Былин Севера» дан подробный перечень и анализ до-революционных и советских исследований по сюжетам, а также указаны все опубликованные варианты. Мы дополнили эти данные последними работами по былинам, балладам и духовным стихам, вышедшим в Советском Союзе и за рубежом. В комментарии включены и новейшие публикации вариантов. Сюжеты расположены как в сборнике «Былины Севера». Толкование сюжета дается по возможности краткое, особенно если он хорошо изучен и не слишком дискуссионен, или, напротив, обойден вниманием в науке. В ряде случаев составитель сборника высказывал и свои предположения о том или ином сюжете в тех пределах, которые допустимы в издании подобного типа.

Тексты сборника сохраняют названия, данные им сказителями. Если же таковых нет или по ним невозможно понять, что это за былина, то в скобках дается ее название, принятое в науке, а также указываются элементы контаминации, если она не велика. Первая цифра дроби означает номер коллекции, вторая — единицу хранения. Все рукописные материалы хранятся в фонде I, опись I архива. Буквой «ф» обозначена фонотека Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР.

Впервые в былиноведении сделана попытка установить тип сюжета и типы мотивов, составляющих его¹, по указателям Томпсона, Аарне — Томпсона, Аарне — Андреева². Здесь возникло много сложностей. Во-первых, в этих указателях не всегда дифференцируется понятие сюжета и мотивов как его компонентов. Во-вторых, в указателе Томпсона славянский материал представлен слабо. Распределение сюжетов по индексам легче всего удавалось в тех случаях, когда былины, баллады и духовные стихи сохранили «чистую» фольклорную схему, при этом, как правило, архаичную и международную и не подверглись заметной исторической трансформации и воздействию других сюжетов и жанров. Многие зависело от того, есть ли в современной науке устойчивая, академическая концепция того или иного сюжета.

Публикуемые варианты снабжены необходимыми паспортными данными: в них указан собиратель, время записи, фамилия, имя, отчество сказителя, его возраст в момент исполнения, место записи и регион, а также место постоянного жительства, иногда — место рождения. Сообщается и о других вариантах

¹ Заслуживает внимания в этом плане опыт издания сб.: Finnish folk poetry epic, I. An anthology of Finnish and English. Helsinki, 1977.

² Thompson S. Motif-index of folk-literature:— FFC. N 106—109, 116—117. Helsinki, 1932—1936; Thompson S. The Types of the Folktale. S. Thompson—A. Aarne.—FFC, vol. LXXV, N 184. Helsinki, 1964; Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

текстов, записанных от этого сказителя, опубликованных или хранящихся в архиве.

Текст исполнения характеризуется с точки зрения полноты, состава, если это контаминация — влияния других сюжетов, типичности текста для данного региона, каноничности. Особое внимание уделяется степени варьирования текста исполнителем. Приводятся и варианты других сказителей, наиболее близкие данному. При характеристике вариантов немалую роль играют сведения об их источниках, об условиях записи, об оценке произведения самим сказителем, о том, пел он или рассказывал. Все полученные из архива данные такого рода также публикуются либо в заметке о сказителе, либо в комментарии к варианту.

Привлечение и текстологическая обработка записей разных лет, сделанных разными собирателями, каждый из которых выработал свой принцип фиксации текста, — задача трудоемкая. Подавляющее большинство текстов записано от руки, а не на магнитофон, и следует помнить, что собиратели не всегда успевали записать все полностью, прибегали к сокращениям самых распространенных формул и слов. Расшифрованные фрагменты текста даны в скобках. Обычно, если указывалось только начало слова (слог или буква) и конец или лишь начало, выбирался наиболее употребительный в данном тексте вариант слова или формулы. Некоторые тексты записаны сплошь, без деления на строки, и не потому, что стих перешел в прозу, а по причине сложных полевых условий. В таких случаях деление строк проводилось по нашему усмотрению. Прозаизированные фрагменты текста вынесены за строку влево, пояснения сказителя к тексту, сделанные в процессе исполнения, даны курсивом в скобках.

Судя по записям, большинство собирателей руководствовалось орфографическим принципом фиксации текстов, только отдельные звуки (j — й) или фрагменты записаны фонетически. Наши наблюдения показывают, что полевые условия, необходимость поспеть за сказителем, может быть, недостаточно продуманные принципы записи, непоследовательность в их реализации на практике отразились на качестве записей текстов: некоторые из них с трудом поддаются прочтению.

Публикуемые тексты даны в орфографическом виде с передачей большинства фонетических особенностей диалекта. Пунктуация пересмотрена, тексты представлены в соответствии с современными грамматическими правилами и с учетом поэтических особенностей материала.

Основные принципы текстологической работы свелись к следующему:

1. Общерусские слова в общерусском произношении передаются в обычном литературном написании. Не фиксируются: оглушение согласных на конце слова; ассимиляция согласных

по звонкости и глухости; «ы» вместо «и» после шипящих и «ц»; «яканье» как очень редко встречающееся в записях (за некоторым исключением), редуцированные гласные в подавляющем большинстве случаев; окончания глаголов -тца, -тця, -тса, -тце заменяются на -тся, -тсе; «шч» на «щ» (еще вместо ешче).

2. Сохраняются: удвоенные согласные, непронизносимые согласные, мягкость в середине слова, если она имеет диалектную природу (церькви, цядо, царьство), мягкость на конце слова (прошеньиця, Муромця); оканье (роздернуть, рассыпать); еканье (соберал, деван, на перу); «ё» в словах, произношение которых отлично от литературного (ён, синё морё); «у» неслоговое (растоунулись); выпадение слогов и гласных при ускоренной речи (грит, т. е. говорит, вид'ли); цоканье во всех его видах.

Замена «е» на «и» в окончаниях существительных, прилагательных и местоимений иногда обусловлена смешением падежей и относится к грамматическим особенностям диалекта, которые сохраняются (к матушки, говорит Добрынюшки Никитичу, ср. фонетические особенности, которые также обычно фиксируются: шелковыи, завидушии).

В справочный аппарат включены список сюжетов и вариантов, опубликованных в сборнике, список исполнителей, список сокращений, а также словарь диалектных и старинных слов, составленный автором вместе со старшим лаборантом сектора фольклора и этнографии В. П. Кузнецовой.

О БЫЛИННЫХ СКАЗИТЕЛЯХ КАРЕЛИИ

«Русская школа» фольклористики выработала классическую форму издания сборников былин по сказителям, со вступительной статьей о них и с характеристикой не только сюжетов, но и вариантов. Тип такого издания оказался очень устойчивым. Это обусловлено тем, что творчество сказителей было непреходящей темой нашего былиноведения.

Ею занимались собиратели XIX века, начиная с П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, а также советские фольклористы — Б. М. и Ю. М. Соколовы, А. М. Астахова, В. И. Чичеров и другие. Изучение сказительского искусства, типов исполнительства сопровождалось параллельным исследованием поэтики былинного варианта, поскольку этого требовала сама методика сравнения вариантов. Наиболее простые и продуктивные приемы анализа вариантов предложила А. М. Астахова в известном вступлении к первому тому «Былин Севера». Сопоставление текстов проводилось на сюжетно-композиционном и «стилевом» уровнях. А. М. Астахова классифицировала исполнителей по тому, как они воспринимают былины и передают их. Результатом явилось выделение трех типов сказителей: 1) сказители-передатчики, «перенявшие тексты совершенно или почти точно в таком же виде их передающие»; 2) сказители, которые усвоили «общий остов» и в процессе исполнения выработали свой текст; 3) сказители-импровизаторы.

Классификация А. М. Астаховой во многом оправдала себя в приложении к богатому былинному материалу Заонежья, Пудожя, Печоры и Зимнего Берега. Ценность ее выходит за пределы частного вопроса. Перед нами одна из попыток разобраться в механизме передачи и существования эпических текстов как текстов фольклорных, отличных по структуре и способу функционирования от привычных нам литературных, авторских текстов.

И все же в работе А. М. Астаховой о сказителях чувствуется инерция литературоведческого подхода к фольклору. Современная теория художественного текста уже не довольствуется прежними положениями и конкретными приемами членения канонических фольклорных текстов. Основываясь на известной

в структурной лингвистике аналогии между языком и фольклором, американские исследователи М. Пэрри и А. Б. Лорд использовали более строгие лингвистические методы анализа эпических текстов, сочетая их с традиционным подходом¹. Внимание сосредоточивалось не только и не столько на повествовании, но и на словесных компонентах — «эпических формулах» и «формульных выражениях». Были открыты способы их варьирования по законам «формульной грамматики». Сущность ее заключается в том, что словесные элементы текста заменяются друг на друга и сочетаются с другими по принципу фольклорной синонимии, которая ставит определенные границы варьированию. Обучение сказительству как раз и сводится к усвоению правил этой «формульной грамматики» на опыте, а затем к совершенствованию этих навыков, если созданы благоприятные условия для творчества.

Учитывая общие положения структуральной теории текста, можно и следует скорректировать методики А. М. Астаховой и М. Пэрри — А. Б. Лорда. Для сопоставления былинных вариантов может быть предложена следующая типологическая шкала: 1) уровень повествовательных единиц — мотивов (сюжетно-композиционный); 2) уровни словесных единиц: а) строф или сверхфразовых единств, объединяющих группы строк (фраз) по ряду признаков; б) строк (фраз) — их компонентов, которые, в свою очередь, включают в) «эпические формулы» (словосочетания устойчивого типа), г) «эпические лексемы» (слова). В пределах «эпических лексем» варьируют д) морфемы и фонемы. Таким образом расширяется круг признаков, по которым сопоставляются тексты. Для определения типа исполнителя важно учитывать не только диапазон и приемы варьирования текста, но и материал для варьирования. Им бывает «эпический запас», присущий данной былине, общеэпический фонд, другие фольклорные жанры и их тексты. Традиционность былин сказителей также является типологическим определителем их творчества².

Объем и жанр вступительной статьи ограничивают анализ сказительского искусства на всех предложенных уровнях. Специальное исследование с элементами статистики сделает это намного лучше и точнее. Наша задача скромнее: хотя бы по наиболее главным признакам — сюжету, композиции и строке — выяснить характер исполнения и сгруппировать сказителей, представленных в сборнике, по типам.

Изучение эпического сказителя и носителя фольклора вообще по сути дела сводится к анализу правил запоминания текстов, количественного и качественного учета этих приемов. При

¹ Lord A. B. The singer of Tales. Cambridge — Massachusettes, 1960.

² Черняева Н. Г. Проблемы типологии искусства севернорусского былинного сказителя. АКД. Минск, 1977.

этом речь идет не о памяти в общепринятом понимании, а о жанровой памяти на данный тип фольклорных текстов, обладающих своей организацией и своими закономерностями бытования в традиционном крестьянском быту.

Структура былинной, шире — эпической, памяти отражает структуру былинного текста. Именно поэтому эпическую память можно определить как способность сказителя отбирать, хранить и воспроизводить те или иные элементы эпического текста в их взаимосвязях друг с другом, в результате чего и рождается былина как целое.

Все эти рассуждения становятся осязаемыми, когда начинается сопоставление текстов учителя и ученика и повторных записей от одного исполнителя. Законы «формульной грамматики» объясняют лишь общие закономерности эпического творчества, не выделяя в нем подтипов. Подтип эпической памяти (или типы ее) характеризуется рядом черт: количественной стороной — диапазоном варьирования, выбором преобладающих для данного типа способов запоминания текстов; качественной — созданием текста, который в разной степени «удален» от «первоисточника» — текстов учителя или других вариантов сказителя; каноничностью семантических категорий (пространства и времени, поведения персонажей и т. д.) и структурных уровней.

В предисловии уже говорилось о том, что в сборник включены былины известных науке сказителей и тех, с которыми встречаемся здесь впервые. Такая публикация облегчает работу над творчеством сказителей: появился новый и доступный всем материал для сравнения текстов, записанных от сказителей в разное время. На его основе есть возможность более определенно высказаться о типе того или иного исполнителя.

Начнем с тех, кого А. М. Астахова назвала сказителями-«передатчиками». Эти исполнители фиксируют конкретные текстевые единицы, их набор, связи и последовательность в тексте. Близость вариантов их настолько велика, что иногда создается впечатление заученности текста. Модели почти не используются в их сказительской практике. Былины этой группы сказителей, как правило, строго эпичны, они почти всегда поются — не зря А. М. Астахова называла их стиль «классическим». К таким исполнителям принадлежит А. Ф. Трухавая из Заонежья. Былины ее впервые опубликованы А. М. Астаховой во втором томе «Былин Севера» (№ 148—151). Уже тогда собирательница отметила «твердое знание текста» сказительницей и высокие художественные достоинства большинства ее былин. Повторные записи Е. П. Родиной в 1938 году позволяют отнести А. Ф. Трухавую к первому типу исполнителей.

Сравним фрагмент «Первый бой Добрыни со змеем» из былины о Добрыне и змее (Аст., № 148, сб., № 16). Обозначим цифрами набор мотивов из записи А. М. Астаховой: 1 — Добрыня

просит мать отпустить его к Пучай-реке, 2 — мать не дает ему разрешения, 3 — Добрыня нарушает запрет матери, 4 — Добрыня седлает коня, 5 — Добрыня едет к Пучай-реке, 6 — формула времени, 7 — Добрыня приезжает к Пучай-реке, 8 — Добрыня слезает с коня, 9 — Добрыня ныряет в реку, 10 — Добрыня благополучно выплывает из реки, 11 — Добрыня вспоминает наказ матери, 12 — появляется змей, 13 — змей нападает на Добрыню, 14 — Добрыня пугается, 15 — Добрыня берет шапку «земли греческой», 16 — Добрыня бьет змея шапкой, 17 — змей просит Добрыню побрататься с ним, 18 — змей кладет запрет на себя, 19 — змей кладет запрет на Добрыню, 20 — змей и Добрыня разбегаются. Тот же набор мотивов характеризует и опубликованный в нашем сборнике вариант. Сюжетно-композиционная схема обоих вариантов выглядит так:

Аст., № 148	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Сб., № 16	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Аст., № 148	15	16	17	18	19	20								
Сб., № 16	+	+	+	+	+	+								

При повторном исполнении А. Ф. Трухавая в точности воспроизвела как набор мотивов, так и последовательность их во фрагменте.

Разумеется, даже у сказителей 1-го типа подобное буквальное повторение сюжетно-композиционного уровня текста встретить не всегда. Такой максимальной стабильностью обладают лишь отдельные, хотя и довольно крупные фрагменты (см., например, примечания к былине о Добрыне и змее, № 16, о Дюке Степановиче, № 18, о Ставре, № 17). А. Ф. Трухавая пропускает или включает несюжетообразующие мотивы или такие сюжетообразующие, присутствие которых в былине не приводит к заметным смысловым сдвигам в повествовании, а сохраняет былинную в пределах прежнего варианта.

Сказанное относится и к словесным уровням текстов А. Ф. Трухавой. Правда, как и у всех без исключения исполнителей, словесная сторона текстов гораздо подвижнее, изменчивее, нежели повествовательная. В анализируемых двух отрывках из былины о Дюке подчеркнем несовпадающие словесные компоненты стихов (Аст., № 149, сб., № 18):

Как поехал ведь боярин Дюк Степанович,
 Положил-то он заветы крепкие:
 Что ведь дома-то стоять заутреню,
 А во Кеев-град поспеть надоть к обеденки.
 Перва застава приходит а й великая:

Пришли горушки-то потолкучии,
 Только горушки растоунулись — не стоунулись.
 Всё ли Бурушка-Кавурушка проскакивал,
Уж он маленький косматенький провёртывал,
 Берега-то вси озёра промеж ног спускал,
 С горы на гору да с холмы на холму.
И другой застава приходит да й великая:
 Пришли птиченьки-то тут да й поклевучии.
 Не успели птицы крылышков расправливати,
 Всё ли Бурушка-Ковурушка проскакивал,
Всё ли маленький косматенький провёртывал,
 Берега-то вси озёра промеж ног спускал,
 С горы на гору да й с холма на холму,
 Третья застава приходит да й великая:
И пришли змеи-то **ведь** тут да й поедучии.
И не успели змеи хобутов расправити,
 Всё ли Бурушка-Ковурушко проскакивал,
Всё ли маленький косматенький провёртывал,
 Берега-то вси озёра промеж ног спускал,
 С горы на гору да с холмы на холму.
 (Сб., № 18.)

Ср.:

Как поехал **ведь** боярин Дюк Степанович,
 Положил-то он заветы крепкии,
 Что дома-то стоял заутрену,
А во утро-то поспеть во Кеев-град, к обеденке.
Как приходит-то перва застава великая:
 Пришли горушки да тут да потолкучии,
 Только горушки растолнулись не столнулись,
 Все ли горушки-то бурушка проскакивал,
Все ли маленький косматенький порвертывал,
 Берега-то все озёра промеж ног спускал,
 С горы на гору да с холма на холму.
 Друга застава приходит да великая:
 Пришли птиченьки да тут да поедучии.
 Не успели птицы крылушки расправливати,
 Все ли бурушка-кабурушка проскакивал,
 Маленький косматенький провёртывал,
 Береги-то вси озёра промеж ног спускал,
 С горы на гору, с холмы на холму.
 Третья застава приходит-то великая:
 Пришли змеи-то да поклевучии.
 Не успели змеи хобутов расправливати,
 Все ли бурушка-кабурушка проскакивал,
 Маленький косматенький провёртывал,
 Берега-то вси озёра промеж ног спускал,
 С горы на гору да с холмы на холму.
 (Аст., № 149.)

Сказительница полностью воспроизвела все строки отрывка, изменяя, и то минимально, лишь компоненты строк: вспомогательные слова (да, -то, ведь, всё ли и т. д.), морфемы (стоял — стоять, расправливать — расправити), некоторые фонемы (а—о, б—в). Реже опустились эпические лексемы или включались в строку новые. А. Ф. Трухавая также заменяла одни эпические лексемы на другие, синонимичные (птиченьки поедучии — поклевучии). Синтаксис строк оставался неизменным.

Приведенные примеры показательны для творческой манеры А. Ф. Трухавой. Ее эпическая память фиксировала конкретные текстовые единицы, их связи, последовательность в тексте. Былины сказительницы традиционны, в них выдержаны стих, семантика. Исключение составляют именно те фрагменты текста (например в «Ставре» или в «Михайле Потыке»), которые сказительница несколько позабыла и сказывала, а не пела, поскольку ей тяжело было петь всю былинку до конца. Былинку о Ставре она, очевидно, помнила неважно, поэтому местами просто пересказывала содержание. Такие примеры встречаются и у других сказителей 1-го типа. Кажется, что перед нами совсем другой певец: повествование свернуто, строки и строфы плохо организованы, размер стиха нарушен. По-видимому, ориентированность сказителей 1-го типа на текстовую конкретность, с одной стороны, позволяет им при благоприятных условиях воспроизводить тексты очень эпичные и стабильные, а с другой, лишает их творческой самостоятельности, способности использовать весь имеющийся у них эпический запас и конструировать на материале его модели.

В сборнике мы впервые знакомимся с другой заонежской сказительницей — Ириной Андреевной Степановой. Хотя былины записывали от нее более сорока лет назад, но они до сих пор лежали в архиве, несмотря на то, что репертуар сказительницы, его хорошая сохранность явно заслуживали публикации.

Сведений об учителях И. А. Степановой явно недостаточно, чтобы составить цельное впечатление о ней, да и нет повторных записей, за исключением большой контаминированной былины об Илье Муромце. Варианты Ирины Андреевны близки былинам заонежских сказителей А. Е. Чукова (былина о Дюке), И. А. Касьянова (былины о Дюке и о Добрыне), К. Романова (былина о Волге) и др. Сказительница усвоила былины не только из устной традиции, но также из книг (см. заметку о ней).

Сравнение двух контаминированных былин об Илье Муромце (сб., № 6, 7) в той части, которая сопоставима, позволяет сказать несколько слов об исполнительском типе И. А. Степановой. В репертуаре ее есть и другие контаминации: «Вольга Всеславьевич», «Про Добрыню». Неясно, усвоила ли сказительница их в таком виде или это результат ее собственной импровизации. Скорее, первое, поскольку все эти тексты имеют всегда достаточно точные параллели. О том же свидетельствует

и неожиданно высокая устойчивость сюжета и композиции бы-
лины об Илье Муромце (см. об этом в примечаниях к № 6, 7).

Сравним два словесных пассажа:

В старину было в стародавнюю,
Когда княжил князь Владимир в Киеве.
Близ города близ Мурома,
В селе Карачарови
Жил старичок Иван Тимофеевич
Со своей старушкой Анной Ивановной.
Даровал им бог детище,
Ильюшу сына Ивановича.
Он тридцать лет сидел сиднем на печки на муравленой,
Без рук сидел, без ноженек.
Мать ёго кормила досыти,
Вином поила допяна.
Проходило время оное,
Тридцать лет **изменой** миновалосе.
Отец с матерью пошли поработать, позабавиться,
За работушкой расправиться.
Приходили к дому Ильи Муромца
Старьци старьи, усталыи,
(В то время господь ходил с апостолами по земли),
Просят у Ильи старьци налитися.
Илью-то старицьки разжалили.
«Рад дать вам, старицьки, налитися,
Да тридцать лет сижу на печки на муравленой,
Тридцать лет с **излишкою**».

(Сб., № 6).

Ср.:

В старину было в стародавнюю,
Когда княжил князь Владимир в Киеви.
Близ города близ Мурома,
Во сели да в Корочарови
Жил старичок Иван Тимофеевич
Со своей старушкой Анной Ивановной.
Даровал бог им детище,
Ильюшу сына Ивановича.
Он **двадцать** лет сидел сиднем на печки на муравленой,
Он без рук сидел да без ноженек,
Не имел детище ног у себя.
Мать его кормила досыти,
Вином поила **вполпяна**.
Проходило время оное,
Тридцать лет **излишка** миновалоси.
Отец с матерью пошли поработать, позабавиться,
Да за работушкой расправиться.
Приходили к дому Ильи Муромца

**Люди бедные, жожалыи,
Старцы старыи, усталыи,
Просят у Ильи наптитиси.**

Илью-то старички поразжалили.

«Рад я бы вам наптитися, старички, да не могу:

Тридцать лет излишку сижу на печки на муравленой,
Без рук сижу, без ноженек».

(Сб., № 7.)

Стабильность строк почти такая же, как у I-го типа: лишь некоторые из них не совпадают, но и они являются повтором уже известных по данному фрагменту или по былине в целом строк и формульных выражений. Правда, былина не поется, а сказывается, поэтому стих часто укороченный, что снижает эстетическое качество текста и некоторых других былин И. А. Степановой. Былины Ирины Андреевны записывались по ее просьбе со слов, а не с голоса, так как сказительница была занята работой по дому (см. заметку о ней). Явно, что бытовые помехи не могут полностью оправдать факт сказывания былин. Вероятно, Ирина Андреевна принадлежала к тем исполнителям, которые прекрасно знали былины, но предпочитали их сказывать либо из-за отсутствия голоса, либо потому, что учились у сказителей-«рассказчиков» или тех, которые по тем или иным причинам старины сказывали.

Тексты И. А. Степановой очень полные. Исполнительница обладала хорошим чувством эпического стиля. В особенности это относится к былинам о Дюке и о Добрыне. И все же было бы преждевременным отнести сказительницу к I-й группе исполнителей: для этого у нас слишком мало текстовых доказательств.

Сказители II-го типа по А. М. Астаховой уже обнаруживают стремление к импровизации, особенно на стадии обучения, затем их тексты стабилизируются. Добавим, что эпическая память певцов II-го типа нацелена не только на конкретные образцы (эта тенденция доминирует), но и на модели, которые используются в ограниченном объеме. В сферу варьирования включаются не только элементы различных уровней, «обслуживающие» варианты одной былины, но и эпическая система в целом. Импровизации неизбежно сопутствует нарушение эпического канона, дающее о себе знать как в текстах сказителей II-й, так и IV-й группы.

Показательной для II-го типа является творческая манера пудожской сказительницы А. Л. Фадеевой, известной по сборнику «Былины Пудожского края».

Сопоставим варианты фрагмента былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике (Парил.—Сойм., № 53, сб., № 32). Набор и последовательность мотивов в варианте Парил.—Сойм., № 53 выглядят следующим образом: 1 — Илья Муромец просит

у матери разрешения отправиться в путь, 2 — мать дает разрешение, 3 — Илья Муромец седлает коня, 4 — Илья Муромец отъезжает, 5 — Илья Муромец едет во «чисто поле», 6 — Илья Муромец видит вражескую силу, 7 — Илья Муромец размышляет, что ему делать, 8 — Илья Муромец рвет дуб и бьет им силу, 9 — Илья Муромец побеждает татар, 10 — Илья Муромец едет в Смольягин, 11 — Илья Муромец заходит в церковь, 12 — Илья Муромец кладет поклоны, 13 — Илья Муромец спрашивает, зачем горожане молятся, 14 — горожане сообщают, что собираются на войну, 15 — горожане говорят, что город окружен врагом, 16 — Илья Муромец сообщает, что прибил силу, 17 — горожане бегут смотреть, 18 — горожане видят, что сила уничтожена, 19 — горожане выспрашивают имя-отчество героя, 20 — Илья Муромец называет себя, 21 — горожане предлагают ему города с приселками, 22 — Илья Муромец отказывается, 23 — Илья Муромец спрашивает про дорогу прямоезжую на Киев, 24 — горожане рассказывают о трех заставах.

В варианте нашего сборника появляются мотивы, которых нет в «Былинах Пудожского края»: 25 — горожане молятся в церкви, 26 — горожане собираются на войну, 27 — горожане предлагают Илье остаться в Смольягине, 28 — Илья Муромец отказывается жить в Смольягине.

Получается следующая схема варьирования:

Парил.— Сойм., № 53 Сб., № 32	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Парил.— Сойм., № 53 Сб., № 32				12	13	14	15	16	17	18	
	25	26	+	+			+	+	+	+	
Парил.— Сойм., № 53 Сб., № 32						19	20	21	22	23	24
	27	28								+	+

Варьирование происходит за счет пропуска или вставки мотивов, не играющих важную роль в повествовании. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что некоторые из мотивов не являются строго эпическими (Илья Муромец спрашивает, зачем горожане молятся).

Теперь сравним словесные фрагменты вариантов:

Натягивал ён свой да тугой лук,
Кладал стрелоцку ён точеную,
Стрелке ён да приговаривал:
«Ты лети, стрелка, да не на воду,
Ты не на воду лети, стрела, не на землю,

Лети к Соловью птице рахматому,
 Упади-ка, стрелка, во право плечо,
 Сбей-ко Соловья да на сыру землю».
 Летела стрелоцка не на воду,
 И не на воду и не на землю,
 Упала во право плечо
 И сбила Соловья да на сыру землю.
 (Парил.— Сойм., № 53.)

Ср.:

Натягивал он только тугой лук,
 А тугой он лук со налуцником,
 Кладал стрелочку ён точеную,
 Тоценую-то ён, золощёную,
 А стрелоцки-то ён приговаривал:
 «Лети-ко ты, стрела, уж не на воду,
 Не на воду, не на землю,
 Лети-ко Соловью под право крыло,
 А рви-ко Соловья ты на сыру землю».
 Слетела стрелоцка не на воду,
 Соловью-то уж под право крыло.
 (Сб. № 32.)

Даже в таком маленьком отрывке чувствуется раскованное отношение сказительницы к тексту: меняются не только морфемы или вспомогательные слова, но и набор эпических лексем и формул. Некоторые из них чередуются с синонимичными: **упади-ко** — **лети-ко**, **рви-ко** — **сбей-ко**, **во право плечо** — **под право крыло** и т. д. Ряд строк не совпадает. Они являются либо вариациями уже известных по былине строк, либо взяты из общеэпического запаса (например «А тугой он лук со налуцником» — сб., № 32).

Заметное варьирование наблюдается и на уровне строф, которые опускаются, меняются местами, присоединяют к себе новые. Как правило, былины А. Л. Фадеевой сохраняются в пределах вариантов, поскольку импровизация все же не приводит к существенным качественным переменам в тексте. «По-видимому, Фадеева принадлежит к тем исполнителям, которые стремятся к точному усвоению и сохранению редакций былин, служивших непосредственным источником их знаний», — справедливо писали Г. Н. Парилова и А. Д. Соймонов об усвоении былин А. Л. Фадеевой (Парил.— Сойм., с. 39). Тем не менее сказительница тяготела к созданию контаминаций (см. из неопубликованных былин: «Илья Муромец и Соловей-разбойник, Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром, Илья Муромец, Ермак и Калин-царь» (20/77) и «Илья Муромец, Ермак и Калин-царь» (8/52). Правда, контаминации эти традиционны и вполне могли быть усвоены А. Л. Фадеевой уже в сложившемся виде.

Как и у сказителей I-го типа, ориентация на конкретные текстовые образцы продолжает преобладать в творчестве А. Л. Фадеевой, подчиняя собственно импровизационные приемы создания новых строк по эпическим и разговорным моделям.

И еще несколько слов о каноничности текстов сказительницы. Сказывание былин в ряде моментов заметно дезорганизовывало былинную строку и стих. Эпическая память А. Л. Фадеевой, нацеленная на конкретные единицы текста по преимуществу, не способствовала полноценному воспроизведению тех былин, которые по разным причинам пелись редко и вследствие этого забывались (например «Дюк»).

И все же первые собиратели былин А. Л. Фадеевой увидели в ней незаурядную творческую натуру, наделенную художественным чутьем (Парил.—Сойм., с. 39).

Ко II-му типу исполнителей принадлежит и пудожская сказительница А. Я. Малышева, знакомая нам по сборнику «Онежские былины». Записи Н. Н. Алексеева 1938 года от Анастасии Яковлевны позволили сравнить варианты «Соловья Гудиминовича» и «Старины про удалого молодца» с публикациями Ю. М. Соколова и В. И. Чичерова. Конечно, материал для обобщений не велик, но и он говорит о том, что А. Я. Малышева стремилась не только придерживаться сюжета, композиции и словесной стороны своих вариантов, но и находила свежие художественные решения. По сравнению с А. Л. Фадеевой она делала это реже, отдавая все же предпочтение выработанному самой относительно стабильному тексту.

Многими особенностями II-го типа исполнения отмечены и тексты поморских сказительниц А. В. Ивановой и А. И. Ефремовой. Их варианты публиковались в сборнике «Русские народные песни Карельского Поморья». Сюжетно-композиционный уровень их былин и баллад стабильнее, чем словесная сторона (см. примечания к текстам исполнительниц). Сравнение вариантов показывает, что, несмотря на определенные импровизационные склонности сказительниц, тексты их остаются в пределах уже выработанных вариантов. Отсутствие напева в ряде былин (например в «Потыке сыне Ивановиче» А. В. Ивановой) сказывается на былинном стиховом размере, строки становятся слишком короткими или слишком длинными.

А. В. Иванова и А. И. Ефремова знают в основном баллады, то есть относительно малые по объему тексты, которые у всех типов сказителей обычно стабильнее, нежели былины. Но даже в балладах прослеживается тенденция опускать одни мотивы, включать новые, повторять мотивы, менять их местами, нарушая в целом композиционное построение текста. У А. В. Ивановой и А. И. Ефремовой вариация всегда проходит в пределах запаса былинного знания, характерного для данного текста сказительниц. Гораздо реже привлекается общебылин-

ный фонд мотивов, строк, строф и словесных компонентов — формул, лексем.

Группа сказителей II-го типа оказалась самой многочисленной и, несмотря на типологическую общность, в ней есть индивидуальности.

Любопытна в плане сравнения с исполнителями II-го типа фигура замечательного заонежского сказочника и сказителя П. Г. Горшкова. Репертуар его велик и частично отражен в «Былинах Севера». Учителями Петра Григорьевича были отец и дед, но былины от них не записаны, так что нет возможности изучить процесс обучения сказителя искусству сказывания. Дополнительные варианты сказителя, опубликованные в нашем сборнике, могут лишь уточнить его манеру воспроизведения собственных текстов.

А. М. Астахова посвятила много строк творчеству П. Г. Горшкова. Он удивлял тем, что стиль и стих его не являлись строго эпическими и заставляли видеть в сказителе разрушителя традиции и очевидного импровизатора. В действительности передача П. Г. Горшковым текстов оказывалась «очень уверенной». Переход от пения к сказыванию, к созданию былинных строк, имеющих только дактилические окончания, а в остальном сильно нарушающих канон, позволили А. М. Астаховой считать П. Г. Горшкова сказителем-«рассказчиком». Исполнительскую манеру сказителя исследовательница объясняла влиянием книг и сказок. Вместе с тем, полной картины творчества Петра Григорьевича не возникало, и сама А. М. Астахова не решалась отнести его к какому-нибудь типу, противопоставив по стилю рассказчика сказителям с «классической» манерой исполнения (I-й тип).

Обратимся, однако, к самим текстам. Сопоставим два фрагмента былины о женитьбе Дуная и князя Владимира, записанной от П. Г. Горшкова в разное время (Аст., № 158, сб., № 2). Набор мотивов в варианте А. М. Астаховой следующий: 1 — пир у Владимира, 2 — Владимир похаживает по горнице, 3 — Владимир просит богатырей найти ему невесту, 4 — гости пугаются, 5 — Бермята встает из-за стола, 6 — Бермята рассказывает о двух дочерях Литовского короля, 7 — Дунай встает из-за стола, 8 — Дунай сообщает, что служил у короля в Литве, 9 — Дунай рассказывает о двух дочерях Литовского короля, 10 — Владимир наливает чару «зелена вина», 11 — Владимир подносит чару Дунаю, 12 — Владимир просит выпить чару, 13 — Владимир приказывает Дунаю достать ему невесту, 14 — Владимир предлагает войско и казну, 15 — Дунай пьет вино, 16 — Дунай отказывается от войска и казны, 17 — Дунай просит дать ему в помощь Добрыню, 18 — Дунай просит приготовить жеребцов, 19 — Дунай просит писать «ярлыки скорописчаты», 20 — Дунаю готовят жеребцов, 21 — Добрыня и Дунай подходят к ним, 22 — Добрыня и Дунай уезжают. В нашей публикации есть также

мотивы, которые отсутствуют в варианте А. М. Астаховой: 23 — князь Владимир подносит вино Добрыне, 24 — Владимир приказывает Добрыне ехать с Дунаем за невестой, 25 — Добрыня и Дунай выходят на двор.

Аст., № 158	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Сб., № 2	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Аст., № 158	14	15	16	17								18	19
Сб., № 2	+	+	+	+		10	23	24	25	+	+		
Аст., № 158	20	21	22										
Сб., № 2	+		+										

Фрагмент варьирует за счет изменения набора некоторых несюжетобразующих мотивов: подношения чары «зелена вина» Добрыне, выпивания вина Добрыней, появления героев на дворе. Приказ князя Владимира ехать Добрыне за невестой является повтором известного мотива — приказа достать невесту князю Владимиру. Эти изменения не вносят новых смысловых оттенков в текст.

Довольно устойчивы сюжет и композиция другой былины Петра Григорьевича — «Ставра Годиновича» (см. анализ вариантов в примечаниях к тексту № 3).

Что касается словесной стороны текстов П. Г. Горшкова, то высоко стабильные пассажи в них чередуются с довольно мобильными. Вот показательный пример:

Говорит тут Дунай Иванович да к Настасьи-королевичне:
«Ты пойдем-ко со мной во чисто полё,
Стрелять из туга лука».
Тут вить вышли они во чисто поле.
Как поставила Настасья-королевична Дуная Ивановича,
Как столоп стоять.
Положила ему кольцо на голову,
И в кольцо вставила перочинный ножичек,
И отмерила от него пятьсот шагов.
Натянула свой тугий лук,
Положила калену стрелу.
И как ударила калена стрела
Прямо в остре ножичка,
Расколось на две половиночки,
Расколось, хоть на вес положь.
Тут отмерил Дунай сын Иванович
Пятьсот шагов от Настасьи-королевичны,

Он ведь первый раз стрелил — перестрелил,
Он второй раз стрелил — не дострелил.
Третий раз стрелил — стрелу найти не могли.
(«Женитьба Дуная и князя Владимира», Аст., № 158.)

Ср.:

Тут Дунай да свет Иванович ведь рассержается:
«Ты пойдём на стрельбище со мной, Настасья-королевична,
Кто у нас окажется из туга лука стрелок — ты аль я?»
Вот как вышла вся свита княженицкая во чисто поле.
Тут Настасья-королевична
Поставила Дуная свет Ивановича как столб стоять.
И положила кольцо на голову,
И вставила в кольцо перочинный нож,
И отмеряла от Дуная свет Ивановича пятьсот шагов.
Как натянула свой тугой лук
И наложила жалёну стрелочку пернатую,
Свыла тетива шелковая,
Полетела калена стрела пернатая,
Она ударила в остреё ножовое,
Разлетелось на дви половиночки,
Хоть на вес клади.
Тут положил Дунай да свет Иванович
Настасье-королевичной кольцо на голову
И приставил перочинный ножичек.
Он отмерил от ей ведь пятьсот шагов.
Первый раз стрелиу — перестрелил,
Другой раз стрелиу — недострелиу,
Третьей раз стрелиу — стрелы не нашли.
(Сб., № 2.)

Формы варьирования строк очень разнообразны: здесь и замена морфем, фонем, вспомогательных слов, чередование синонимичных эпических лексем и формул (раскололось — разлетелось, второй раз — другой раз и т. д.), пропуск их или вставка новых, изменение синтаксиса строк («Ты пойдём-ко со мной во чисто полё,/Стрелять из туга лука», ср.: «Ты пойдём на стрельбище со мной, Настасья-королевична,/Кто у нас окажется из туга лука стрелок — ты аль я?»). Аналогичные метаморфозы произошли и с набором строк: ряд из них пропущен, но это компенсируется появлением других строк, большинство из которых представляют собой повторы уже известных строк и созданы по эпическим образцам.

Большая подвижность строк и внутренних их компонентов наблюдается в былине о Ставре, текст которой хуже организован метрически и потому, видимо, более изменчив, особенно в конце. Не случайно А. М. Астахова отмечала, что «ни одна былина не допевается им (П. Г. Горшковым.— Н. Ч.) до конца»

(Аст., т. II, с. 332). Стабильнее всего те пассажи, которые принадлежат к категории «общих мест». На их фоне специфические мотивы и формы их выражения выглядят значительно изменчивее.

Тексты П. Г. Горшкова нельзя назвать очень каноничными. Импровизационные способности исполнителя не всегда удачно материализуются: в былинах П. Г. Горшкова можно встретить и неэпическую синтаксическую конструкцию, и неэпическую лексему или формулу. Эмпирическое переосмысление повествования и способов его выражения объясняется импровизационными тенденциями в творчестве сказителя. Обычно исполнители импровизационного плана заметно расширяют текст. Размеры былин П. Г. Горшкова увеличиваются или уменьшаются совсем незначительно, а некоторые из них, напротив, обнаруживают стремление сказителя к свертыванию рассказа («Ставр Годинович», «Женитьба Дуная и князя Владимира»). Несмотря на индивидуальные особенности манеры П. Г. Горшкова, его следует отнести ко второму типу сказителей по характеру воспроизведения своих текстов. Его эпическая память выделяет как конкретные текстовые единицы, так и модели, но первая тенденция доминирует. Варьирование осуществляется в основном на базе эпического запаса данной быliny, в меньшей степени — всего былинного фонда и эмпирической действительности. Изменчивость текстов не приводит к созданию новых редакций и версий — это также показатель относительной стабильности текстов П. Г. Горшкова.

Некоторые черты исполнения П. Г. Горшкова — стремление в ряде случаев свернуть повествование, нарушить былинный размер — становятся определяющими у заонежского сказителя М. Е. Самылина и пудожской сказительницы К. Е. Ремизовой, вдовы Н. А. Ремизова.

Из былин М. Е. Самылина дважды записана лишь былина о Ставре (Аст., № 161, сб., № 13). В варианте А. М. Астахова² больше прозаизации, чем в нашем варианте. Сказитель минимально варьировал набор мотивов: лишь в одном месте он изменил их состав и последовательность — Настасья состязается в стрельбе из лука, Настасью испытывают в бане. Ср. наш вариант: Настасья состязается в стрельбе из лука, борется с богатырями, ее испытывают в бане.

Интересно сравнить словесные отрывки из двух записей:

Как во славном городе во Киеве,
Как у славного у князя у Владимира,
Был-то собранный да почетный пир,
На многие на князи да на бояра,
На сильные могучии богатыри,
Да на многие на гости на торговьи.
Они вси на пиру наедались и напивались,

Они пьяным-то разумом да порасхвастались.
Князи-бояры хвастаются заслугою и богатством, и конями,
Сильные могучие богатыри силою,
А Ставёрст сын Годинович ничем не хвастает.
Тут преговорит Владимир-князь солнышко таковы слова:
«Что же ты, Ставёр, ничем не хвастаешь?»
Тут проговорит Ставёр да таковы слова:
«Ай же солнышко Владимир столно-киевский,
Еще умный-то хвастат отцом-матерью,
А безумный-то хвастат молодой женой
(Он себя вроде безумным называет):
У меня у Ставра у Годиновича
Есть молодая Василиста Никулична,
Она весь Киев-град с ума сведет,
А князя Владимира в полон поведет».
(Аст., № 161.)

Ср.:

Как во славном во городе во Киеве,
У стольного князя Владимира
Был-то собран да почетный пир,
На многие на князи и на боера
И на многие да на гости на торговые,
И на многие на сильные могучие богатыри.
Наедались и напивались,
И да допьяным-то разумом порасхвастались.
Князья и боера хвастаются конями.
А гости торговые хвастают торговлею,
Что заморские товары были дороги,
А сильные могучие богатыри хвастаются силою.
Князь Владимир говорит таковы слова:
«Что же ты, Ставер сын Годинович, нечим не хвастаешь?»
Говорит тут Ставер таковы слова:
«Нечем мне похвастать, Ставрусочку Годиновичу.
Отцом-матерью похвастать —
В живых нет у меня, у Ставра сына Годиновича,
Хвастать — не хвастать молодою женой —
У меня, у Ставра сына Годиновича,
Есть молодая Василиста Никулична.
Она Киев-град весь с ума сведет,
А князя Владимира в полон проведет».
(Сб. № 13.)

В приведенном отрывке стабильные по составу и синтаксису строки сочетаются с заметно измененными. Некоторые строки пропущены, другие взяты из общеэпического запаса, ряд строк повторяется. Есть и строки явно неэпические, но построенные

по традиционным былинным образцам: «А гости торговые хвастают торговлею, Что заморские товары были дороги».

Сжатость изложения былин, разрушенный стих, перешедший местами в прозу, объясняются забыванием старин М. Е. Самылиным, который их «пел смолоду», но запамятовал. Вероятно, редкое исполнение былин ускорило процесс их распада. В текстах Самылина сохранены сюжетообразующие, ключевые мотивы повествования («Добрыня и Алеша», № 11, «Женитьба Дуная и князя Владимира», № 12).

Тенденции к свертыванию повествования и переходу к прозе особенно показательны для былин К. Е. Ремизовой. По словам Ксении Егоровны, былины она выучила в основном от мужа, Никиты Антоновича Ремизова, знаменитого пудожского старинщика. Однако сравнение их вариантов свидетельствует и о других источниках былинного знания К. Е. Ремизовой. Сказительница сообщила, что первыми ее учителями были сказители с Купецкого озера, откуда она родом. Это подтверждается и анализом текстов Ксении Егоровны (см. комментарии к ее былинам). Разнородность и неизвестность ряда источников ее былин препятствует детальному изучению ее творчества. Репертуар Ремизовой велик, но большинство текстов сказывалось или сбивалось на прозу. Былины передавались Ремизовой, как правило, в сильно сокращенном виде. В них присутствовали только ключевые сюжетообразующие мотивы (см., например, из опубликованных «Добрыня и Алеша», «Алексей человек божий»). Создается впечатление, что сказительница не очень хорошо знала былины, а со временем и вовсе стала их забывать.

М. Е. Самылин и К. Е. Ремизова относятся к III-му типу исполнителей. Их эпическая память фиксирует в основном те сюжетообразующие мотивы, которые актуальны для повествования, следствием чего является свертывание текста. Сказители этой группы слабо владели конкретными текстовыми единицами и, разумеется, не способны были создавать эпические строки, строфы, группы мотивов по известным былинным образцам. В их текстах заметно проникновение эмпирических представлений и разговорных синтаксических конструкций, неэпической лексики. Былины в их исполнении часто становились побывальщинами или простым пересказом, чему способствовала потеря мотива и былинного размера, который даже в отсутствие напева обычно сохраняет свою формообразующую функцию (см., например, в былинах П. Г. Горшкова, И. А. Степановой, А. Л. Фадеевой).

Среди представленных в сборнике сказителей обращает на себя внимание Анна Михайловна Пашкова. Имя ее известно специалистам и по былинам, и по причитаниям. В каждом из жанров Анна Михайловна проявила себя как высокоодаренная исполнительница. Былинный репертуар ее обширен, но, к сожалению, повторных записей мало: «Молодец и королевична»

(Парил.—Сойм., № 12, сб., № 24), «Дюк Степанович» (Парил.—Сойм., № 10, сб., № 23). Сказительству Анна Михайловна научилась в молодости, слышала былины от различных старинщиков, а также знала их по книгам (см., например, «Дюк Степанович», «Садко»).

Сравним фрагменты двух вариантов из былины о Дюке. Набор мотивов в публикации Парил.—Сойм., № 10 следующий: 1—Дюк Степанович живет во Индии богатой, 2—Дюк просит у матери разрешения поехать в Киев, 3—мать уговаривает его не ехать, 4—Дюк настаивает на своем, 5—Дюк выходит из палаты, 6—Дюк седлает коня, 7—мать выходит к сыну, 8—мать спрашивает, куда он едет, 9—мать просит Дюка помолиться и поехать на дорогу, 10—мать разрешает ему ехать, 11—Дюк идет в гридню, 12—Дюк выполняет просьбу матери поехать на дорогу, 13—Дюк прощается с матерью, 14—Дюк отправляется в путь, 15—Дюк замешкался в дороге, 16—Дюк подъезжает к Киеву. В нашем варианте есть дополнительные мотивы: 17—Дюк идет на двор, 18—Дюк идет в конюшню, 19—Дюк привязывает коня к столбу, 20—Дюк любит коня, 21—Дюк слушается мать, 22—мать спрашивает Дюка, когда и откуда его ждать, 23—Дюк отвечает, 24—мать сообщает о трех заставах, 25—Дюк молчит, 26—Дюк снаряжается, 27—Дюк молится Спасу-образу, 28—Дюк перескакивает на коне через стену, 29—Дюк уезжает, 30—Дюк едет прямо-езжей дорогой, 31—Дюк подъезжает к первой заставе; 32—угроза на заставе, 33—конь пугается, 34—Дюк бьет коня, 35—Дюк ругает коня, 36—Дюк бьется палицей, 37—Дюк преодолевает заставу, 38—Дюк подъезжает ко второй заставе, 39—застава угрожает ему, 40—Дюк бьет плеткой коня, 41—конь убивает змей, 42—Дюк подъезжает к третьей заставе, 43—застава угрожает ему, 44—конь спотыкается, 45—Дюк удивляется, 46—Дюк преодолевает заставу, 47—Дюк заезжает на двор князя Владимира.

Сравнение двух сюжетно-композиционных схем выглядит следующим образом:

Парил.—Сойм., № 10 Сб., № 23	1	2	3	4	5	6	7				
	+	+	+	+		17	18	+	19	20	+
Парил.—Сойм., № 10 Сб., № 23	8	3	9	10		11	12	13			
	+		+	+	21	+	+	+	22		
Парил.—Сойм., № 10 Сб., № 23						14	15	16			
	23	24	25	26	27	+					
Парил.—Сойм., № 10 Сб., № 23	28	29	30	31	32	33	34	...	40		

Варьирование фрагмента былины о Дюке А. М. Пашковой заметно отличается от тех типов варьирования, о которых уже шла речь. Во-первых, поражает размах импровизации: в тексте нашего сборника набор мотивов увеличился в два раза, появились не только несюжетообразующие мотивы (этикет, интеллектуальные и эмоциональные реакции персонажей), но и главные, сюжетообразующие (мотивы трех застав и их преодоления Дюком). Во-вторых, А. М. Пашкова создала ряд неэпических мотивов (мать просит Дюка помолиться на дорогу и поесть, Дюк выполняет ее просьбу, Дюк удивляется испугу коня и т. д.). В-третьих, вследствие изменения набора мотивов последовательность их также варьировалась. Результатом подобной импровизации А. М. Пашковой явилось то, что вариант приобрел черты версии.

Теперь обратимся к словесной стороне былины:

Как по утрушку да по раннему,
Как встает вдова благочестивая
Да Наталья свет Тимофеевна,
Доносят слуги ее верныи,
Что стоит на двори богатырский конь,
На котором уехал Дюк Степанович.
Тута Дюкова матушка
Горючими слезами заливаецса,
На свою судьбу обижаецса.
«Как возростила я одного единого,
Своего ли сынушка любимого,
Как заносливо дитятко уродилося, захваствливо,
Чем-нибудь да, верно, порасхвасталса,
Положил он буйную головушку.
Ах вы слуги мои верныи,
Расседлайте коня богатырского,
Уберите доспехи молодецкии».
Как снимают седельшко черкасское,
Под седельшком увидели писемышко.
Получила письмо родна матушка,
Распечатала да горько плакала,
Она плакала слезами радости.
Прочитала письмо поскорёшенько,
Собирала платьица цветныи,
Положила в сундуки во тяжелыи
Все она доспехи богатырскии,
Чтоб хватило ему да на три года,
Чтобы в каждый день были платьица сменныи.
Всё поклали на коня богатырского,
Отправляли обратно во Кеев-град.
(Парил.— Сойм., № 10.)

А во тую ли да пору-времечко
 Как сидела Дюкова матушка
 Во своей ли гридни во столовую,
 А смотрела в трубочку подзорную,
 Куда уехал чадочко родимое.
 Видит, в полюшки да только пыль пылит,
 Без седока да Дюков конь бежит.
 Прибежал на тот боярский двор.
 Выходила Дюкова тут матушка,
 Та честна вдова Мамельфа Тимофеевна,
 Горючимы слезамы заливалася.
 Говорит она да таковы слова:
 «Ой, не в добрый час я чадочко спородила,
 А заносливо был дитятко, захвастливо,
 Чем-нибудь во Киеве расхвасталсе,
 Положил он, верно, буйную головушку».
 Говорит она да таковы слова:
 «Уж вы, парубки мои любимые,
 Расседлайте вы да коня доброго,
 Поставьте в стойла лошадиные
 Да насыпьте вы пшены белояровой».
 Тут-то парубки ее любимые
 Начали коня да раскольчуживать.
 Под седельышком да под черкальсьским
 Видят ярлыки да скорописчатые.
 Тут честна вдова Мамельфа Тимофеевна
 Распечатала да горько плакала,
 Во слезах словечушко промолвила:
 «Верно нет в живых да чадочка родимого».
 А прочитала — взродалася.
 Та честна вдова Мамельфа Тимофеевна
 Скоро брала золоты ключи,
 Укладала цветны платыца,
 А во теи ли да тяжелы ларцы
 Наложила платья самолучшие.
 «А хватило бы ему да на три года».
 Привязала к седельышку черкасскому.
 (Сб., № 23.)

Сохранив общий смысл фрагмента — «помощь матери Дюку» — Анна Михайловна сильно изменила состав мотивов и, соответственно, способ их выражения. Совпадающих строк крайне мало, многие взяты из эпического запаса, «обслуживающего» данную былинку сказительницы, многие принадлежат общеэпическому фонду: например строки, относящиеся к мотиву глядения в трубочку подзорную, строки, которые обычно используют при описании расседлывания коня, строка «Скоро

брала золоты ключи» и многие другие. Ряд строк вообще нельзя назвать эпическими ни по смыслу, ни по конструкции, ни по лексическому их наполнению: «На свою судьбу обижается», «Уберите доспехи молодецкие», «Получила письмо родна матушка» (Парил.—Сойм., № 10), «Куда уехал чадочко родное», «Без седока да Дюков конь бежит», «А прочитала — взродавалася» (сб., № 23). Строки эти возникли на основе применения эпических и неэпических моделей:

Уберите доспехи молодецкие

(Парил.—Сойм., № 10.)

Ср. образец:

Расседлайте вы да коня доброго
(Сб., № 23.)

Или:

Доносят слуги ее верныи

(Парил.—Сойм., № 10.)

Ср. образец:

Говорит Мамельфа Тимофеевна

(Или все прочие строки, базирующиеся на конструкции «Говорит...» + название персонажа).

Все перечисленные способы варьирования текста являются доминантными для А. М. Пашковой. Они сочетаются с такими приемами, которые делают текст не столь изменчивым, как у А. М. Пашковой, и присущи трем другим типам исполнительства: это введение и пропуск вспомогательных слов, эпических лексем в строке, замена их на синонимичные (**слуги верныи — парубки любимые, конь богатырский — конь добрый, писёмышко — ярлыки скорописчаты**).

Баллада «Молодец и королевична» А. М. Пашковой, хотя и мала по объему, но также претерпела значительные для такого текста изменения (о них см. в примечаниях к № 24).

Сказительница сама сознавала текучесть своих текстов: «Немного слыхала, а остальное сама» (Парил.—Сойм., с. 24). Импровизационные навыки А. М. Пашковой как причитальщицы, стремление к психологическому мотивированию поступков, характерное для жанра причитаний, оказали несомненное воздействие на тип воспроизведения былин, на их каноничность. По справедливому замечанию Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова, «она принадлежит к числу сказителей-творцов, у которых индивидуальное начало проявляется особенно сильно» (Парил.—Сойм., с. 24). Эпическая память сказительницы отмечена

ярко выраженным «грамматизмом», то есть способностью легко манипулировать единицами различных уровней, соединять их друг с другом в единый текст. Для А. М. Пашковой актуальны смысловые и структурные доминанты текста — сюжетообразующие мотивы, строфы и строки, являющиеся носителями этого основного смысла, а в строках — опорные в смысловом и структурном отношении эпические лексемы. Материалом для импровизаций служат не только эпические, но и общефольклорные и бытовые познания сказительницы. Итогом подобного свободного отношения к текстам явилось возникновение новых редакций и версий сюжетов. Одним из доказательств импровизационной природы искусства А. М. Пашковой следует считать создание продуманных и мотивированных контаминаций, которые в основном принадлежат ей самой (см. былины в нашем сборнике и в сборнике «Былины Пудожского края»). А. М. Пашкова, безусловно, более традиционна, нежели, например, знаменитая Марфа Крюкова, однако наряду с такими сказителями, как Г. А. Якушов, П. С. Пахолова, сестра Марфы Крюковой, И. Т. Фофанов и другие, она принадлежит к IV-му, импровизационному типу исполнителей.

В сборник включены и былины пудожских сказителей А. С. Логинова, А. А. Портнягина, которые знали по несколько довольно редких былин («Наезд литовцев» А. А. Портнягина, «Иван Гоудинович» А. С. Логинова). Тексты этих исполнителей отличаются хорошей сохранностью сюжета и композиции, несмотря на то, что они не пелись, а сказывались. Хотя стилистика текстов и позволяет сделать некоторые наблюдения над манерой их восприятия и воспроизведения, отсутствие повторных записей от сказителей затрудняет исследование их творчества.

Нами опубликованы неизвестные ранее былины И. Т. Фофанова, духовные стихи и баллады С. С. Фофановой, которые по своим эстетическим достоинствам заслуживают быть обнародованными.

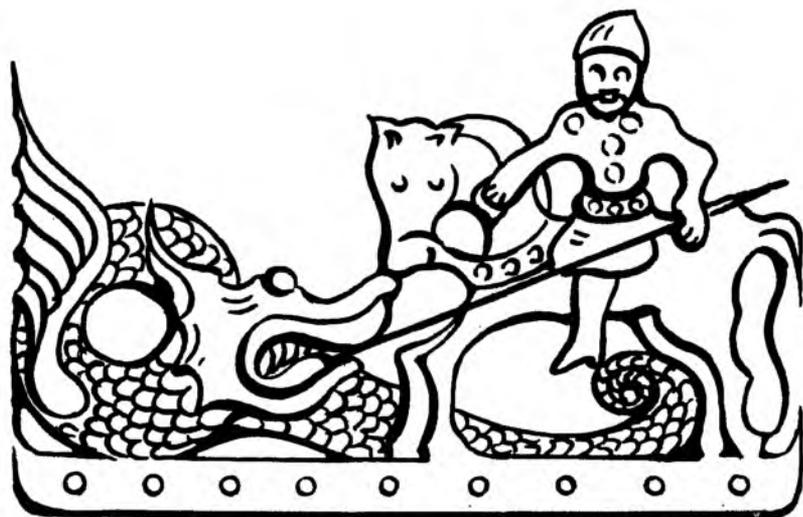
Расширилось и наше представление о районах бытования некоторых сюжетов. Из всего объема русских эпических песен, имеющих в Научном архиве Карельского филиала АН СССР, большая часть записей былин приходится на Пудожский район и Заонежье. Здесь былинная традиция была гораздо богаче и разнообразнее, чем в Поморье. Наиболее распространенными являлись героические былины. В записях из Поморья преобладают духовные стихи, былины новеллистического характера, баллады. Среди них выделяются по своему содержанию духовные стихи неэпического склада. Они посвящены описанию жизни монахов и пустынников, философским размышлениям о жизни и смерти. По-видимому, большое влияние на развитие этих жанров в Поморье оказало старообрядчество. Таким образом, тот архивный материал, который послужил основой для

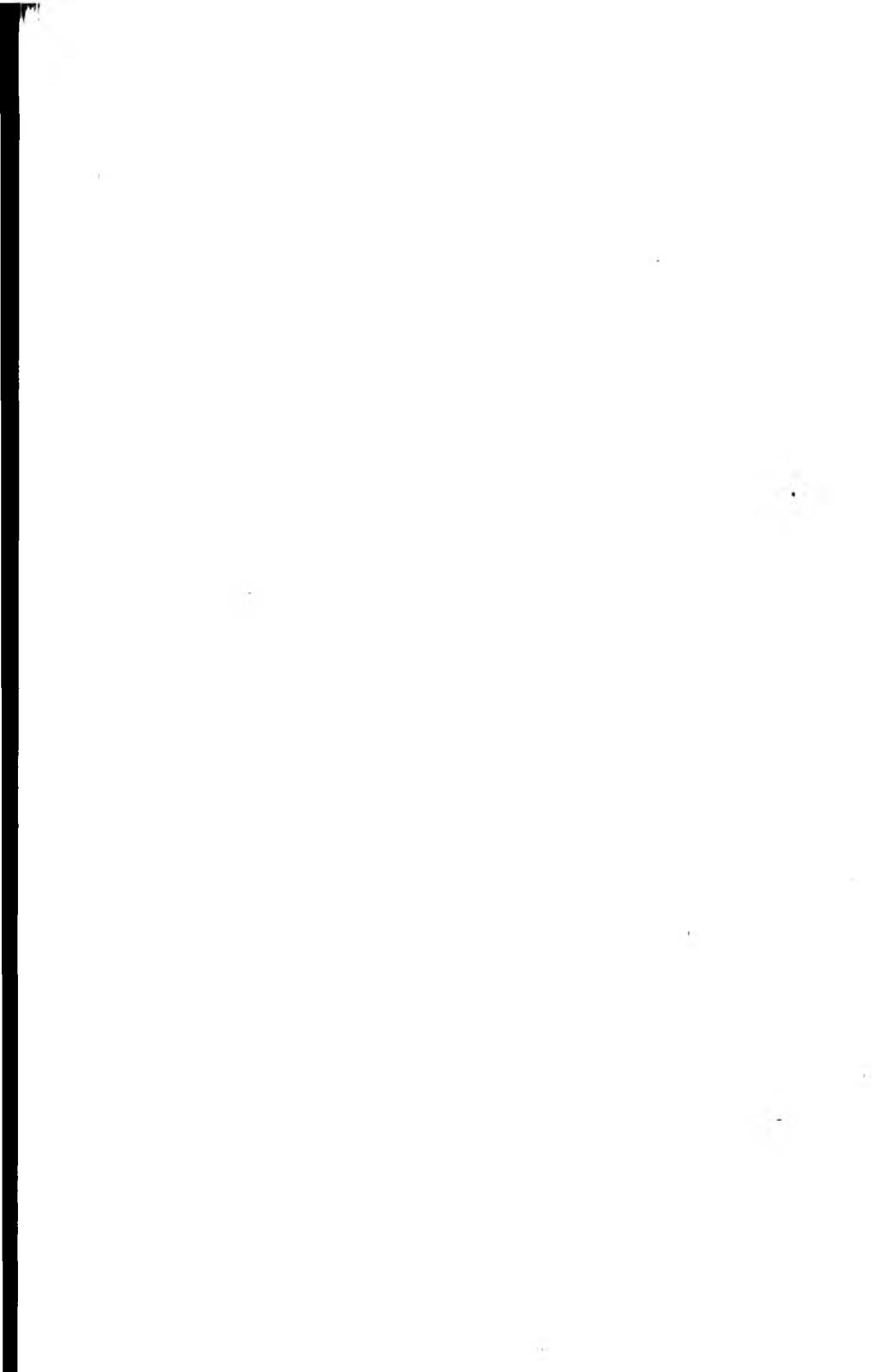
настоящего сборника, еще раз подтверждает вывод А. М. Астаховой о неравномерном распространении эпической традиции, состава и характера эпических репертуаров на Русском Севере¹.

Привлечение новых материалов из архива Карельского филиала АН СССР открыло нам имена новых сказителей Карелии, которые незаслуженно забыты, хотя их репертуар и его художественные достоинства несомненно вызывают интерес. Расширилось и наше представление о районах бытования некоторых сюжетов. Публикация вариантов былин уже известных фольклористике сказителей способствовала выяснению типологических характеристик их творчества и места в севернорусской былинной традиции.

¹ А. М. Астахова. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966, с. 215.

Занежые

ПЕТР ГРИГОРЬЕВИЧ ГОРШКОВ

В своей автобиографии Петр Григорьевич сообщает, что родился 27 августа 1875 г. в д. Демидово Заонежского района (нын. Медвежьегорский р-н) (122/14). П. Г. Горшков известен фольклористам не только как исполнитель былин, но и как замечательный сказочник. Причем, сам сказитель предпочитал сказки. «Былинному искусству он научился от отца — Григория Павловича и деда — Павла Перфильевича» (Аст., т. II, с. 333).

В архиве содержатся неопубликованные тексты П. Г. Горшкова: 1) Контаминированная былина «Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и Чернигов-град», «Илья Муромец и Идолице», «Илья Муромец и Святогор», «Три поездки Ильи Муромца», «Илья Муромец и сын» — 70/1, опубл. вариант: Аст., № 157; 2) «Иван Грозный и сын» (70/2).

Творчество сказочника П. Г. Горшкова охарактеризовано И. В. Карнаухова (Карнаухова, 1927, с. 81). О былинном искусстве сказителя см.: Аст., 1927, с. 81—87, 102, а также Аст., т. I, с. 85—86; т. II, с. 332—333 (здесь же и биография).

1. ДОБРЫНЯ И ОЛЁША

- ¹ Как пришел Добрыня со пира со княжецкого к своей матушки.

«Ты послушай-ко, моя да родна матушка,
Ты честна вдова Марферфа Тимофеевна,
Ты зачем меня породила богатыря,

- ⁵ Ты б породила меня да синим камешком,
Уж ты бросила б меня до во синё морё,
Чтоб добры людюшки не зарились,
Князья-бояре не завидовали.

Вот отправил меня солнышко Владимир-князь
да стольне-киевской

- ¹⁰ На застави на-турецкие». Утром рано тут ранешенько
Стал справляться тут Добрынюшка Никитинич.

- Он выводит как с конюшен коня до богатырского,
Он стал седлать да коня доброго,
- 15 Он положил войлучки,
А на войлучки положил потнички,
А на потнички седельце черкацкое,
Стал с молодой женой прощатися,
Что с молодой женой Настасьей да Микуличной,
- 20 Стал молодой жены наказывать:
«Ты послушай-ко, Настасья свет Никулична,
Ты сиди да у окна, да й в окно гляди,
Ты ведь год да жди,
Да жди и три году,
- 25 Если не вернется Добрынюшка Никитич
Да через три года да со чиста поля,
То хоть вдовой живи да хоть замуж поди,
Только не ходи ты замуж за Олёшку Поповича,
А Олёшка Попович мни крестовой брат».
- 30 Вот прошло уж тому времечки ровно три годы,
Тут ведь начал Олёшка Попович подхаживать,
Он ведь начал Настасью Микуличну подсватывать.
А Настасья Микулична все отказывала,
Не хотела она выйти замуж за Олёшку Поповича.
- 35 А миновало тогда времечко уж пять-то лет,
А от Добрынюшки Никитича
Нет письма, нету ни грамотки,
Никакого нет известия.
Написали тут письмо подложное,
- 40 Что Добрынюшки Никитича уж в живых нет,
Его ручки-ножки порасстрелены,
Буйна голова под кустышком.
Тут ведь сам-то солнышко Владимир-князь
да стольне-киевский
Начал сам с Олёшкой Поповичем подхаживать
- 45 И Настасью Никуличну подговаривать.
Тут послушалась Настасья Микулична князя Володимера,
Согласилась идти замуж за Олёшку за Поповича.
Тут назначили пир да свадебку.
А в эту пору в это времячко
- 50 Что не пыль столбом стоит —
Со чиста поля молодой казак катит.
Тут ведь ехал-то Добрынюшка Никитич,
Он узнал, что творится во Киеве,
Он приехал как на свой, грит, боярский двор.
- 55 Через пять-то лет Микита бородой оброс
да приобматерел,
Не узнаёт да его родна матушка,
Не узнаёт да не надеется.
Говорит он своей матушке да таковы слова:

- «Ты послушай-ка, честна вдова Марферфа Тимофеевна,
 60 Я привез тебе ответ от сына нерадостной:
 Его в живых нет,
 Ручки-ножки порасстрелены,
 Буйна голова под кустышком.
 Он велел тебе отомнуть да кованы ларцы
 65 И подать мни на память гусли звонкие».
 Как получил он гусли звонкие,
 Он поехал на княженецкой двор, на пир, на свадебку.
 Там местечка были все да попризаняты,
 Одно местечко не занято, на кирпичной печеньки.
 70 Как сел Добрыня Никитич на кирпичну печеньку,
 Он ведь начал играть да в гусли звонкие,
 Он от Киева до Чернигова,
 От Чернигова да до Царя-града.
 Как услышала тут игру Настасья свет Никулична,
 75 Она велела тут позвать да игрока да ко столу
да ко дубовому,
 Она смотрит во ясны очи Добрынюшки Никитичу.
 Через пять-то лет Добрынюшка Никитинеч
 Он бородой оброс да приобматерел,
 Сразу не могла узнать Настасья Никулична
Добрынюшки Никитича.
 80 Как узнала она Добрынюшку Никитича,
 Говорит она да таковы слова:
 «Вы послушайте, князья-боярове,
 Удалы добры молодцы,
 А не тот мой муж, что со мной сидит,
 85 А тот мой муж, что у стола стоит».
 У стола стоит Добрынюшка Микитинеч.
 Она выходит с-за дубова стола
 И с Добрынюшкой здоровається,
 И ему да извиняється,
 90 Что не послушала наказа и совету Добрыни Никитича.
 Тут схватил как Добрынюшка Никитинеч
 Олешку Поповича да за желты кудри,
 Как вытащил его с-за стола дубового
 И начал его дубиной подорожной похаживать,
 95 А сам начал приговаривать:
 «Аще всякой черт женится,
 Да не всякому женитьба удається».
 Он ведь взял Настасью Никуличну да за белы руки,
 За перстни золочены
 100 И целовал-то во уста да во сахарные.
 Потом пошли да поехали на боярский двор к своей
матушки.
 Тут нельзя, грит, описать радости Марферфы
Тимофеевны,

Что вернулся сын с женой домой.
Тут и конец.

2. ЖЕНИТЬБА КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА (Женитьба Дуная и князя Владимира)

- Как во стольном было в городе во Киеви,
Как у ласкового князя у Владимира
Был почетный пир да столованьце.
На перу вси гости наедалися,
5 На перу вси гости напивалися.
Тут солнышко Владимир-князь да стольне-киевский стал
навесели,
- Он по светлой горницы запохаживал,
Он желтыма кудрямы запотряхивал.
«Вы послушайте, князя-бояре,
10 Удалы добры молодцы и сильные могучие богатыри,
Вы-ты все, грит, переженены,
Вси красны девицы замуж выданы,
Один я-то, солнышко Владимир-князь да
стольне-киевской,
- Не женат хожу, холостым слыву.
15 Вы приберите-ко мне невесту хорошую,
А хорошую-то да пригожую,
Чтоб была умом сверстна и лицом красна,
Плечом со мной наровни».
Все гости призамокнули,
20 Старшей прячется за младшего,
А от младшего ответа нет.
У того стола конца у нижнего
Там сидел-то старый Вермята сын Васильевич.
Как стаёт Вермята на резвы ноги,
25 Говорит Вермята таковы слова:
«Ты послушай-ко, солнышко Владимир-князь да
стольне-киевской,
- У короля в Литвы, у короля да у Литовского
Есть две дочери, две белых лебеди:
Старша дочь-то Настасья-королевична —
30 Тая за тебя замуж не пойдет,
И тебе, грит, ей не владать,
А вторая дочь Опраксия-королевична —
Она действительнѣ умом сверстна да й лицом красна,
А плечом с тобой будет наровни».
35 Как у того стола конца нижнего
Там сидел ведь молодой Дунай да свет Иванович.
Как скочил Дунай да на резвы ноги,
Говорит Дунай таковы слова:

«Ты послушай-ко, солнышко Владимир-князь
стольнѣ-киевский,

- 40 Правду говорит Бермята сын Васильевич:
У короля в Литвы да у Литовского
Девять лет я служил верой-правдою,
Я три года служил конюхом,
Я три года служил ключником
- 45 И три года служил стольником,
Хорошо я знаю королевичну.
Действительно, Настасья-королевична
Ездит во чистом поли полякует,
Ищет себе поединщиков.
- 50 А вторая дочь Апраксия-королевична —
Она лицом красна и плечом с тобой буде наровни,
Будет нам кому да поклониться».
Тут наливает солнышко Владимир-князь да
стольнѣ-киевский,
Наливат чару зелена вина,
- 55 Он не малую стопу, да полтора ведра,
Он подносит как Дунаю да Ивановичу.
«Выпей, выкушай, Дунай сын Иванович, чару зелена вина.
Ты умел как мне невесту повыхвалить,
Ты умеи невесту повывсватать.
- 60 Поезжай-ка ты да к королю в Литву да ко Литовскому,
Ты бери-ка войско сорок тысячей,
Золотой казны — сколько надобно».
Принимает чару единой рукой Дунай свет Иванович,
Он выпивает чару на единой дух,
- 65 И говорит он князю Володимеру да стольнѣ-киевскому:
«Ты послушай-ко, солнышко Владимир-князь,
Мне не надо войска сорок тысячей,
Золотой казны бессчетной,
Только дай мни, грит, удалого товарища Добрынюшку
Никитича.
- 70 Он роду есть боярского,
Он умеет речь вести,
А силой со мной наровне.
Мы вдвоем поедем к королю в Литву ко Литовскому,
Мы сосватаем Апраксию-королевичну».
- 75 Тут наливает солнышко Владимир-князь чару зелена
вина,
Он подносит да Добрынюшки Никитичу.
«Поезжай-ка ты с Дунаем да Ивановичем
В Золоту Орду к королю в Литву да ко Литовскому
Вы за добрым делом да за сватовством».
- 80 Принимает чару тут Добрынюшка Никитинич единой
рукой,
Выпивает чару за единой дух,

- «Ты послушай, батюшко король Золотой Орды,
Я приехал к вам за добрым делом, за сватовством,
Сватать Опраксию-королевичну
130 Как за нашего за солнышка Володимера».
Он положил ярлыки на дубовый стол
Королю Золотой Орды.
Как берет он да в руки ярлыки,
Говорит Дунаю Ивановичу таковы слова:
135 «Ты послушай-ка, Дунай да свет Иванович,
Если б не служил ты у меня да верой-правдою ровно
девять лет,
За такие поступки, грит, невежливые
Посадил бы я тебя в погреба глубокии:
Ты приехал сватать младшу дочь через старшую.
140 Если б приехал сватать Калин-царь Калинович,
Я бы то подумал, дать аль нет».
И бросает ярлык о дубовый пол.
Разгорелось тут как сердце богатырскоё,
Он здынул кулак да выше головы,
145 Он ударил кулаком о дубовый стол,
Стол на щепки разлетается,
Вся посуда на пол валится.
Тут скочил как с-за стола дубового,
Он накинуд кунью шубу себе на голову,
150 И бежит он на крыльцо королевское,
Он кричит да зычным голосом:
«Ой вы гой еси, да слуги верные,
Вы бежите-ка в покои королевские,
Вы вяжите-ко Дуная Ивановича
155 И посадите в погреба глубокие
На овес да его на воду».
А слуги на двори да вопом вопят:
«Ты послушай-ка, батюшка король Золотой Орды,
Неужель да из-за девки нам всим погибнуть?»
160 Как на том двори на королевском
Ездит там удалой доброй молодец,
Он коня-то водит в поводи,
Он побил люду несметное количество,
А сам только приговариват:
165 «Скоро-наскоро давайте нам Опраксию-королевичну,
А то в живых в Орды да не оставим ни единого».
Тут бежит король да Золотой Орды
Он в свои гридни королевские,
Говорит он Дунаю да Ивановичу:
170 «Ты послушай-ко, Дунай да свет Иванович,
Ты уйми-ко на дворе товарища,
Чтоб не бил он люду литовского,
Бог, грит, с вами, с Апраксией-королевичной!»

- Но Дунай да свет Иванович
 175 Не бежал на королевский двор,
 Он бежал ведь в терема высокие,
 Где находилася Опраксия-королевична,
 Он ведь двери со стойками выдергивал.
 Как вбежал он в терема высокие,
 180 Там только стала Опраксия-королевична со сна
 грядущего
 В своей тонкой ночной рубашки.
 «Многолетно здравствуй, государыня Опраксия-
 королевична!
 Как тебя, да государыня, бог милует?»
 «Ах добро, добро, грит, пожаловать, Дунай да свет
 Иванович.
 185 Ты чего, грит, к нам в Орду пожаловал?
 Ты служить ли верой-правдою?»
 «Вы послушайте, Опраксия-королевична,
 Я приехал к Вам да со сватовством,
 А ведь сватать Вас за нашего солнышка за князя
 за Владимира».
 190 «Вы послушай-ка, Дунай да свет Иванович,
 Я три году богу руському молилася,
 Чтоб быть замужем за солнышком за князем
 за Владимиром».
 «Ты послушай-ка, Опраксия-королевична,
 Ты умывайся-ко белешенько,
 195 Одевайся-ко скорешенько,
 Вы поедете-ко с нами на святую Русь».
 Тут Опраксия-королевична
 Умываласи белешенько,
 Одеваласи скорешенько.
 200 Оседлали ей коня доброго.
 Только видели их сядучи,
 А не видели поедучи.
 Во поли, грит, пыль столбом стоит.
 Вот долго ль, коротко оны ехали,
 205 Настигла на дороги ночка темная.
 Росседлали оны добрых коней, отреножили
 И спустили во чисто поле.
 Войлучки положили под себя,
 А сидёлышки клали в головы,
 210 Апраксию-королевичну клали в серединочку,
 А самы легли по крайчикам.
 И утром рано тут ранешенько
 Как выходит Дунай да свет Иванович
 Посмотреть добра коня,
 215 Он ведь видит во чистом поли
 Да мать сыра земля колыблется,

- Пыль столбом да поднимается.
Он скоро-наскоро вбегает в бел шатер,
Говорит он Добрынюшки Никитичу:
220 «Ты послушай-ка, Добрынюшка Никитич,
Ты вставай-ка ведь скорешенько,
Да седлай-ко ты добрых коней,
Да поезжайте с Апраксией-королевичной в Киев-град,
А я поеду на обратный путь,
225 Есть за нами ведь погоня Золотой Орды».
Тут Добрыня Никитич
Скоро-наскоро оседлау добрых коней,
Поскакау с Опраксией-королевичной во Киев-град,
А Дунай да свет Иванович
230 Поскакау да и в обратный путь.
Недолго пришлось ехать Дунаю свет Ивановичу
в обратный путь.
Как увидел он, навстречу едет удалый добрый молодец,
Как увидел Дуная он Ивановича,
Закричал он зычным богатырским голосом:
235 «Ах вы воры, воры киевски,
Вы ведь воровски увезли Опраксию-королевичну!
Докажу я ворами киевским,
Как воровать вам девок в Золотой Орды!»
Тут съехались оны на поединочек.
240 Как ударили себя да копьями булатнима,
Дунай да свет Иванович
Он сидел в седли, не покачнулся,
А удалой добрый молодец
Он слетел с коня, как овсяной сноп.
245 Повернуу копьё острым концом
Дунай да свет Иванович,
Наступил на удалую поленицу.
Схватил да за острий копьё,
Говорит Дунаю таковы слова:
250 «Вы послушай-ка, Дунай да сын Иванович,
Я три года во чистом поле езжу полякую,
И завет у меня положен:
Кто меня с седла сшибет,
За того я и замуж пойду.
255 Я есть не удалая поленица,
А Настасья-королевична».
Соскочилу как тут Дунай да свет Иванович со добра
коня,
Он берет Настасью-королевичну за руки белые,
Он целует ю во уста сахарные.
260 Тут Настасья-королевична
Зашла в шатер да переделася,
И поскакали оны в Киев-град.

- Долго ль, коротко оны ехали,
 В Киев-град приехали.
- 265 Тут Дунай Иванович спросил у бояр да киевских:
 «А что творится во Киеви?»
 Бояре отвечают Дунаю да Ивановичу:
 «Солнышко Владимир-князь да стольнѣ-киевский
 Он поехал в собор Софиевской
- 270 Венчаться с Опраксией-королевичной».
- Поскакали вслед Дунай да свет Иванович
 Со своей Настасьей-королевичной.
 На церковных тут ступенях дви сестрицы сходятся,
 В одной купели сестрицы крестилися,
 275 В одном собори, грит, и повенчались.
 Тут ведь солнышко Владимир-князь да стольно-киевский
 Он ведь сделал пир на семь дней.
 На пиру вси гости наедалися,
 На пиру вси гости допьяна напивалися.
- 280 Тут Дунай да свет Иванович
 Он подвыпил, стал навесели,
 Он по светлой горницы княженецкою запохаживал,
 Да стал и Дунай да свет Иванович похвастывать:
 «Вы послушайте, князья-боярове,
- 285 Удалы добры молодцы и сильные богатыри,
 Как найдется ли такой еще добрый молодец
 Дунай да свет Иванович?
 Он ведь съездил к королю Литовскому,
 Он ведь высадил оттуда дви белых лебеди,
- 290 Одну лебедь взял да за себя,
 Другу лебедь за солнышко за князя за Владимира».
- Тут стает как Настасья-королевична
 За дубовым столом на резвы ноги,
 Говорит Настасья-королевична таковы слова:
 295 «Ты послушай-ко, Дунай сын Иванович,
 Я недолго в Киеви побыла,
 Но я много в Киеви увидела:
 Нет ведь краше солнышка князя Володимера,
 Нет сильнее Самсона богатыря,
- 300 Нет хвастливее Олѣшки Поповича,
 А на походку нет шапливее Чурилы Пленковича,
 А из лука стрелять нет метчее Настасьи-королевичной».
- А Дуная свет Ивановича ничем не выхвалила.
 Тут Дунай да свет Иванович ведь рассержается:
 305 «Ты пойдем на стрельбище со мной, Настасья-
королевична,
- Кто у нас окажется из туга лука стрелок — ты аль я?»
 Вот как вышла вся свита княженецкая во чисто поле.
 Тут Настасья-королевична
 Поставила Дуная свет Ивановича как столб стоять

- 310 И положила кольцо на голову,
И вставила в кольцо перочинный нож,
И отмеряла от Дуная свет Ивановича пятьсот шагов.
Как натянула свой тугой лук
И наложила калёну стрелочку пернатую,
- 315 Свыла тятива шелковая,
Полетела калёна стрела пернатая,
Она ударила в острее ножовое,
Разлетелось на две половиночки,
Хоть на вес клади.
- 320 Тут положил Дунай да свет Иванович
Настасье-королевичной кольцо на голову
И приставил перочинный ножичек.
Он отмерял от ей ведь пятьсот шагов.
Первый раз стрелиу — перестрелил,
325 Другой раз стрелиу — недострелиу,
Третьей раз стрелиу — стрелы не нашли.
Тут разгорелось сердце богатырское,
Он подходит ко Настасьи-королевичной на три шага,
Он натягиват как тугой крепкой лук,
- 330 Он полóжил калену стрелу пернатую,
А сам стрелы да приговариват:
«Ты лети, стрела, не на воду, не на землю,
Ты лети, стрела, а лети Настасьи-королевичне
Прямо во белую грудь».
- 335 Свыла тятива шелковая,
Полетела каленá стрела
Настасьи-королевичной прямо во белую грудь,
Тая пала на землю мертва-окровавлена.
Тут подходит Дунай да свет Иванович,
- 340 Он подходит к Настасьи-королевичной на единой шаг,
Он выдергиват свой ножище-кинжалище,
И говорит он таковы слова:
«А где, грит, пала лебедь белая,
Тут пади, грит, ясён сокол!»
- 345 Ткнул ножом себя во белую грудь,
Окровавлен пал на Настасью-королевичну.
Тут им и часовенку построили.

(Старики да старушки ходили туда богу молиться.)

3. О СТАЛОВЕРСТЕ ГАРДИНОВЕ

- Как во стольном было городи во Киеви,
Как у ласкового князя у Владимира
Был почетный пир да столованьице.
На пиру вси гости наедалися,
5 На пиру вси гости допьяна напивалися,

- На пиру вси гости поросхвастались.
 Умной хвастает да отцом-матерью,
 Безумной хвастает да молодой женой,
 Инной хвастает добрым конем,
 10 Инной ведь хвастает золотой казной,
 Кто ведь хвастает острым мечом,
 Кто ведь хвастает силой могучею.
 У того стола, стола конца у верхнего
 Сидеу, грит, молодой Сталовёрст сын Гардинович.
- 15 Он сидел, ничим не хвастался.
 Как подходит к ёму солнышко Владимир-князь,
 Говорит он ему да таковы слова:
 «Ты послушай-ка, Сталовёрст да сын Гардинович,
 Почему, грит, ты сидишь, ничим не хвастаешь?»
- 20 Неужель у вас в Чернигови нечим хвастать?»
 Тут стает как Сталовёрст да сын Гардинович,
 Он стает да на резвы ноги,
 Говорит Сталовёрст таковы слова:
 «Ты послушай-ко, солнышко Владимир-князь стольне-
 киевский,
- 25 Уж как хвастать мни не хвастать отцом-матерью —
 Их двенадцать лет как живых нет.
 Уж как хвастать мни не хвастать добрым конем —
 Как у меня, грит, во Чернигови
 На конюшнях на стоилах
- 30 Стоит триста кобылиц,
 Кажен год несут по жеребцу,
 Которы получше — сам держу,
 А которые похуже — вам князьям-боярам повыпродам.
 Как у меня сидит триста портных мудрых мастеров,
- 35 Год ведь круглый шьют да все снова-наново,
 Я которо платье лучше — сам ношу,
 А которо хуже — вам князьям-боярам выпродам.
 У меня, грит, сидит триста чоботных мастеров,
 Шьют вси чоботы снова-наново,
- 40 Которы, грит, лучше — сам ношу,
 А которы хуже — вам князьям-боярам повыпродам.
 Уж как хвастать мни не хвастать молодой женой,
 У мня есть, грит, молода жена Василиса дочь
- Микулична —
- Она Киев-град купит-продаст да й взад отдаст,
 45 Всех, грит, вас киевских князей-бояр с ума сведет».
 Тут ведь солнышко Владимир-князь
 На Сталовёрста рассержается.
 Приказал он своим слугам верным
 Посадить Сталовёрста Гардинова
- 50 Во погреба глубокие за речи неумильные,
 За речи неумильные, за слова за такие дерзкие,

- Посадить его да на хлеб, на воду.
Как выводят Сталовёрста Гардинова из терема высокого,
Как говорит он слугам княжецким:
- 55 «Вы послушайте, грит, слуги княжески,
Дайте написать письмо мни молодой жены
Да во Чернигов-град».
Как написал письмо Сталовёрст Гардинович,
Положил письмо коню под седельце
- 60 И спустиу коня во чисто поле.
Скрылся добрый конь да во чистом поли,
Прискакау как конь да во Чернигов-град,
Во Чернигов-град да во двор Сталовёрста Гардинова.
Как заржал тут конь да зычным голосом,
- 65 Как услышала ржанье коня Василиста Микулична,
Она выходит, грит, на боярской двор,
На двори, грит, увидела коня Сталовёрста Гардинова.
Во в поту, во пены желтой.
Расседлала она коня доброго,
- 70 С-под седла, грит, коня доброго
Свалилось на землю письмо Сталовёрстово.
Скоро-наскоро письмо
Василиста дочь Микулична прочитывает:
«Как мне выкупить, грит, Сталовёрста Гардинова
- 75 Да от князя от Владимира?
Золотой казной, грит, не выкупить,
Надо выкупить мне догадкамы женскимя».
Она прибрала себе да тридцать девицев
И устригла у всих волосы.
- 80 И наделись вси мужчинамы,
И поскакали оны в Киев-град.
Как подъехали ко граду ко Киеву,
Раскинули белы шатры,
Она велела поместиться своим воинам во белы шатры,
- 85 А сама одна поехала во Киев-град.
Она приходит в покои княженецкие,
Бьет челом да князю Володимиру.
«Ты послушай-ко, Владимир-князь киевский,
(Не назвала его солнышко.)
- Я приехал, грит, от Калина-царя,
90 Я племянник есть, грит, Калина-царя —
Василий свет Буслаевич.
Я приехал с вас требовать
Дани-выплаты за двенадцать лет.
Я приехал к вам с условием,
- 95 Если выдашь за меня, грит, племянницу дочь
Путятичну».
- Тут Владимир соглашается.

- Приказал придти племянницы
 Посмотреть да ей, грит, сужена.
 А Путятична была очень хитрая и догадлива,
 100 Она осмотрела со всех сторон Василья Буслаева,
 И говорит она солнышку Володимиру:
 «Ты послушай-ко, дядюшко мой князь стольно-киевский,
 Это есть, грит, не мужчина, а женщина:
 У ней есть вси похматки женския,
 105 Ручки мягкия, пальчики коротенькия,
 На деван садится без опасности».
 Как узнать-то князю Володимеру,
 Что не мужчина, а есть женщина?
 «Вы послушайте-ко, Василий Буслаевич,
 110 Не угодно ль вам сходить, грит, побороться
 С нашими борцами киевским?»
 «Ах, грит, Владимир-князь да стольно-киевский,
 Есть борцы у мя да во чистом поли оставлены,
 Любил я сам, грит, смолода бороться
 115 С борцами Калина-царя.
 Вы введите, грит, борцов на княженецкой двор».
 Тут выходят как борцы киевски на княженецкий двор,
 И выходит сам Василий Буслаевич на тот на двор на
 княжецкий,
 Где дожидали его борцы киевски.
 120 Как подходит Василий Буслаевич
 Он к борцам да ко киевским,
 Как схватил ведь двух он за ворот,
 Сдвинул вместо — на две стороны раскидыват.
 Покатились на сыру землю борцы киевски, как
 овсяны снопы.
- 125 Удивились князья-боярова
 Силы-ухватки Василья Буслаева.
 «Не угодно ли тебе, да Василий Буслаевич,
 С нашими стрелками пострелять в чистом поли?»
 «Есть стрельцы да у меня во чистом поли оставлены,
 130 Но и сам я был охоч стрелять смолода,
 Вы пойдете во чисто поле».
 Он поставиу во чистом поли богатыря киевского,
 Он поставил кольцо на голову,
 А в кольца, грит, ножичек.
- 135 Отмеряу от него пятьсот шагов.
 Он пустиу, грит, калену стрелу,
 И попала калена стрела в острее ножичек,
 Раскололась на две половиночки.
 Все князья-бояра удивилиси,
 140 А киевски богатыри никто стрелять не вызвался.
 Тут пошли оны в палаты белокаменны,
 Сели за столы дубовыйи,

- Стали угощаться.
 Говорит князь за столом Василью Буслаеву:
 145 «Не угодно ли вам, Василий Буслаевич,
 Сыграть со мной в шашки-шахманки».
 «Мы давай играть с тобой, Владимир-князь,
 да не попусту,
 Ты, грит, на кон став Киев-град,
 А я, прит, на кон поставлю дани-выплаты за двенадцать
 лет».
- 150 Тут выстроили шашки-шахманки,
 Как тут начали стрелять да в шашки-шахманки
 Солнышко Владимир-князь да Василий свет Буслаевич.
 Как Василий да Буслаевич он ведь ход ступиу —
 позаступиу,
 Другой ход ступиу — да князю ступить некуда.
- 155 Рассердеуса князь — и шашки под доску.
 Приказал, грит, пировать да свадьбу веселую,
 Вот тут свадьба разгуляласи.
 А Василий сын Буслаевич музыкантов требует,
 Музыканты все ему не ндравятся.
- 160 Говорят тут слуги князю Владимиру:
 «Вы послушайте-ко, Владимир-князь да стольне-киевской,
 У вас, грит, в погребе глубоком
 Сидит там Сталовёрст Гардинович,
 Он горазд играть на музыки».
- 165 Приказу тут Володимер-князь
 Привести Сталовёрста Гардинова в терема княженешкие
 На честной, грит, пир да на свадебку.
 Как приходит Сталовёрст да сын Гардинович
 На честной он пир да и на свадебку,
- 170 Начал он играть на музыке.
 Как узнала игру Василиста дочь Микулична
 Сталовёрста Гардинова,
 Говорит она князю Володимеру:
 «Дайте-ко мне этого игрока
- 175 Свозить да во чисто поле
 Мне потешить свою братию».
 Как поехали оны во чисто поле
 Ко тем шатрам да полотняным,
 Где оставлена дружина Василисты Микуличной.
- 180 Она зашла, грит, в бел шатер,
 А Сталовёрста Гардинова оставила у бела шатра,
 Переделась она в платье женское.
 И поехали, грит, во Киев-град
 Ко князю ко Владимиру.
- 185 Как увидау тут Владимир-князь,
 Что это была Василиста Микулична,
 И весьма он, грит, удивляется.

Тогда сказал он Сталовёрсту Гардинову:
«Что правду ты сказал про молодую жену,
190 Поезжайте с молодой женой в Киев-град».
Распростиуся тут Сталовёрст Гардинович
И уехали в Чернигов-град.

4. КУДРИЯНИЩЕ

(Мучения Егория, Егорий и змей)

Наезжал царище Кудриянище,
Многоверного князя Федора во полон склонилу
Да голову срубил.
Оставалоси оставленьице,
5 Что Егорий-свет да он семнадцать лет.
Начали Егория мучити
Разными муками разноличныма.

(Забыл.)

Начали Егорья на огни ведь жечь,
Он на костри стойком стоит,
10 Он стихи поет херувимския,
Славит славу богатырскую
Самому Христу распятому.
Ничто Егорью не деяло,
Ничто святому не подеяло.
15 Рассердиуся тут царище Кудриянище,
Он велел Егорья во котлы варить.
Во котлы вода ключом кипит,
А Егорей стойком стоит,
Он стихи поет херувимския,
20 Славит славу монастырскую.
Рассердиуся тут царище Кудриянище,
Он велеу тут выкопать яму глубокою
И бросить его в яму глубокою,
И зарыть его лозьямы-колодьями
25 И песками желтыма.
Ничто Егорью не деяло,
Ничто святому ни подеяло.
Как поднялись тут ветры буйныя,
Курганы огромныя,
30 Растащило все пески желтыя,
Все лозьё-колодьё разворочало.
Выстал с ямы тут Егорий свет да храбрый.
Бежит тут со чиста поля
Белый добрый конь.
35 Сел Егорий на добра коня,
Он уехал во чисто поле.

Как Содом-город сквозь землю прошел,
А на славное да царство Рахлынское
Напустил господь змея лютого,
40 Змея лютого да бесшерстного.
Стал ведь змей с моря сходить,
Пролетать царство Рахлынское,
Пожирау он людей и скот.
Стало царство в опасности,
45 Стали жертвы высылать да по синю морю,
Стали дуть, метать тут жеребьи,
Кого отдать змею да на съедение.
Тут ведь раз выпал жеребий
На самого царя Агапита.
50 Тут ведь царь да закручиниуся да запечалиуся,
Он ведь быу женат да на второй жены.
Как от первой жены да осталась дочь Олисафия,
У ей мать-то была руськая,
Она веровала веры православные.
55 Тут говорит жена царю Агапиту:
«Ты чего, грит, царь, печалишься?
Ты чего, грит, царь, кручинишься?
У тебя, грит, есть да кем ведь заменитися,
У тебя есть ведь дочь единая,
60 Дочь единая нелюбимая,
Она веры нашей не верует,
Ты отдай змеи на поедение,
Да бесшерстному на пожрение».
Объявил тут царь Агапит своей дочери:
65 «Поезжай-ко ты да на святую Русь,
На святую Русь тебя замуж требуют».
Вот царевна Олисафия
Умыласи белешенько,
Оделаси скорешенько.
70 Она вышла, грит, на царской двор,
У подъезда стоит карета черная,
Кучеришко, грит, черной.
Прослезилась, села в карету Олисафия.
И повез ее кучеришко черной ко синю морю,
75 Он привез ю к берегу ко синю морю,
Он открыл ведь двери во карету черную.
Тут ведь видит Олисафия сине море.
Она пошла по круту бережку,
Невдалечу завидла часовенку.
80 Тут подходит как к часовенки,
Садится на лавочку,
Плачет, бьется, убивается.
Она видит, со чиста поля
Бежит доброй белой конь,

- 85 На кони сидит добрый молодец.
Он подъехал к Олисафии,
Остановиу добра коня, ю спрашивает:
«Ты чего, девица, плачешь, убиваешься?»
Объяснила ему Олисафия,
- 90 Как чего она привезена.
«Ты не плачь, грит, не горюй, красна девица,
Я приехал ведь тебя спасать.
Поищи-ка у меня да в буйной головы».
Как пристала тут искать да Олисафия
- 95 У Егорья святохраброго да в буйной головы,
Он заснуу ведь крепким богатырским сном.
Вдруг ведь море сколыхалоси,
Да вода с песком смешаласи,
Оказауся как с моря змеище-пещерище.
- 100 Как ведь начала будить Олисафия
Егорья святохраброго,
А Егорий не просыпает (ся),
А змей все ближе, ближе все двигается.
Закричау как змей тут зычным голосом:
- 105 «Слава богу, слава господу,
Буду сыт ведь я, не голоден,
Мне ведь прислано три головы».
Тут заплакала Олисафия горючими слезы,
Тут скатилась горюча слеза
- 110 На лицо Егорью святохраброму,
От чего Егорей пробуждается,
Он скочиу как на резвы ноги.
Змей на землю опускается.
Он змахнул мечом,
- 115 Отрубиу змею дви головы.
Змей кроток-смирен стал,
Как у хозяина скотинина.
Отвязау он пояс шелковой,
Привязал змея да на шелков пояс,
- 120 Говорит змею:
«Ты будь кроток, смирен
И слушай Олисафию».
И говорит он Олисафии да таковы слова:
«Ты веди, царевна Олисафия, люта змея
- 125 Ты во царство во Рахлынское,
Ты постав змея среди города,
Вызывай народ царства Рахлынского.
И скажи народу таковы слова:
«Вы примите, грит, веру православную,
- 130 Я уведу змея да во чисто поле
И разрублю змея да на мелки куски,
А если вы не примете веры православной,

То спушу змея на Рахлынь-город,
Прикажу ему истребить все царство Рахлынское».
135 Туг все перепугалися,
И вси приняли веру православную.
А царевна Олисафия увела змея к Егорью святохраброму.
Разрубил Егорий змея да на мелки куски,
Отпустил он в город Олисафию,
140 А сам поехал по белу свету.

ИРИНА АНДРЕЕВНА СТЕПАНОВА

Ирина Андреевна родом из д. Подъельники Заонежского района (нын. Медвежьегорский)¹, неграмотная. В 1940 г. ей было 78 лет. Бывала в Сенногубской волости, знала семью Рябининых, но старин от них не усвоила. В полевом дневнике сообщаются и другие интересные сведения о сказительнице.

«Былины знала еще до замужества, слышала их от людей. Когда дети ее подросли немного и научились читать, они прочли ей былины из книги (И. А. было тогда около 29—30 лет). Книга эта была с рисунками, ее формат — около двух вершков в длину и полтора в ширину. И. А. запомнила былины, которые ей прочли дети. Таким образом, былины Ирины Андреевны можно разделить на две группы: былины, которые она слышала от людей, или, говоря условно, былины, которые знала до книги, и былины, которые Ирина Андреевна узнала из книги и запомнила. Первая группа состоит из следующих названий: 1) «Кострюк Черкашенин»; 2) «Про Чурилушку»; 3) «Про Ставра Годиновича»; 4) «Про Казань-город»; 5) «Про пашицу»; 6) «Про Софеюшку»; 7) «Соломан царь Давыдович и Василий Окульевич». Былину про Ставра записать не удалось, т. к. Ирина Андреевна сейчас помнит ее плохо, но зачин знает твердо, при желании, конечно, может вспомнить эту былину. Историческую песню о Соломоне Ирина Андреевна знает не твердо, в середине сбивается со стиха на рассказ. Все остальные былины может петь.

Вторая группа состоит из следующих названий: 1) «Про Добрыню» — весь цикл былин; 2) «Илья Муромец» — весь цикл; 3) «Дюк Степанович»; 4) «Вольга Всеславьевич»; 5) «Соловей Будимирович»; 6) «Про Буслава». Список этот, видимо, не окончателен. Вероятнее всего, что он может быть продолжен, как и список былин первой группы. Былины второй группы Ирина Андреевна также поет. Она рассказывает, что сейчас не знает, поет ли былины второй группы в том виде, в каком они были в книге, или она книжные тексты контаминировала

¹ В записях 1940 года ссылка дана на д. Пяльму Пудожского района, где в это время, очевидно, жила сказительница.

с текстами былин, слышанных от людей. Ответ на это может дать только сличение записанных былин с книжным текстом. Большое количество записываемого от Ирины Андреевны материала в крайне малое время (условия экспедиции не позволяли работать с одним исполнителем 10—15 дней) заставило нас отказаться от мысли записывать былины с голоса. Сама Ирина Андреевна просила нас записывать не с голоса, и ее желание мы вполне разделяли: домашние условия, при которых проходила запись, не позволяли говорить о пении» (8/131).

Судя по репертуару и его качеству, Ирина Андреевна заслуживает внимания фольклористов. Сказительница знала также песни и сказки.

В архиве есть записи исторических песен и былин: 1) «Кострюк» (8/135); 2) «Гришка-расстрижка»; 3) «Соломан и Василий Окулович» (8/134); 4) «Чурила и Катерина» (8/136).

5. ВОЛЬГА ВСЕСЛАВЬЕВИЧ

(Волх Всеславьевич, Вольга и Микула)

- Спорождался на свет Вольга Всеславьевич,
Земля-мать сколыбаласи,
Индийско царство вздрогнуло.
Заяци попрятались по ельницькам,
5 Птица поднималась под облаку,
Рыба в морё попряталась.
Прошел час от родін,
Говорит Вольга, как гром гремит:
«Ой ты, матушка Всеславьевна,
10 Не пеленай ты меня в пелены шелкóвыи,
Не пойсай мягким поясом,
Дай мне шлём на буйну голову,
Дай мни в руки пáлицю свинцовую,
Три аршина, стопудовую».
15 Как стал Вольга семи годков,
Стал обучать так всякой хитростью.
Как стал Вольга двенадцать лет,
Соберал дружину храбрую,
Тридцать парнев без единого,
20 Сам Вольга тридцятый.
Говорит Вольга Всеславьевич:
«Дружина моя храбрая,
Отамана слушай старшаго!
Вей веревочки шелковыи,
25 Ставьте пасточки дубовыи,
Ловите-излавливайте
Соболей и куниц и чернобурьих лисиць,
И заячком не брѣзговать».

- Ловили ребятаушки три дни и три ноченьки,
30 Не могли словить ребятаушки заячка.
Говорит Вольга Всеславьевич:
«Вы дружина моя храбрая,
Есть ли из вас такие молодчи:
Обвернуться левом,
35 И назаворачивать соболей, куницъ, чернобурых лисицъ
И заячком не брѣзговать?»
«Нет из нас таких молодцев,
Как ты сам, Вольга Всеславьевич».
Обвернулся Вольга левом,
40 Назаворачивал соболей, куницъ, чернобурых лисицъ
И заячком не брѣзговал.
Говорит Вольга Всеславьевич:
«Ой дружина моя храбрая,
Отамана слушай старшого!
45 Вей веревочки шелковыи,
Ставьте пасточки дубовыи,
Ловите-излавливайте гусей-лебедей
И мелкой пташечкой не брѣзговать».
Ловили ребятаушки три дня и три ноченьки
50 И не могли словить ни единой мелкой пташечки.
Говорит Вольга Всеславьевич:
«Ой дружина моя храбрая,
Есть ли из вас такие молодци:
Овернуться навой-птичиной,
55 Подыматься под облако
И назаворачивать гусей-лебедей
И мелкой пташечкой не брѣзговать?»
Говорит дружина храбрая:
«Нет из нас таких молодцов,
60 Как ты сам, Вольга Всеславьевич».
Овернулся Вольга Всеславьевич навой-птичиной,
Заворачивал гусей-лебедей
И пташечкой не брѣзговал.
Говориу Вольга Всеславьевич:
65 «Ой дружина моя храбрая,
Отамана слушай старшого!
Невода вяжи шелковыи,
Кладите плуживья серебряны,
Тетивочки шелковыи,
70 Ловите-излавливайте
Семужину с белужиною,
Восетрину рыбу ценную
И щучку хичную с плотичкой не брѣзговать».
Ловили ребятаушки три дня, три ноченьки,
75 Не могли словить ребятаушки и щучки хичной с плотичкой.
«Ой дружина моя храбрая,

Есть ли из вас такие молодчи:
Обернутися щукой хичною
И назавораживать семужины с белужиной
80 И осетрину рыбу ценную,
И щучку хичную с плотичкой не брѣзговать?»
Говорит дружина храбрая:
«Нет из нас таких молодцев,
Как ты сам, Вольга Всеславьевич».
85 Овернулся Вольга Всеславьевич щучкой хичною,
Назавораживал семужины с белужиной,
Осетрину рыбу ценную
И щучку хичную с плотичкой не брѣзговал,
Накормил дружину храбрую.
90 Говориу Вольга Всеславьевичь:
«Ой дружина моя храбрая,
Ести ли из вас такие молодчи:
Обвернуться птицей-турицей,

(Так говорит.)

Поскакать в землю Индейскую,
95 Отведать там доподлинно,
Что царь с царицею бисѣдует?»
Говорит дружина храбрая:
«Нет из нас таких молодцев,
Как ты сам, Вольга Всеславьевич».
100 Овернулся Вольга Всеславьевич птицей-турицей,
Один раз скочиу — дак версту махнуу,
Прискакал в землю Индейскую.
Обвернулся жавороночком,
Сел на наличничек.
105 Там царь с царицею беседует,
Говорит Салтык Ставрुльевич:

(Ой не могу.)

«Ай же ты, Евзяковна,
Я пойду на Русь великую,
Завоюю девять сѣл с приселкамы,
110 Одарю тебя шубейкою».
Говорит ему Евзяковна:
«Ай же ты, Салтык Ставрुльевич,
Не взять тебе девять сел с присѣлкамы,
Не дарить меня шубейкою,
115 Мни ночесь-то сон привиделся:
Налетела мелка пташечка,
Разнѣсла злых воронов по перышку».
Тут Салтык Ставрुльевич
Бил Евзяковну по белу лицу,
120 Пролил кровь понапрасную.

- Тут Вольга Всеславьевич
Овернулся горносталиком,
Заходил в подвалы глубокии,
Перегрыз все веревочки.
- 125 Тут Вольга Всеславьевич
Обвернулся птицей-турицей,
Поскакал он в свои стороны.
Там спит дружина храбрая.
«Ай дружина моя храбрая,
- 130 Мы пойдем во Индию,
Завоюём на каждого по десять коровушок».
Пришли в Индию к стены белой,
Говорит дружина храбрая:
«Не пройти нам этой стенки белой,
- 135 Положить нам головушки на этой стенки белой,
А в город-то ворота вырезныи,
Только проплыть мелкой мурашецьки».
Обернул Вольга Всеславьевич
Всю дружину мелкой мурашецькой,
- 140 И сам Вольга Всеславьевич
Обернулся мелкой мурашецькой.
Как зашли оны в город,
И пошли оны войной,
А индейцы схватилися,
- 145 У них оружьи перегрызены, нечем воевать.

(Или каки оружья были, нынъ ребята такима играют.)

Ну, оны завоевали на каждого по девять коровушок.
Вольга Всеславьевич был князю Владимиру любимой
племянницёк.

- Отправили ёго в города за полуцкамы:
В город во Ореховец,
150 В другой во Кресьяновец.
Поехал он со своёй дружиной храброй.
Ехали-поехали и слышат:
Пахарь пашет,
Пахарь понукиват,
- 155 Сошка поскрыпливат,
Омешики о камешки почиркивают.
Ехали целой день до вецера.
Пахарь пашет,
Кобылка у него соловая,
- 160 Сошка кленовая,
Ремешки серебряны,
Присошок золочёной,
Рогач сохи тожо золочёной.
Говорит Вольга Всеславьевич:
- 165 «Бог помощь, ратáй-ратáюшко,

- С краю в край гнать бороздки!»
«Нада божья помощь!
Ты далече ль поехал, Вольга Всеславьевич?»
«Я поехал в города за полуцькамы:
170 В город во Ореховець,
В другой во Кресьяновець».
«Я бывал в том городи,
Возил я соль крупную.
Там мужики-ты подорожны
175 Прося деньги подорожны».
«А ты поедям-ко с намы, ратай-ратаюшко».
Ратай-ратаюшко кобылку выстягнул,
Сел на кобылку и говорит:
«Гля всякого проезжего
180 Сошка с бороздки выдернуть,
Пыль с омешиков повытряхнуть
И за ракивов куст сошку зашвыривать».
Говорит Вольга Всеславьевич:
«Возьмите два богатыря,
185 Выньте сошку с бороздки».
Сошку вёртя, вёртя,
А выдернуть с бороздки не могут два богатыря.
Подъехал ратай-ратаюшко,
Схватил сошку за обжу,
190 Пыль с омешиков повытряхнул,
За ракивов куст зашвыривал.
Поехал ратай-ратаюшко впереди,
След за им Вольга Всеславьевич скоком-скоком.
Стал Вольга Всеславьевич покрывивать,
195 Колпаком своим помахивать:
«Ты постой, ратай-ратаюшко,
Твоя кобылка шустрая как коньком бы была,
Дал бы я полтысячи».
Ой ты, глупой Вольга Всеславьевич!
200 Я с-под матушки полтысяци выплачивал,
Моя кобылка шустрая коньком бы была,
Ей цены бы не было».
«Ты скажи, ратай-ратаюшко,
Как тебя звать по имени,
205 Величать по отечеству?»
«А съездим мы в город во Ореховець,
А в другой во Хресьяновець,
Выпашем мы неву хлебную
И наварим мы пива.
210 Станут мужицьки пить да покрывивать
И меня станут покликивать:
«Ты Микула Селянинович!»

6. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

- В старину было в стародавнюю,
Когда княжил князь Владимир в Кieve,
Близ города близ Мурома,
В селе Карачарови
- ⁵ Жил старичок Иван Тимофеевич
Со своёй старушкой Анной Ивановной.
Даровал им бог дѣтище,
Ильюшу сына Ивановича.
Он тридцать лет сидел сиднѣм на печки на муравленой,
- ¹⁰ Без рук сидел, без ноженек.
Мать ёго кормила досыти,
Вином поила допяна.
Проходило время оное,
Тридцать лет изменой миновалосе.
- ¹⁵ Отец с матерью пошли поработать, позабавиться,
За работушкой расправиться.
Приходили к дому Ильи Муромця
Старьци старьи, устальи,

(В то время господь ходил с апостолами по земли.)

- Просят у Ильи старьци напиться,
²⁰ Илью-то старицьки разжалили.
«Рад дать вам, старицьки, напиться,
Да тридцать лет сижу на печки на муравленой,
Тридцать лет излишкою».
Говорят старьци божи:
- ²⁵ «Илья, ты нас не оманывай,
А стань поди на ноженьки».
Встал Илья на ноженьки,
Пошел, как быдто встрѣпаный,
Наливал Илья ведерышко,
- ³⁰ Подносил старьцам божим,
А не пьют оны прохожие,
А велят испить Ильи самому.
Испивал Илья ведерышко без устали.
Говорят старьци божи:
- ³⁵ «Ты многа ль, Илья, почуял в себе силушки?»
«Во мне сила, во мне полная:
Как бы был в земли-матушки столѣп до небушка,
В столби кольцѣ червонное —
Дак повернул бы святорусьскую».
- ⁴⁰ Просят у Ильи старьци напиться.
Наливал Илья еще ведерышко,
Подносил старьцам божим,
А не пьют оне прохожи,
А велят испить Ильи самому.

- 45 Испивал еще Илья ведерышко без устали.
Говорят старьци божи:
«Ты много ль, Илья, почуял в себи силушки?»
«Во мне силы половинушка».
- Говорят старьци божи:
50 «Дай-ка, Илья, нам напитисе».
Заходил Илья в кладовушку,
Не в большую, заповедную,
Наливал вина зелёного,
Пенистого, стоялого, заморьского,
- 65 Подносил старьцам божим.
А не пьют оне прохожи,
Угощают Илью Муромця.
Говорят старьци божи:
«Ты не живи-ка дома, не работай-ко,
- 60 Русь-матушку побороть хотят,
На всё-то твоя силушка надобна,
Стой за вдов и за сирот и за церкви божи».
Говорят тут старьци божи:
«Купи у соседа жеребёночка-одногодочка,
- 65 В струби выдержи три месяца,
Пшеницей выкармливай,
Святой медвяницей выпаивай,
В три росы ёго выкатывай,
В три зари ёго выезживай,
- 70 Подведи к тыну высокому,
Дак перескочит как в обе стороны —
Так поезжай куда захочется».
Дали Ильи калеки лук
Да палицу девяносто пуд.
- 75 «На бою тебе смерть не сказана».
Тут как воск оны потаяли.
Пошел Илья на улицу,
Как сокол добрый молодец.
Как увидя красны девушки — так приужахнутся,
- 80 А как увидя молодухи — так подбекренются.
Пошел Илья к отцу-матери.
Отец с матерью поработали, отдыхать полегли.
В то время взял Илья косу вострую,
Сена накосил, стогов наметал,
- 85 Косу вострую воткнул в землю-матушку до того глубоко,
Что никому той косы не вытащить,
Сам Илья сел за кустышек.
Отец с матерью пробуждаются,
Тому чуду дивуются:
- 90 «Это кто нам напроказил,
Накосил и стогов намётал?»
Выходил Илья с-за кустышка.

- «Это я так накосил и стогов намётал,
Косу вострую с земли-матушки вытащил».
- 95 Говорит отец с матерью:
«Слава богу, господь дал нам большого работника».
Купил Илья у соседа жеребёночка-одногодочка,
В струби выдержал три месяца,
Пшеницёю выкармливал,
- 100 Святой медвяницей выпаивал,
В три росы ёго выкатывал,
Три зари ёго выдерживал,
Подводил к тыну высокому,
Перескочил он в оби стороны.
- 105 Тут Илья Муромец
Воскресный день простоял заутрену.
Просит у отца с матерью прощеньица
Ехать в Киев-град.
Говорит ёму отец:
- 110 «На добрые дела благословленье есть,
А на худые дела благословленья нет.
Поедешь дорогою, не помысли на татарина,
Тем пуще на крестьянина».
Говорит ёму родима матушка:
- 115 «Эх ты, цядо мое милоё,
Утешь ты мою старость беспомо́шную,
Останься-ко во своем дому.
Ты потеряёшь свою буйну голову
Не за денёжку не за медную:
- 120 Ведь в Киев-град дороги прямоезжей нет,
Там в засаду сел разбойник,
Разбойник сын Рахмантьевичь,
Не пропускает ни конного ни пешого».
Ну тут дал с отцём-матерью прощеньица.
- 125 Вид'ли Илья как на коня-то сел,
Не вид'ли, куда поездку дал.
Не снежки билые забелили в чистом поле,
А белея под Ильюшенькой белой конь,
А хвостом-то конь поля устелал.
- 130 Приехал Илья на перекрестоцьку,
На перекрестоцьки лежить беу-горюць камень,
На камёшки подписано:
«Вправо ехать — богатому быть,
А влево ехать — жонатому быть,
- 135 А в прямоезжую дорогу ехать — дак убитому быть».
«А поеду я в дорогу прямоезжою,
Снять-то с меня нечего
И убить меня не за что:
Кушачок у меня стоит пятьсот рублей,
- 140 А шубка стоит тысячу».

- Поехал Илья дорогой прямоезженой,
А настрету к нѣму идут мужицьки церниговски
И лихую беду думают:
«Под Церниговом стоит три царевиця,
145 И с кажным силы по три тысячи».
Тут Илья жаль показалось Цернигова
И с отцѣм-матерью заповеди разрушить не хотелось.
Вырвал дуб с пеньямы, с кореньямы,
Стал по силушки поезживать,
150 Стал по силушки помахивать,
Куды ма́хне — па́дут у́лицьмы,
Поворотит — чисты площади.
Добился до трех цяревицѣв.
«Ой вы, горя три цяревиця!
155 Головы вам снести —
Напрасно кровь пролить,
А в полон мне взять —
У мян хлебы трудо́выи, завозныи.
А поезжайте-ко вы по своим домам,
160 Скажите-ко своим лю́дям,
Что Русь-матушка не пуста стоит,
На Руси есть могучии богатыри».
Говорят три цяревиця:
«Ой ты еси, добрый молодець,
165 Как тебе звать по имени,
Велицать по отечестве?
Что послал господь нам посланницька,
Очистил нашу о́тцину».
«А зовут меня Илейкою,
170 А велицяют Ивановицѣм».
«А ты поедем-ко к нам, к нашему воеводи
Хлеба-соли откушати».
«А не поеду я к вашему воеводи
Хлеба-соли откушати.
175 А покажите-тко мне дорогу прямоезжою во Киев-град».
«А дороги прямоезжой в Киев-град нет,
Залѣгла дорога ровно тридцать лет,
А дорога по полям и по липу́шкам цветным».

(Цветы, видно, какие.)

- Говорят мужицьки церньиговски:
180 «Как звать вас по имени,
Велицать по отечестве?»
«А зовут меня Илейкою,
Велицают Ивановичем».
«Ты поедем-ко к нам в Цернигов-град
185 Жить воеводою,
Кормить мы будем досыта,

Вином поить попьана».
«А не поеду я к вам жить воеводою,
Покажите-ко мне дорогу прямоезжою.
190 Прямо в Киев-град».
«А прямоезжой дороги в Киев-град нет».
Поехал Илья дорогой прямоезжой.
Одной рукой коня вел,
А другой рукой дубки рвал
195 Да мосты мостил.
Присхал к рецьки ко Смородинки.
Захотелоси ёму позавтракать,
Сварил себе кашецьки, позавтракал,
Стал сон держать.
200 Лёг Илья, клал возли себя лук да палицю,
Коня спустил травы пощипать.
Не ясной сокол вылётыват,
Не млад вороненок выпархиват,
А выпархиват Сбут-королевич.
205 У нёго брови как цёрного соболя,
Очи как ясного сокола,
Шея у Сбута как билой снег.
У коня-то хвост, грива золочёныи,
У сёдла-то подпруги булатныи,
210 Кругом сёдла все золочёное.
Увидеу возли Ильи лук да палицю девяносто пуд,
Розгорелось у Сбута серьцо богатырьское,
Стал он тугой лук натягивать,
Калену стрелку направливать.
215 Хотел он угодить Ильи в руку в правую,
А угодил в серьце ретивое.
А у Ильи-то на серьци был чудесный крест,
А от креста стрела переломиласи,
Тут Илья со сна пробуждается.
220 «Ой ты, чадо несмышленное,
Что ты бьешь меня сонного как мертвого!
Не знаешь ты, с ким схватываешься,
А теперь мы с тобой побратаемся».
Тут Илья взял Сбута-королевича,
225 Выкинул выше лесу стоячого,
Ниже облака ходячого,
Поднял на руки.
Тут Сбут-королевич стал молить Илью и просить,
Чтобы пощаду дал для родимой матушки.

*(Не мешай, поди.)*¹

230 Тут Илья спомнил свою родиму матушку

¹ Реплика, очевидно, адресована кому-нибудь из присутствовавших при записи.

- И говорит Илья:
«Поезжайте-ко по своим домам
И скажите своим людям,
Русь-матушка не пуста стоит,
235 На Руси есть могучие богатыри».
Поехал Илья.
Соловей-разбойник услышал топот конской,
Ряхнул по-звериному,
Свистнул по-соловьиному —
240 Под Ильюшой конь на колена пал.
Бьет Ильюша коня по крутым ребрам.
«Ах ты, волчий корм, травяной мешок!
Неужоли ты не бывал в темном лесу,
Не слышал крику звериного, свисту соловьиного?»
245 Тут Илья Муромец стал разрушивать
С отцем-матерью заповедь,
Тугой лук натягивать,
Калену стрелку направлять,
Стрелки приговаривать:
250 «Не пади, стрелка, не на воду, не на землю,
А пади разбойнику в правой глаз».
Не пала стрелка не на воду, не на землю,
А пала разбойнику в правый глаз,
Пал разбойник комом на землю.
255 Подхватил Илья разбойника,
Привязал к праву стремяну.
Заслышала дощка Соловьина старшая,
Поглядела в трубку подзорную.
«Наш-то батюшко едет,
260 Мужичишу-деревенщину в стременé везет».
Друга дощка посмотрела в трубку подзорную.
«Наш-то батюшка едя,
Мужичишу-деревенщину в стремене везет».
Третья дощка посмотрела в трубку подзорную.
265 «А еде мужичища-деревенщина,
Нашого батюшка в стремене везет».
А зятева задумали худую думу:
Овернуться птицами со железными носамы.
А жона Соловьина вышла,
270 Клала мису золота
И стала молить-просить:
«Не убей ты матери от птенчиков».
«А мне, крестьянскому сыну, казна золота не надобна,
А с детками жить не удумано,
275 Не спущу я Соловья».
Приехал Илья в Киев-град,
Прямо к князю ко Владимиру на широкой двор,
Ставил коня к дубову столбу,

- Вязал коня к золоту кольцу,
280 А Соловья-разбойника привязал к столбу
Веревками крепко-накрепко,
Сам Илья пошел в горницу.
За столом сидя все князи-бояры
И все руськи могучи богатыри.
- 285 Тут Илья крест кладé по-писаному,
Поклон ведé по-ученому,
Князю со княгиною поклон веде в особину.
Князь Владимир наливает тут чару зелена вина,
Подносит Ильи Муромцу
- 290 Подкрепиться с дороженьки.
Говориу князь Владимир:
«Как тебя звать по имени,
Величать по отечеству?
По имени можно место дать,
- 295 А по отечеству пожаловать».
«Зовут меня Илейкою,
Величают Ивановичем,
Я из города из Мурома,
Из села Карачарова.
- 300 Дома простоял заутрену,
А сюда попал к обеденки,
Да дорогой призамешкалси».
Вси князи-бояра, руськи могучи богатыри
Вси подмолвили:
- 305 «А детина-то завирается,
Ведь дороги прямоезжой в Киев-град нет».
Говорит Илья князю со княгиною:
«Пойдемте-ко на широкой двор.
Не возьмите во гнев, князь с княгинушкой,
- 310 Я тебя возьму под пазушку,
Княгинушку под другую,
Поглядите моёй добычи богатырьской».
Говориу Илья Муромець:
«Соловей-разбойник, ряхни по-звериному,
- 315 Свистни по-соловьиному,
А вполголоса, не в челый голос».
Он ряхнул по-звериному,
Свистнул по-соловьиному в челый голос.
Князи-бояра вси на карачках плывут,
- 320 А князь со княгиною еле жив стоит.
«А пойдете-ко мы в горницу
Хлеба-соли кушати,
А эти шутки нам не надобно».
Говорит князь Владимир Илье Муромчу:
- 325 «Садись за стол на перьво место возли меня,
А на друго место супротив меня,

А третье место сам повыбери». Сел Илья напротив на скамеечку,
А княгина потчует Ильюшу медом сичёным со своих рук.
330 За досаду пало Олёши Поповичу,
Взял в Илью ножиком кинул,
Илья ножик на лету захватил.
«Лучше мы с тобой крестамы поменяемся,
Станем братьямы крестовыма,
335 Станем вместе есть да пить».
Олёшу стыд взяў.
И тут оны поели, попили,
И вси как песок рассыпались,
Розъехались все богатыри кто куда.

Прошло время, и стали они собираться ко князю Владимиру
на широкий двор.

340 Уж стол-то был во полўстоли,
А пер-то был в полўпере.
Приехал Илья Муромец позденько уж,
Весь в пыли, весь в поту,
Поседел, как лунь побелел.
345 Говорит князь Владимир:
«Ну, старый казак Илья Муромець,
Приехал позденько,
Все местецька перезаняты,
Есть местецька с краю».
350 Говорит Илья Муромець:
«Ну ладно, как ты меняешь ворона с воронятамы,
Не заслужил я у тебя места бóльшого,
Посижу у тебя за твоим столом и с краичка».
Поели, попили,
355 Князь Владимир стал всех дарить:
Кого золотом, кого сёребром, кого жемчугом,
Кого приселкамы, кого городамы,
А Илью Муромця, старого казáка,
Ничем не подарил.
360 Говорит княгинушка:
«Что же ты, князь Владимир,
Всих ты подарил, пожаловал,
Одного старого казака Илью Муромця
Ничем не подарил».
365 А говорит князь Владимир:
«А есть у меня шубка бусарманьска,
С бусарманина снята».
Той подарил.
Илья Муромец взял шубку за один рукав,
370 Стал похлыстывать о кирпиччатый пол.
«У меня бусурманьско отплодье все переколоцёно».

- Вси князя-бояра подмолвили:
«Нам всем подароцьки по любви пришли,
А одному Ильи Муромцю не по любви пришли».
- 375 Тут князь Владимир закрыщял зычьным голосом, что зверь:
- «Возьмите ёго под руки два богатыря
И ведите ёго в погрёб».
А махнул Илья левой руцькой —
Богатыри без памяти лежат.
- 380 «Возьмите по два богатыря под руку».
Взяли по два богатыря под руку,
Илья махнул рукой правою —
Богатыри без памяти лежат.
Говорит Илья Муромец:
- 385 «До сих пор меня никто под руки не водил.
А дайте мне книгу Евангелия,
Чтобы было мне зачим душа спасать,
Я и сам пойду».
Дали Ильи Евангелие,
- 390 И он пошел.
Клали его в погрёб,
Решетками задвинули,
Песком засыпали.
А княгинушка была догадлива:
- 395 Сделала сбоку подкопы,
Кормила его досыта,
Вином поила вполпьяна.
Прошло этого времени три года,
Приезжаєт от Калинова царя посланник,
- 400 Войну открываєт.
Князь Владимир собирает всех богатырев.
«Кто бы съездил к Калинову царю,
Свез бы подарки Калинову царю
Да просил бы строку на три году».
- 405 А передний тулится за середнёго,
А середний тулится за заднёго,
А от заднёго и ответу нет.
Говорит князь Владимир:
«Нету Ильи Муромца, живого защитника».
- 410 А говорит княгинушка:
«Може жив, ну, давайте посмотримтя».
Песок отрыли,
Решетку отдвинули —
Илья Муромец жив.
- 415 Князь Владимир Ильи Муромцю в ноги пал,
Илья Муромец с ног здымает и говорит:
«Недостойный я, чтобы ты у ног лежал».
Илья Муромец говорит:

- «Давайте первым делом сходим в церковь божию,
420 Помолимся Спасу со пречистою».
Есть народ в города, славу творит:
«Слава богу, господь нам дал
Защитничка Илью Муромця».
Сел Илья на коня,
425 Сам князь Владимир провожает,
Цяроцку вина поднёс на дороженьку,
Поехал Илья Муромец.
«На всякой случай ворота заprite крепко-накрепко
в город».
- Подарки-то Калин-царь взял
430 И старым псом обозвал,
Строку не дал,
Только дал на три дни.
Илья ездил по темному лесу, по чистому полю,
А никто на зыщной голос
435 Ёму голоса не отдал.
Тут стал Илья по силушки поезживать,
По силушки помахивать,
Куда махнё — уличья,
А поворотится — цисты площади.
440 Ездил он по два дня.
Говорит ему конь:
«Завтрашной день есть у Калинова царя три подкопа,
Два я перёскоцю,
А в третьёй я упаду».
445 А он говорит:
«Что ты, волчий корм, травяной мешок!»
Поехали, два окопа он перескоцил,
А в третей пал.
Конь выскоцил и убежал.
450 Говорят в Киеви:
«Видно нет Ильи Муромця в живых,
Что конь один прибежал».
А Ильи татары ноги сковали, руки связали.
Ну, Илья лежит да думает:
455 «А ведь смерть мне-ка на бою не сказана».
Стал сподлоба поглядывать, отмуриваться.
Развязал себе руки,
Развязал себе ноги,
Ну и вышел из ямы.
460 И думает, что делать.
Взял татарина позавесистей, позаплечистей,
Стал по силушки похаживать,
Стал по силушки помахивать.
На тую пору к ему заспел Самсон-богатырь,
465 И вдвоем оны покончили всех,

- Съездили, Калинова царя убили,
А ничего оны там не взяли,
Никакого богатства.
Самсон-богатырь поехал опять в чисто поле,
470 А Илья Муромец пешочком отправился в Киев-град.
Говорит Илья Муромец:
«Во всех краях побывано,
А Святогорушка не видано».
Поехал Илья Муромец в Святогорушку.
- 475 Встретились они,
Поменялись они крестамы,
Стали братица крестовыи.
Приехали — лежит гроб на дороги.
Говорит Святогорушка:
480 «Кому гроб этот буде впору?»
Илья Муромец соскочил с коня,
Лёг в гроб,
Гроб ёму большой.
Святогорушка соскочил с коня,
485 Лег в гроб,
Гроб ёму впору,
Гроб и захлопнулся.
Стал конь копытами бить гроб,
Что раз ударит — то обручь станет,
490 Стал Илья Муромец палицей ударять,
Что раз ударит — то обручь станет.
Говорит Святогорушка:
«Ну, Илья Муромец, тут мне смерть.
Съезди к моему батюшку,
495 Попроси прощения».
Приехал Илья Муромец к батюшку,
Стал просить прощеньица.
А говорит Ильи:
«Ты убил моего Святогорушка».
500 А он ёму рассказал все, как было,
А отец ёму дал прощенье,
И привез Святогорушку прощенье».
Распростились, поехал Илья Муромец.
И наказал ему Святогорушка:
505 «Е в таком месте ток капли,
И ты не выпей лишней капли,
Я как выпил лишню каплю,
Меня конь не носил по земле, по мягким местам,
А я ездил все по борам да по горам».
510 Ну, Ильи Муромцю захотелось пешечком походить, погулять.
Встретился ёму калека Иванища,
У калеки сумки рыта бархата,
Клюка девяносто пуд,

- Шапка девяносто пуд.
515 «Здравствуй, Илья Муромец».
«Здравствуй, калека Иванища.
Где ты был, калека Иванища?»
«А был я в Киеви,
Помолился Спасу пречистойей,
520 Приложился святым мощам».
«А что там в Киеви?»
«А в Киеви сидит у князя у Владимира
В горнице промеж князем Владимиром и княгиною
Чудо Идóлищо страшное,
525 Голова с пивной котел,
Промёж ушами пяданы с лóкотью,
Сидит да похваляется:
«Церкви божии на дым спущу,
А князя со княгиною в полон возьму».
530 Говорит Илья Муромец:
«Дай-ка ты, калека Иванище, клюку и шапку».
Думал-подумал:
«Не дать мни, он все равно силой возьмет».
Взял клюку,
535 Выкинул выша лесу стоячого,
Ниже облака ходячого.
А Илья Муромец подхватил клюку
И пошел в Киев-град.
Пришел ко князю Владимиру в горницу.
540 Говорит чудо Идолищо страшное, говорит:
«Знаешь ли ты Илью Муромця?»
Илья Муромец говорит: «Знаю».
«Большой ли он ростом?»
«А выглянь на меня, какой я, такой и он».
545 «Он эдакой большой, дак много ли хлеба ест?»
«По три калацика».
«Много ли вина пьет?»
«По три рюмоцьки».
«Что же эдакой большой мало ест да пьет?»
550 А как я, Чудо Идолищо страшное,
По ковриге кладу за щеку,
Белу лебедь на закусочку,
Два ведерка вина на запивочку».
А говорит Илья:
555 «Была у моего батюшка блинобрюхая корова,
Ила-йла, да и лопнула».
А это ёму не прилюбилось,
Взял в Илью Муромця ножиком брѣсил.
А Илья Муромец осторонился,
660 Ножик в липину стал.
(В двери, в дверях есть.)

- Взял Илья Муромец шапку,
Ударил чуда Идолища в голову,
Рассёк ёго до пояса.
Все богатыри собралися,
565 Чтоб не проехал никто их заставы богатырьской.
Ну, в одно время богатыри
Каравулили свою заставу богатырьскую:
Васютка-полы волчия,
Гришка роду боярского.
- 570 Олёша Поповиць, Добрыня Никитиць, Илья Муромець.
В одно время Олёша Поповиць
Пошел в Киев-град.
Добрыня Никитиць уехал на охоту,
Илья Муромець спал в шатри на лавоцьки.
- 575 В то время ехал нахвальщина
Через их заставу богатырьскую,
Одной рукой палицю выкидывал,
Саблю выметывал выша лесу стоящего,
Нижа облаки ходяцей,
- 580 А другой рукой подхватывал.
Ну и говорят, кому ехать на нахвальщину:
«А ехать Васютки-полы долги,
На борьбы полы заплётутся,
Погине напрасно.
- 585 Ехать Гришки роду боярского,
Глаза у него боярские завидущие,
А оглядитсе на нахвальщину
И погине напрасно.
Ихать Олёши Поповичу,
- 590 У него глаза поповськие звидущие,
Оглядится на нахвальщину
И погиня напрасно.
Ехать Добрыни Никитицю,
Тот парень славный».
- 595 Поехал Добрыня Никитиць,
Поглядел в трубку подзорную,
Увидел в поле церькезенку
И поехал на церькезенку,
Там увидел нахвальщину,
- 600 Одной рукой палицю выкидыват,
Саблю выметыват,
Другой рукой подхватыват.
Говорит Добрыня Никитиць:
«Где я не ежживал,
- 605 Такого чуда не нахаживал.
Унеси миня Спас со пречистою
От собаки от нахвальщины».
Поворотился и взад поехал,

- А настрету ёму едет Илья Муромец.
610 Илья Муромец поглядел в кулак молодецкой,
Увидел в поле церкезенку
И поехал на церкезенку,
Увидел там нахвальщину,
Нахвальщина одной рукой палицю выкидывая, саблю
вымётывая,
- 615 Другой рукой подхватывая.
«Иде я не хаживал, иде я не езживал,
Такого чуда не нахаживал».
Вот сразились оны:
С гор пески посыпались,
620 С морь вода полилась.
Сразились оны палицьмы:
Палици погнулись,
Друг друга не ранили.
Сразились оны саблямы:
625 Сабли зазубрились,
А друг друга не ранили.
Пошли оны на рукопашную:
Илья Муромец замахнулся рукой правою,
А через леву ногу упал наземь.
- 630 Тут нахвальщина сел на грудь Ильи Муромцю,
Хочет туманить очи ясные
Да пороть груди белыи.
И говорит: «Ты бы построил по край дороги келейку
И собирал бы себе милостинку,
635 А не заменял бы молóдых».
А Илья думает:
«А ведь мне на бою смерть не писана».
Стал сподлоба поглядывать,
Выкинул нахвальщина выша лесу стоячого,
640 Нижа облаки ходячей,
Пау нахвальщина на землю.
Сел Илья Муромец на груди,
Недосуг было спрашивать,
Туманил очи ясны
645 Да порол груди белыи,
Взял его саблю вострую
И отрубил нахвальщини голову,
Голову клал на штык
И поехал в Киев-град.
- После этого он стал делать церкви божии Спасу со пречистой,
и за этой церковью не окаменел.

(Церьков он не достроил. Так уж быть, видно, такса смерть.)

7. ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

- В старину было в стародавнюю,
Когда княжил князь Владимир в Киеви.
Близ города близ Мурома,
Во сели да в Корочарови
- ⁵ Жил старичок Иван Тимофеевич
Со своей старушкой Анной Ивановной.
Даровал бог им детище,
Ильюшу сына Ивановича.
Он двадцать лет сидел сиднем на печки на муровленной,
- ¹⁰ Он без рук сидел да без ноженек,
Не имел детище ног у себя.
Мать его кормила дóсыти,
Вином поила вполпьяна.
- ¹⁵ Проходило время оное,
Тридцать лет излишка миновалоси.
Отец с матерью пошли поработать, позабавитесь,
Да за работушкой расправитесь.
Приходили к дому Ильи Муромца
- ²⁰ Люди бедные, хожалыи,
Старцы старыи, усталыи,
Просят у Ильи напитиси.
Илью-то старички поразжалили
«Рад я бы вам напитиси, старички, да не могу.
- ²⁵ Тридцать лет излишку сижу на печки на муровленной,
Без рук сижу, без ноженек».
Говорят старцы божи:
«Ты, Илья, нас не омманывай,
- ³⁰ Стань поди на ноженьки».
Встал Илья на ноженьки,
Пошел, как будто встрепанный,
Наливал Илья ведерышко,
Подносил старцам божим,
- ³⁵ А не пьют они прохожи,
А велят испить Ильи самому.
Испивал Илья ведерышко без устали.
Говорят тут старцы божи:
«Ты много ли, Илья, почуял в себе силушки?»
- ⁴⁰ «Во мне сила, во мне полная:
Как бы был столоп в земли-матушки до небушка
Да в столби кольцо червонное —
Дак повернул бы святорусьскую».
Говорят тут старцы божи:
- ⁴⁵ «Дай-ко, Илья, нам напитисе».
Наливал еще Илья ведерышко,
Подносил старцам божим,
Велят испить Ильи самому.

- Испивал еще Илья ведерышко без устали.
50 Говорят тут старцы божии:
«Ты много ли, Илья, почувал в себе силушки?»
«А во мне силы половинушка».
Говорят тут старцы божии:
«Дай-ко, Илья, нам напитисе».
- 55 Заходил Илья в кладовушку,
Не в большую, заповедную,
Наливал вина зелёного,
Пенистого, стоялого, заморьского,
Подносил старцам божим,
- 60 А не пьют оне прохожии,
Угощают Илью Муромца.
Испивал тут Илья ведерышко без устали.
Говорят старцы божии:
«Ты много ли, Илья, почувал в себе силушки?»
- 65 «А во мне сила, во мне полная».
«Дак не живи-тко дома да не работай-ко,
Ведь Русь-то матушку побороть хотят,
Дак на все твоя силушка надобна.
Ты стой за вдов и за сирот, и за церковь божию.
- 70 И на все-то твоя силушка надобна,
А на бою тебе смерти не сказано.
Ты купи-ко у соседа жеребёночка-одногодочка
И в струбе выдержи три месяца,
Пшеницею выкармливай,
- 75 Сытой медвяницей выпайвай,
Три росы его выкатывай,
Три зари его выезживай
И подведи к тыну высокому,
Как перескочит в обы стороны —
- 80 Дак поезжай куда захочетсе».
Дали Ильи калики в руки палицу девяносто пуд,
И как воск оны потаяли.
Как пошел Илья на улицу что ясным соколом,
Как увидят красны девушки — дак приружатхнутсе,
- 85 А как увидят молодушки — дак подбекренятсе.
Пошел Илья к отцу-матери.
Отец с матерью поработали, отдыхать полегли.
Илья тут брал косу острую,
Сена накосил и стогов наметал,
- 90 А косу острую воткнул в землю-матушку таково глубоко,
Что той косы никому не вытащить,
А сам Илья сел за кустышок.
Отец с матерью пробуждаются,
Тому чуду дивуютсе:
- 95 «Это кто нам так напроказил,
Накосил и стогов наметал

- И косу острую в землю воткнул таково глубоко,
Что этой косы нам не вытащить?»
Выходил Илья с-за кустышка.
- 100 «Это я так накосил и стогов намётал,
Косу острую воткнул таково глубоко,
Что этой косы вам не вытащить».
- Отец с матерью говорят:
«Славу богу, как господь дал большого работника».
- 105 Как купил Илья (у) соседушка жеребёночка-одногодочка,
Пшеницею выкармливал,
Сытой медвяницей выпаивал,
В сруби выдержал три месяца,
В три росы его выкатывал,
110 В три зари его выезживал,
Подводил к тыну высокому —
Перескочил он в обе стороны.
В воскресной день простоял в церкви заутрению,
Ну и просит у отца с матерью благословленьца
- 115 Ехать во Киев-град,
Послужить князю Владимиру.
А отец и говорит:
«На добры дела дак и благословенье есть,
А на худые дела и благословенья нет.
- 120 Как пойдешь, дак не помысли на татарина,
Тем пуще на хрестьянина».
- А говорит ему родимая матушка:
«Ой ты, чадо мое милое,
Утешь-ко мою старость беспомощную,
- 125 Останьсе-ко во своем дому,
Ведь в Киев-то град дороги прямоезжай нет,
Уж тридцать лет как дорога замерла в Киев-град,
В засаду сел разбойник Соловей Дохмантович,
Не пропускает он ни конного, ни пешаго,
- 130 А ты потеряешь буйну голову
Не за денежку, не за медную».
- Утирает он своей матушке слезы горькие.
«Рад бы, рад бы я остаться во своему дому,
Утешить твою старость беспомощную,
- 135 Дак ведь мне самым господом назначено,
У апостолов написано».
- Илья тут дал прощеньице с отцом-матерью.
Вид'ли, как на коня тут сел,
А не вид'ли, куда поездку дал.
- 140 Не белы снежки забелили в чистом поли,
А белеет под Ильюшенькой белый конь,
А хвостом-то конь все поля остёгал.
Приехал Илья на перекресточку.
На перекресточке лежит бел-горюч камень,

- 145 На камушки подписано:
«В леву ехать — дак женату быть,
В праву ехать — дак богату быть,
А в прямоезжую ехать — дак убиту быть».
«Ведь снять-то с меня нечего,
- 150 Убить-то меня не за что:
Кушачок-то стоит пятьсот рублей,
А шубка стоит целу тысящу,
А богатства крестьянскому сыну не надобно,
А с женою мне жить не удумано,
- 155 А поеду я в дорогу прямоезжаю».
Как поехал-то дорожкой прямоезжей,
А настрету ему идут мужички черниговски,
Лихую беду думают:
«Под Черниговым стоит три царевича,
- 160 С кажным силы по три тысячи».
А Ильи показалось жаль Чернигова,
А заповеди разрушати отца-матери не хочетси,
Белых рук не кровавити.
Взял Илья вырвал пень с пеньями, с кореньями
- 165 И стал он по силушки поезживать,
Стал он по силушки похаживать,
Куды махнет — падут улицмы,
Поворотит — чисты площади.
Добилсе до трех царевичей.
- 170 «Ой вы, горе три царевича!
Головы вам сносить —
Напрасно кровь пролить,
А в полон вас взеть —
У меня хлебы завозные, трудовые.
- 175 А поезжайте-ко вы по своим домам,
А скажите-ко вы по своим домам,
А скажите-ко вы своим людям,
Что Русь-матушка не пуста стоит,
На Руси есть могучии богатыри».
- 180 Говорят тут три царевича:
«Ой ты, ой еси, добрый молодец,
Скажи-тко, как тебя звать по имени,
Величать по отечестви?
Что господь послал нам посланничка,
- 185 Что очистил наши отчины».
«Звать меня Ильёю,
А величают Ивановичем».
«Дак ты поедем-ко к нам,
У нашего воеводы хлеба-соли откушати».
- 190 «А не поеду я к вам
Вашего хлеба-соли откушати,
А покажите-ко мне дорожку в Киев-град прямоезжую».

- «А прямоезжей дороги в Киев-град нет,
Надо ехать по полям да по липушкам цветным».
- 195 Говорят мужички черниговски:
«Ой ты, ой еси, добрый молодец,
Как тебя звать по имени,
Величать по отечеству?
Ты поедем-ко к нам во Чернигов-град,
- 200 К нам жить воеводою,
Кормить-поить мы будем досыта,
А вином поить вполпьяна».
«А зовут меня Илейёю,
А величают Иванович.
- 205 А не поеду я к вам жить воеводою,
А покажите-ко мне дорожку прямоезжую во
Киев-град».
- «А в Киев-град прямоезжей дороги нет».
Тут Илья Муромец одной рукой коня вел,
- 210 А другой рукой дубки рвал да мосты мостил.
Приехал Илья к речки Смородинки.
Захотелось ему позавтракать,
Сварил себе кашички, позавтракал,
Сам стал сон держать,
- 215 А коня спустил травы пощипать.
Клал он возли себя лук да палицу.
Не ясный сокол вылетывает,
Не млад вороненок выпархиват,
Выпархиват Сбут-королевич.
- 220 У Сбута очи как ясного сокола,
Брови как черного соболя,
А шея как белый снег,
А у коня-то хвост, грива золочёныи,
Седельшка, подпруга булатнии — все золочёныи.
- 225 Увидал возле Ильи лук да палицу,
Разгорелось сердце богатырьское,
Стал тугой лук натягивать,
Калену стрелу направляивать.
Хотел угодить в праву́ руку,
- 230 А угодил прямо в ретиво сердце.
А у Ильи-то на сердце был чудесный крест,
От креста стрела переломиласи,
Со сна Илья пробуждается.
«Что ты, чадо несмышленное,
- 235 Бьешь ты меня сонного как мертвого,
А не знаешь, с кем связываешься».
Взял Илья Сбута-королевича на руки,
Выкинул выше лесу стоячего,
Ниже облаки ходячии,
- 240 А на руки он подхватил.

Стал Сбут-королевич молить-просить,
Для родимой матушки пощады просить.
Спомнил Илья тут Муромец свою родиму матушку
и говорит:

- «Поезжайте-ко своим домам
245 И скажите-ко своим людям,
Что Русь-матушка не пуста стоит,
На Руси есть могучии богатыри.
Тут поехал Илья Муромец дорожкой.
Услышал Соловей-разбойник коньской топот,
250 Соловей-разбойник как ряхнул по-зверинуму,
Свистнул по-соловьиному —
Под Ильюшей конь на колена пал.
Бьет коня Ильюша по крутым ребрам.
«Ах ты, волчий корм, травяной мешок!
255 Неужоли ты не бывал в темном лесу,
Неужоли ты не слышал крыку звериного, свисту
соловьиного?»

- Под Ильюшей конь исправилсе.
Тут стал Ильюша с отцом-матерью заповедь разрушать,
Тугой лук натягивать,
260 Калену стрелу направлявать
И стрелке приговаривать:
«Не пади-ко, стрелка, не на воду, не на землю,
А пади-ко, стрелоцка, во правой глаз».
Не пала стрелоцка не на воду, не на землю,
265 А пала стрелоцка разбойнику во правый глаз,
Тут пал разбойник комом на землю.
Подхватил Илья разбойника,
Привязал к праву стремяну.
Соловьина старша дочка
270 Поглядела в трубку подзорную.
«Наш-то батюшко едет,
Мужичищу-деревенщину во стремени везет».
Друга поглядела в трубку подзорну.
«Наш-то батюшко едет,
275 Мужичищу-деревенщину во стремени везет».
А третья дочка поглядела в трубку подзорную.
«Нет, едет мужичищо-деревенщино,
А нашего батюшко о стремени везет».
Задумали зятева худую думу:
280 Обернуться птицами с носамы со железнымы,
Росклевать его с жеребчиком,
А мать их задумала
Давать золото да серебро да звать в гости.
Стала его просить гля детей пощады дать:
285 «Не убей матери от птенчиков».
«Ай мне, крестьянскому сыну, денег не надобно,

А не спущу я Соловья,
А повезу князю Владимиру на показание».

(И поехал.)

- Приехал Илья во Киев-град,
290 Прямо к князю ко Владимиру на широкой двор,
Поставил коня к дубову столбу,
Привязал коня к золоту кольцу,
А Соловья-разбойника привязал к столбу крепко-накрепко,
А сам пошел в горницу к князю ко Владимиру.
- 295 Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Бьет челом, поклоняется,
На две, на три на сторонушки,
А князю Владимиру в особину со княгинушкой.
- 300 Здесь Владимир спрашивает:
«Откуда, добрый молодец?
Как тебя звать по имени,
Величать во отечестве?
По имени можно место дать,
305 А по отечестве пожаловать».
«Я из города из Мурома,
Из села да Карачарова,
А зовут меня Илейкою,
А величать по отечеству».
- 310 Князь Владимир наливает чарочку зелена вина
Подкрепиться с дороженьки.
Выпил Илья цароцку зелена вина,
Говорит он:
«Я дома простоял заутреню,
А сюда попал к обеденки,
315 А дорогой призамешкался».
А князи-бóяра все подмолвили:
«А детина завирается,
Ведь в Киев-град дороги прямоезжей нет».
Он и говорит:
- 320 «Ой же князь Владимир красно солнышко,
Пойдемте-ко с намы на широкий двор
Посмотрети моей добычи богатырской:
Я привез вам Соловья-разбойника на показание.
Уж князь Владимир красно солнышко, во гнев не возьми,
- 325 Я тебя возьму под пазушку,
А княгинушку под другую».
Пришли на широкий двор, он и говорит:
«Ай же ты, Соловей-разбойник сын Дохмантьевич,
Крикни вполголоса
330 И свистни вполголоса».
А разбойник не послушался,

А рывнул в целой голос
И свистнул в целой голос.
Все князя-бояра на карачках плывут,
335 А князь Владимир еле жив стоит.
«Ну ладно, пойдем-ко мы в горницы,
А эти шутки нам не надобны».

(Вот и пришли.)

Князь Владимир и говорит:
«Садись-ко, Илья Муромец,
340 На перьво место возле меня,
А на другое место супротив меня,
А третье место сам повыбери».
А Илья Муромец не садился на перьво место,
А сел супротива князя на скамеечку.
345 Стали есть да пить,
А княгинушка Илью потчует
Медом сытяным со своих рук.
А Олеше Поповичу за досаду стало,
Взял в Илью Муромца ножиком кинул.
350 А говорит Илья Муромец:
«Что ты в меня ножиком кидашь?
Лучше мы с тобою побратаемсе,
Станем вместе есть да пить».
Олешу Поповича стыд взял.
355 Попили, поели, вси розъехались,
Князя-бояра поразошлись,
Как песок рассыпались.

8. БОЯРИН ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Во славной Индии,
Во городи во Галичи
Жила вдовушка,
У ей был сын Дюк Степанович.
5 На мори собирали девушки перышки,
Она соберала эты перышки
И давала не по сотни, а по тысячи
За каждо платила,
А он их расстреливал.
10 У креста Леванидова
Не березка к земли клонится,
Не листоцик ли расстиляется,
Расстиляется сын перед матушкой,
Просит прощеньица ехать во Кеев-град,
15 Говорит: «Ведь во всех краях побывано,
А во Киеве не бывано,
Князя светлаго Владимира не видано».

«Да ведь в Киев-град на дороги три заставы:
Перьва застава — горы высокии раздвинутся
20 Да вместе сблизятся».
«А не поспеют вместе сблизиться,
Я проскочу с жеребчиком».
«А друга застава — птицы с носамы железными,
Росклюют тебя с жеребчиком».

(Можя взять поболя.)

25 «Не поспеют росправить крылышков,
А я проскочу с жеребчиком».
«А третья заставушка — змей Горынищо о двенадцати
хоботах».

«А не поспеет расправить тяжелых хоботов,
А я проскочу с жеребчиком».

30 Говорит ёму матушка:
«Если бог судит тебе быть в Киеви,
Видеть светлаго князя Владимира —
Дак ты не хвастай животинкамы вдовскима, сиротскима».

Приехал боярин Дюк Степановиц
35 В Киев-град к князю Владимиру на широкой двор,
А князя Владимира дома не случилось,
Был в церьквы божией.

Пошел Дюк Степанович в церькву божию,
Там стоит князь Владимир,

40 По одну сторону стоит князь черниговской,
А по другу-то сторону Щурила Щаплёнкович.
Говорит князь Владимир:

«Это не посол ли чужой земли,
Не сватух на моёй племянницы?»

45 А говорит Щурила Щаплёнкович:
«Ай же ты, князь Владимир красно солнышко,
Ведь он говорит да подлыгается,
Да над тобою насмехается,
Он холопина деревенская,

50 Век сапог не видывал».
Пошли с церьквы божией,
Говорит он: «У вас, я вижу, все не по-нашему:
У вас церьквы деревянные,
Крыши сосновые,

55 Кресты заштяновые¹.
Говорю я вам, не хвастаю:
Как у нас в богатой Индии,
Во городе во Галиче,
У моёй у милой матушки

¹ Жестяные, обитые жостью (неясно: примечание собирателя или сказителя).

- 60 Церьквы забелёны извѣсточкой,
Крышецьки крашеня,
Кресты и кумпы позолочёны».
Пошли по улици.
Говорит Дюк Степанович:
- 65 «У вас, я вижу, все не по-нашему,
А говорю я вам, не хвастаю:
Как у нас во городи во Галици,
У моёй у милой матушки
Мостовые призамошонны,
- 70 Песоцьком призасыпаны,
От росы посыпано дожжичком».
Пришли ко князю Владимиру к воротам.
Говорит боярин Дюк Степанович:
«У вас, я вижу, все не по-нашему,
- 75 Говорю я вам, не хвастаю:
Как у нас в богатой Индии,
Во городи во Галици,
У моёй у милой матушки
Над воротамы икон семь десятков с пятеричею,
- 80 А у князя у Владимира и десятка нет».
Зашли на широкой двор,
Говорит боярин Дюк Степановиць:
«Я вижу, у вас всё не по-нашему,
Говорю я вам, не хвастаю:
- 85 Как у нас во городи во Галици,
Говорю я вам, не хвастаю:
У моёй у милой матушки
На дворе е пометельщики,
На дворе е посуконщички.
Говорю я вам, не хвастаю:
- 90 Как у нас в богатой Индии,
Во городи во Галичи,
У моёй у милой матушки
На ней платьица не носятся.
От того у ней не носятся,
- 95 Что портные не выводятя,
Не ушла толпа рассчитанных —
Другая в терем проситя».
Ну, сели оны за стол,
Клали им по калачику.
- 100 Боярин Дюк Степанович
Корку нижнюю отламывал,
Корку верхнюю отбрасывал.
Говорит князь Владимир:
«Что-то ты, боярин Дюк Степановиць,
- 105 Корку нижнюю отламывал,
Корку верхнюю отбрасывал?»

- «Не могу я есть ваших калациков,
У вас на воды месятся калацики,
Печьки-то у вас кирпичьныи,
110 Дровця-то у вас еловьи,
А помялышки сосновьи,
У вас пахнут калацики.
Говорю я вам, не хвастаю:
Как у нас во городи во Галици,
115 У моёй у милой матушки
Калацик ешь — а другой хочется,
А другой ешь — по третьем плацется.
У нас на медах месятся калацики стоялыи,
У нас печьки изразцовьи,
120 Дровца дубовьи,
Помялышки шелковьи».
Поднесли им по рюмоцки.
Боярин Дюк Степановиць рюмку выкинул.
Говорит князь Владимир:
125 «Почему ты, Дюк Степанович, рюмку выкинул?»
«А не могу я ваших пить напитокочок,
У вас бочоночки дубовьи,
А обруци еловьи,
В погрябах стоят глубокиих,
130 У вас задохли напитокочки.
А говорю я вам, не хвастаю:
Как у нас во городи во Галици
Рюмку пьешь — а другу хочетця,
Другу пьешь — по третьей плацется.
135 У нас боцёночки серебряны,
Обруци золоцёныи,
На чепях висять серебряных.
Как завеют ветры буйныи,
Загоргочат эти боцецьки,
140 Быдто лебеди на заводьи».
Говорит князь Владимир:
«Боярин Дюк Степановиць,
Не хочешь ли с нашим Шурилой Шаплёнковичом
позакладываться?
Не об сотнях, не об тысяцах,
145 А о буйных головах:
С нашим Шурилой Шаплёнковичем
Ездить три года на конях не на сменных?»
Ну и позакладались.
Боярин Дюк Степанович писал письма длинныи,
150 Положил в сумку и привязал на коня
И говорит коню:
«Бежи, Каур-Каурушка,
И выручай хозяина из полона».

- Прибежал конь.
165 Мать увид'ла и говорит:
«Прибежал один конь,
Видно нет живого Дюка Степановича».
А увид'ла как сумку на кони.
«Наверно расхвастался животинками вдовськими, сирот-
скимя». Но что он писал, что надо, в сумку положила и сум-
ку привязала и сказала:
«Бежи, Каур-Каурушка,
160 Выручай хозяина из полона».
Щурилы коней нагнали из Цернигова, из Киева.
Боярин Дюк Степанович
Встанё утром ранёхонько,
Коня по росы прокатит,
165 Конь шерсть переменит
И за коня пойдет за другога.
Говорит князь Владимир стольно-киевский:
«Кого отправить в Индию
Описать Дюково богасьво?»
170 Как послать Васютку-полы длинные,
Полы долги заплетутся,
Погине напрасно.
Как послать Гришку роду боярского,
У него глаза боярьские завидущие,
175 Заглядится на богасьво,
Там и останется.
Послать Олешу Поповича,
У него глаза поповськи завидушии,
Заглядится на богатство,
180 Там и останется.
Послать Добрыню Никитица,
Он парень славный, грамотной, вострой».
Поехал Добрыня Никитець в Индию.
Приехал, думает, что Индия горит.
185 Приехал в город Галич,
Поставил коня к дубову столбу,
Привязал коня к золоту кольцу
Есть пшены белояровой,
Зашел в терем, богу помолился.
190 Сидит жона матерая,
Шелку нет, а вся в золоти, поклонился.
«Здравствуй, Юкова матушка».
«Я не Юкова матушка, я ёго мамушка».
В другой терям зашел,
195 Богу помолился.
Сидит жона матерая,
Шелку нету, вся в золоти.
«Здравствуй, Юкова ты матушка!»

- «Я не Юкова матушка, я ёго калачница.
200 Его матушка ушла в церькву божую».
Пошел Добрыня,
А идет Юкова матушка с церьквы божией:
На ней платье — шелку нет, а все в золоти,
От росы покрыто бархатом.
205 Ведут ю дѣвици и вдовици,
А впереди стелют бархат,
А сзади оберают.
Пришли, сели обедать,
Клали по калачику.
210 Калачик ешь — а другой хочетсе,
Другой ешь — по третьем плацѣтса.
Поднесли по рюмоцки.
Рюмку пьешь — а другу хочетса,
Другу пьешь — по третьей плацѣтса.
215 Так Добрыня Никитиць тут поел-попил,
Отвели ёго в почевальню,
И он спал трои суточки.
Ну, потом выстал и говорит:
«Я приехал Юково богасьво описывать».
220 И говорит Юкова матушка:
«Поезжай, скажи князю Владимиру,
Пусть продаст Цернигов-град на цернила,
А Киев-град на бумагу
И потом мое богасьво опишет.
225 У мя есть три погреба,
Дак на один погреб Киев выкуплю».
Щурила Щапленкович ездили по городу,
Последний день езда по городу,
Кто перяскоча через Непру-реку в обы стороны.
230 Щурила поехал —
Да и середки реки в воду втопался.
А боярин Юк Степановиць
Через реку скоцил — и взад поворотилса
И Щурилу вытащил.
235 Говорит боярин Дюк Степанович князю Владимиру:
«Кому ты повелишь рубить буйну голову?»
Говорит-то князь Владимир:
«Оставь-ко ты нам Щурилушку для памяти».
Говорит Дюк Степанович:
240 «Князем Владимиром упрошенный,
Киевскими бабами уплаканый»¹.
Говорит снова князь Владимир:
«Не хочешь ли с нашим Чурилушкой позакладаться?»

¹ Очевидно, певец пропустил строку. См. аналогичные строки в конце былины (стр. 85).

- Не об сотнях, не об тысящах,
245 А о буйных головах:
Кто лучше оденется в церкву божию?»
Щурилушка надел сапожки:
Носки плоски, пятки востры,
А скрозь подошвы хоть сыч промчи,
250 Хоть воробей пролети.
Надел шубку:
На одной полы девушки,
На другой молодци.
Как застенется — дак поцелуются,
255 А как растенется — дак обіймутся.
Шапоцьку надел ушистую-пушистую:
Спереди с-под шапки оцей не видать,
А сзади с-под шапки белой шейки.
А боярин Юк Степанович
260 Обул лапотики с семи шелков плетеных,
И заплетены яхонтовы каменя,
И каждый камень стоит Києва.
Шубку одел соболиную:
На одной полы звери,
265 На другой змеи.
Как застенется — дак зашипят,
А как растенется — дак заревут.
А шапочку надел земли гречецкой,
А заплетены каменя яхонтовы,
270 Каждый камень стоит Києва.
Князь Владимир обернулся, хотел сказать:
«Посмотри-ка, как наш Щурила Шаплёнкович оделся».
А боярин Юк Степанович лучше оделся.
И говорит боярин Дюк Степанович:
275 «Князь Владимир, кому ты повелишь рубить буйну
голову?»
- Говорит-то князь Владимир:
«Оставь ты нам Щурилушку гля памяти».
«Князем Владимиром упрошенной,
Киевскими бабами уплаканный,
280 Ну, пусть останется».
Говорит князь Владимир:
«Останься у нас, Дюк Степанович,
Жить во Києви».
«А приехал — вы меня не очёстовали,
285 А теперь вы меня не будете учёстовать,
А я поеду в богату Индию,
Во город Галич,
К своей милой матушки».

9. ПРО ДОБРЫНЮ

- Спорождался на святой Руси Добрынюшка Никитьевич,
Почуял Скимян-зверь,
На нем шёрсточка булатная,
Голова по-звериному,
5 А хвост по-змеиному.
Он побежит ко Пучай-реке,
И он на дыбы становится.
Ну, стал Добрынюшка как семи годков,
Стал в чисто поле похаживать
10 На ту гору Сороченскую,
Стал змеенышев потаптывать.
Как стал Добрынюшка на возрасте,
Головушка на разуми,
Стал Добрынюшка двенадцать лет,
15 Стал в чисто поле поезживать,
Стал змеенышев потаптывать.
Говорила мать родимая,
Говорила сыну милому:
«Что-то часто ты зачистил во чисто поле
20 На ту гору Сорочинскую.
Побойся-ко купаться во Пучай-реки,
Ведь Пучай-река спесивая,
На ту струйку зайдешь — дак огонь горит,
А на другую ставаешь — так искры сыплютси,
25 А на третью зайдешь — так чад ставае с горячим
пламенем».
- А Добрыня не послушался,
Поехал ко Пучай-реки.
«Говаривала мать родимая,
Что Пучай-река спесивая,
30 А река стоит тиха-смирна,
А будто лужица от дождичка».
На одну струйку и зашел — там огонь горит,
На другую зашел — искры сыплютси,
А на третью зашел — дак чад ставае с горячим пламенем.
35 Не темна тученька затемнила —
Накрыл змея Горынищо о двенадцати хоботах,
Говорил ему по-вражецки:
«Ты в моих руках, Никитьевич,
Задушу тяжелым хоботом,
40 Нет, так съем тебя с жеребчиком,
А то затоплю во Пучай-реки».
«Ай же ты, змея проклятая,
Не теперь меня захватывать!»
Спустился во Пучай-реку,
45 А взад-то как испятился —

- Нет как нет коня могучего
И оружия богатырского.
Тут Добрынюшка снял с головы шапочку земли греческой,
Зачерпнул он песку желтого,
50 Замахнулся на Горынищу,
Снес проклятых три хобота,
Пал змея Горынище комом на землю,
Говорил ему по-вражецки:
«Ай жо ты, Никитьевич,
55 Скажом заповедь великую:
Тебе не ездить во чисто поле
На ту гору Сорочинскую
И змеенышев не таптывать,
Не выручать людей из полона,
60 А мне не летать бы на святую Русь».
Тут Добрынюшка Никитьевич
Пешочком отправился во Киев-град.
А в тую пору, в тую времячко
Поднялся змея Горынищо над Киев-град.
65 А в тую пору, в тую времячко
Гуляла Забава Путятична
В зеленом саду в березовом.
Змея Горынищо захватил Забавушку в тяжелы
во хоботы,
Уносил в нору глубокую.
70 Тут князь Владимир красно солнышко
Собирал всех князей-бояров
И русских могучиих богатырей,
Призывал к себе волшебников.
«Кто бы выручил Забавушку из полонá,
75 Княжнуню племянницу Путятичну?»
Передний тулится за середнего,
А середний тулится за заднего,
А от заднего и ответу нет.
Говорит Олешенька Попович сын:
80 «Ай жо ты, солнышко князь Владимир стольно-киевский,
Ведь у Добрынюшки с Горынищо заповедь положена,
Он возьмет Забавушку без борьбы, без кроволития».
Говорит Владимир-солнышко, князь стольно-киевский:
«Ай же ты, Добрынюшка Никитьевич,
85 Наложу я на тебя службу дальну, позаочную:
Тебе съездить во чисто поле,
Выручить Забавушку из полымя».
Тут пошел Добрыня, закручинился,
Пошел Добрыня, запечалился,
90 Повесил буйну голову на правую на сторону.
Стретала мать родимая,
Стретала сына милого.

- «Уж ты что идешь, Добрынюшка, невёселей,
Головушку повесил?»
- 95 Верно, место было не почетное,
Али чарой тебя обнесли,
Али словом обесчестили?»
«Место мне было почетное,
И чарой меня не обнесли,
- 100 И словом не обесчестили —
Дураки меж нами там не водятся.
А наложил мне князь Владимир красно солнышко
Службу дальну, позаочную:
Мне-ка съездить во чисто поле
- 105 На ту гору Сорочинскую,
Выручить Забавушку из полона».
«Ну, ладно, утро вечера мудренее.
У нас есть еще конь дедковской,
Дверь по пояс занавожена,
- 110 По колену ноги в навоз зарощены».
Тут Добрынюшка Никитьевич
Ставал утрышком ранехонько,
Одевался хорошоохонько,
Уж он брал коня могучего
- 115 На уздечку на тесмяную,
Он седлал коня могучего,
Клал он войлоки на войлоки,
Да подпруги на подпруги,
Седельшко черкальское.
- 120 Провожала мать родимая,
Провожала сына милого.
На прощенье плетку подала,
Не простую — шенахинскую,
Семи шелков плетеную,
- 125 На прощенье слово молвила:
«Как съедешь, мой Добрынюшка, в чисто поле,
Станешь по полю погуливать,
Подточат ты змееныши
У лихого коня щеточки,
- 130 Ты бери-ко в руки плеточку,
Ударяй-ко промеж уши Бурушка,
Ударяй да приговаривай.
Стане по полю конь помахать
Да змеенышев отряхивать».
- 135 Тут Добрынюшка Никитьевич
Стал он по полю погуливать
Да змеенышев потаптывать.
Подточили ты змееныши
У лихого коня щеточки,
- 140 Уж он брал в руки плеточку,

- Ударял промеж уши Бурушка,
Ударял да приговаривал.
Стал по полю конь помахивать
Да змеенышев отряхивать,
145 Потоптал всех до единого.
Выходил змея Горынищо
Со той норы глубокой,
Говорил ему по-вражечки:
«Ай жо ты, Никитьевич,
150 У нас ведь заповедь была положена:
Тебе не ездить во чисто поле
На ту гору Сорочинскую
Да змеенышев не таптывать,
Не выручать людей из полона».
155 «Ай же ты, змея проклятая,
Зачем шел ты на Киев-град,
Зачем взял ты княжнюю племянницу?
Дак ты отдай-ко мне Забавушку
Без борьбы, без кроволития!»
160 А Горынищо заупрямился,
Поднял драку он великую.
Уж дрались трои суточки,
Не мог побить змеи проклятой.
Лишь хотел домой отправиться,
165 Только слышит голос с облака:
«Ай же ты, Никитьевич,
Дрался трои суточки,
Аще три часу поратайси,
Ты побьешь змею проклятую».
170 Еще три часу поратался
И побил змею проклятую.
Кровь стоит целым озером,
Той крови мать-земля не приняла.
Уж он ждал трои суточки.
175 Лишь хотел домой отправиться,
Только слышит голос с облака:
«Ай же ты, Никитьевич,
Возьми свое копье отточено,
Ударяй в мать сыру землю,
180 Ударяй да приговаривай:
«Росступись-ко, мать сыра земля,
Прибери ты кровь змеиную».
Тут Добрынюшка Никитьевич
Брал свое копье отточено,
185 Ударял в мать сыру землю,
Ударял да приговаривал:
«Росступись-ко, мать сыра земля,
Прибери ты кровь змеиную».

- Росступилась мать сыра земля,
190 Прибрала кровь змеиную.
Тут Добрынюшка Никитьевич
Заходил в нору глубокую,
Там было много пленников.
Всем давал он волю вольную,
195 А за собою взял Путятичну,
И садился на добра коня,
И за собою взял Путятичну.
Говорит ему Путятична:
«Назвала бы тебя батюшкой —
200 Да назвать-то мне не хочется,
Назвала бы тебя братушкой —
Да ты в меня не влюбишься».
«А я роду-то боярского,
А ты роду княженецкого,
205 Так мне влюбиться не доводится».
Привез Забавушку прямо к князю Владимиру на широкой
двор.
- Тут у князя у Владимира
Пива не варить, вина не курить.
Собирались все князья-бояра,
210 Русские могучие богатыри.
Стол тот был в полустольи,
А пир-то был в полупири.
Вси-то на пиру наедались,
Да вси-то на пиру напивались,
215 Да вси-то на пиру порасхвастались,
Тот-то тем, да иной энным,
А сам князь Владимир распотешился, говорит:
«Ай же вы, мои князья-бояра,
Все русские могучие богатыри!
220 Вси-то вы на пиру накормлены и напоены,
Да вси-то на пиру вы и поженены,
Один я у вас да холост, не женат.
Выбирайте-тко мне да супротивную:
Чтобы станеком была она прямёшенька
225 И ростом была бы высокёшенька,
Волосом была желта, да умом верста».
Говорят князья-бояра,
Русские могучие богатыри:
«Знаем-ведаем мы супротивную:
230 У царя в Москвы, у короля в Литвы,
У короля Микулы Лиховинского
Есть две дочери хороших:
Одна доць Настасья Микулицна —
Она ездит по полю поляковать,
235 А друга дочь есть Апраксия Никулична —

- Сидит за тридевять замочками,
За тридевять ключочками,
Она станеком прямёшенька,
Ростом высокёшенька,
240 Волосом желта и умом верста».
Говорит¹
«Только дай-ко мне товарищев:
Да смелого Олешеньку Поповича,
Да славного Добрынюшку Никитича».
- 245 Они сели на добрых коней, поехали
К царю в Москву, к королю в Литву,
К королю Микулы Лиховинскому.
Оны ставили коней к дубову столбу,
Вязали коней к золоту кольцу
- 250 Есть пшены да белояровой.
Пошли оны да на широкий двор,
У ворот не спрашивали приворотников,
У дверей не спрашивали придверников,
Прямо шли на широкий двор.
- 255 Крыкнули зычным голосом —
Новые теремы пошаталисе,
А старые теремы развалилисе.
Бежит король Микула Лиховинские,
Крычит зычным голосом:
- 260 «Вот-то, ребята, на беду попал,
Вот-то, ребята, не на маленьку:
Наехали горланы святорусские!
Ой вы, слуги мои верные,
Скорее ставьте столики дубовые,
- 265 Кладите скатерти тонкобранные,
Кладите есвушки сахарьнии
И питьица медвянии,
Угощайте-ко горланов святорусских.
Ой вы, слуги мои верныи,
- 270 Скорее берите-ко Опраксию Никуличну,
Умывайте ю белёхонько,
Одевайте хорошохонько».
Слуги его верныи
Брали Опраксию Никуличну,
- 275 Умывали ю белёхонько,
Одевали хорошохонько.
Оны сели на добрых коней, поехали.
Наехали в чистом поле да на поляницу.
Тут Добрынюшка Никитьевич
- 280 Вдарил ту поляницу своей палицей —
Поляница назад не оглянуласи.

¹ Ирина Андреевна забыла имя богатыря (*примеч. собирателя*).

- Говорит Добрынюшка Никитьевич:
 «Верно, у Добрынюшки силы не по-старому,
 Верно, у Добрынюшки смелости не по-прежнему».
- 285 Вырвал дуб Добрыня с пеньям и с кореньям —
 Двум богатырям рукам не охватить.
 Говорит Добрынюшка Никитьевич:
 «Что силы у Добрынюшки по-старому,
 Смелости у Добрынюшки по-прежнему».
- 290 Поехал на поляницу,
 Ударил ту поляницу своей палицей —
 Поляница назад оглянуласи.
 «Ах, я думала, комарики —
 Там русские могучие богатыри».
- 295 Захватила Настасьюшка Добрынюшку за желты кудри
 И в мешок кожаны́й сдернула,
 И говорит она таково слово:
 «Если стар — дак срежу голову,
 А если млад — дак во полон возьму,
- 300 А ровня — дак оввенчаюси.
 А захромал тут под Настасьюшкой могучий конь.
 «Ай же ты, моя хозяйюшка Настасьюшка Микулична,
 Не свезти мне вас двух могучих сил,
 Ведь в мешки-то богатырь не тебе чета, Настасьюшка».
- 305 Тут выняла Настасьюшка Добрынюшку с мешка кожана́.
 «Ой ты, душечка Добрынюшка Никитьевич».
- «Ай же ты, удалая поляница,
 Ты-то меня знаешь, а я тебя не ведаю».
- «А я бывала у вас в Киеви,
 310 Видала там Добрынюшку Никитича».
- Ну, оны сели на добрых коней,
 Поехали во Киев-град.
 Апраксия Никитична с церкви идет,
 А Настасья Никулична в церковь идет.
- 315 Тут Добрынюшка Никитьевич
 Взял Настасью Никуличну,
 Свел к своей родимой матушки.
 Было то красное солнышко на вечери,
 А почестной пир на весели.
- 320 Говорит князь Владимир красно солнышко:
 «Кто бы прочистил путь-дорожку
 Да к моему тестю милому,
 Повывел белоглазую сорочину долгополюю,
 С казукамы и с татарами».
- 325 Тут передний тулится за середнего,
 Средний тулится за заднего,
 А от заднего и ответа нет.
 Говорит Добрынюшка Никитьевич:
 «Ай же ты, князь Владимир красно солнышко,

- 330 Сослужил бы я тебе службу дальнюю, позаочную,
Я прочищу путь-дороженьку».
Тут пошел Добрынюшка, закручинился,
И шел Добрыня, запечалился.
Стречала мать родимая,
335 Стречала сына милого.
«Уж ты что идешь, Добрынюшка, невеселый,
Головушку повесил?
Верно, место было не почетное,
Али чарой тебя обнесли,
340 Али словом обесчестили?»
«Место было мне почетное,
Чарой-то не обнесли —
Дураки меж нами там не водятся».
Тут Добрынюшка матушке говаривал,
345 Говаривал Добрыня, выговаривал:
«Ай же ты, моя родная матушка,
Лучше бы меня ты, молодца, не рѣдила,
А как породила — ставала бы на гору Сорочинскую,
Вертела бы в рукавца миткалиные
350 И бросала бы Добрыню во синѣ морѣ,
Я лежал бы там, Добрынюшка, век по веку,
Не проливал бы я крови бесповинные,
Не слезил бы отцей-матерей понапрасную,
Не спущал бы малых детей во сирочество,
355 Молодых жен да во вдовичество».
Тут Добрынюшка матушке говаривал,
Говаривал Добрыня, выговаривал:
«Ай же ты, моя родная матушка,
Ты бы лучше меня, молодца, не родила,
360 А породила — бросала бы в Непру-реку,
Я стоял бы там гоголінкою
Век по веку, отныне и до веку,
Не проливал бы я крови бесповинные,
Не слезил бы отцей-матерей понапрасной,
365 Не спущал бы малых детей во сирочество,
Молодых жен во вдовичество».
Тут Добрынюшка матушке говаривал,
Говаривал Добрыня, выговаривал:
«Ай же ты, моя матушка,
370 Ты бы лучше меня, молодца, не родила,
А как породила — копала бы в землю-матушку
о крылечушко,
Тут сросла бы деревиночка
Гля приезде богатырского,
Стояла бы век по веку, отныне и до веку.
375 Я не слезил бы отцей-матерей понапрасной,
Не спущал бы малых детей во сирочество,

- Молодых жен во вдовичество».
Тут Добрынюшка ставал утрышком ранехонько,
Умывался он белёхонько,
380 Одевался хорошохонько.
Уж он брал коня могучего
На уздечку на тесмяную,
Он седлал коня могучего,
385 Клал он войлуки на войлуки,
Клал он подпруги на подпруги,
Седельшко черкальское.
Провожала мать родимая,
Провожала сына милого:
«Ай же ты, мой Добрынюшка Никитьевич,
390 Когда ждать тебя, желанного,
Из окошечка в окошечко поглядывать из чиста поля?»
«А жив я буду — ворочусь,
А жив не буду — ждть уж нечего».
Тут пошла честна вдова Офимья Александровна на' высок
терем,
- 395 Пошла да причитаеси:
«Ой ты, богоданно мое дитяtko, Настасьюшка Микулишна,
Уж ты спишь да проклаждаешьси,
Ты невзгодушки не ведаешь:
Ведь укатаеси наше красное солнышко,
400 Уезжает наш Добрынюшка Никитьевич».
Тут Настасьюшка была как в одной рубашечки,
Без чулочиков, без чоботов,
Побежала на широкой двор,
Становилась к праву стремяну.
- 405 «Ой ты, ладушка-державушка,
Мой Добрынюшко Микитинич,
Когда ждать тебя желанного,
Из окошечка в окошечко поглядывать с чиста поля?»
«А жив я буду — ворочусь,
410 А жив не буду — ждть уж нечего.
Буду год-то я не буду — так ты жди меня,
А буде два году не буду — так ты жди меня,
Буде три году не буду — так ты жди меня,
А как шесть годов не буду — так ты не жди меня.
- 415 Там тебе да воля вольная:
Хоть вдовой живи, а хоть ты сватайси,
А только не ходи за смелого Олешу за Поповича,
За того за бабьего насмешника».
День-то за день, как и дождь дождит,
420 Неделя за неделей, как река бежит.
Прошло-то того времечка три году,
Не видать Добрыни из чиста поля.
Приходит смелой Олешенька Попович сын,

- Говорит он таковы слова:
425 «Я привез-то вам весточку нерадостну,
Нерадостну да нерадбстную:
Топерь мы с Добрынюшкой разъехались,
Добрынюшка остался во чистом поли,
Буйной головой лежит да во ковыль-травы,
430 А резвыма ногами во ракивов куст,
Скрозь бородушку да трава проросла,
Тут же возле его да лежит доброй конь».
Тут честна вдова Офимья Олександровна
Прослезила очи ясныи,
435 Пропечалила свои да щечки алыя.
День-то за день, как и дождь дождит,
Неделя за неделей, как река бежит.
Прошло-то того времечки шесть годов,
Не видать Добрыни из чиста поля.
440 Приходит смелой Олеша Попович сын
К Настасьи Микулишной свататься.
Говорит Настасья Микулишна таково слово:
«Уж я справила заповедь мужнюю,
Кладу ныньку заповедь от себя на шесть годов,
445 А буде шесть годов не будет —
Так потом начну и свататься».
День-то за день, как и дождь дождит,
Неделя за неделей, как трава растет во полюшки.
Прошло-то того времечки двенадцать лет,
450 Не видать Добрынюшки из чиста поля.
Приходит смелой Олеша Попович сын
С тым князем со Владимиром,
С княгинюшкой Опраксией Никуличной
К Настасьи Микуличной свататься.
455 Говорит князь Владимир красно солнышко:
«Ай же ты, Настасьюшка Никулична,
Ты с добра не йдешь, дак с лиха пойдешь.
Я кладу тебя во старицы вековечные,
Посиделицей бесконечною».
460 Побоялась тут Настасья Никулична
Той стражи княженецкой,
Пошла за Олешу Поповича в замужество.
Третий день у них идет пированьицо,
А сегодня идти к венцу венчальному.
465 Разрыдалась тут честна вдова Офимья Олександровна,
Сидит да причитається:
«Уж укатилось мое красно солнышко двенадцать лет,
А сегодня укатається млад светел месяц —
Спокидала меня беднушку
470 Та Настасия Никулична».
А Добрынюшка спит в чистом поли

- Трои суточки, не пробудитси.
Конь пробил травушку до земелюшки,
А земелюшку пробил до камушка,
475 Тут Добрыня пробуждается.
«Ой ты, конь мой, лошадь добрая,
Для чего тебе задумалось
Ростревожить добра молодца?»
«Ой ты, хозяин мой Добрынюшка Никитьевич,
480 Да ведь ты спишь да прохлаждаешься,
А незгодушки не ведаешь:
Ведь жена твоя просваталась
За того Олешу за Поповича.
Третий день идет у них пированьице,
485 А сегодня идти к венцу венчальному».
Тут Добрынюшка упал коню в праву ноженьку.
«Ой ты, конь мой, лошадь добрая,
Предоставь меня к Настасьи в три часа с минутою».
«Ой ты, хозяин мой Добрынюшка Никитьевич,
490 Да садись-ко на меня
Да вяжи себя крепко-накрепко».
Как приехал Добрыня из чиста поля в Киев-град,
Прямо ехал на широкий двор,
У ворот не спрашивал приворотников,
495 У дверей не спрашивал придверников,
Прямо шел да на широкий двор.
За ним идут приворотники,
За ним идут придверники.
«Ай же ты, честна Офимья Олександровна,
500 Уж как этот добрый молодец
Прямо ехал гонцом да со чиста поля,
Прямо шел да на широкий двор,
Нас не спрашивал приворотников ни придверников,
Всих он взашей нас отталкивал,
505 Прямо шел да на высок терем».
Уж он крест кладет да по-писаному,
Поклон ведет да по-ученому.
«Здравствуй-ко, Добрынина ты матушка!
Я привез тебе низкий поклон».
510 Топерь мы с Добрынюшкой разъехались:
Добрынюшка поехал ко Цариграду,
А меня послал ко Киеву».
«А как бы был Добрынюшка во живности,
Так не дошло бы тебе, горькой пьяницы да голь кабацкая,
515 Над моим-то горем надрыгатиеси,
А надо мной бы насмехатиеси:
Уж нету Добрынюшки двенадцать лет во живности».
«А не напрасно-ль согрешаете?»
Не узнала мать родимая,

- 520 Не узнала сына милого.
«У моего сына милого
Было личушко белёшенько,
На нем платье было цветное,
Сапожки-то сафьяновы,
525 Шапочка была да земли греческой».
«В долговекой-то поездочки
Шапку о сучки повыдергало,
Сапожки остры мне повытерло,
А красоту спалило солнышко».
- 530 «У моего сына у милого
Была тайная приметочка:
На ноги была родимушка».
Тут Добрынюшка Никитьевич
Розувал да ножку правую,
535 Тут узнала мать родимая,
Узнала сына милого.
«Ай же ты, моя родная матушка,
Дай-ко ты мне сто калачиков крупивчатых
Да сто грошиков медных,
540 Да дай-ко мне платье скоморошее,
Дай мне гусельшка яровчаты,
Я пойду к Олеши на почестный пир».
Как пошел Добрынюшка по улицы,
Кричат ребята во всю голову:
545 «Добрынина жена замуж пошла!»
«Ай же вы, малыи юноши,
Нате вам по калацику крупивцату,
А не кричите во всю голову».
Как пришел Добрыня к Олеши на почестный пир.
- 550 «Ай же приворотники,
Ай же вы, придверники,
Вот вам, нате по грошику по медному
Да пропустите к Олеши на почестный пир».
Как пришел Добрыня к Олеши на почестный пир,
555 Он крест кладет по-писаному,
Поклон ведет да по-ученому,
Уж он бьет челом да поклоняется
На две, на три на сторонушки,
Князю поклон со княгиною
- 560 И Настасья Никуличной в особину.
Говорит князь Владимир красно солнышко:
«Ай же ты, скоморошина,
Твое место скоморошное на пецке на муравленой».
Затянулся Добрыня на пецку муравлену
- 565 И стал в гусельшка поигрывать.
Говорит Настасья Никулична:
«Эдак мой Добрынюшка в гусельшка наигривал».

- Он песенку поет да ко Цариграду,
 А припев кладет да ко Киеву.
- 570 А князю Владимиру игра да прилюбиласи.
 «Ай же скоморошина,
 Поди-ко сядь да за дубовый стол,
 На перво место — возли меня,
 А на друго место — супротив меня,
 575 А третье место сам повыбери».
- Не садился Добрынюшка на перво место и на друго место,
 А сел Добрынюшка супротив Настасьи Микуличной да на скамеечку,
- Песенку поет Олеси Поповича,
 А припев кладет Настасьи Никуличной.
- 580 Говорит Добрынюшка Никитьевич:
 «Ай же ты и солнышко, князь Владимир стольно-киевский,
 Позволь-ко мне цароцку налить да зелена вина
 Да поднести, кому я ведаю».
- Наливал Добрынюшка чару зелена вина,
 585 Опускал с руки перстень обручальной,
 С которым с Настасьей обручались,
 И подносил Настасьи Никуличной.
 И говорит он таковы слова:
 «Ай же ты, Настасьюшка Никулична,
 590 Как пьешь до дна — дак увидашь добра,
 А не пьешь до дна — дак не увидашь добра».
- Тут Настасья Никулична
 Брала чару единой рукой,
 Пила чару на единый дух,
 595 Прикатился Настасьи Никуличной перстень
 К устам да к сахарным.
 Говорит Настасья Никулична:
 «Не тот мой муж, что возли меня сидит,
 А тот мой муж, что супротив меня сидит».
- 600 Говорит Олеша Попович сын:
 «Ай же ты, Добрынюшка Никитьевич,
 Прости-тко меня да во той вины,
 Что посидел с твоей Настасьюшкой я рядышком».
- «А во той вины-то тебе бог простит,
 605 А во другой вины не могу простить:
 Моя родная матушка
 Прослезила очи ясны,
 Припечалила свои щечки алая».
- Тут Добрынюшка Никитьевич
 610 Взял Олешу за желты кудри,
 Вытащил с-за стола с-за дубового —
 Да только Олеша и женат бывал.

Тут Добрынюшка Никитьевич
Взял Настасью Никуличну за праву рученьку,
615 Повел Настасьюшку к родимой матушке на высок терем.

10. ПРО СОФЕЮ

(Василий и Софья)

- Было да жило у вдовушки девять дочерей,
Все они по церквям пошли,
И все они ставились крылысам,
И все они запели: «Господи боже, прости».
- 5 А одна у нас Софеюшка промолвиласи,
Думала сказать: «Господи боже, прости» —
А там попалося сказать:
«Васильюшко, братец, потронься сюда».
- Тут проведала Васильюшкова матушка,
10 Ай скорехонько-то сбегала в харчевенку,
Ай на гривенку купила зелена вина,
А на другую купила зелья лютого вина.
Она Василью подносила зелена вина,
А Софею подносила зелья лютого вина.
- 15 «Ты, Васильюшко, пей, да Софею не давай,
А Софеюшка пей, да Василью не давай».
- А Васильюшко пил да Софею подносил,
А Софеюшка пила да Василью подносила.
Ну, оба оны тут и преставилиси.
- 20 Ой Васильюшку делали дубовый гроб,
А Софеюшки делали клейновый гроб.
Васильюшку несли князь-бояра,
А Софеюшку несли нища братия.
А Василью несли на буйных головах,
25 А Софею несли на белых руках.
- Тут Василью хоронили о праву церквы руки,
А Софею хоронили о леву церквы руки.
На Софею вырастала золота верба,
А на Василью вырастало кипарицно деревцо.
- 30 Старьи идут — так наплачутси,
А в полвека идут — так надивуютси,
А малы детушки идут — так наиграютси.
- И проведала Васильева матушка,
И скорее бежала во кузницу,
35 Сквала тупиченку немудрую,
Кипарицно деревцо она повырубилла,
А золотую вербу она повысушила.

МАТВЕЙ ЕГОРОВИЧ САМЫЛИН

Впервые былины М. Е. Самылина были записаны А. М. Астаховой в 1926 г., когда сказителю исполнилось 47 лет. Родом Матвей Егорович из д. Артово Космозерского сельсовета Заонежского (нын. Медвежьегорского) района¹, по словам самого сказителя — «маленько грамотный» (122/54). Источниками былинного знания послужили былины «дедушки Плакидина» Александра Тимофеевича из бывшей Шуньгской волости и старины деда П. Г. Горшкова — Павла Перфильевича Горшкова. В архиве хранится перечень известных сказителю былин: 1) «Ставер»; 2) «Худая жена»; 3) «Женитьба князя Владимира»; 4) «О Добрыне Никитиче и Настасии Никуличне»; 5) «Илья Муромец»; 6) «Василий Буслаевич»; 7) «Оратай»; 8) «Садко-купец — богатый гость»; 9) «Еруслан». Все былины усвоены от А. Т. Плакидина, за исключением последней, источника которой сказитель не помнил (72/35). От Самылина записаны сказки и песни (72/1—34).

В архиве помимо публикуемых находятся следующие тексты: 1) «Молодец и королевична» (72/38 — ср. опубликованный вариант: Аст., № 162); 2) «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (стих перемежается прозой — 72/5); 3) «Василий Буслаевич» (72/35); 4) «Два Лазаря» (73/44—45); 5) «Молодец губит свою жену» (72/46); 6) «Граф Пашкевич» (72/41); 7) «Девушка видит сон о гибели Разина» (72/42); 8) «Разин под Астраханью» (72/40)². Характеристика творчества М. Е. Самылина дана в работах А. М. Астаховой (Аст., 1927, с. 84—85; Аст., т. II, с. 377—378).

¹ У А. М. Астаховой говорится, что Матвей Егорович односельчанин П. Г. Горшкова из д. Демидово. Однако в своей автобиографии М. Е. Самылин пишет, что родился в д. Артово (122/54).

² Записи 1926 г., в том числе неопубликованные, хранятся в рукописн. хранил. Сектора фольклора ИРЛИ (колл. II — Аст., т. II, с. 377).

11. О ДОБРЫНЕ НИКИТИЧЕ

(Добрыня и Алёша)

Как во славном во городе ко Киеви,
Что ль у ласкового княз (я) у Владимира
Был-то собраной-то почетный пир.
На пиру было много князей, бояр, королевичей,
5 Много было сильных могучих богатырей, гостей
торговых.

Отправляет тут Добрынюшку Никитича
Еще в тую-то во землю Ляховитску
По насетке-то Чурилушки Пленковича,
По надсмешки-то Алёшеньки Поповича.
10 «Еще он-то мни, собака, да крестовый брат».
Поезжает-то тут Добрынюшка Ники (тинец)
Он во тую ли во землю Ляховитскую
За семнадцать лет пошлину разыскивать,
Он наказыват Добрыня, выговариват
15 Еще своей ли Настасье да Никуличной:
«Если шесть годов не буду, хоть вдовой живи,
Хоть вдовой живи да хоть замуж поди,
Только не ходи за бабьего насмешник(а),
Аще за того Алёшу да Поповича:
20 Еще он-то мни, собака, да крестовый брат».
И наказыват Добрыня, выговариват
Еще своей-то Настасьи да Никуличной:
«Ты возьми-ко мою кунью шубоньку,
С моих ноженек сапоженьки турец сафьян
25 И возьми мою-то шапку о трех соболях,
И положи в кованы ларцы».
И засыпали пшеницей белояровой.

(Чтоб не портилася.)

«Ты бери-ко мои ты золоты ключи,
Замыкай-ко мои да кованы ларцы».
30 Тут выходит-то Добрынюшка Никитинец
Как на теи ли конюшни на стоялые,
Он берет своя коня верного,
Он накладыват уздечку тесмяную,
Он накладыват седельцо черкальское,
35 Он подпруги кладет да и шелковые,
А стремяночки кладет да золоченые.
Только видели Добрынюшку сядучи,
А не вид'ли Добрыни поедучи.
Аще пыль столбом да во чистом поли,
40 Во чистом поли расстилается.
Вот уж день за днем, да как часы-то бьют,

- А неделя за неделей, как дожди дождят,
Еще год-то за год, как реки бежат.
Уж как три года времени миновалоси.
45 Вот уж начал тут Олешенька подхаживать,
Вот уж начал он Настасьюшку посватывать.
На первой раз она отказаласи,
Говорит она Олеше таковы слова:
«Перву заповедь исполню отца-матери,
50 Другу заповедь исполню Добр(ыни) Никитича,
Третью заповедь исполню — вдовой поживу».

(Три года надо.)

Вот уж шесть годов времени миновалоси.
Опеть уж стал тут Олешенька подхажива(ть),
Вот уж начал он Настасьюшку подсватывать.

(Теперь уж она согласится.)

- 55 У Добрынюшки-то была птица перелетная,
Она весточку носила да из Киева
Во тую-то ведь землю Ляховитскую,
Отдавала эту весточку Добрынюшки Никитичу.
Приезжает тут Добрынюшка Никитинец во Киев-град,
60 Еще кб своей родители ко матушке.

Тут он ставит ко столбу золоченому лошадь и входит он,
значит, в свой дом.

Помолиуся богу, раскланяуся,
Крест-то кладет по-писаному,
Поклон-то ведет по-ученому
И кланяется на все на четыре на сторон(ушки).

- 65 Говорит он родители своей матушки:
«Накорми, напой детинище заезжее».
«Я бы видела детинище — на огне сожгла,
Посадила бы на три ножа булатниих,
Что вы извели Добрынюшку Никитича».

(Вот так и говорит.)

- 70 «Мы вчерашней день с Добрыней поразъехались,
А Добрынюшка поехал-то на Пульков-град,
На Пульков-град, не на Орехов-град».

(Тут он признался.)

- «Ай же свет ли, государыня моя матушка,
Аще есть я Добрынюшка Никитинец, твой любимый сын».
75 Она и говорит:
«У моего-то у Добрынюшки Никитича
На правой ноги есть родимная знадебка».
Тут Добрынюшка Никитинец

Скидывает он с правой ноги сапог,
80 И подходит тут Добрынюшка Никитинец
Еще ко своей к родители ко матушке.

Она общупала, и тут он, говорит, и указал родимую знадебку.
Он и говорит:

«Ай же свет ты, моя родима матушка,
Ты бери-ко мои да золоты ключи,
85 Отмыкай-ко мои да кованы ларцы.
Ты возьми да надень кунью шубоньку,
На ножки сапожки турец сафьян и шапку соболиную».
Надевается Добрыня, снаряжается,
И походит тут Добрыня во почетный пир

90 Ко князю ко Владими(ру).
У ворот-то стоят да приворотники,
У дверей-то стоят да придверники,
И не спрашивают Доб(рыня) Никитинец
Ни придверников, ни приворотников.

95 Вот тут входит-то Добрынюшка Ник(итинец)
А й во тыи ли во гридни во столовые,
Он ли крест-то кладет по-писаному,
А поклон-то ведет да по-ученому,
Кланяется, поклоняется да на вси четыре стороны,

100 Князю Влад(имиру) в особину.
Говорит ли Добрыня таковы слова:
«Много лет здравствовать, Владимир-князь

стольно-киевской!

Теперь есть ли заезжу добру молодцу
Еще место во честном пиру?»

105 Говорит Владимир таковы слова:
«Аще все-то места здесь перезаняты,
Нету заезжу добру молодцу
Аще места во честном пиру,
Есть-то место на печеньки,
110 На печеньки муравленой».

Вот садится Добрынюшка на печеньку,
Вот уж начал тут в гусельшка наигрывать.
Все на пиру да веселилися.

Говорит тут Добрыня таковы слова:

115 «Теперь есть ли то место во честном пиру
А заезжу-то добру молодцу?»
Говорит тут Владимир таковы слова:
«Теперь есть-то заезжу добру молодцу
Еще место во честном пиру:

120 Первое место — возлі меня,
Второе-то место — насупротивку».
Вот садился тут Добрыня насупротивку.
Наливают ему чару зелена вина,

- А еще мерой эта чара полтора ведра,
 125 Еще весом эта чара полтора пуда.
 Берет тут Добрыня единой рукой,
 Выпивает тут Добрыня на единой дух.
 Вот берет тут Добрыня чарочку своей рукой,
 Наливает тут Добрынюшка Никитинец чару зелена вина,
 130 Вот подносит тут Добр (ынюш) ка Никитинец
 Молодой тут Настасьюшки Микуличной.
 «Если пьешь до дна — увидашь добра,
 А не пьешь до дна — не увидашь добра».
 Вот берет тут Настасия Никулична эту чару зелена вина,
 135 Выпивает тут Настасия на единой дух,
 Говорит ли она да таковы слова:
 «А не то (т) мой муж, что возли меня,
 А тот муж, что насупротив меня».
 «А у бабы волос долог, а ум короток:
 140 Муж в лес по дрова — жена замуж пошла.
 Не дивую я разуму женскому,
 А дивую я князю Владимиру,
 Еще тому-то Алёшеньке Поповичу,
 Еще тому-то бабьему насмешнику,
 145 Еще он мне, собака, крестовой брат».
 Захватил тут Добрынюшка Никитинец
 Аще того-то Алёшеньку Поповича,
 Захватил Алёшу за желты кудри,
 Как он начал тут по комнатам поваживать,
 150 Вот уж начал он шалыгой поколачивать,
 Бросил тут Алёшу да Поповича
 Как на тую-то печеньку муравлену,
 Только-то Алёшенька женат бывал
 И с женой сыпал.

12. О КНЯЗЕ ВОЛОДИМЕРЕ КИЕВСКОМ (Женитьба Дуная и князя Владимира)

- Что во городе во Киеве,
 У солнышка у князя Володимера
 Был собранный почетный пир.
 На пиру было много князей, бояр, королевичей.
 5 Все они на пиру да они наедались да напивались.
 Говорит тут князь Володимер таковы слова:
 «Все у меня теперь добры молодцы да поженены,
 Красны девицы взамуж выданы,
 Только я один непожененный.
 10 Чтобы выбрать мне невесту,
 Чтобы была плечом равна и умом свесна,
 Очушки у ей ясного сокола,

- Бровушки у ей черного соболя». Говорит тут Дунай да сын Иванович:
- 15 «Я служил у короля в Литве двенадцать лет.
У короля в Литве есть две дочери:
Апраксия есть королевична —
Она будет тебе умом свесна
И плечом ровна, и лицом красна,
- 20 Очушки у ей ясного сокола,
Бровушки у ей черного соболя».
Направляет тут Владимир-князь стольно-киевский
солнышко
- Удалых добрых молодцов, сильных могучих богатырей:
Добрынюшку Никитича и Дуная свет Ивановича к королю
в Литву
- 25 За Апраксией-королевичной.
Поехали удалы добры молодцы.
Вид'ли только сядучи,
А не видели поедучи.
Пыль столбом во чистом поле.
- 30 Приехали они да к королю в Литву,
Ко крыльцу переному,
Привязали лошадей ко столбу золоченому
И отправились к королю во гридни во столовые.
У ворот стоят приворотники,
35 У дверей стоят придверники.
Не щадят они ни придверников, ни приворотников —
прямо идут.
- Приходят они во гридню во столовую.
Они крест кладут по-писаному,
Поклон кладут по-ученому,
- 40 Кланяются, поклоняются на все да на четыре на стороны.
Говорят оне да таковы слова:
«Много лет здравствовать, король Литовский!
Мы есть послы князя Владимира,
Мы за вашей дочерью, за Апраксичной-королевичной».
- 45 Вот стает король на ноги.
«Не отдам я дочери за князя Владимира».
Вот Дунай говорит тут да таковы слова:
«Если с честью выдашь — возьмем,
И не с честью выдашь — возьмем».
- 50 Тут ударил Дунай свет Иванович
По тому столу да по дубовому,
Тут махнул рукой король Литовский.
«Вы возьмите дочь мою Апраксею».
Позвали Апраксию-королевичну,
- 55 Снарядили ее и отправили,
Посадили ее на добра коня
И поехали во Киев-град.

- Едут они путем-дорогою,
Застала их темна ноченька.
- 60 Во чистом поле раскинули шатры полотняные,
Поутру рано стали и поехали,
Сели на добрых коней, поехали.
Едут они путем-дорогою,
Вот и слышат взади копыта лошадиные,
- 65 Наезжает богатырь добрый молодец и говорит:
«Как вы смели взять-украсть Апраксию-королевичну,
Меньшую сестру, а старшу оставили,
Позор навели королю Литовскому».
Говорит она Дунаю Ивановичу:
- 70 «Давай, посражаемся».
Добрыня поехал во Киев-град,
А оне разъехались и ударились.
Тут сшиб с коня Анастасию-королевичну.
Она и говорит:
- 75 «У меня-то есть завет положенный:
Кто победит меня — за того и замуж пойду».
Вот едут путем и дорогою,
Приехали они во Киев-град.
Подъехали они ко божьей церкви закон принять,
- 80 Зашли они во божью церкву —
Владимир-князь под венцом стоит.
Постояли они, повенчались
И во пир пошли к князю Владимиру,
За столы сажались за дубовые:
- 85 Владимир-князь с Апраксией-королевичной,
А Дунай свет Иванович с Анастасией-королевичной.
За столом сидят князи-боера
И гости торговые, сильные могучие богатыри.
Они пьют и едят, и речи говорят.
- 90 А Дунай свет Иванович говорит он таковы слова:
«Поженил-то я князя Владимира
У того короля да у Литовского,
Я увез от его Апраксию-королевичну дочь,
И сам поженился на Анастасии-королевичне».
- 95 Как те слова не пондравились Анастасии-королевичне.
«Разве ты, Дунай свет Иванович,
Что ты говоришь да хвастаешь,
Давай-ко мы с тобой постреляем в цель».
Вот сделали цель они, начали стрелять.
- 100 Дунай свет Иванович направил свой лук,
Накладывает калену стрелу-стрелочку
И натягивает тетивочку шелковую.
Как он выстрелил — и попасть не мог,
А Анастасия-королевична как выстрелила — прямо
в цель попала.

- 105 Ну и говорит Анастасия-королевична:
«Какой же ты стрелок, хуже бабы!
И зачем ты, Дунай свет Иванович, пустым хвастаешь?»
Закипело у Дуная сердце богатырское,
И ударил ножом в грудь белую Анастасии-королевичны,
110 Тут упала на землю лебедь белая,
И говорит Дунай таковы слова:
«Где упала лебедь белая — тут пади и ясной сокол».
Тут всадил в себя он нож булатный,
В тое сердце богатырское,
115 Упал на землю замертво.
Полилась тут кровь богатырская,
Богатырь лежит на сырой земле.

13. ПРО СТАВРА СЫНА ГОДИНОВИЧА

- Как во славном во городе во Кieve,
У стольного князя Владимира
Был-то собран да почетный пир
На многие на князи и на боера,
5 И на многие да на гости на торговые,
И на многие на сильные могучие богатыри.
Наедались и напивались,
И да допьяным-то разумом порасхвастались.
Князья и боера хвастаются конями,
10 А гости торговые хвастают торговлею,
Что заморские товары были дороги,
А сильные могучие богатыри хвастаются силою.
Князь Владимир говорит таковы слова:
«Что же ты, Ставер сын Годинович, нечим не хвастаешь?»
15 Говорит тут Ставер таковы слова:
«Нечем мне похвастать, Ставрусочку Годиновичу:
Отцом-матерью похвастать —
В живых нет у меня, у Ставра сына Годиновича,
Хвастать — не хвастать молодою женой —
20 У меня, у Ставра сына Годиновича,
Есть молодая Василиста Никулична,
Она Киев-град весь с ума сведет,
А князя Владимира в полон проведет».
Тут Владимир говорит таковы слова:
25 «За такие поступки богатырские,
За такие насмешки молодецкие
Посадить Ставра в погреба глубокие,
Засыпать пшеницей белояровой,
Чтобы про Ставра слуху не было».
30 Был на пиру свой человек,
Скоро доложил Василисте Никуличне.
Приходит он к Василисте Никуличне,

- И говорит он ей таковы слова:
«Ты здесь со своей дружиной забавляешься,
35 А про себя изгоды не ведаешь:
Не стало у тебя Ставра сына Гоудиновича,
Посажен он в глубок погрёб».
Тут садилась Василиста Никулична
На бросовую белую лавочку.
- 40 Говорит она да таковы слова:
«Как я буду Ставра выручать?»
Склонила головку ниже резвых плеч,
Стряхнула головку по-польскому,
Завила кудерка по-сусальскому.
- 45 Направляется она на Киев-град.
Взяла с собою дружину не малую,
Не малую дружину и не большую—
Тридцать молодцев, луковых стрельцов,
Тридцать молодцев, сильных могучих богатырей.
- 50 Надевает она на ножки сапожки и турец сафьян,
Надевает она кунью шубоньку
И шапку о трех соболях.
Выходит она на конюшни на стоялые,
Берет она коня своего верного,
- 55 Накладывает на голову уздечку тесмяную,
Накладывает войлочки на войлочки
И седельшко черкасское,
Она подпруги кладет шелковые,
Стремяночки кладет да золоченые.
- 60 Тут садится Василиста Никулична на добра коня,
И поехала она на Киев-град
Со своей дружиной хороброю
Свататься на Марье Путятичне,
На любимой племнице князя Владимира.
- 65 Подъехали они да под Киев-град,
Раздернули они шатры полотняные.
Оставила она тут дружину не малую,
А взяла с собою только девять молодцев, луковых
стрельцов,
- А девять сильных могучих богатырей.
- 70 Приезжают оне во Киев-град к князю Владимиру,
К крыльцу переному,
Ставят лошадей ко столбу золоченому,
Входят они к князю Владимиру.
У ворот стоят приворотники,
- 75 А у дверей стоят придверники.
Не боятся они ни придверников, ни приворотников,
Заходит она прямо в гридни столовые.
Она крест да кладет по-писаному,
Поклон да ведет да по-ученому,

- 80 Кланяется-поклоняется на все четыре стороны.
Говорит она таковы слова:
«Много лет здравствовать,
Солнышко Владимир стольно-киевский!
Я есть посол земли Ляцкие,
- 85 Приехал я свататься на Марье Путятичне».
Тут проговорит Владимир таковы слова:
«Есть-то молодец да во добри хорош,
Время молодцу да поженитися,
Время Марье Путятичне замуж ийти.
- 90 Позвать Марью сюда Путятичну».
Приходит тут Марья Путятична.
И говорит Владимир таковы слова:
«Есть-то молодец во добри хорош,
Время Марье Путятичне замуж ийти».
- 95 Говорит тут Марья Путятична на ответ таковы слова:
«Ай же дядюшка Владимир стольно-киевский солнышко,
Не выдай меня, девчины, за женщину,
Она на лавочку садится без опасности».
Тут проговорит Владимир таковы слова:
- 100 «Можно посла поизведать.
Ай же ты, посол земли Ляцкой,
Есть ли охота, горит ли душа
С нашими стрелками пострелятися?»
Посылает князь Владимир трех молодцев,
- 105 Самых лучших стрелков.
Сделали цель из каленой стрелы,
И начали стрелять стрелки князя Владимира.
Один-то стрелил — да не дострелил,
Второй стрелил — престрелил,
- 110 А третий стрелил — совсем попасть не мог.
Начинает стрелять Василиста Никулична.
Накладывает она калену стрелу,
Натягивает тетивку шелковую,
И попала она прямо в цель,
- 115 И расколола стрелочку надвое:
Хоть на вес — равна и по длине — равна.
Стрелки приходят к князю Владимиру.
Говорит князь Владимир таковы слова:
«Есть молодец во добри хорош,
- 120 Время молодцу поженитися,
Время Марье Путятичне замуж ийти».
Говорит тут Марья Путятична:
«Ай же дядюшка Владимир стольно-киевской,
Не выдай меня, девчину, за женщину,
- 125 У ней походочка в ногах частенькая,
Стегно жмет и товар бережет».
«Можно посла поизведати.

Ай же ты, посол земли Ляцкой,
 Есть ли охота й горит ли душа
 130 С нашими борцами поборотися?»
 Вывел князь Владимир трех молодцев,
 Самых лучших борцов.
 Она всех борцов поперекидала.
 И говорит тут Владимир таковы слова:
 135 «Есть молодец во добри хорош,
 Время молодцу поженитися,
 Время Марье Путятичне замуж ийти».
 «Ай же дядюшка Владимир стольно-киевский,
 Не выдай меня, девчину, за женщину».
 140 «Можно посла поизведати».
 Князь Владимир говорит опять таковы слова:
 «Есть ли охота, горит ли душа
 В теплую парную баенку попаритися?»
 Подменила она слугу верного
 145 Помытиса в теплой парной баенке.
 Посмотрели оне на добра молодца,
 Что в порядке есть добрый молодец,
 Рассказали князю Владимиру.
 Говорит тут Владимир таковы слова:
 150 «Есть во добри хорош добрый молодец,
 Время молодцу поженитися,
 Время Марье Путятичне замуж ийти».
 Начали они играть свадебку.
 Быстро гости были у них собраны,
 155 Князь-боеры, гости торговые,
 Сильные могучие богатыри.
 Вот садилися оне за столы да за дубовые,
 Наедалися они да напивалися,
 И тут плясать пошли.

Василиста Никулична никак не может плясать: по ейной
 пляске нету игрока. Тут и говорит один человек: «Есть игрок,
 да посажен во глубоок погрёб».

160 Говорит Василиста Никулична таковы слова:
 «Достать Ставра с глубока погрёба!»
 Достали Ставра с глубока погрёба
 И привели Ставра на почетный пир.

Приказал тут князь Владимир играть Ставру. Заиграл Ста-
 вер, Василиста Никулична плясать пошла.

«Ай же солнышко Владимир стольно-киевский,
 165 Дайте мне Ставра съездить,
 Своей дружины ведом дать,
 Позвать на почетный пир да на свадебку».

Князь Владимир говорит: «Съезди, Ставер». Сели на коней и поехали во чистое поле ко своим шатрам. Едут они путем и дорогою. Говорит Василиста Никулична Ставру сыну Годиновичу: «Знаешь ли ты, Ставер, кто я есть?» Ставер говорит: «Не знаю, кто вы есть». Говорит Василиста Никулична Ставру сыну Годиновичу: «Помнишь ли, Ставер, когда мы с тобой вместе грамоте учились, в золотую монестовку поигрывали, в серебряные колечко попадавали?» — «Нет, не знаю, не помню», — говорит.

- Когда приехали к шатрам,
Тогда соскакивает Василиста Никулична со добра коня
170 И идет в свой шатер полотняный,
И вынимает из шатра платья женские.
Нарядилась она в платье женское,
Подходит к Ставру сыну Годиновичу,
Говорит она таковы слова:
175 «Узнаешь ли теперь, Ставер, меня, кто я есть?»
Говорит Ставер, что «жена моя,
По имени Василиста Никулична».
Говорит Ставер таковы слова:
«Нужно ехать нам в свою сторону,
180 В свою сторону да на родину
Со своей дружиной хороброю».
Говорит Василиста Никулична Ставру сыну Годиновичу:
«Нужно честь отдать князю Владимиру
За почетный пир да за свадебку».
185 Тут поехали они да во Киев-град,
Ко тому крыльцу ко переному,
Ко тому столбу золоченому.
Тут поставили коней добрых
У того столба золоченого,
190 И пошли оне к князю Владимиру
Во теи в гридни во столовые.
Говорит Василиста Никулична князю Владимиру:
«Отдаю я честь за почетный пир, за свадебку».
Говорит тут Владимир таковы слова:
195 «Былицей похвастал Ставер, а не напрасницей.
А теперь поезжай, Ставер, в свою сторону
Со своей женой Василистой Никуличной».

14. (Братья-разбойники и сестра)

- Как жила-была вдова пашенька,
У этой у вдовушки у пашеньки
Было девять сыновей, одинака дочь.
Одинакую замуж выдали
5 Как за славное да море синее,
За того купца да за богатого.

- Она год жила — не стоснулася,
Второй жила — в умах не было,
А на третий год сына рóдила,
10 Сына родила и стосковалася.
«Я у свекрушка подавалася,
У свекровушки донижалася.
Думу вздумали, с мужóм поехали.
Мужа на корму, сама в веселышка,
15 А младенчика возле на лавочку.
Наставала тут туча темная,
Туча темная да туча грозная.
Вдруг наехало да девять разбойников,
А й разбойнички да подорожнички.
20 Моего мужа в воду бросили,
И младенчика взяли потрѣбили,
Что ль меня, младу, обесчестили,
Обесчестили, во полон взяли.
Восемь разбойников они спать легли,
25 Девятый-то разбойник спать не лег,
Он богу молится, все спасается.
Тут уж стал меня выпрашивать:
«Ты чьего роду, чьего племени?»
«Я поповского роду, дьяковского».
30 «Вы ставайте, братья родимьи!
Своего мы зятя в воду бросили,
Своего племянника взяли потребили,
Свою сестру обесчестили,
Обесчестили, во полон взяли.
35 Ты чего, сестра, нам раньше не сказалася?»

АГРИППИНА ФЕДОРОВНА ТРУХАВАЯ

С Агриппиной Федоровной Трухавой фольклористы знакомы по сборнику А. М. Астаховой «Былины Севера». В 1932 году ей было 53 года, и жила она в с. Липовицы, куда вышла замуж из д. Середка того же Заонежского (нын. Медвежьегорского) района. Неграмотная. Выучилась петь Агриппина Федоровна от дяди — Елизаркова Алексея Яковлевича: «Грамотный, читал в книжке былины. Как соберешься на беседу — никому не рассказывала». (Перед колл. 68/36-а). Исполняла былины только для себя; «...как став ткешь — инной раз запоешь», — говорила сказительница. По словам Е. Родиной, записавшей от нее былины в 1938 г., «текст помнит довольно твердо», «в некоторых местах рассказывает, петь не может». Былины были записаны с голоса, правда, с большим трудом, и мелодия у них одинаковая.

Заметка о ней написана А. М. Астаховой (см. Аст., т. II, с. 288).

15. МИХАЙЛО ПОТЫК

Уж как жил Михайло Потык сын Иванович,

Уж он пил ведь горько зелено вино,

Гди полкружкой, а гди целой кружкой,

Гди полуведром, а гди целым ведром.

⁵ И говорит тут князь Владимир стольне-киевский:

«Поезжай-ко ты, Михайло Потык сын Иванович,

ко синю морю,

Настреляй-ко серых малых утоцек,

Самоплавных белых лебедушек».

И как поехал ведь Михайло Потык сын Иванович

ко синю морю

¹⁰ И настрелял ён малых серых утоцек,

Самоплавных уж белых лебедушек.

Уж как только ладит на коня скоцить,

И как плывет-то белая лебедушка,

В золотой она шловет-то нуньку в клетоцьки.

- 15 Уж как только он уж ладит ю застрелить стать,
Объявилась ведь она да лебедь белая:
«Не стреляй, Михайло Потык сын Ивановиць!
Уж как лучше за тебя и замуж пойду».
Как садил-то он уж ю-то на добра коня
- 20 И начал ей целовать в уста сахарнии,
И говорила тут ему да лебедь белая:
«И не целуй, Михайло Потык сын Ивановиць:
У меня теперь уста поганыи.
И ты сvezи меня во Кеев-прад
- 25 И окрести меня там да омотитви-ко,
Начелуешься потом в уста сахарнии».
И как приехал Михайло Потык сын Иванович
И он ко ласковому князю ко Владимиру.
«И уж как ай же князь Владимир стольно-киевский!
- 30 И настрелял уж я тебе да малых серых утушек,
Самоплавных белых лебедушек
И да аще себе невесту нашел».
И окрестили ведь ею да омотитвили,
Дали имя ей да Лебедь Белая,
- 35 Лебедь Белая да Марья Лиходеевна.
И положили оны заповедь великую,
А великую заповедь, не малую:
Как которой наперед умрет,
А другому живому в гроб лечь на три месяца.
- 40 И стау ходить Михайло Потык сын Иванович,
И он пить опеть уж горько зелено вино,
Гди полкружкою, а гди уж целой кружкою,
Гди полуведром, а гди целым ведром.
И говорила тут уж Лебедь Белая,
- 45 Лебедь Белая да Марья Лиходеевна:
«А потешу ведь Потыка Иванова».
И она с вечера да взяла пораздорилась,
Ко полуночи да й порасхворилась,
И она к утрышку ведь тут да и преставилась.
- 50 И как пошли искать Михайлу Потыка Иванова,
И как пришли оны да во царев кабак,
И как сидит Михайло Потык сын Иванович.
«И уж как ай же ты, Михайло Потык сын Иванович!
И уж как пьешь-то сидишь да проклодаешьсяя,
- 55 А победушки ты над собой не ведаешь:
И как твоя-то ведь да Лебедь Белая,
Лебедь Белая да Марья Лиходеевна
И уж как с вечера она уж пораздорилась,
Ко полуночи она да порасхворилась,
- 60 И уж как к утрышку она да ведь преставилась».
И как скочил Михайло на резвы ноги.
«И эта что ведь мне, робята, за беда пришла!

Мни живому надо с мертвой в гроб уж лечь.

И подьте, делайте мни гроб,

65 Чтобы было гди сесть и лечь и стать».

А сам пошел Михайло Потык сын Иванович,

Он пошел во кузницу.

И он ковал-то тут уж клещи-то железныи,

И он ковал-то ище прутья-то железныи,

70 И други прутья он ковал да тут уж медныи,

Третьи прутья-то ковал да оловянныи,

И он уж брал туды запасы на три месяца:

Брал туды хлеба, огня, всего, веревку протянул туды с колокольни в гроб, и его зарыли в землю.

Сеу Михайло Потык сын Иванович,

Только дело во полночь пришло,

75 Приплыла ко гробу змея подземельная,

Раз лизнула, а другой лизнула,

Сама в гроб зашла.

Скочиу Михайла на резвыи ноги,

Захватиу в клещи змею подземельную,

80 Начинает хлыстать прутьямы железныма.

Расхлыстау прутья железныи,

Принимается он за прутья медныи,

И расхлыстау вси прутья медныи,

Принимается за прутья оловянныи.

85 Уж как тут ему змея смолиласи:

«Ты спусти, Михайло Потык сын Иванович!

И схожу ко синюю морю,

Оживишь ты свою жону».

Он ей не спускал. Она сказала, что даст ему детей в клещи, да тут уж омману не будет. Вот и пришла змея с водой подземельной, он тут спрыснуу, и стала она живая. А потом загремел в колокола, котора веревка была протянута. Тут прибежали братци вси названыи, что, верно, приходит кончинушка Михайлы Потыку Иванову, а потом стали разрывать его могилу. Разрыли оны, а он живой.

Стал опять ходить Михайло по царевым кабакам

90 Пить горько зелено вино,

Гди полкружкою, а гди целой кружкою,

Гди полуведром, а гди целым ведром.

А потом он умер, так их похоронили вместе. Прошло три месяца, а не звонит колокол. Так и умерли.

16. БОЙ ДОБРЫНИ СО ЗМЕЕМ

- Как не белая ль береза нагибается —
Сын со родной со маменькой прощается
И с честной вдовой Офимьей Александровной:
«Уж дай, родитель моя маменька,
5 Дай прощеньица ты мни, благословленьица
Уж как съездить мни на Пучай-реку купатися
И окунуть-то мни тело богатырское».
- И говорила Добрыни родна маменька:
«И как не дам тебе прощеньица-благословленьица
10 Во Пучай-реку купатися:
Как Пучай-река-то есте страховитая,
Страховитая, сама угрюмая».
- И не послушал Добрыня родной маменьки.
Как пошел-то он да й на стоялой двор,
15 И выбрал он себе самолучших жеребчиков.
Как седлал-то он его, уседлывал,
И кладывал он подпруги крепкие,
Как не гля-ради красы-басы да молодецкой,
А гля-ради укрепы богатырской,
- 20 Чтоб в чистом поле конь с-под седельшка не выскочил,
Добра молодца Добрыню не выронил.
Как поехал тут Добрынюшка Микитин млад,
Днем-то едет он по красному по солнышку,
Ночью едет он по светлomu по месяцу.
- 25 А денецек за денечком, быдто дождь дождит,
А неделька за неделкой, что река бежит.
Как приехал тут Добрыня ко Пучай-реки,
И уж как скочил-то он со добра коня,
Да уж стал он во Пучай-реки купатися,
- 30 Как в краю ныркoм пойдет — другому вынырнет.
Уж как опомнил тут Добрыня родну маменьку:
«На поезде говорила родна матушка,
Что Пучай-река-то естя страховитая,
А страховитая, сама угрюмая,
- 35 А Пучай-река-то е не страховитая,
Не страховитая, не угрюмая».
- Вдруг не темные ведь теми призатемнили,
Как летит змеинище Горынище,
В хоботах несет да тело мертвое.
- 40 Увидела она Добрыню во Пучай-реки,
Как спустила с хоботов да тело мертвое,
Подхватила ведь Добрыню со Пучай-реки,
Уж ведь стала тут Добрынюшку потаскивать,
Уж как стала ведь Микитица подергивать.
- 45 Как спомнил тут Добрыня родну маменьку:
«А теперь ведь приходит мни кончинушка».

- И поглядел-то он по крутому по бережку,
Он увидел там уж шляпу подорожную,
Уж как шляпа эта пятьдесят пудов,
50 Эту шляпоньку подхватывал,
Одной рукой он поганую захватывал,
Другой он рукой подмахивал.
И уж как тут ему змея смолиласи:
«Какой же ты, Добрыня млад,
55 И мы положим с тобой заповедь великую,
И мы великую ведь заповедь, не малую:
И уж как будь-ка ты, Добрыня, братом большим,
Уж как я да сестрой меньшею,
Чтобы мне летать во святую Русь,
60 Не носить в полон народу христианского,
А тиби-то, Добрыня Микитин брат,
Не ездить к нам на гору Сорочинскую».
Они тут с его поразъехались.
Поднималася змеинище Горынище,
65 Высоко поднималаси под облаки.
И как пошла-то княжецкая племянница,
Она с няньками пошла да с мамками,
Да гулять она пошла да во чисто поле.
И как увидела змеинище Горынище,
70 И как летела ведь она да на святую Русь.
Как пошла-то княжецкая племянница,
Она с няньками пошла да с мамками,
Да гулять она пошла да во чисто поле.
И как увидела ту змеинище Горынище,
75 Да низко она к земелюшки припадала,
Ухватила княжецкую племянницу,
Да молоденьку Забавушку Путятичну.
И как приехал Добрынюшка Микитиць млад
Он ко своим палатам белокаменным,
80 И он ко своей ко родители ко маменьки.
«Уж как дай-ко мне прощеньице-благословленьице
Как сходить-то мне ко князю на почестен пир».
И говорила тут Добрыни родна маменька:
«И как не дам тебе прощеньица-благословленьица
85 И ийти-то ведь ко князю на почестен пир.
Уж как ешь, Добрынюшка, ты досыти,
Уж как пей-ко ты допьяна,
Ты держи бесчетной золотой казны по надобью,
Не ходи только ко князю на почестен пир».
90 И не послушал Добрыня родной маменьки.
Как пошел-то он ко князю на почестен пир
И заходит-то во те ли gridsни светлыи,
Во столовы светлы горницы,
Крест ведет да по-писаному,

- 95 А поклон ведет да по-ученому,
Сам клонитсе на вси на три сторонушки,
Князю-солнышку ведь он в особину.
И проводили тут гостя в место большее,
В место большее да место лучшее,
- 100 Как садили гостя за дубов за стол,
Подносили гостю чару зелена вина.
Уж как стал князь по горенки похаживать,
Стал-от желтыма кудеркамы потряхивать.
«На кого мне наложить бы служебка не малая,
- 105 Мни не малая служебка, великая?
Кто ли съездит на тую гору Сорочинскую,
Ды ко тым печерочкам змеинным,
Кто отыщет любимую племянницу,
А молоденьку Забаву дочь Путятинну?»
- 110 Уж как старшие туляются за средних,
А среднии туляются за меньших,
А от меньших-то князю ответа нет.
И говорит же тут Вольга да таковы слова:
«Ай же князь Владимир стольно-кеевский!
- 115 Я ведь знаю, на кого наложить тебе служебка не малая,
А не малая ведь служебка, великая,
На того ли на Добрыню на Микитинца.
Он вчерась-то день билсе со змеєю, рателся,
Называласи змея сестрой меньшеей,
- 120 Называла ведь Добрыню братцом большиим.
Он выпросит у змеи у великия,
Он без бою, без драки, без кроволития».
И говорил-то тут ведь князь да таковы слова:
«И уж как ай же ты, Добрынюшка Никитинец млад!
- 125 Поезжай-ко на ту гору Сорочинскую,
Ты отыскивай молоденьку племянницу,
А не отыщешь ты любимой племянницы —
Прикажу тебе, Добрыня, голову рубить».
Закручинился Добрыня, а й запечалиуся
- 130 Да подошел ко палатам белокаменным
Он ко своей ко родители ко маменьки,
И да садился он да ко столу дубовому,
Он склонил он свои очи ясные
Низко-понижку о кирпичной пол,
- 135 Дак сидит, ни словечком не промолвитсе.
Подходила к нему старая старушенька,
Стала молодца Добрынюшку выпрашивать,
Стала молодца Добрынюшку выведывать:
«Уж ты мое цядоцько ты любимое,
- 140 Уж ты дитятку Добрынюшка Никитич млад».
Дак сидит, ни словечком не промолвитсе.
Подходила к нему старая старушенька,

- Стала молодца Добрынюшку выпрашивать,
Стала молодца Добрынюшку выведывать:
- 145 «Уж как ай же мое цядоцько-то любимое,
Уж ты дитятко Добрынюшка Никитич млад,
И ты скажи.....¹
Уж как место тебе в цяру было не почато ²,
Али чарочкой тебя уж там пообнесли,
150 Али пьяница-дурак тебя поббозвал?»
И говорит-то тут Добрынюшка Никитич млад:
«Уж как место-то в цяру мне было почато,
Уж как чарочкой меня не обнесли,
И пьяница-дурак меня не обозвал,
155 А наложил мни ведь служебку не малую,
А не малую ведь служебку, великую:
Надо съездить на ту гору Сорочинскую,
Да ко тым-то ко печорочкам змеинным,
Отыскать-то княженецкую племянницу,
160 А молоденьку Забавушку Путятичну».
И говорила тут Добрыни добра маменька:
«Уж как богу-то молись да спать ложись,
А ведь утро мудро, а ведь день будет прибыточне.
Уж как есть ведь у нас дедков конь,
165 Во назьму стоит да призарощенный».
И уж Добрыня богу молилсе и спать ложилсе.
Как поутрышку вставал он ранешенько,
Умывалсе он водою побелешенько,
Утиралсе полотенцем он посушешенько.
170 И уж как шел-то он ды на стоялой двор,
Уж как дверь-то он оттудова повыломал,
Уж как дедкова коня-то повыташил,
Уж как стал да и уседлывать:
Кладывал еще подпруги крепкия,
175 Как не ради красы-басы да молодецкой,
Только гля-ради укрепы богатырской,
Чтобы добрый конь с-под седельшка не выскочил,
Добра молодца в чистом поли не выронил.
И подходила к нему старая старушенька,
180 И отправляла его старая старушенька,
И она в дальнюю дорожку распечальную,
Да й в утрюмую она да страховитую,
И уж как дала Добрыни на поезде родна маменька,
Дала плетоцьку Добрынюшки семи шелков.
185 «И как приедешь на ту гору Сорочинскую,

¹ Здесь в рукописи пропуск.

² Очевидно, сказительница спутала: «место в пиру не почато» (т. е. непочетное).

- И уж как станут у коня змееныши-ти ноженки
подтачивать,
- И ты хлыщи промеж ушей да промеж задних ног.
Уж как стане тут твой доброй конь поскакивать,
И уж ведь стане он зменышев потаптывать».
- 190 И как поехал тут Добрынюшка Микитец млад,
И днем-то еде он по красному по солнышку,
Ночью еде он по светлому по месяцю.
Как денечек за денечком, будто дождь дождит,
Как неделька за неделкой, как река бежит.
- 195 И как приехал на ту гору Сорочинскую,
Да й ко тым ли ко пещерушкам змеинным.
И уж как стали у коня змееныши ноженки подтачивать,
И как не стал-то его добрый конь подскакивать,
И уж как спомниу тут Добрыня родну маменьку,
- 200 Спомниу плеточку Добрынюшка семи шелков,
Как семи шелков да всяких разных,
И уж как стал хлыстать промеж ушей да й промеж
задних ног,
- И уж как стал-то его доброй конь поскакивать,
И уж как стал-то он змеенышев потаптывать,
- 205 Притоптал он всих и до единого.
Вдруг не темныи-ти теми призатемнили —
Как летит сама зменище Горынище.
«И ты недолго продержажу ведь заповедь великую,
Опять приехал на нашу гору Сорочинскую».
- 210 Тут он сказал:
«Ты сама с тых походушечек великих
Ты летела на святую Русь.
Как пошла княженицкая племянница,
Пошла гулять да во чисто поле,
- 215 И утащила ты ю.
Дак отдай ты мни без бою-драки, кроволития
Молюденьку Забавушку Путятицну».
«Не отдам я княженицкой племянницы,
Притоптал ты всих моих детенышей».
- 220 И уж как стали со змеєю биться-ратиться,
И как одной рукой поганую захватывал,
Да уж к самой земелюшки притягивал,
И расхлыстал-то он на мелкии на часточки,
И уж как билсе со змеєю, ратилсе,
- 225 Он немного-то не мало — трое сутоцек,
И как стоял-то он в крови змеинной
Как не много-то не мало — трои сутоцек.
«И росступись-ко ты уж, матушка сыра земля,
И оберитко ты да всю-то кровь поганую».
- 230 «И росступилась тут уж матушка сыра земля,
Не на много не на мало — на три четверти,

- И да обрала ведь всю-то кровь поганую.
И как пошел-то тут Добрынюшка Микитиць млад,
И как пошел-то ко пещерушкам змеинным:
235 Там задернуто заслонами ведь медными,
И там ведь подперто подпорьями железными.
И он железныя подпоры проць откидывал,
И уж он медныя отпоры проць отдергивал,
И заходил он во пещерушки змеинны.
240 И там уж несколько сидит царей-царевичей,
И там уж несколько сидит князей-князевичей,
И там уж сильных могучих богатырей,
И ведь прочеей-то силы так и сметы нет.
«И уж как подьте вы-то вси, цари-царевичи,
245 И уж вы подьте-ка-то вси, князи-князевичи,
И вы, сильныи могуции богатыри,
И уж как ходите вы да вси на вольню волюшку,
По своим по сторонам да по своим домам».
И уж как брал да он Забавушку Путятицьну.
250 «И уж как ай же ты, Забавушка Путятицьна!
Из-за тебя я ездил нуньку, странствовал,
Из-за тебя я со змеей ратиуся,
Из-за тебя я пролиу кровь поганую».
И как сядиуся-то ведь он тут да на добра коня,
255 И как повез-то ю ко князю ко Владимиру.
И уж как князь его-то и на сеньях ждет.
«И уж как ай же ты, Добрынюшка Микитиць млад!
За твою за служебку не малую,
Как не малую да и великую
260 И ты торгуй теперь у нас во Кееви
Веки-повеку да веки до веку».
И уж как тут про Добрыню старину поют
Морю тихому на утешеньице,
Всем вам, добрым людьм, на послушаньице.

17. КОВЕР ЕДИНОВИЧ

(Ставр Годинович)

- Как во славном во городи во Кееви,
Да у ласкового князя у Владимира
Начинался пир да на двенадцать дней.
И аще вси да на пиру да наедались,
5 И аще вси да на пиру да напьявались,
И аще вси да на пиру да й поросхвастались.
Умной хвастает отцём и матушкой,
А безумной хвастает молодой женой.
Кто ли хвастает именем-богачесвом,
10 Кто ли хвастает своим добрым конем,

- Кто ли хвастает бессчетной золотой казной.
«И уж как что же ты, Ковёр Единовиць,
И ты сидишь-таки, ничим не хвастаешь?»
«Ой мни нечем против вас-таки похвастати:
- 15 И мни похвастать не похвастать отцом-матушкой —
И как отца-то и матушки в живых их нет.
И мни похвастать не похвастать золотой казной —
И золотой-то ведь казны да й у меня здесь нет.
И мни похвастать как имением-богачесьвом —
- 20 И как имения-богачесьва у нас зди нет.
И мни похвастать не похвастать молодой жоной,
Молодой жоной Настасей-королевицьной —
И она всих-то вас продаст и выкупит,
И тебя-то князя-солнышка с ума сведет».
- 25 Как уж это слово князю не в любовь пришло.
«Ах вы подьте-ко, мои да слуги верныи,
И вы тащите-ко Ковра да в место крепкое,
Не на много не на мало — ровно на шесть лет».
И подхватили тут уж скоро слуги верныи,
- 30 И кладывали ведь его да в место крепкое,
Не на много не на мало — ровно на шесть лет.
И как прознала тут Настасья-королевична,
Стала с горенки во горенку похаживать,
Стала женским кудёркамы потряхивать
- 35 И стала белыма руками-то размахивать.
«И мне деньгамы-то мни стать — его не выкупить,
И мне людямы-то ведь стать — его не выпросить.
Буде выкуплю — уж я не выкуплю,
Буде выпрошу — уж я ль не выпрошу,
- 40 Только своей я уж женской догадоцькой.
И вы бежите-ко, мои да слуги верныи,
И вы несите мужнии светлы платыца,
И отсекайте-ко вы желтые кудёрышка.
Уж как наш-то ведь Ковёр Единовиць,
- 45 И он засажоной-то в место крепкое,
Не на много не на мало — ровно на шесть лет.
И я поеду от собаки Калина
И уж я сватать княженецкую племянницу».
И прибежали тут уж скоро слуги верныи,
- 50 И принесли-то мужнии светлы платыца,
И отсекли-то у ней желтые кудёрышка.

(А дальше-то не помню. Только помню, что мужа выручила. Достала отсюль. Аще помню:)

Племянница говорила:

- «Не умной ты, дядюшка,
И не разумной ты, мой дядюшка,
- 55 Хочешь девицу отдать ведь ты за девицу.

- Походочка у нее естя женская,
Пальчики есте женские».
- «Я пойду аще посла да попроведаю».
- Вывел ю с борьцами,
- 60 Она в руку трех и в другу трех,
И седьмого наддатком.
Потом дядя и не стау ю спрашивать,
А стал просватывать.
Пошел тут у их веселой пир.
- 65 Последней день посол не весел стау.
«Что же ты не весел стау?»
«Дайте мне загусельщик».
- Ну а дядя говорит:
«Не дать косла¹ — так разгневить посла».
- Ну а тут она взяла как-то мужа и поехали. Раскинули шатры
в поле и стали отдыхать. А она али ён сказали:
- 70 «Не честь-хвала нам молодецкая,
Когда мы молча уехали со города со Киева».
- Ну и оны вернулись взад.
Тут ему и сказал князь Владимир стольне-киевский:
«Уж как ай же ты, Ковёр Единович,
- 75 Уж как знал ты похвастать молодой женой,
Молодой женой Настасьей-королевичной,
И она всих-то нас уж продала и выкупила,
И меня-то уж она да й с ума свела.
Ты торгуй теперь у нас да й во Кееви
- 80 Веки-повеку да и век довеки.

18. ДЮК СТЕПАНОВИЧ

- Как не белая ль береза нагибаетсе —
Сын со родною со маменькой прощаетсе,
И с честной вдовой Меуфой Тимофеевной:
«Уж как дай-ко, дай, родитель моя маменька,
- 5 Дай прощеньице мне-ка, благословленьице,
Уж как съездить мне-ка, Дюкушку, во Кеев-град,
Поглядеть-то мне-ка князя со княгиною.
Как везди-то я уж Дюк побывал,
Не бывал уж я только во Кееви,
- 10 Не видал-то я уж князя со княгиною».
- «И как не дам тебе прощеньица ведь я, благословленьица,
Уж как ехать тебе, Дюкушко, во Кеев-град.
Как до Кеева заставы великии,
Первой заставой есть горы петолкучии,

¹ «Так слышала» (примеч. сказительницы). Очевидно, Ковра.

- 15 Другой заставой есть птицы поклевучии,
Третья застава есть змеи поедучии».
«И уж как этим ты меня да не угроживай,
Уж как дашь прощеньице — поеду я,
И не дашь прощеньице — поеду я».
- 20 «Уродилось мое дитятко заносливо,
Ты заносливое, Дюкушко, захвастливое.
Уж ты хвастаешь да животинками сиротскимя,
Ты сиротскимя да и вдовинымя,
А во Кееви есть люди-то лукавын,
- 25 Изведут тя, Дюк, ведь не за денежку».
И как пошел Дюк уж на стоялой двор,
Выбирал-то самолучших жеребчиков,
И как седлау-то он да уседлывал,
Кладывал-то он подпруги крепкии
- 30 Как не ради красы-басы да молодецкой,
Только гля-ради укрепы богатырской.
Выводил коня с двора да со стоялого,
Привязал коня к столбу да й ко точенному,
А й к кольцу-то он да к золоченому,
- 35 Отошел-то он и прочь, и вси дивуются.
«Ах ты, мой ли ты конь али лютой зверь?»
Только вид'ли оны молодца ведь сядучи,
А й не вид'ли оны молодца поедучи.
Как поехал ведь боярин Дюк Степанович,
- 40 Положил-то он заветы крепкие:
Что ведь дома-то стоять заутреню,
А во Кеев-град поспеть надоть к обеденки.
Перва застава приходит а й великая:
Пришли горушки-то потолкучии,
- 45 Только горушки растоунулись — не стоунулись,
Всё ли Бурушка-Кавурушка проскакивал,
Уж он маленький косматенький провёртывал,
Берега-то вси озёра промеж ног спускал,
С горы на гору да с холмы на холму.
- 50 И другой застава приходит да й великая:
Пришли птиценьки-то тут да й поклевучии,
Не успели птицы крылышков расправлявати,
Всё ли Бурушка-Ковурушка проскакивал,
Все ли маленький косматенький провёртывал,
- 55 Берега-то вси озера промеж ног спускал,
С горы на гору да й с холма на холму.
Третья застава приходит да й великая:
И пришли змеи-то ведь тут да й поедучии,
И не успели змеи хобутов расправити,
- 60 Всё ли Бурушка-Ковурушко проскакивал,
Всё ли маленький косматенький провёртывал,
Берега-то вси озёра промеж ног спускал,

- С горы на гору да с холмы на холму.
И как приехал тут боярин Дюк Степанович,
65 И он во Кеев-град на княженецкой двор,
Привязал коня к столбу да й ко точеному,
Да й к кольцу-то он коня да й к золоченому,
И проходил-то он во тыи гридни светлыи,
Во столовыи во новыи во горницы.
- 70 И он уж крест ведет уж там да по-писаному,
А поклон ведет да он уж по-ученому,
Он клонится на вси на три на сторонушки,
Князю-солнышку он клонитсе в особину.
«И ах ты здравствуй, наш ведь ты ли рукомойница!»¹
- 75 «И ты ай же ты, захопина боярская,
Запитуха ты ведь есте деревеньская!
И княженецкую жену ты называешь рукомойницей!»
«И этим, князь, ты на меня да й не прогневайся,
Говорили, Кеев-град в чести, в добри,
- 80 А во Кееви-то все ведь не по-нашему.
Как во нашсей во Инди во богатой,
Да во той во Галици проклятой,
Как у моей у родители у маменьки
В этих платях ходят рукомойницы.
- 85 Уж как где же князь Владимир стольно-кеевский?»
«А уж князь-то ведь Владимир к обедни ушел».
Он скорее тут назад и поворот держал,
Проходил во тую церковь божию.
Уж он крест ведет ведь там да по-писаному,
- 90 А поклон ведет ведь он да по-ученому,
Он клонится на вси на три на сторонушки,
Князю-солнышку он клонитсе в особицу.
Он пошел по церкви божиин,
Он не только по святым поглядывал,
- 95 Колько с ноженьки на ноженьку й выступливал,
Колько с плеченька на плеченько посматривал.
И отошла-то тут ведь ранняя обеденка.
Подходил к ним тут князь Владимир стольне-киевский,
И подходил к нему Самсонушко Самойловичь,
- 100 Стали молодца тут Дюкушка выпрашивать:
«Ты с коёй земли да й с какой орды,
Коего отца да коей матушки?»
«И уж как естя я со Инди со богатой,
Да со той со Галици проклятой,
- 105 И от честной вдовы Меуфы Тимофеевной.
Уж как дома я стояю заутрену,
А во Кеев-град поспел к обеденки,
Ехау прямою дорожкой прямоезжею».

¹ Дюк обращается к княгине.

- И говорил-то тут Самсонушко Самойловиць:
110 «И во глазах-то ты, собака, надсмехаетсе.
И он убил какого ни боярина,
И да уж снял с него да цветно платьице,
В тых он платьях ходит здесь да выхваляется».
«И этим, князь, да на меня ты не прогневайсе»
115 Говорили, Кеев-град в цести, в добри,
А во Кееви-то все да не по-нашему.
Как во нашей Инди во богатой,
Да во той во Галици проклятой,
Как у мбей у родители у маменьки
120 Принастелены мостоцики дубовьи,
Как принастланы суконоцьки ведь бархатны,
А кладены поруценьки калиновы.
Как идешь-то ведь, сапожки уж не грязнятся,
Оны не грязнятся, а только чистятсе».
125 И как пришли оны на княжевецкой двор.
И говорил-то тут боярин Дюк Степановиць:
«И уж как ай же ты, мой Бурушка-Кавурушка,
И уж ты ай же, мой ты богатырской конь,
И не хотел ты есть пшены да белояровой,
130 Тут насыпано овсишко зяблостей».
И проводили тут уж гостя в гридни светлыи,
Во столовыи во новыи во горници,
И как садили гостей за дубов за стол.
И уж как стали гостюшка калацьки метать,
135 И уж как верхнюю-то короцьку на стол кладет.
И уж как нижнюю-то короцьку под стол мецёт,
А ведь мякишко-то только скушает.
И подходил к ему Самсонушко Самойловиць:
«И уж как что же ты, боярин Дюк Степановиць,
140 И уж как верхнюю ты короцьку на стол кладешь,
А ведь нижнюю ты короцьку под стол мецёшь,
Ведь мякишко ты только скушаешь?»
И говорил уж тут боярин Дюк Степановиць:
«Этым, князь, ты на меня да не прогневайся,
145 Говорили, Кеев-град в цести, в добри,
А во Кееви-то все да й не по-нашему.
А во нашей во Инди во богатой,
Да во нашей да Галици проклятой,
И как у моей у родители у маменьки
150 Уж как боцецьки-то есте-то дубовьи,
Да й обруцецьки-то естя золоцёныи,
Уж как там у на(с) и калаци месят.
И уж как пеценьки-то ести изразцевыи,
И помялышка-то есте ведь шелковыи,
155 Уж как там у нас и калаци пекут.
Как калацик съешь — друго хочется,

- Другой съешь — по третьем ведь душа болит,
А третей съешь — четвертой вон с ума не идет.
А у вас-то ведь во Кееви
- 160 Уж как боцецьки-ты естя-ты сосновыи,
А обручики-то есть у вас еловыи,
Уж как там у вас и калаци месят.
Уж как пеценьки у вас-то е кирпичныи,
А помялышка у вас-то есть сосновыи,
- 165 Уж как там у вас и калаци пекут».
Подносили гостю цяру зелена вина,
Половину расплескали по горенки,
А уж другу он ведь за окно вылил.
«Этым, князь, ты на меня да не прогневайся,
- 170 Говорили, Кеев-град в цести, в добри,
А во Кееви-то все да й не по-нашему.
Как во нашей во Инди во богатыри¹,
И как во нашей во Галици проклятой,
И как у моей у родители у маменьки
- 175 Уж как боцецьки-то есте тут дубовыи,
А обручики ведь есть да й золоцёныи,
Уж как там у нас да й вина держатся,
Цяру выпьешь — губоньки слипаются,
Другу выпьешь — ведь по третьей-то душа болит,
- 180 Третью выпьешь — а четверта вон с ума не идет.
А не так-то, как у вас во Кееви,
Естя боцецьки у вас ды ведь сосновыи,
А обручики да есть ведь тут яловыи,
Уж как там у вас и вина дёржатсе».
- 185 И говорит уж тут Самсонушко Самойловиць:
«И уж как ай же ты, боярин Дюк Степановиць,
И уж как станем битьсе об велик заклад,
Об великий заклад да на три годицька,
Чтобы ходить да нам с тобой во церковь божию
- 190 И как держать да нам с тобой да цветно платьце,
Чтобы лучше и того и цвету не было».
И как побились со свет Самсоном о велик заклад,
Об велик заклад да й на три годицька.
«И как ходить-то нам с тобой во церковь божию,
- 195 Чтобы кажен день было да платье сменное,
Платье сменное, да платье цветное,
Чтобы лучше и того и цвету не было».
Он садился как ко столицьку дубовому,
И он писал да скоропивчатую грамотку
- 200 И он ко своей ко родители ко маменьки:

¹ Очевидно, «во богатой».

«И уж мы бьемся ведь с Самсоном о велик заклад,
О велик заклад да й на три годицька,
И нам ходить-то во церковь божию,
И чтобы кажен день было да платье сменное,

- 205 Платье сменное, да й платье цветное,
Чтобы лучше и того и цвету не было».
И уж как шел-то он на княженецкой двор,
И заседлал-то он уж Бурушка-Кавурушка,
И заседлал он скоропивчатую грамотку.
- 210 «И уж как ай же ты, мой Бурушка-Кавурушка,
И уж как ай же, мой ты богатырской конь,
И ты бежи-тко ко любимым ко конюхам,
И зарычи-тко ты да там да ясным ясаком,
Ясным ясаком да й ясным соколом».
- 215 И прибежал-то тут как Бурушка-Ковурушка
И он ко своим ко любимым ко конюхам,
Зарычал-то он ведь тут да ясным ясаком,
Ясным ясаком да й ясным соколом.
И как услышала ведь Меуфа Тимофеевна,

Тут-то она и сказала, что решю, верно, свою младую голо-
вушку.

- 220 И она стала скоро Бурушку расседлывать,
И увидала скоропивчатую грамотку,
Она скоро взяла ю, прочитала, распечатала.
«И уж как подьте-ко, мои да слуги верныи,
И вы кормите-ко коня да й скоро-наскоро,
- 225 Скоро-наскоро да й сыто-насыто».
А сама-то взяла золоты ключи
И да й пошла ему одежицы налаживать.

*(Эти былины про Добрыню да про Дюка мне-ко пондравились,
как тут рассказывается, как мать-то любит своих сыновей. Как
одна сижу за ставом да запою, дак все воплю.)*

Она сложила всю одёжу драгоценную,
Заседлала Бурушка-Ковурушка.

- 230 «И как бежи-тко, мой ты Бурушка-Кавурушка,
И ты бежи-тко нунь на княженецкой двор».
И побежал-то тут уж Бурушка-Ковурушка
И он ведь прямо-то во Кеев-град на княженецкой двор,
И зарычал-то он ведь там да й ясны(м) ясаком,
- 235 Ясным ясаком да й ясным соколом.
И как услышал ведь боярин Дюк Степановиць,
И расседлау-то он ведь Бурушка-Ковурушка,
И вынимал-то он одёжу драгоценную.
И уж как стал ходить боярин Дюк Степановиць,

- 240 И уж как стал ходить во церковь божию с Самсонушкой
Самойловым.
И как не может перефорсить Самсон Самойловиць
Как того ли Дюка да Степанова.
И как по третей год да й по последней день
И как ийти-то надо им во церковь божию.
(У которого будет одежда-то лучше. Тут я скажу.)
- 245 У Дюка было: по косицам часты звездоцьки,
Во лби красно солнышко,
Назади светел месяц.
Поглядеу князь Вл(адимир) на Самсонушко Самойлова:
У Самсонушко Самойлова
- 250 Одежа на себи да драгоценная,
Сапоженьки на ноженьках сафьяновы.
Как глянул тут князь Владимир стольне-киевский,
Как зглянул он на Самсонушко Самойлова.
«Перефорсил тебя боярин Дюк Степановиць,
255 Перефорсил тебя, Самсонушко Самойловиць».
И как зглянул-то он на Дюкушка Степанова,
(Как одежда драгоценная — и не спомнишь, что и есть.)
- Подходиу к ему опять боярин Дюк Степановиць.
«И уж как станем бить о велик заклад,
О велик заклад да й о буйных головах».
- 260 И говорил-ты тут боярин Дюк Степанович:
«Теби просто со мной биться о велик заклад,
О велик заклад да й о буйных головах:
Уж как сам-то ты да есте при доми,
Ды ведь конь-то у тебя да естя при доми,
265 А у меня хлеба, что в брюхи,
Платья, что на сибя».
Ну, побились с Самсоном о велик заклад,
О велик заклад о буйных головах.
Стали вси съезжатьс(е) к Пучай-реки,
- 270 Вси князья и вси ббьяра,
Вси сильнии могучии богатыри.
Говорит Самсонушко Самойлович:
«Поезжай-ко ты, боярин Дюк Степанович».
Говорил боярин Дюк Степановиць:
- 275 «Это ты удумал биться о велик заклад,
О велик заклад о буйных головах,
Тебе и ехати».
Поехал Самсонушко коня обганивать,
Обганивать, обхлыстывать.
- 280 А боярин Дюк Степановиць
Прямо с крута да с бережка
А Самсонушко Самойлович

- Прямо посередь сел на Пучай-реки.
А боярин Дюк Степанович
- 285 Скорее назад и поворот державу.
Подъезаю, захватию за волосы
И скорее на берег и вытащию.
Говорию боярин Дюк Степанович:
«Ай же князь Владимир стольне-киевский,
290 Нам которому с Самсоном голова рубить?»
Стали Дюкушка упрашивать,
Стали Дюкушка умаливать:
«Ты оставь-ка нам Самсонушка на семена,
Не с тобою, Дюк, уж биться об велик заклад,
295 А с киевскими бабами».
Говорию-то князь Владимир стольне-киевский:
«Уж какой-то богатырь наехаю Дюк Степановиць,
Что не мочи его ничим уштрафити?
А поедете-ко его животов описывать».

Выбрали трех человек, кого, не помню, взяли бумаги на три года.

- 300 Говорил боярин Дюк Степанович:
«Съедете, так кланяйтесь моей маменьке Меуфе Тимофеев-
ной». Тут как они подъехали, да как Галиция-то блеснула,
тут уж не помню.

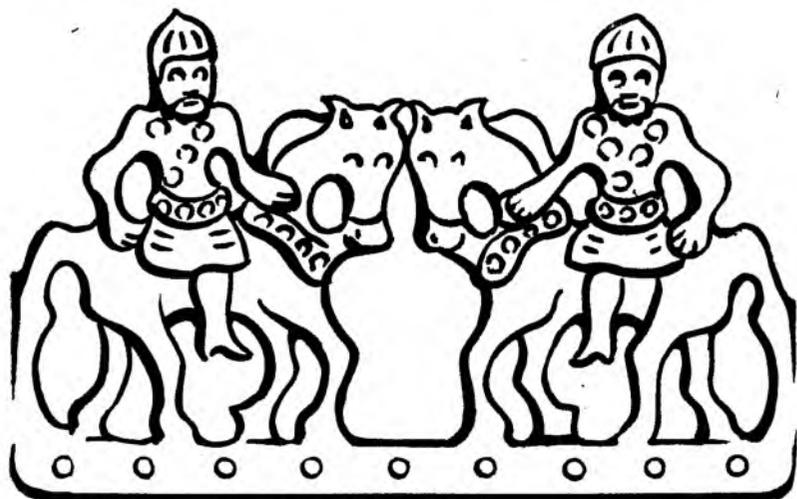
Как зашли оны,
(Не помню, куды)

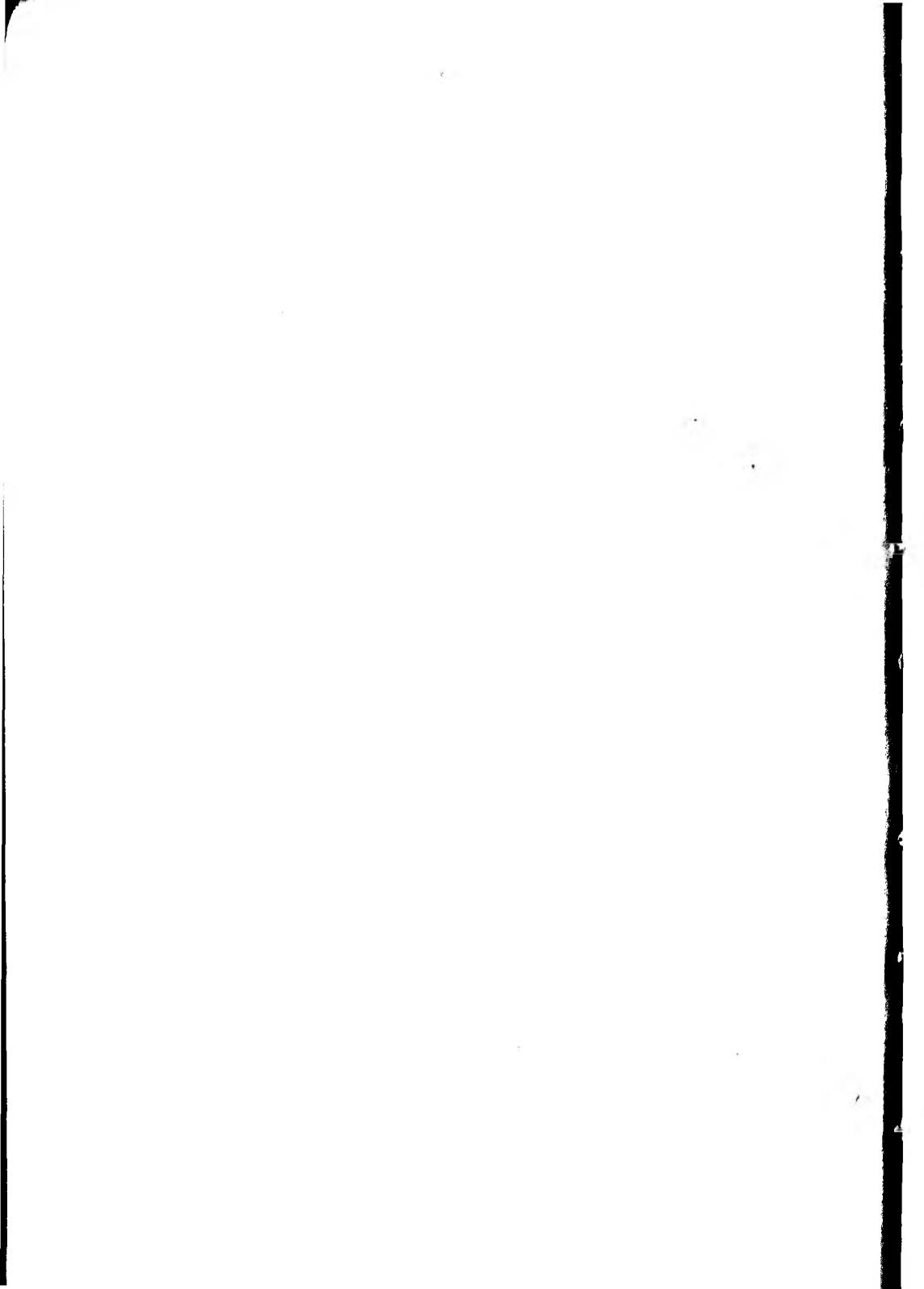
- Крест ведут да по-писаному,
А поклон да по-ученому,
- 305 Клоняется на вси на три на сторонушки,
А Дюковой матушки в особину.
«Ай уж ты здравствуешь ли, Дюкова ли матушка!»
«Я не Дюкова естя матушка,
А я Дюкова естя рукомойница».
- 310 Аще дальше прошли,
Крест ведут да по-писаному,
Поклон ведут да по-ученому,
Дюковой матушки в особину.
«Здравствуешь ты, Дюкова матушка!»
- 315 «А я не Дюкова естя матушка,
А я Дюкова естя стольница».
Они аще прошли дальше,
Крест ведут да по-писаному,
Поклон ведут да по-ученому,
- 320 Клоняется на вси на три на сторонушки,
А Дюковой матушки в особицу.
«Уж ты здравствуешь ли, Дюкова ли матушка!»

- «А я не Дюкова естя матушка,
А я Дюкова естя судомойница.
- 325 Понапрасно zde не ходите-ко,
Спин да не ломайте-ко.
Этто много естя Дюковых прислуг вам ходить,
А Дюкова матушка к обедни ушла.
Подите к церкви божией да постойте в сторонки,
- 330 Пойдут лопатники, за лопатникамы метельники,
А за метельникамы постельники,
А потом пойдут красны девушки дорожку настилают,
А потом пойдет Дюкова матушка».
Вот повели Дюкову матушку.
- 335 Идет, вся в злати, вся в серебри,
Вся в скатном мелком жемчуге,
По косицам часты звездочки,
Во уби красно солнышко,
А назади светуеу месяц.
- 340 «Здравствуй, Дюкова матушка!
Тебе сын да низко кланяюся,
А мы приехали ваших животов описывать».
«Здравствуйте, молодчики проезжие!
А вам не долго наши сиротски животы описывать».
- 345 Брала к себи молодчиков прохожих,
Садила за стола дубовыи,
Стали оны калачки метать:
Как калачик-то съедят — другого хочется,
Другой съедят — по третьему душа болит,
- 350 Третьей съедят — четвертой вон с ума не йдет.
Подносила им по чары зелена вина.
Перву выпьют — губоньки слипаются,
По другой выпьют — по третьей и душа болит,
По третьей выпьют — четверта вон с ума не йдет.
- 355 Повела она во конюшенку жеребцов показывать.
Не могли оны глазами повысмекать,
А не только повыписать.
Потом завела в погребу одежду показывать.
Так не могли глазами повысмекать,
- 360 А не только повыписать.
Сказали молодчики прохожие:
«Этто нам Дюкова живота описывать,
Так надо свой век коротать».
Сказала Дюкова матушка:
- 365 «На бумагу кладите весь Кеев-град,
Весь Кеев-град да й весь Чернигов-град,
А (по) том-то приезжайте наши сиротски животы
описывать».

Приехали молодчики, говорят князю:
«Если нам Дюковы животы описывать,
370 Так надо весь свой век коротать там».
Напоследи-то ведь сказала Дюкова матушка:
«На бумагу-то кладите весь Кеев-град,
Весь Кеев-град да й весь Чернигов-град,
Уж вы тож-то едте животов описывать».
375 И уж как тут ли про Дюка старину поют
Морю тихому на утешеньице,
Всем нам добрым людям на послушеньице.

ПҮДОЖ

СТЕПАНИДА ЯКОВЛЕВНА ЕГОРОВА

Сведений о Степаниде Яковлевне сохранилось немного. Известно, что родилась она в 1892 году в д. Малая Пога (нын. д. Кевятсалми) Пудоожского района, грамотная. «Старинам научилась у свекрови; когда была жива, рассказывала моим детям, от нее научилась и я» (Парил.—Сойм., с. 432). Большая занятость С. Я. Егоровой в хозяйстве мешала ей закрепить свои знания былин и расширить их (Парил.—Сойм., с. 40).

О сказительнице см.: Парил.—Сойм., с. 432 (автобиография).

19. ПРО ОНИКУ-ВОИНА

Жил Оника-воин триста тридцать единое лето.
Поезжал Оника-воин ко ночальному граду Ерусалиму,
Хотел Оника-воин божью церковь разорить,
Из которой божьей церквы дым-ладан не выходит.

(Там уж, наверно, постоянно служба шла.)

- ⁵ Едет по пути по дороге,
Попадается ему чудное чудо и дивное диво:
Тулово зверино, ноги лошадины,
Голова целовецья, власа женьские до пояса.
Устрашился Оника-воин,
- ¹⁰ Занес свою палицу железну и спрашивает:
«Кто ты есть?
Славный ли могучий богатырь
Или поленица ты есть удала?»
Отвечает ему чудное чудо:
- ¹⁵ «Я не славный могучий богатырь,
И не поленица я есть удала,
Я есть горькая смерть прекрасна,
Иду поморить Онику-воина».
Тут Оника-воин спугался,
- ²⁰ И смолился он смерти прекрасной:
«Ой же ты, смерть прекрасна!
Дай мне строку на три года».

Отвечает ему смерть прекрасна:

«Не дам тебе строку и на три недели».

25 И стал просить Оника-воин:

«Дай мне строку на три дня и на три ночи:

Мне домой воротиться

И с отцом-матерью проститься,

Раздать свой живот по церквам, монастырям».

30 Отвечает ему смерть прекрасна:

«Не дам тебе строку ни на одну минуту

С отцом-матерью проститься

И раздать твой живот по церквам, по монастырям.

Твой живот не правой,

35 Твой живот кровавой,

И польза твоей души не будет».

В ту минуту зашатался Оника-воин

И пал на сырую землю.

Тут ему и славу поют.

АНАСТАСИЯ ЯКОВЛЕВНА МАЛЫШЕВА

Анастасия Яковлевна Малышева родом из д. Семеново Пудоожского района. В момент записи (февраль 1938 г.) ей было 30 лет¹. Грамотная. Былинам А. Я. Малышева научилась от своей бабушки — Н. Р. Мироновой, которая передала свое знание П. Е. Миронову, односельчанину Анастасии Яковлевны (см. о нем у Сок.— Чич., с. 322). К сожалению, от Малышевой не записано тех былин, которые пел П. Е. Мионов, таким образом, нет возможности сопоставить их тексты.

О сказительнице см. заметку в сб. «Онежские былины» (Сок.— Чич., с. 340).

20. СОЛОВЕЙ ГУДИМИРОВИЧ

Ой вышла река широка-глубока,
В сторону она до Нова-города,
В другу она до Ерусалима.

По этой по реченьки

⁵ Шли три кораблика златоверхии:

Вершечка с вершечка свивалися,

Добры люди дивовалися,

Веночки с веночками слипалися.

На первом корабле сидит сам Соловей сын Гудимирович,

¹⁰ На другом корабле его матушка,

На третьем корабле дружинишка,

А дружинишка есте хоробрья,

Тридцать три молодца, все одинакие.

Говорит тут сам Соловей сын Гудимирович:

¹⁵ «Ай же ты, дружина е хоробра,

Тридцать три молодца, все одинакие,

Берите вы щупы железные,

Щупайте во Волге-реки в широки-глубоки:

Нет ли где ни луды да ни камени,

²⁰ Где меленькой примолы-перемельчены,

¹ У Сок.— Чич. возраст другой — в 1928 г. сказительнице было 35 лет.

- Подъехать нам ко городу ко Киеву,
Ко ласкову ко князю ко Владимиру,
Ко той ко пристани корабельнойей».
- Слушалась дружинушка хоробрая,
25 Брала ёна щупы железные,
Щупала, смотрела по Волге-реке:
Нет нигде ни луда, ни камня,
Ни меленькой немолы-перемельчены.
- Подъехали ко городу ко Киеву,
30 Ко ласковому князю ко Владимиру.
Говорит тут сам Соловей сын Гудимирович:
«Ой же ты, дружина е хоробрая,
Берите-ко подносы золоченые,
Полагайте по камешку, по яхонту,
По яфонту по самоцветному,
Подите-ко во город во Киев-град,
Ко ласковому князю ко Владимиру.
Крест кладовайте по-писаному,
А поклон несите по-ученому.
- 40 Дарите-ко подарочки нелегкие,
Просите-ко вы местечко немножечко
На той ли на горочки на Яфонты,
Где пёроги пекут, где блины продают,
Где маленьки ребята барашничают».
- 45 Говорит тут Соловей Гудимирович:
«Ай же ты, дружина есть хоробрая,
Берите-ко топорики булатные».
- Говорит Владимир-князь:
«Не надо мне подарочков нелегких,
- 50 Берите место, сколько надобно.
Срубите на той ли на горочке на Яфонты
Три терема златоверхних,
Чтобы вершечки с вершечками сплетались,
Чтобы веночки с веночками свивались,
- 55 Что (бы) добрые люди дивовались».
- Говорит тут Елена таковы слова:
«Вчера было на горочке пустым-пусто,
А сегодня на горочке густым-густо.
Уж вы, няньки, служанки мои верные,
- 60 Обувайте башмачки сафьяновы,
Одевайте платья самоцветные,
Пойдете на горочку на Яфонту, где пероги пекут».
- Пошла тут Еленушка во терем златоверхни.
Во первом тереме сидит дружинушка хоробрая,
- 65 Тридцать три молодца одинакие,
В другом тереме его матушка Настасья дочь Софиевна,
В третьем тереме сам Соловей сын Гудимирович.
Поклон несла понизешенько.

- Сидели тут ёны трое суточки,
70 Показалось ему три минуточки.
Говорит тут Елена таковы слова:
«Уж ты, Соловей сын Гудимирович,
Бери ты меня за белы руки,
За белы руки, за златы перстни,
75 Пойдем мы с тобой во божью церковь,
Примем мы с тобой законный брак».
Говорит тут Соловей таковы слова:
«Всем ты мне невеста есть по разуму,
А одним ты мне не пондравилась,
80 Что сама себя, Елена, ты просватала».

(*Не взял.*)

21. СТАРИНА ПРО УДАЛОГО МОЛОДЦА

(*Молодец и королевична*)

- Король-то молодца крепко возлюбил, многим жаловал.
«Не ходи-ко, молодец, по честным пирам».
Короля молодец не послушался,
Взял ён допьяна вина накушался,
5 Еще пьян молодец порасхвастался:
«Уж я днем служу королю Литовскому
Верой-правдою, слугом верною,
Ночью спать хожу к душечке королевичне».
Как стемнел король, как есть темна ночь,
10 А сревел тут грозный, как есть лютый зверь:
«Уж вы, пановья, вы, улановья,
Вы, борзы поганые татаровья,
Вы берите подлеца за белы руки да за златы персты,
А ведите его во чисто поле,
15 А срубите там ему буйну голову
И представьте саблю кровавую
Против этих окошек против царских,
Против тых палат белокаменных».
Говорит тут молодец таковы слова:
20 «Уж вы, пановья, вы, улановья,
Вы, борзы поганые татаровья,
А ведите-ка меня по той улице,
Где живет душа Елена-королевична».
Заиграл тут молодец в гусельшки яровчаты,
25 Еще бросилась Елена по поясу в окошечко.
Говорит тут Елена таковы слова:
«Уж вы, пановья, (вы, улановья,
Вы, борзы поганые татаровья)¹,

¹ В рукописи после «пановья» следует «и т. д.», то есть строки повторяются.

- Вы берите за его денег сто рублей,
30 Еще мало вам того — целу тысяцу». Палачи на деньги не уконулись,
А свели тут молодца во чисто поле,
А срубили там ему буйну голову
И представили саблю кровавую
35 Против тых окошек против царских,
Против тых палат белокаменных.
Говорит тут Елена таковы слова:
«Уж вы, пановья, вы, улановья,
Вы, борзы (поганые татаровья)¹,
40 Уж вы, няньки, служанки мои верные,
Омывайте-ка меня побелешенько,
Одёвайте-ка меня поскорешенько».
А брала тут Елена саблю вострую,
А сошла ёна во цисто поле,
45 А срубила там себе буйную голову,
А представила саблю кровавую
Против тых окошек против царских,
Против тых палат белокаменных.
«Где пала головушка гусиная,
50 Тут падет головка белой лебеди,
Пусть проклятый князь глаза выпучит».

¹ В рукописи сделано сокращение: записано только начало строки.

АННА МИХАЙЛОВНА ПАШКОВА

Анна Михайловна Пашкова принадлежит к числу прекрасных знатоков не только былин, но и причитаний, песен. Родилась она в 1866 г. в д. Ярчево Пудожского района. После замужества переселилась в д. Семеново, с 1933 г. жила в г. Петрозаводске. Грамотная. Былины переняла в основном до замужества от тетки — Ксении, старика из д. Ярчево — Ильи Зубова и от Абросима Куплянского.

Об А. М. Пашковой написано много и как о сказительнице, и как о плакальщице. См.: Михайлов М. М. Анна Михайловна Пашкова.— Карелия (Альманах Союза писателей Карелии), кн. 6. Петрозаводск, 1940, с. 109; Русские плачи Карелии. Подготовка текстов и примечания М. М. Михайлова. Статьи Г. С. Виноградова и М. М. Михайлова. Петрозаводск, 1940, с. 53—56; Парил.— Сойм., с. 61—62 (автобиография), с. 22—27 (характеристика манеры исполнения); Избранные причитания. Подготовка текста и вступ. статья В. Г. Базанова. Петрозаводск, 1945, с. 101—104.

22. САДКО КУПЕЦ БОГАТЫЙ

- Как во том во славном Нове-городе
Жил Садко-купец богатый гость.
Прежде у Садко ничего не было,
Только были гуселышка яровчаты.
- ⁵ Он ходил по пирам да по гостебищам
И играл в гуселышка яровчаты,
Тем кормил он свою голову,
Тем кормил он свою матушку.
Садко день не зовут на почестный пир,
- ¹⁰ И другой не зовут на почестный пир,
А на третий день Садко соскучиуся.
Он берет гуселышка яровчаты,
И пошел он к Ильмень-озеру.
И сажился Садко на сер-горюч камень.
- ¹⁵ И начал он струночки натягивать,

- Начал по струночкам поваживать,
На своих гусельшках наигрывать.
Тута в озери волна сходиласи,
Со песком вода смутиласи.
- 20 Испугался Садко новгородский гость,
Убежал ко славно Нову-городу.
Садко день не зовут на почестный пир,
И другой не зовут на почестный пир,
А на третей день Садко соскучиуся.
- 25 Он берет гусельшки яровчаты,
Идет Садко к Ильмень-озеру,
И садится Садко на сер-горюч камень.
Стал он струночки свои натягивать,
Стал по струночкам Садко поваживать,
- 30 На гусельшках яровчатых наигрывать.
Ильмень-озеро да сбушевалося,
Волна сильная да в озери сходиласи,
Со песком вода да помутиласи.
Устрашился Садко, испугался он,
- 35 Схватил гусельшка яровчаты
И убежал ко славному Нову-городу.
И Садко день не зовут на почестный пир,
И другой не зовут на почестный пир,
А на третей день Садко соскучиуся.
- 40 Он берет гусельшка яровчаты,
И приходит он да к Ильмень-озеру,
И садится Садко на сер-горюч камень.
Начал струночки он натягивать
И по струночкам начал поваживать,
- 45 На гусельшках яровчатых наигрывать.
Ильмень-озеро да сволновалося,
Тут не спугался Садко новгородский гость.
Из того из озера из Ильменя
Выходит царь морской.
- 50 «А здравствуешь, удалой доброй молодец,
Молодой ты Садко новгородский гость!
Хорошо играешь ты в гусельшки яровчаты,
А потешь-ко ты царя морского —
За твою работушку
- 55 Я в долгу перед тобой да не остануси,
Не остануси, порассчитаюся.
Ты бери-тко, Садко, много золота,
Много золота да чиста серебра.
От меня да ты счастлив будешь.
- 60 А если этот подарок не пондравится,
Ты иди-тко во славный Нов-город,
Собери-тко купцов новгородских
И побейся с ними о велик заклад:

- Ты поставь-ка гим да свою буйну голову,
65 А с гих сторонушки проси лавки товара красного.
Ты о том побейся о велик заклад,
Что во этом ли да в Ильмень-озери
Естя рыбушка да золоты перья.
Когда побьешься ты о велик заклад,
70 Ты бери невода да шелковыи,
Ты закинь-ко тоньку в Ильмень-озери,
Дам я тебе рыбку золоты перья.
И потом закинь вторую тонечку,
Дам вторую рыбку золоты перья.
75 И закинь ты третью тонечку,
Дам я третью рыбку золоты перья».
И пошел тут Садко во славный Нов-город.
Поутру рано-ранешенько
Приглашают Садко на почестен пир
80 Поиграть в гусельшки яровчаты.
Собералися да все купцы новгородские,
На пиру все наедалися,
На честном все напивалися,
Чем-нибудь оне да похвалялися.
85 Которой хвастает отцом своим да матушкой,
Идной хвастает да молодой женой,
А купцы-то новгородские
Оны хвастают да золотой казной,
Идной хвастает своим отечеством
90 И хорошим да молодечеством.
Один Садко сидит да посмирнешенько,
Он ничем да сидит не хвастает.
Тут начали Садку подпаивать,
Начали Садку чарочки поднашивать.
95 Говорят купцы да новгородские:
«А что же ты, Садко новгородский гость,
А ничем в пиру да не похвастаешь?»
Говорит ему Садко таковы слова:
«А чем мни, бедняку, да похвастаться?»
100 У меня есть именья-богачесьва —
Как одне гусельшка яровчаты,
Только могу я, молодец, похвастати.
А как знаю я да чудо-чудное,
Чудо-чудное да диво-дивное:
105 Как во нашем есть да Ильмень-озери,
Есть рыбинки да золоты перья».
Говорят купцы да новгородские:
«Ты с похмелья, молодец, говоришь да таковы слова!
А мы вековы жители да новгородские
110 Да й век того не слыхано,
Да и век того не видано,

- И на басенках оно не баяно,
Никому это слово не поверится,
И никому это слово не поладится».
- 115 Говорит тут Садко новгородский гость:
«Ай же вы, купцы да новгородские,
Все воеводы новгородские!
Я могу побиться об велик заклад,
Я влагаю свою да буйну голову,
- 120 А вы, купцы да новгородские,
Полагайте лавоцьки с товарамы».
Тут купцы да призадумались,
А три купца повыстали,
Говорят оне да таковы слова:
- 125 «Ах ты, Садко новгородский гость,
Полагаешь ты да буйну голову,
А мы положим на свою да на сторону
По три лавочки товара красного».
Тут согласились да условились,
- 130 Все к условию да подписались,
Все воеводы новгородские.
Садко брал шелковый невод,
И пошли они к озеру да Ильменю,
А по сказанному, как по писаному:
- 135 Перву тоню закинули в Ильмень-озеро —
Гим попала рыбка золоты перья.
Все купцы, воеводы новгородские
Тому чудушку да чудуются,
Тому дивушку да дивуются.
- 140 Как закинул Садко новгородский гость
Вторую тонечку да в Ильмень-озеро —
И втора попала рыбка золоты перья.
А стоят купцы да новгородские,
Оне за ухом да почесывают.
- 145 Закинул Садко третью тонечку,
Третью тонечку да в Ильмень-озеро —
И попала третья рыбка золоты перья.
И говорят купцы новгородские:
«Ай да Садко новгородский гость,
- 150 Теперь дело с тобой у нас покончено,
Наше дело с тобой теперь проиграно,
Ты бери наши лавоцьки с товарамы».
И стал тут Садко торговать товаром красным,
Получал барыши да великии.
- 155 Он построил хоромы высокии
И палаты он да гряновитыи,
Все устроил в палатах по-небесному:
На небе солнце — и в палатах солнце,
А на небе месяц — и в палатах месяц,

- 160 А на небе звезды — и в палатах звезды.
И начал Садко богатеть.
И собрал Садко почестен пир,
И зазвал он всех купцов новгородских
И всех воевод новгородских,
- 165 А сам играл в гуселышки яровчаты.
На пиру-то вси да наедались,
На честном да вси да напивались,
Во хмелю-то вси да похвалялись.
В первую очередь да порасхвастался
- 170 Садко новгородский купец:
«Ай же вы, купцы да новгородские,
Все воеводы новгородские,
У меня, у Садко у бедного,
Теперь есть бессчетна золота казна.
- 175 На свою ли я бессчетну золоту казну
Смогу теперь повыкупить все товары новгородские».
И побилиси они да о велик заклад,
О велик заклад о тридцати о тысячах.
Как по утрышку по раннему
- 180 Встает тут Садко поранешенько,
Он будит дружинушку хоробрую,
Он дает им бессчетной золотой казны,
Отправляет их по улицам окольным,
А по тем по лавочкам торговым
- 185 Все скупать товары новгородские,
А худые товары и добрые.
Сам Садко идет в гостиный ряд,
Закупает все товары новгородские.
На второе утро раным-ранешенько
- 190 Он будит своих слуг верных,
Всю дружинушку свою хоробрую,
Ен без счета дает да золотой казны.
«Отправляйтесь-ко в славной Нов-город
Как по тем по улочкам окольным,
- 195 Как по тем по лавочкам торговым,
Закупайте вы товары новгородские,
Вы худые товары и добрые».
А сам Садко да новгородский гость
Прямешенько идет да в гостиный ряд,
- 200 Смотрит — вдвойне товаров там принавезено,
А вдвойне товаров принавалено.
Говорит Садко да он сам себе:
«Я повыкупил товары новгородские,
А появились товары московские».
- 205 Он склонил да буйну голову
И пошел в свою палату белокаменну.
В третей день встает Садко поутру ранешенько,

- Ен будит дружину хоробрую,
Им без счета дает да золотой казны,
210 Посылает по улицам да загородным
Закупать товары московские.
А сам прямешенько идет в гостиный ряд,
А тут тройне товаров принавезено.
Говорит Садко да таковы слова:
215 «Как скупил товары новгородские,
Навезли товаров да московских.
Я скупил товары московские,
Принавезено товаров заморских».
Говорит тут Садко таковы слова:
220 «Верно не я богат, новгородский купец,
А богатея меня да славный Нов-город».
Он пошел в палаты белокаменны,
Собрал купцов новгородских
Оправдать да свои договоры,
225 С которыми побились о велик заклад,
Отдавал купцам да тридцать тысячей.
На остальну бесчетну золоту казну
Он построил кораблики червленени
И взвалил товары новгородские и те товары московские.
230 Собрал свою дружинушку хоробрую,
Посадил на кораблики червленени.
Зазвонели якоря булатные,
Поднимались паруса да полотняныи.
А Садко да новгородский купец
235 Помолился он да Спасу образу,
С молодой женой он прощается,
В путь-дороженьку да отправляется.
Как из славного да Нова-города
Поехал Садко по Волхову,
240 Из реченьки да из Волхова
Во озерышко да во Ладожско,
А из Ладожского озера
Во матушку Неву-реку,
А со матушки да Невы-реки
245 А во морюшко да во синее.
Он держал корабли да во праву руку,
Во праву руку да в Золоту Орду.

(Не знаю, кака Золота Орда.)

- Товары продал он да с большой прибылью,
Получил он барыши да великии:
250 Бочки-сороковки красна золота да чиста серебра.
И в обратный путь поехал по синю морю.
Сине морюшко да зволновалоси,
Буря сильная в морюшки сходиласи,

- Со песком вода да помутиласи,
255 Ветер мачты гнет, паруса-те рвет,
А не идут кораблики червленны.
Говорит тут Садко таковы слова:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая,
А много я ездил по синю морю,
260 А царю морскому дани я не плачивал,
Царь морской на меня, верно, поразгневался
И задерживат кораблики червленны.
Уж вы, слуги мои, слуги верны,
Возьмите-тко бочку чиста серебра,
265 Вы спустите бочку во сине море».
И его дружинушка хоробрая
Оны взяли бочку чиста серебра,
На блоках спустили во синё морё.
Тута морюшко не усмирилося,
270 А все волна в мори да сходиласи,
С песком-то вся вода смутиласи,
Ветер мачты гнет, паруса-те рвет,
А не йдут кораблики червленны.
Говорит тут Садко новгородский купец:
275 «А не по разуму, царю, верно, этот подарочек.
Вы возьмите-тко да бочку чиста золота,
А спустите царю морскому во сине море».
Тута слуги его верные
Оне брали бочку чиста золота
280 И на блоках спустили во сине море
А царю морскому во подарочек.
Тут морюшко не усмирилося,
Ветер мачты гнет, паруса-те рвет,
А не идут кораблики червленны.
285 Испугался Садко новгородский гость:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая,
Нам придется, верно, в морюшки потонути,
Не угодны, верно, эти подарочки,
А грозной царь морской да, верно, требует
290 Он живой души да человеческой.
Собирайтесь-ко, пожалуйста,
В один круг, в одну беседушку,
Что нам делать теперь с морским царем?»
И надумали, да наладили
295 Промеж собой да кинуть жеребий,
Кому идти да во синё море,
Во синё море да на само дно,
А царю морскому во служеньице.
Вся дружинушка хоробрая
300 Поделали жеребья кожаные

- И подписали свое имя и фамилию.
А Садко новгородский гость
Он сделал жеребей на красном золоти,
И спустили жеребьи да во сине море.
- 305 Всей дружинишки да хоробрыя
Жеребья плывут да будто гоголи
Во синём мори да поверх воды.
Садко жеребей да пал во синё море,
Во синё море да на само дно.
- 310 Говорит тут Садко таковы слова:
«Ай же вы, дружинишка хоробрая,
Жеребьямы мы да переменимся.
Вы себе сделайте жеребья из красна золота
И подпишите имя и фамилию,
- 315 А я сделаю себе жеребей кожаный».
Его дружинишка хоробрая
На совет на этот согласилися.
Сделали жеребья да с чиста золота,
Подписали имя и фамилию.
- 320 А Садко сделал себе жеребей да кожаный
И подписал свое имя и фамилию,
И спустили жеребья во синё море.
Всей дружинишки да хоробрые
Жеребья стоят да поверх воды,
- 325 А Садко купца да новгородского
Будто камешек пошел да во синё море,
Во синё море да и на само дно.
Говорит тут Садко таковы слова:
«Верно, царь морской да меня требует,
- 330 Надо тому делу покоритиси,
А с вами, друзья, да распротитися.
Ай же вы, дружинишка хоробрая,
Принесите мне поскорешенько
Вы бумажечки да гербовыи,
- 335 Вы конвертички да клееныи,
Перушки несите вы гусиныи,
Карандашечки да вы чернильные,
Я писать буду да завещаньице,
Я расписывать-то буду все именьице,
- 340 По частям буду писать да по долиночкам:
Перва часть идет да по божьим церквам,
Друга часть идет да нищей братии,
Третья часть пойдет да молодой жены,
А четвертая — дружины хороброй,
- 345 Чтобы в жизни было вам на вспоминаяньице,
А души моей на поминаньице».
Говорит тут Садко таковы слова:
«Ай же вы, дружинишка хоробрая,

- Принесите-тко гуселышка яровчаты,
350 Посмотрю в последний раз да полюбуюся
На свои гуселышки яровчаты.
Не живать мне больше на белом свету,
Во гуселышки яровчаты не играть,
А разве взять мне их да во синё море?»
- 355 Говорит-то уж Садко таковы слова:
«Ай же ты, дружинушка хоробрая,
А вы возьмите-тко дощечку дубовую».
Он лег на дощечку дубовую,
Взял с собой гуселышка яровчаты,
- 360 И спустили его во синё море,
Не спел тут Садко и глазком моргнуть,
И пошли его кораблики червленни.
И заснул тут Садко на дощечки на дубовенькой,
А проснулся Садко во синём мори,
- 365 Во синём мори да на самом дни.
И увидел он красно солнышко,
Освещает оно морское дно,
И увидел Садко во синём мори
Стоит палата белокаменна,
- 370 Наготово ворота открылиси,
Тут невидимые слуги появилиси,
Провели Садко да во второй этаж.
Как сидит тут царь морской,
Голова его, как куча сенная.
- 375 Говорит ему да царь морской:
«А здравствуешь, удалой доброй молодец,
А богатой купецкий новгородский гость!
Хорошо, что ты ко мне пожаловал,
Хорошо ты спотешал меня да в Ильмень-озери.
- 380 А потешь-ко ты меня да во синём мори,
Поиграй в гуселышки яровчаты,
Потешь морского царя».
Тут Садко берет гуселышки яровчаты,
Начал струночки натягивать,
- 385 Стал по струночкам поваживать,
А царь морской пляшет.
И Садко московский купец
Играет с утра день до вечера
И второй играет с утра день до вечера,
- 390 И третьей день играет с утра день до вечера.
И устал Садко играючи,
Его рученьки не поднимаются,
В руках пальчики да не сгибаются,
А царь морской все пляшет,
- 395 И Садку играть он все приказывает.
Закручинился Садко, запечалился,

- Повесил он свою буйну голову.
Спомянул он, Садко, свою родину,
Спомянул он Николу Можайского.
- 400 Вдруг пред ним появляется
Старичок благообразенький,
Благообразенький да весь седатенький,
Он в крестах кругом да со Евангельем.
Говорит он Садку таковы слова:
- 405 «Ты устал играть да во синём мори».
Говорит Садко да таковы слова:
«А во синём мори да не своя воля,
А невольюшка стала подневольная,
А мне приказыват играть да царь морской».
- 410 А говорит ему старицек седатенький:
«Ох ты, Садко богатый гость,
Ты послушай-ко мое повеленьице.
Тебе царь морской будет приказывать,
Ты умей-ко ему да ответ держать,
- 415 Говори морскому царю:
«У меня во гусельшках яровчатых
У мня струночки да оборвались,
Ах шпенечки все да поломались,
А с собой у мня струночек не пригодилося,
- 420 А шпенечков новых не случилось».
Еще скажет тебе да царь морской:
«Не желаешь ли ты да в синём мори да поженитися
А на душечки на красной на девицы?» —
Так ты делай-ка да как тебе велю:
- 425 Как пойдут тут девицы-красавицы,
Один табун пойдет да тридцать девиц —
Ты их мимо пропусти да не выбери.
И другой пройдет да триста девиц —
Ты пропусти их да не посмотри.
- 430 И третьей пройдет табун триста девиц —
И ты тех пропусти, себе не выбери.
Вслед пойдет девушка-Чернавушка,
Ты, Садко новгородский гость,
Ты бери себе в супружницы
- 435 Эту девушку да Чернавушку,
И ты будешь, Садко, в Нове-городе».
Не поспел тут Садко оглянутиси,
А старичок седатенький невидим стал.
Тут Садко призадумается,
- 440 Закручиниуся да запечалиуся.
Вдруг явиуся к нему царь морской,
Играть в гусельшка ему приказыват.
А Садко тут да приосмелился,
Отвечает он морскому царю:

- 445 «Во гусельшках моих яровчатых
У мя струночки да порвались,
А шпенечки у меня да поломались,
А у мя струночек да не случилось,
А шпенечков у меня не пригодилось».
- 450 Говорит ему тут царь морской:
«Ах же ты, Садко новгородский гость,
А не желаешь ли в синем мори да поженитиси?»
Отвечает Садко таковы слова:
«А во синём мори у меня да не своя воля,
- 455 Не своя воля, а воля морского царя».
Утром поутру ранешенько
Велит царь морской выбирать себе супружницу.
И идет тут девушек красивых
Перва партия да триста девушек,
460 Разодетых да разноряженных.
Перву партию пропустил Садко
И не выбрал себе девушки в супружницы.
И идет вторая партия —
Триста девушек-красавиц разноряжено,
465 Разноряжено да пуше прежнего.
Пропустил их Садко, не избрал ни одной.
Вот идет тут третья партия —
Триста девушек да лучше прежнего.
Пропустил Садко, ни одной не взял
470 Себе да во супружницы.
А позади идет девушка-Чернавушка,
Он взял ее себе да во супружницы.
Тут пошло да столованьце,
И пошло тут пированьице,
475 Тута царь морской задал пир.
После пира пошли ёны во почивальню светлую.
Как уснул тут Садко во синём мори,
А проснууся Садко в Нове-городе,
На берегу у реценьки Чернавушки.
- 480 Как посмотрит он: по славному по Волхову
Как плуют его кораблики червленые,
И видит он дружину свою хоробрую.
Срадовался он да радостью великою,
А супруга его, молода жона,
485 Не начаяласи, не дожидаласи,
Поминала Садко во синём мори,
А увидала Садко — срадоваласи.
Тут прицялили кораблики цервленые
Ко тому ко славному Нову-городу,
490 Выгружали товары заморские,
Выкатили тут бочки с золотом.
А на ту бесчетну золоту казну

Как построил Садко церковь соборную
А тому ли Николы Можайскому.
495 Стал тут жить Садко в Нове-городе,
Торговать товарами разныма.
Он не ездил больше во синё море.
А на том былинка и закончилась.

23. О ДЮКЕ СТЕПАНОВИЧЕ

А во той во Индии богатой,
А во том во славном Волян-городе
Жил молодой боярин Дюк Степанович.
Говорит боярин родной матушке:
5 «Ой родимая да моя матушка,
Ты честна вдова Мальфа Тимофеевна,
Долго ль молодцу да мне ребячиться,
Не пора ли выйти во добры люди?
Дай-ко мне прощеньице-благословленьице,
10 Поеду я ко городу ко Киеву,
А ко ласковому князю ко Владимиру,
Послужу ему да верой-правдою,
Покажу я удаль молодецкую».
Говорит ему да родна матушка,
15 Та честна вдова Мамельфа Тимофеевна:
«Уж ты, чадочка да моя милая,
Молодой боярин Дюк Степанович,
Поживи-ко ты у родной матушки,
Наберись-ко ты да ума-разума,
20 Хорошо в людях — только скрипит в грудях.
А ты заносливо есть дитяtko, захвастливо,
Чем-нибудь во Киеве да порасхвастаешь
И положишь буйную головушку,
Сиротать оставишь родну матушку».
25 Говорит боярин Дюк Степанович:
«Уж ты дашь прощаньице — поеду я,
И не дашь прощаньица — поеду я».
Скорой поступью пошел он на боярский двор,
Заходил в конюшенку стоялую,
30 Брал жеребчика да он неезжана,
Шелкову уздечку он недержану,
Выводил коня да на широкий двор,
Стал заседлывать да окольчуживать:
Кладал потнички да он на потнички,
35 Кладал войлочки да он на войлочки,
Сверху клал седельшко черкасское,
Он черкасское да малоезжано,
Он двенадцать подпругов подтягивал,
А двенадцать пряжечек застегивал,
40 А не для красы-басы-угожества,

- А ради крепости да богатырские,
Чтобы добрый конь в бою не выскочил,
А добра молодца с седла не выронил.
Он привязал коня да среди двора
- 45 Ко тому столбу да ко точеному,
Ко тому колечку золоченому.
Отдали стоит да он любится
На своего коня он богатырского:
Или добрый конь, или лютый зверь.
- 50 А на ту пору да на то времячко
Приходила тут да родна матушка,
Да честна вдова Омелфа Тимофеевна.
Говорит она да таковы слова:
«Уж ты, чадочко ты мое милое,
- 55 Молодой боярин Дюк Степанович,
Куда, дитятко, да отправляешься,
Ты в которую сторонку снаряжаешься,
С родной матушкой да не прощаешься?
Ты послушай-ко, да чадо милое,
- 60 Ты пойдем во гридню во столовую,
Да во ту палату во боярскую
Хлеба-соли да откушати,
Белой лебеди порушати.
Помолись-ко ты да Спасу-образу
- 65 И отправляйся в путь-дороженьку далекую».
Молодой боярин Дюк Степанович
Родной матушке да он послушался.
Он пошел во гридню во столовую,
За столы садился за дубовые
- 70 Да за те за скатерти шелковые.
Досыта боярин наедается,
Допьяна боярин напивается,
С родной матушкой боярин да прощается.
Говорит ему да родна матушка,
- 75 Та честна вдова Омельфа Тимофеевна:
«Уж ты, чадочко да мое милое,
Скажи матушки, да не утай себя:
Мне в которое окошечко поглядывать,
А с которой мне сторонки дождатися?»
- 80 Говорит боярин Дюк Степанович:
«А откуль повеют ветры буйные,
Понесет откуда вести радостны,
В то окошечко ты, матушка, поглядывай,
С той сторонушки да дожидай меня.
- 85 А поеду я да добрый молодец
Ко тому ль ко городу ко Киеву,
Послужить я верой-правдою
Красну солнышку да я Владимиру».

- «Уж ты, чадочко да мое милое,
90 Как к тому ко городу ко Киеву
Две дороженьки да есть путистые:
Прямоезжаю дороженькой пятьсот-то верст,
А окольною дорожкой цела тысяча.
Прямоезжая дорожка заколодела,
95 Заколодела дорожка, замуравила,
Как по той дорожке прямоезжей
Нету пешему да прохожденьица,
А лошадиному нет проезжаньица.
А по той ли по дорожке прямоезжею
100 Три заставушки да есть великие:
Аще первая заставушка великая —
Хищны звери есть да поедучие.
Аще другая заставушка великая —
Ести змеи да ползучие, клевучие.
105 Третья есть заставушка великая —
Есть высоки горушки столкучие.
Горы столкнутся да и разойдутся,
Пожирают горы людей добрых».
Молодой боярин Дюк Степанович
110 На то матушке да не ответственвал.
Он снимает одежицу да цветную,
Одевает он одежду богатырскую.
Вооружился да окольчужился
Он во все доспехи богатырские,
115 Туг да лук берет да стрелочки каленые,
И берет он палицу булатную,
Копье острое да буржамецкое.
Помолился он да Спасу-образу,
С родной матушкой да прощается,
120 В путь-дороженьку далеку отправляется.
Садился он да на добра коня,
Перескочил он через стену городовую.
Видели молодца сядучи,
А не видели удалого поедучи,
125 Только куревка во полюшке прокурила.
Молодой боярин Дюк Степанович
Он поехал дорожкой прямоезжею.
Подъезжает он ко первой заставушки,
Закричали звери поедучие,
130 Темны лесушки к земле да приклонилися,
С ковыль-травоньки цветочки осыпалися,
Ужахнулся верный богатырский конь.
Молодой боярин Дюк Степанович
Берет он плёточку шелковую,
135 Бил коня он по тучным бедрам,
А он бьет коня да приговаривает:

- «Ах ты, волчья сыть да травяной мешок,
Ты чего, собака, испугалась?
Не бывал ты разве во темном лесу,
140 Не слышал ты разве покрику звериного?»
Сам берет он палицу булатную.
Стал он палицей булатною помахивать,
Перебил зверей всех поедучиих.
Подъезжал боярин Дюк Степанович
145 Ко второй великой заставушке.
Тут и змеи ползучие, клеучие,
Зашипели змеи по-змеиному.
А молодой боярин Дюк Степанович
Своей плеточкой шелковую
150 Понукал коня он богатырского.
А тута верный богатырски (й) конь
По змеям клеучим поскакивал,
Да от ног змеенышей отряхивал,
Притоптал змеев всех поклеучиих.
155 Молодой боярин Дюк Степанович
Подъезжал ко третьей заставушке великой,
Туту горушки да столкучие —
Горы столкнутся да и разойдутся.
Богатырский конь да спотыкается,
160 А молодой боярин удивляется.
Принабрался он да силы-храбрости,
А своей ли силы богатырской,
Перездвинул горушки столкучие,
Проложил дорожку прямоезжею
165 Ко тому ко городу ко Киеву,
Сослужил народу службу верную.
Молодой боярин Дюк Степанович
Заезжал на славный княженецкий двор.
Привязал коня он богатырского
170 Ко тому столбу да ко точенному,
Ко тому ль колечку золоченному.
Скорой поступью он молодецкою
Приходил в палату княженецкую.
Приворотников да он не спрашивал,
175 Всех придверников да прочь отталкивал,
Заходил во гридню во столовую.
Сидит солнышко Владимир стольно-киевский
Со своей княгиней со Апраксией,
Все князья-бояре стольно-киевские,
180 Все тут сильные могучие богатыри,
И сидели поленицы тут удалые.
А молодой боярин Дюк Степанович
А он крест кладет да по-писаному,
А поклон ведет да по-ученому

- 185 А на все четыре на сторонушки,
 А князю солнышку Владимиру особенно:
 «Уж как здравствуешь, Владимир стольно-киевский!»
 «Добро пожаловать, удалый добрый молодец!
 Ты скажи-ка, молодец, да не утай себя,
- 190 Ты какой земли да ты какой орды,
 Какого ты отца да какой матери?»
 Говорит боярин Дюк Степанович:
 «Я из той из Индии богатою,
 Я из славного Волынъ-города,
- 195 Молодой боярин Дюк Степанович.
 А приехал к князю солнышку Владимиру
 Послужить ему да верой-правдою».
 Из-за того стола из-за дубового,
 А из той скамеечки окольною
- 200 А вставал Чурилушка сын Пленкович,
 Говорил Чурила таковы слова:
 «Ай же ты, Владимир стольно-киевский,
 Во глазах мужчина насмехается,
 Над тобой, Владимир, издевается.
- 205 Тут походочка да есть не Дюкова,
¹ да тут не Дюковы,
 А тут есть холопина мещанская».
 А Владимир-князь да стольно-киевский
 Он Чурилушке на это не ответство (вал).
- 210 А говорит Владимир таковы слова:
 «А ты скажи, удалый добрый молодец,
 Ты когда из Индии повыехал?»
 Говорит боярин Дюк Степанович:
 «Я заутреню стоял во Индии,
- 215 А к обеденки хотел поспеть во Киев-град,
 Но в дороженьке немножко призамешкался».
 Тут говорит Владимир стольно-киевский:
 «Ты скажи, удалый добрый молодец,
 Ты коей дороженькой приехал есть?»
- 220 Отвечал боярин Дюк Степанович:
 «А проехал я дорожкой прямоезжею».
 Не стерпел Чурилушка тут Пленкович,
 А вскочил Чурила на резвы ноги,
 Говорил Чурила таковы слова:
- 225 «Уж ты, солнышко Владимир стольно-киевский,
 Во глазах мужчина насмехается,
 Над тобой мужчина надлыгается.
 Как от той от Индии богатой
 А до славного до города до Киева
- 230 Прямоезжая дорожка заколодила,

¹ В рукописи неразборчиво.

- Заколodiла дорожка, замуравила.
Как во той дорожке прямоезжею
Три заставушки да есть великие,
Нету пешему тут прохожденьица,
235 Лошадиному нет проезжаньица».
А Владимир-князь да стольно-киевский
Он на те слова Чурилы не отвечивал.
Тут говорит боярин Дюк Степанович:
«Прямоезжая дороженька расчищена,
240 Побиты звери поедучие,
Все покончены тут змеи поклевучие,
Пораздвинуты тут горушки столкучие».
Тут возговорит Владимир стольно-киевский:
«А такие гости мне по разуму.
245 Ты садись, удалый добрый молодец,
Молодой боярин Дюк Степанович,
За столы ты с нами за дубовые,
А на те скамеечки окольные.
Выбирай-ко местечко по разуму:
250 Перво местечко да подли меня,
Друго местечко да супротив меня,
Третье местечко — да куда сам захошь».
Молодой боярин Дюк Степанович
Садился по конец стола дубового,
255 А на ту скамеечку окольную.
Говорил боярин таковы слова:
«Уж ты, солнышко Владимир стольно-киевский,
Нахвалили Киев да нахвастали,
А у вас в Киеве все-то не по-нашему.
260 Как на твоём дворе на княженецком
Как повыстланы мосточки сосновые,
Побиты гвоздички тут ржавые.
Я пошел в палаты княженецкие,
Все оборвал сапоженьки сафьяновы.
265 Как у нас во Индии богатыи,
Да во том во славном Вольтынь-городе,
У моей добротушки у матушки,
У честной вдовы Омелфы Тимофеевны
По всему двору ли по боярскому
270 А повыстланы мосточки кленовые,
По краям перильчики точеные.
А по тем мосточкам по кленовым
А положены ковры до одинцовые,
А посыпаны травами, все душистыми,
275 По траве, как по пуху, ступается,
И не рвутся тут сапоженьки сафьяновы».
А Владимир-князь на это не отвечивал.
Тута слуги княженецкие догадливые

- Приносили яствушки сахарные,
280 Подносили тут колачики крупищаты.
А молодой боярин Дюк Степанович
Он берет калачик одним пальчиком,
Обрезает ножничком булатным,
Верхню корочку да он на стол кладет,
285 Нижню корочку да он под стол метет,
Он под стол метет да таку речь ведет:
«Ай же ты, Владимир стольно-киевский,
Нахвалили Киев мне, нахвастали,
Ну, во Киеве у вас все не по-нашему:
290 У вас печеньки да есть кирпичные,
Топят дровцами да сосновыми,
А помялушки у вас еловые,
Тут пекут калачики крупивчаты,
Верхня корочка пахнет на глинушку,
295 А нижня корочка да на помялушка,
А серединочку да только можно кушати.
Как у нас во Индии богат (оей),
А во том во славном Волынь-городе,
У моей ли да добротушки у матушки,
300 У честной вдовы Мамелфы Тимофеев (ны)
У нас печечьки да изразцовые,
Топят дровца-то дубовые,
А помялушки у нас шелковые,
А помочат во росы да во медвяные,
305 Тут пекут калачики крупивчаты.
Калачик съест — другого хочется,
А другой-то съешь — по третьем-то душа горит».
На то Владимир-князь да не ответствовал.
Тут-то слуги княженецкие догадливы
310 Наливали чару зелена вина,
Разводили медамы тут стоялымы,
Подносили молодому тут боярину.
А молодой боярин Дюк Степанович
Он вина не пьет да вылил наиспашь,
315 Сам возговорил да таковы слова:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский,
Нахвалили Киев мне, нахвастали,
А во Киеве все не по-нашему:
У вас бочечки-то есть сосновые,
320 А обручики на бочечках еловые.
Опускают бочки в погреба глубокие,
А в погребах-то воздух не касается,
Тут стоялое вино да задыхается,
.....¹ пахнет на сосноюю.

¹ В рукописи неразборчиво.

- 325 Как у нас во Индии богатой,
Да во том во славном Волынь-городе,
У моей добротушки у матушки,
У честной вдове Омелфе Тимофеевны
Ести бочечки да дубовые,
- 330 А натянуты обручики серебряны,
Не спускают в погреба они глубокие,
А подвешаны на цепи металлически.
Как от ветрушка-то бочечки качаются,
Никогда вино не задыхается.
- 335 Выпьешь чарочку — да другу хочется,
Выпьешь другу — по третьей душа горит».
А Владимир-князь да стольно-киевский
Он на те ли речи не ответствовал.
А Чурилушка да сын Пленкович
- 340 На том молодец да не успокоился,
Говорил Чурила таковы слова:
«Ай же ты, Владимир стольно-киевский,
Ты позволь с боярином мне речь держать.
Как умел ты, молодец, повыхвастать,
- 345 Пусть умеет молодец повыполнить.
Уж ты дай-ко мне прощеньице-благословеньице,
Мы побьемся с Дюком о велик заклад,
О велик заклад о сорок тысячах,
Чтобы строком-времечком на три года
- 350 Выезжать бы нам вдвоем да во чисто поле,
А на каждый бы да на господен день
Чтобы конюшки да были сменные,
Цветны платьица да были б разные».
Тут возговорил боярин Дюк Степанович:
- 355 «Молодой Чурилушка сын Пленкович,
Тебе ли-ко ли биться о велик заклад,
О велик заклад о сорок тысячах!
Ты живешь, Чурилушка, своим двором
У своего кормильца ты у батюшка,
- 360 Табуны гуляют конюшек неезжанных,
Кладовы стоят да платьица неношенных.
А мое ли дело несравнимое,
Мое делушко есть заезжее,
Цветно платьице да есте завозное.
- 365 Ну, с тобой, Чурила, я сравняюся».
Тут побилися удалы добры молодцы:
Молодой боярин Дюк Степанович
Да хвастун Чурилушка сын Пленкович.
За Чурилушку да поручаются
Все князья-бояре стольно-киевские,
- 370 А за молодого да за боярина

- Поручились пьяницы-пропойцы,
Да и те ли голюшки кабацкие,
Да и те ли женщины бурлацкие.
- 375 Молодой боярин Дюк Степанович
Брал лист бумажечки гербовые
Да и перышко он гусиное,
Написал ярлык он скорописчатый
О своей добротушке он матушке,
- 380 Той честной вдове Мамельфе Тимофеевне.
Он скорó писал да такую речь держал:
«Ой же ты, моя родима матушка,
Ты умела чадочка повырастить,
А умей-ка чадочко повыкупить.
- 385 А побился я да о велик заклад,
О велик заклад о сорок тысячах.
Присылай-ко мне да платье цветное,
Чтоб хватило платьица на три года,
Одевать бы мне на каждый на господен день».
- 390 И берет он ярлык скорописчатый,
Выходил на широк княженецкий двор,
Говорил коню да таковы слова:
«Уж ты, верный мой да богатырский конь,
Сослужи-тко мне да службу верную:
- 395 Ты скачи во Индию богатую,
А во тот ли славный да Вольтынь-город,
Ко моей добротушке ко матушке,
Ко честной вдове Омелфе Тимофеевне,
Отвези-ка ярлык скорописчатый».
- 400 И кладет тот ярлык скорописчатый
Под седельшко да под черкасское.
Тут-то добрый конь да поворот держал,
Он реки-озера перескакивал,
Он мелки реченьки да промеж ног пускал.
- 405 А во тое ли да пору-времячко
Слуги верные да княженецкие
Брали молодца да за белы руки
Да посадили молодца во погреба глубокие,
Призакрыли двери дубовые,
- 410 Позавесили замочки пудовые.
Молодой боярин Дюк Степанович
Закручинился да запечалился,
Он повесил буйную головушку
Да пониже плеч да богатырских,
- 415 Вспомянул слова да родной матушки,
Чтобы молодцу пустым не хвастати.
А во тую ли да пору-времячко
Как сидела Дюкова матушка
Во своей ли гридни во столовою,

- 420 А смотрела в трубочку подзорную,
Куда уехал чадочко родимое.
Видит, в полюшки да только пыль пылит,
Без седока да Дюков конь бежит.
Прибежал на тот боярский двор.
- 425 Выходила Дюкова тут матушка,
Та честна вдова Мамельфа Тимофеевна,
Горючимы слезамы заливалася.
Говорит она да таковы слова:
«Ой не в добрый час я чадочко спородила,
- 430 А заносливо был дитятко, захвастливо,
Чем-нибудь во Киеве расхвасталсе,
Положил он, верно, буйную головушку».
Говорит она да таковы слова:
«Уж вы, парубки мои любимые,
- 435 Расседлайте вы да коня доброго,
Поставьте в стойла лошадиные,
Да насыпьте вы пшеницы белояровой».
Тут-то парубки ее любимые
Начали коня да раскольчуживать.
- 440 Под седельшком да под черкальским
Видят ярлыки да скорописчатые.
Тут честна вдова Мамельфа Тимофеевна
Распечатала да горько плакала,
Во слезах словечушко промолвила:
- 445 «Верно, нет в живых да чадочка родимого».
А прочитала — взродавалася.
Та честна вдова Мамельфа Тимофеевна
Скоро брала золоты ключи,
Укладала цветны платьца,
- 450 А во теи ли да тяжелы ларцы
Наложила платья самолучшие.
«А хватило бы ему да на три года».
Привязала к седельшку черкасскому.
Тут-то добрый богатырский конь
- 455 Он скорым-скоро да поворот держал,
Прискакал ко городу ко Киеву
Скорой поступью на княженецки (й) двор.
Доложили слуги княженецкие
Князю-солнышку да Владимиру.
- 460 Тут-то солнышко Владимир стольно-киевский
Приказал открыть погреба да все глубокие,
Выпускали Дюкушка-боярина.
Тут его сердечко возрадовалося,
Он коню да низко поклоняется,
- 465 А Чурилушке да Пленкову
Завтра в поле быть да обещается.
И садился Дюк да на добра коня,

- Уезжал в чисто поле на запольице,
К доброй бабушке да на задворьице.
470 Говорит он ей да таковы слова:
«Уж ты, добра бабушка-задворенка,
Приюти-тка ты безродного ты молодца».
Говорит тут бабушка-задворенка:
«Ай же ты, удалый добрый молодец,
475 Помолись-ка ты да Спасу образу,
Ты ложись-ка спать да опочив держать,
А утром мудро-мудреняе будет вечера».
Молодой боярин Дюк Степанович
Он ложился спать да опочив держать,
480 И уснул он крепким богатырским сном.
А поутрушку ли по ранному,
До зари-восхода красна солнышка
Разбудила его да добра бабушка.
«Ты ставай, удалый добрый молодец,
485 Молодой боярин Дюк Степанович,
У тебя ведь дело неотложное».
Тут скорым-скоро да поскорешенько
По совету, по указу доброй бабушки
Выходил он на широкий двор.
490 Берет коня он богатырского,
Во Пучай-реки коня повыкупал,
Во утренней росы коня повыкатал,
На коне вся шерсть переменялася.
Одевал он платьица нарядное
495 И все доспехи богатырские,
И садился он да на добра коня,
Выезжал во полюшко во чистое.
А молодой Чурилушка тут Пленкович
По чисту полю да он катается,
500 Над боярином он усмешается.
Тут поехали удалы добры молодцы,
По чисту полю да нагулялися,
По тусклой зори да вечернюю
По домам они да разъезжалися.
505 Так и ездили они, удалы добры молодцы,
Каждый денечек да ровно три года.
У Чурилушки да у Пленковича
Были конюшки да все разные,
А молодой боярин Дюк Степанович
510 А на каждый он да на господен день
До зари-восхода красна солнышка
Во Пучай-реки он коня выкупат,
Во утренней зари он коня выкатат,
На кони все шерсть переменяется,
515 А другая масть да приокажется.

Так и ездили-гуляли добры молодцы.
Прошло времячки да ровно три года.
А по завтрашнему ли денечку
Их заданьце уж кончается.
520 А во то Христово воскресеньце
Им идти во церковь во соборную,
Одевать им платья самолучшие.
Тут съезжались да собирались
А во ту во церковь во соборную
525 А стоять обедню богомольную
Да служить молебны преосвященные
А за тех удалых добрых молодцев.
Приезжал Владимир стольно-киевский
Со своей княгинюшкой Апраксией,
530 Собирались могучие богатыри,
Все князья-бояре стольно-киевски,
Приходили пьяницы-пропойцы,
Да и те ли голюшки кабацкие,
А все Дюковы да поручатели,
535 Приходили и удалы добры молодцы:
Молодой боярин Дюк Степанович
Да и Чурилушка сын Пленкович,
На них платьица были нарядныи.
У того Чурилушки Пленковича
540 Была шубонька да соболиная,
А покрытая да рытым бархатом,
Оторочена ли черным соболем,
Дорогим ли соболем заморским;
А сапоженьки на ноженьках зелен сафьян,
545 Дорогого ли сафьяну да немецкого,
А и крепкого шитья да ярославского,
А носок востер, да и пята крута,
Окол носика да хоть яйцо кати,
А каблук высок, да воробей лети;
550 А шапка ушаста, пушиста, развесиста;
А как на шубоньки
Да три пуговики,
А на пуговках по добру молодцу,
А как на второй полы да три петельки,
555 А на петельках по красной девице,
А как расстегнутся — они обоймутся,
А застегнутся — да поцелуются.
А как народ стоит да удивляются,
Глядячи на младого Чурилушку.
560 Тут входил боярин Дюк Степанович:
На нем шубонька да голевой парчи,
Приунизана да скатным жемчугом,
Приобсажена камнями самоцветными;

- А на ножках лапотцы семи шелков,
565 И семи шелков да из семи прядей,
А во каждой во прядочки
Тут и вплетано по камню яхонту;
На головушке да шляпа сорочинская,
Приунизана да красным золотом,
570 А на лбу-то вплетен тут светел месяц,
А на темячке да часты звездочки.
На той ли шубоньки парчевой
На одной полы есть три пуговки,
А на пуговках-то звери порыкучие,
575 На второй полы-то есть три петельки,
А (в) петельках-то змеи шипучие.
Становился Чурилушка сын Пленкович
По праву сторону князя да Владимира.
Молодой боярин Дюк Степанович
580 Становился он по левую по сторону,
Где стояли пьяницы-пропойцы,
Да и те ли голюшки кабацкие,
Которы Дюковы да поручатели.
Началась обедня богомольная.
585 А молодой боярин Дюк Степанович
Он вынимал тетивочку шелковую,
Стал по пуговкам-то он поваживать,
Закричали звери порыкучие,
Заглушили пение церковное.
590 Молодой боярин Дюк Степанович
Стал тетивочкой по петелькам поваживать,
Зашипели змеи тут шипучие,
Темны лесушки к земле да приклонилися,
В церкви люстры золоченые попадали,
595 Что было людюшек, да чуть живы стоят.
А Владимир-князь да стольно-киевской
Куньей шубонькой он укрывается
Да ко клиросам церковним прижимается.
Говорит Владимир таковы слова:
600 «Молодой боярин Дюк Степанович,
Ты бери с Чурилы да велик заклад,
А велик заклад да сорок тысячей,
Да уйми зверей да порыкучиих,
Ты уйми змеев да все шипучиих,
605 Не пугай-ко, не полохай людей добрых».
Выходили с церкви из соборной.
Тут молодой боярин Дюк Степанович
Взял с Чурилы сорок тысячей
И дает их голюшкам кабацкиим.
610 Говорит им он да таковы слова:
«Уж вы, пьяницы-пропойцы,

- Мои верные да поручатели,
Открывайте-ко дома питейные,
Выкатайте бочки зелена вина
615 И гуляйте в свою волюшку
За молодого Дюка за боярина».
Тут Владимир-князь да стольно-киевский
Приглашал он молодцов да на почестен пир.
На пиру-то все да наедались.
620 На честном-то все да напивались.
Как межанный день идет ко вечеру,
А веселый пир идет навеселе.
А молодой Чурилушка тут Пленкович
Он обзадорился, не успокоился.
625 Говорил Чурила таковы слова:
«Уж ты, солнышко Владимир стольно-киевский,
Уж как дай-ко нам прощаньице-благословеньице
Нам побиться с Дюком о велик заклад,
О велик заклад о буйных головах:
630 А на завтрашний бы на господен день
Выезжать бы с Дюком во чисто поле
На своих на конях богатырских
Как ко той ко матушке Пучай-реке,
Перепрыгнуть бы ту матушку Пучай-реку
635 Нам со бережка да и ко другому».
Говорит боярин Дюк Степанович:
«Ой же ты, Чурилушка сын Пленкович,
А живешь ты здесь да своим двором,
А мое-то дело есть заезжее,
640 А конишечко-то есть усталое,
Не перескочит он через Пучай-реку».
Но Чурилушка да стал настаивать,
Дюк Степанович да соглашается.
И побились они да о велик заклад о буйных головах,
645 Чтобы завтра выезжать да на Пучай-реку.
Добры молодцы да распрощались,
Завтра утрышком встречаться обещались.
А молодой боярин Дюк Степанович
Приезжает он да к доброй бабушке.
650 Закручинился он да запечалился,
Он повесил буйную головушку
Он пониже плеч да богатырских.
Говорит ему да добра бабушка,
А и та старушка стародавняя:
655 «Ой же ты, удалый добрый молодец,
Молодой боярин Дюк Степанович,
Не кручинься ты да не печалуйся,
А ложись-ко спать да опочив держать,
Будет утро мудреняе вечера».

- 660 Молодой боярин Дюк Степанович
Добру бабушку да он послушался,
И уснул он крепким богатырским сном.
И поутру раным-ранешенько,
До зари-восхода красна солнышка
- 665 Будит молодца да добра бабушка:
«Ты ставай, удалый добрый молодец,
Есть у тя да дело неотложное,
Покорись-ко ты да коню доброму».
Молодой боярин Дюк Степанович
- 670 Выводил коня из стойла лошадиного,
Во Пучай-реки коня повыкупал,
А по утренней росы коня повыкатал,
И взмолился он да коню доброму:
«Уж ты, верный мой да богатырский конь,
- 675 Сослужи-тко мне да службу верную,
Сбереги-тко мне да буйну голову,
Перескачи-ко ты через Пучай-реку,
От одного-то бережка ко другому».
Тут его ли верный богатырский конь
- 680 Возговорил человеческим он голосом:
«Добрый мой хозяин, Дюк Степанович,
Не кручинься-тко да не печалуйся,
Тебя выведу да я с неволюшки,
Не оставлю молодца при горюшки.
- 685 Мы есть три брата, три коня да богатырския:
Старший брат наш — богатырский конь
Святогора есть да он богатыря,
У него есть трое крылышки подкожные;
А ести средний брат — да богатырский конь
- 690 Ести старого казака Ильи Муромца,
У него есть двое крылышки подкожные;
У твоего коня ли богатырского
Одни крылышки да есть подкожные».
Тут молодой боярин Дюк Степанович
- 695 Садился он да на добра коня,
И поехал он во далече чисто поле,
Ко тому ко бережку ко крутому,
Ко славной ко матушке Пучай-реки.
Молодой Чурилушка сын Пленкович
- 700 Он по чистому-то полюшку погуливат,
На добром коне он потешается,
Над боярином да насмехается.
Собралися люди посторонние,
Все князья-бояре стольно-киевски
- 705 И Владимир-князь да со княгиню
Посмотреть удалых добрых молодецв.
Молодой Чурилушка сын Пленкович

- Поразъехался со чистого со полюшка.
Берет он плеточку шелковую,
710 Бил коня он по тучным бедрам,
Бил коня он, приговаривал:
«Уж ты, верный мой да богатырский конь,
Отслужи-тко ты да верой-правдою:
Ты скачи-тко за Пучай-реку,
715 На том бережке да не замешкайся,
А поскорешенько скачи в обратный путь».
Посмотрели люди добрые,
Как Чурилушка за речку перескакивал,
Посреди реки да он купается.
720 А молодой боярин Дюк Степанович
Поразъехал(ся) да он со чиста полюшка,
Его конь скочил со к(р)утого со бережка,
На другом бережке конь не замешкался,
Скоро-наскоро да поворот держал,
725 Через Пучай-реку да конь повыскочил,
А молодой боярин Дюк Степанович
За желты кудри Чурилушку повыташил,
Говорит Чуриле таковы слова:
«А не честь-хвала мне молодецкая
730 Окровавить мне да руки белые,
А лишйтъ тебя да жизни молодой,
Пусть не мной Чурилушка наказанный.
А ходи-тко ты, Чурилушка, по Киеву,
А гоняйся ты, Чурила, за девкамы, за бабамы,
735 А не бейся-ко, Чурила, о велик заклад
А со теми могучими богатырями».
Говорит тут Дюк Степанович:
«Не дивую я Чуриле Пленкову,
А я дивую солнышку Владимиру,
740 Что за таких людей он поручается».
Тут Владимир-князь да стольно-киевский
Приглашает их да на почестный пир,
Всех князей-бояр да стольно-киевских,
Задает он пир да в честь удалых добрых молодцев.
745 А межанный день идет ко вечеру,
А веселый пир у них навеселе.
На пиру-то все наедались,
На честном-то все да напивались,
Разными-то похвалами похвалялись.
750 Как за тым столом да за дубовым,
А на той скамеечке окольную
А сидел Чурилушка сын Пленкович.
Он ни ест, ни пьет, да и не кушает,
Белой лебеди да он не рушает,
755 А он ничем-то молодец не похваляется.

- Наконец-то Чурилушка не вытерпел,
Говорит Чурила таковы слова:
«Ай же ты, Владимир стольно-киевский,
Много молодец во Киеве нахвастался,
760 Надо молодеца проверить да повыведать.
Уж ты, солнышко Владимир стольно-киевский,
Выбирай-ко ты людей да самолучших,
Ты описчиков да и оценщиков,
Чтобы съездили во Индию богатую,
765 А во тот ли нахваленный да Волян-город,
А ко той ко Дюковой ко матушке,
Ко честной вдове Мамелфе Тимофеевне».
Тут Владимир-князь да соглашается.
И повывбрали удалых добрых молодцев,
770 А и шесть оценщиков-описчиков,
В том числе Добрынюшка Никитинеч.
Они сели на добрых коней, поехали
Как по той дорожке прямоезжей,
Что проложил дорожку Дюк Степанович.
775 А и ехали-поехали удалы добры молодцы,
Подъезжают ко Индии богатой,
Ко тому ли славному да Волян-городу.
Поднимались на горушку высокую,
А Волян-город да точно жар горит.
780 Говорят они да промеж себя:
«А хитер боярин Дюк Степанович:
Волян-город-то ведь огнем горит,
Чтобы нечего было нам описывать».
Согласилися да сговорилися,
785 Пораскинули они да белой шатер,
А своих ли коней богатырских
Отпустили во луги они зеленые,
Отпустили коней да стреножили.
Заходили сами во белой шатер,
790 И ложились спать да опочив держать.
Они в дороженьки да утомилися,
Они беспробуду спали трое сутоки.
Через трое суток пробуждалися,
Посмотрели в трубочку подзорную:
795 А Волян-город — он целой стоит,
А целой стоит да точно жар горит.
Они сели на добрых коней, поехали.
Заезжали прямо на боярский двор,
Они чудушку да чудуются,
800 Они дивушку да дивуются:
По всему двору да боярскому
Повыстланы мосточки еловые,
Положены перильчики точеные.

А на тех перильчиках точеных,
805 А на тумбочках да на золоченых,
А сидели тут да птицы царские,
Распевали песенки все райские.
Тут опарубки боярские догадливы:
Принимали у гостей да коней добрых,
810 Завели во стойла лошадиные,
Понасыпали пшеницы белояровой.
А послы-то, гости стольно-киевски,
Прямо шли к палате грановитой
А по тем по крылечкам точеным,
815 А по тем ступенчикам по мраморным.
Заходили тут оне да во первой покой,
Сидит женщина да пожилых лет,
На ней платьца да черно-шелково,
На головушке чепец да рыта бархата
820 Да приуниженный да скатным жемчугом.
Тут послы-то стольно-киевски
Бьют челом да низко кланяются.
Говорят они да таковы слова:
«Здравствуешь ли, Дюковая матушка,
825 Ты честна вдова Омелфа Тимофеевна!»
Им ответ держит да эта женщина:
«Я не Дюкова есть матушка,
А я Дюкова есть рукомойница.
По утрышку да как по раннему
830 Полагаю воду в рукомойничек».
И пошли тут гости во второй покой.
Сидит женщина да пожилых лет,
На ней платьце да рыта бархата,
На головушке чепец да голевой парчи,
835 Приуниженный да чистым серебром.
А послы тут гости стольно-киевски
Бьют челом ей, низко поклоняются.
«А и вздравствуешь, Дюковая матушка,
Ты честна вдова Мамелфа Тимофеевна!»
840 Говорит им эта женщина:
«Ой купцы вы, гости стольно-киевски,
Я не Дюковая есть матушка,
А я Дюковая есть ключница».
И пошли тут гости в иной покой.
845 А сидит тут женщина да пожилых лет,
На ней платьце да точно жар горит,
Приунижено да красным золотом.
Тут послы ли гости стольно-киевски
Бьют челом ей, низко поклоняются:
850 «Здравствуешь, Дюковая матушка!»
Говорит им тут да эта женщина:

- «Я не Дюковая матушка,
А я Дюковая есть стольница.
Расставляю я столы дубовые,
855 Постилаю скатерти шелковые,
Полагаю яствушки сахарные.
Уж вы, послы да гости стольно-киевские,
Вы подите-ка, послы, да на широкий двор,
Поднимитесь-ка на выходы высокие,
860 Посмотрите-ка вы в трубочку подзорную,
Только каждой бабе вы не кланяйтесь,
Расколотите вы буйную головушку.
А Дюковая есть матушка —
Она ушла во церковь во соборную,
865 А ко той к обедне богомольную.
Священная обеденка кончается,
А скоро Дюковая матушка-то возвращается.
А вы смотрите-ка, не проглядитесь-ка:
Пойдут сначала тут мятельники —
870 Разметают дороженьки путистыи;
За метельниками пойдут постельники —
Расстилают ковры они персидские;
За постельниками пойдут цветочники —
Посыпают травоньки душистые;
875 А потом пойдут да санны девушки —
Поведут под руки Дюкоеву матушку».
Тут послы ли гости стольно-киевски
Выходили на широкий на боярский двор,
Становились на выходы высокие.
880 По тому двору да по боярскому,
От той палаты гряновитой
До самой церкви до соборною
Повыстланы мосточки еловые,
Положены перильчики точеные
885 Да и маковки золоченые,
По перилам-то сидят да птицы царские,
А поют они да песни райские,
Стоят молодцы да удивляются.
Вдруг пошли мосточкамы метельники —
890 Разметают дороженьки путистые;
За метельниками идут постельники —
Постилают они ковры персидские;
За постельниками идут цветочники —
Посыпают травоньки душистые;
895 А потом идут да санны девушки —
Ведут под руки Дюкоеву матушку.
Тут послы ли гости стольно-киевски
Бьют челом ей, низко кланяются.
«Здравствуешь-ка, Дюкоева матушка,

- 900 Ты честна вдова Мамелфа Тимофеевна!
Ты прими поклон да понизешенько
От своего ли чадочка любимого,
А от Дюка ли да Степанова,
Он у нас гостит да во Киеве».
- 905 Говорит им Дюкоева (матушка):
«Ой же вы, удалы добры молодцы,
А кем вы, молодцы, сюда отправлены,
Зачем, молодцы, да вы посланы?»
Говорят тут гости стольно-киевски:
- 910 «Мы от того от города от Киева,
А от ласкового князя от Владимира,
Не гостить пришли, а дело делати:
Мы описчики да оценщики
Твоего имения да богатства».
- 915 Говорит тут Дюкоева матушка:
«Ай послы вы, гости стольно-киевски,
Проходите-ко, послы, вы во высок терем,
А во ту ли гридню во столовую,
Хлеба-соли тут сиротского откушати,
- 920 Я хочу от вас да речи прослушати».
Пошли тут гости стольно-киевски
А во те палаты белокаменны,
А во ту ли гридню во столовую,
А садилися да за столы дубовые,
- 925 Досыта они да наедалися,
Допьяна они да напивалися,
Много дивушку да дивовалися,
Что столы стоят да все точеные,
А все приборы были золоченые,
- 930 Говорят оне да таковы слова:
«Ай же Дюкоева матушка,
Ты честна вдова Мамельфа Тимофеевна,
Покажи-тко нам имение-богатство».
Тут берет она да золоты ключи,
- 935 Отмыкает она да замки крепкие:
Тут много-множество да платья цветного.
Не могли они глазами да поразглядеть,
Не могли тех платьицев повысчитать.
Повела в конюшеньки стоялые,
- 940 Там табуны стоят да коней добрых.
Не могли послы коней повысчитать,
Не могли глазами их поразглядеть.
Повела вдова их на широкий двор,
Тут стоят сараи колесистые,
- 945 А подвешены-то бочечки дубовые,
А набиты тут обручики серебряны,
На цепях качаются да металлических,

- В бочках налиты вина заморские,
 Как от ветрушка те бочки колыхаются,
 950 А заморское вино не задыхается.
 Повела вдова благочестивая
 А в ту усадьбу красовитую,
 А во те сады да во зеленые.
 А течет там реченька серебряна,
 955 В речки плавают рыбки золоченые.
 Тут послы ли гости столько-киевски
 Они чудушку да чудуются,
 Они дивушку да дивуются,
 А сосчитывать именье не решаются,
 960 А описывать богатство не соглашаются.
 Говорит им Дюкоева матушка,
 Та честна вдова Мамелфа Тимофеевна:
 «Ой послы вы, гости стольно-киевски,
 Вы описчики да оценщики,
 965 Поезжайте-ко вы ко Киеву ко городу,
 Передайте вы князю Владимиру:
 На бумагу-то продаст пусть стольно-Киев-град,
 А на чернила-то продаст пусть он Чернигов-град.
 Пусть приезжает сам Владимир-князь
 970 Животиночек сиротских описывать».
 Тут послы ли гости стольно-киевски
 С той честной вдовой они прощались
 И обратно в Киев ворочались.

24. МОЛОДЕЦ У ЛИТОВСКОГО КОРОЛЯ

(Молодец и королевична)

- Пошел молодец из орды в орду,
 Из орды в орду да к королю в Литву.
 А король молодца да крепко възлюбил,
 Крепко възлюбил да много жаловал,
 5 Много жаловал, все уговаривал:
 «Не ходи-тко, молодец, да по честным пирам,
 По честным пирам, царевым кабакам,
 Не пей, молодец, да зелена вина,
 Зелена ли то вина да вина допьяна».
 10 Молодец короля да не послушался.
 А пошел молодец да по честным пирам,
 По честным пирам, царевым кабакам,
 Напивался молодец да зелена вина,
 Зелена вина да вина допьяна,
 15 Во хмелю-то молодец да порасплакался,
 Порасплакался да порасхвастался:
 «Я у короля живал да двадцать пять годов,

Да с королевой жил да я пятнадцать лет».
Это слово королю да взапреку пришло,
20 Взапреку пришло да не слубилося.
Приказал король да молодца казнить,
Молодца казнить да смертью лютою.
Говорит король да палачам своим:
«Вы ведите молодца да позади дворца,
25 Чтобы не видела да королева та».
Королева палачам она смолилася:
«Вы ведите молодца да посреди дворца,
Мимо моего да вы окошечка».
Палачи королеву послушали,
30 Повели молодца да посреди дворца,
Мимо-то королевское окошечко.
А королева в окошке слезно плакала,
А ронила она слезы за окошечко.

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ ПОРТНЯГИН

Сведения о сказителе крайне скудные. Родился он в 1867 г., проживал в д. Старое Сигово (нын. д. Сигово) Пудожского района. Из неопубликованных текстов лишь один хранится в архиве — «Егорий» (17/95). А. А. Портнягин известен и как хороший сказочник, от него записано около 20 сказок, в основном волшебных.

25. СТАРИНА

(Илья Муромец и Соловей-разбойник)

- С одного со города со Муромля,
Со иного села Карачаева
Справляется-снаряжается дородненькой доброй молодец,
Доброй молодец Илья Муромец
- ⁵ Проехать путь-дорожку прямоезжую
Через эти три заставы,
Через тыи корбы дремуции,
Через ты болотушка зыбуции,
О ту березу виловатую,
- ¹⁰ Соловья, птицу Рахматую,
Кладает заповедь великую.
«Не вынять бы туга лука с налуцника,
А каленой стрелы со настрельника,
А поспеть бы в Киев-град,
- ¹⁵ К ласковому князю ко Владимиру,
Поспеть к ему на поцестен пир
После заутрены воскресенною,
А поспеть к обидни богомольною».
Седлал ли он своего коня:
- ²⁰ Кладывал он потницы на потницы,
На потницы клал мягки войлочки,
На войлочки сиделко окованное,
Окованное сидельшко черкальское,
Кладал подпруг до двенадцати,
- ²⁵ А тринадцатую клал под ногою,

Не гля-ради красы-басы-угожесьва,
Ради крепости богатырьскою.
Садился он на добра коня.
Видели его сядущись,
30 А не видели дороднего уедуцись.
В цистом поле только шум шумит,
А во темном лесе один гром гремит
От того копыта лошадиного.
Доехал он до первой заставы,
35 До той ли корбы до дремуцею,
До того болотушка зыбуцею.
Спускалсе он с добра коня,
Левой рукой коня ведет,
А правой рукой только дубья бьет,
40 Дубья рвет да все мосты мостит,
Мосты мостит да все продольнии,
Кресты-то ставит богомольнии.
Ехал он до другой заставы,
До того до города до Кешева.
45 Окружил (а) окол города да Кешева
Рать-сила великая,
Великая сила литовская.
Тут молодець пораздумалсе:
«Отдать город на разрываньё —
50 Дак от господа буде мне не спасеньё,
А от добрых людей не исть хвала молодецкая,
Не видно буде сила богатырская».
Сорвал дуб сырогрецкии,
Поехал в рать-силу великую.
55 Кое дубом бьет, а инно конем топчет.
Прирубил, припутил всих татаровьев,
Не оставил татарина на сѣмяна.
Приехал он во божью церковь.
Тут кешевцы исповедаютсе,
60 Исповедаютсе да причащаютсе,
Уж верную смерть справляютсе.
Зашел в божью церковь,
Оны испугалисе,
Некоторые в окна потросклисе,
65 Други глядят — видно ест от господа спѣсеньё.
Приехал святорусской богатырь,
Крест кладат по-писаному,
А поклон веде по-ученому.
«Поглядите вы во чисто полё,
70 Не оставлено татарина на сѣмяна».
Повернулсе он со божьей церкви,
Садилсѣ ён на добра коня,
Вперед свой путь держал.

- Приехал он до березы виловатой,
75 Соловья, птицы Рахматой.
Засвистал Соловей по-соловьиному,
Зарыцал Соловей по-змеиному,
А его доброй конь на колена пал.
Ткнул коня под круты ребра.
- 80 «Ах ты, волцья сыть, травяной мешок,
Чего же ты пугаешьсе?»
Натягивал стрелоцку на тетивочки,
Натягивал да приговаривал:
«Леги, стрела, Соловью в правой глаз,
85 А вылетай, стрела, во лево ухо».
Спустил стрелоцку на тетивочки,
Пала стрела Соловью в пр(авой) глаз,
Вылетала ему во лево ухо,
Соловей-птица из дуба пал.
- 90 Приковал Соловья к коню, к стремени.
Глядя его малые детушки:
«Отец-то иде, г(овори)т, коня гонит
И мужика в стремени везет».
Глядит его молода жена:
95 «Не отец иде, мужика везе,
А мужик иде, отца везе.
Гли, отец у стремени подскакиват».
Приехали в поселье Соловьиное,
Просит его жена:
100 «Ай русской богатырь,
Спусти ты Соловья, оставь его нам,
Я те за это дам золота телеги вдовеньский».
«А это что, не честь-фала молодецкая,
Не ведь сила богатырская,
105 Что брать мне твое золото».
Повернул коня,
Вперед свой путь держал.
Приехал он во Киев-град,
К Владимиру-князю на почестен пир,
- 110 Ему дали место бóльшее.
Сидит Илья, угощается,
Наливает чару зелена вина,
Другу чару — пива пьяного,
Третью чару — меду сладкого.
- 115 Сливали питье в одно судно,
Приходит питья полтора ведра,
А весом-то его полтора пудá.
Берет он единой рукой,
Выпивал ён на единой здох.
- 120 Спрашива(т) князь Владимир:
«Кто у тя у стремени?»

- «А есть у меня Соловей, птица Рахматая».
«А заставь-ко его посвистать».
Засвистал Соловей по-соловьиному,
125 Зарыцал Соловей по-змеинному,
Дак земля сколыбаласе,
Новы́ дома пошаталисе,
Стары́ дома порассыпалисе.
Угостилсе ён по-хорошему,
130 Простилсе с князем со Владимиром,
И обратно ён путь держал.

26. (Соломан и Василий Окулович)

- В одном царьстви в Кудриянском
Жил прекрасный царь Вас(илий) Окульевич.
Собрал он почестен пир,
Вси на пиру пьяны-веселы.
5 Ходит он по гридни по столовою.
«Вси у мя в царьстви поженены,
Вси красны девушки замуж выданы,
А я живу, г(овори)т, холост-неженат».
Младший тулитсе за большего,
10 А больший тулитсе за меньшего.
«Чтоб выбрать ю и белым-бела и стат(ным)-статна,
Было бы с кем забавлятися, а мни поклонятися!»
Выскоцил Ванюха вор Поваренной.
«Вот я тебе знаю невесту,
15 Буде тебе с кем забавлятися,
А нам буде кому поклонятися.
Есть, г(овори)т, на Руси царица Соломанида,
И тебе буде с ней хорошо забавлятися,
А нам буде кому поклонятися».
20 «Ох ты, Ванюха, гой вор Поваренной,
Как от жива мужа жену отнять?»
«А не над и отнимать,
Только съездить да взять.
Нагрузите кораб товаров драгоценных
25 И перемените мне званиё:
Был Ванюха вор Поваренной,
А наложите звание — Торокашка гость заморский».
Переменили имя — Торокашка гость заморский,
Нагрузили кораб разных товаров драгоценных.
30 Отправилсе Ванюха за сине море,
В тое ц(арст)во святорусское,
Привалил кораб в царьство русское.
Приходит, а царя дома не слуцилосе.
«Ай же ты, царица Соломанида,
35 Поди-ко, оцени на моем корабли товары драгоценныи
И разреши мне торговать»,— г(овори)т.

- Царица по кораблю ходила-была,
Товары все оценила.
Нацали царицу угаживать
- 40 Винамы заморским, питьямы забудущима.
Царица напиласе
И заснула, свалиласе.
Приказал поднять паруса.
Отправилсе кораб за сине море,
- 45 Отъехали далеко за сине море,
Царица проснуласе,
Видит, ни краю, ни берегу на синем мори.
«Ай же Торокашка заморской,
Про себя везешь или про друга?»
- 50 «Не про себя везу, г(овори)т, а про друга,
Везу про прекрасного царя Василья Окульева».
Тут царица задаваласе,
Тут царица снова напиваласе.
«Еду я от модривого Соломана
- 55 К прекрасному царю Василию Окульеву».
Привалил кораб к пристани корабельною.
Тут царю царица прилюбиласе,
Нацали жить, забавлятисе.
Приехал царь Соломан домой,
- 60 А царицы Соломаниды и дома нет,
Увезена царица в ц(арст)во Кудриянское.
Брал ли он силы сорок тысячей,
Золотой казны колько надобно,
Приехал он ко Почай-реки.
- 65 «Ай ты, сила-войско любимое,
Опочев держите у Почай-реки,
Пейте воду со Почай-реки,
Режьте жеребьи с березины,
Кидайте жеребьи на Почай-реку,
- 70 Которы жеребьи на дно падут —
Та сила воротись домой,
А которы жер(ебьи) поверх падут —
Тая сила здесь живи.
И слушайте, г(овори)т, трубы пастушьи:
- 75 Как раз протрублю в турьей рог —
Как ты бы, сила, ладилась кольчуживать.
А другой раз затрублю в турьей рог —
Дак ты чтоб, сила, на конях была.
А третьей раз протрублю —
- 80 Дак чтоб сила у меня была».

Взял свой турьей рог и пошел в царство Кудриянское. Приходит, а царя дома нет, Василья Окульева. Сидит царица одна в покои.

- «Ай же ты, царица Соломонида,
Ну что же ты, царица, наделала?»
«Не охотой я поехала —
Увезли неволею».
- 85 Вдруг идет царь Василий Окулович.
«А меня теперь куды?»
«А поди в большой сундук, я тебя скрою».
И приходит царь Василий Окульевич.
«Ай же Василий Окульевич,
- 90 Приехал ко мне старой муж».
«А где ён находится?»
«А вот, в сундуки.
Казни Соломона скоро-наскоро».
Хватил он саблю вострую,
- 95 Хоце оттюкнуть буйну голову.
Скорилсе тут Соломон-царь:
«Не казни меня скоро-наскоро,
Сделай мне ты смерть царскую:
Сострой мне в чистом поли
- 100 Крылеcko в три ступенчика
И сделай три петелки шелковых.
В перву петелку — голова класть,
В другу петелку — руки класть,
А в третью петелку — нога.
- 105 И повисишь ты меня,
Даешь ты смерть мне царскую,
Про тебя пойдет слава великая,
Что задавил Соломона в петелках».
Царь приказал сделать крылеcko три ступенчика.
- 110 Впрягали коней стоялых,
Повезли Соломона на виселицу.
Сам сел в корету, поехал впереди.
Везут Соломона на виселицу,
Говорит Соломон таковы слова:
- 115 «Перва-то корета сама бежит,
А другу-то корету конь везе,
А третью корету цёрт несе».

(Жена-то сзади, дак.)

- Приехали к этим ступенчикам,
И говорит Соломон таковы слова:
- 120 «Ай же прекрасный царь,
Смолоду коровушек попасывал,
Охотник был в турьей рог поигрывать.
Дай при смерти мне потешиться,
В турьей рог да наигратисе».
- 125 Говорит царица Соломонида:
«Казни Соломона скоро-наскоро».

- «Ай же Василий Окульевич,
Одно древо — не лес в поли,
Один человек — не рать в поли».
- 130 Затрубил Соломон в турьей рог,
Вдруг его сила скошеваласе,
К Соломону справляласе.
«Это что сделалсе шум?»
«Ай же Василий Окульевич,
- 135 Это, г(овори)т, гуси-лебеди хлопают
Крыльями по синю морю,
Слышат они (трубу) турьеву».
Переступил Соломон на второй ступенчик,
Опять и говорит:
- 140 «Ай Вас(илий) Окульевич,
Дай при смерти потешиться,
В турьей рог наигратисе».
«А играй, Соломон, сколько хочется».
Слышит, что сила к ему двигаетсе.
- 145 Переступил Соломон на третьей ступень.

(На остатной.)

- «Ай Василий Окульевич,
Дай при смерти натешиться».
«А играй, Соломон, сколько хочется».
Нацал Соломон в турьей рог поигрывать,
- 150 Приехала сила святорусская,
Нацали охрану бить кудрярьскую.
Видит, что сила победила,
И говорит таки слова:
«Ай же ты, Василий Окульевич,
- 155 Налетели святорусские голуби,
Клюют твое пшено белоярово».
Овернетсе царь В(асилий) Окульевич.
Спустилсе Соломон с крилецка,
В перву петлю повесил царя В(асилия) Ок(ульевича),
- 160 А в другу петлю пов(есил) Торокашка гостя заморского,
В третью петелку палаца немилостливого,
А царицу Соломониду привязал к двум жеребцам:
К жеребцу ногу, а к другому другую.
Нарядил жеребцей в чисто поле,
- 165 Роздернули царицу во чистом поли.
Поехал он в царство свое святорусское
С большой славой великою,
Что повесил царя В(асилия) Окульева.

27. СИЛЕВАН КОРОЛЬ ЗЕМЛИ ЛИТОВСКОЮ

(Наезд литовцев)

- Силеван король земли Литовскою
Собрал он почестен пир,
Всех князей, всех бояровьев,
Сильных могучих богатырев,
5 Всех богатых витязев.
Вси на пиру пьяны-веселы.
Сидят славных два витязька,
Два королевских племенника,
Не едят, не пьют, ды и не кушают.
10 Ходит король по гривди по столовою.
«А что вы, славные витязьки мои,
Не едите, не пьете, ды и не кушаете,
Како ли зло, видно, на дядю думаете?»
«Хочем съездить на святую Русь повоевать».
15 «Ай вы, любимые племенники,
Был я в молоду пору
И находился от Романа Митриевича роскоракою,
А вам буде, детушки, честь особая».
Брали силы сорок тысяцей,
20 Золотой казны, колько надобно,
Поехали на святую Русь.
Попленили два села пересельских,
Пересельских что не лучших,
Настасью Митреевичну в полон взяли
25 С младенцем трехмесячным.
Пала весть Роману Митриевичу,
Что взята Настасья в полон, сестра,
Скоцил он на резвы ноги,
Фатил булатный нож,
30 Ткнул ножом во дубовой стол,
Проскоцил нож скрозь дубовой стол.
«Ох ты, стара седина, седата борода,
Чего ты, старость, ко мне привязаласе,
Неужели улетела во цисто поле,
35 А во цисто поле ясным соколом,
А по памятки, по грамотки,
По глубокою своей старости,
Неужели¹ мне своей старостью
Да сходить мне во чисто поле,
40 К тым славным ко витязькам,
К тым королевским племенницкам?»
Брал силы сорок тысяцей,
Поехал он во цисто поле,

¹ В рукописи неразборчиво.

- Приехал он опять ко Почай-реки.
- 45 «Вот ты, говорит, сила-войско любимое!
Пейте воду со Почай-реки,
А режьте жеребьи с березины,
Которы жеребьи поверх пойдут —
Та сила зде живи,
- 50 А которы на дно падут —
Дак тая сила домой воротись».
Походит силы и наказыват:
«Вот ты, сила, слухай грай черного ворона:
Как раз я сграю черным вороном —
- 55 Ты, сила, справьсе да скольчужьсе.
А как другой раз сграю черным вороном —
Дак чтоб ты, сила, на конях была.
А как в третий раз сграю черным вороном —
Дак чтобы, сила, у меня была,
- 60 У меня была, дело делала».
Овернулсе он серым волком,
Поскакал волк по цисту полю,
Прискакал волк ко белым шатрам,
У добрых коней горла поборвал,
- 65 Остальных коней в поле отогнал.
Овернулсе тонким белым горносталем,
У стрелоцек тетивоцки все пересек,
Порохову казну всю позамоцил.
Сидит Настасья Митреевицна,
- 70 Слезно уливается,
А тот младенец трехмесяцной:
«Не плачь, родитель моя матушка,
Есть наш дядюшка в белом шатри,
Нас с тобой повыруцит».
- 75 Нацали горносталя полавливать,
Куньей шубою закутывать.
Выскоцил горносталь во левой рукав,
Во левой рукав ды с шатра долой.
Вылетел ворон на сырой дуб,
- 80 И заграял ворон.
Выходят славные витязьки.
«Ай же ты, ворон птиця вещая,
Каку ты ведаеш невзгодушку?
Возьмем туги лукы,
- 85 Пропустим крылья-перья по чисту полю,
А кровь прольем по сыру дубу».
Фатилисе за туги луки,
У тугих луков тетивоцки пересицены,
Порохова казна вся замоцена.
- 90 И другой раз заграял черным вороном,
Вдруг сила подъезжала к нему, двигается.

Третьей раз заграял черным вороном,
Смотрит ворон во цисто поле,
Бьет сила святорусская окаянных татаровьев,
95 Прибили, притоптали войско литовское.
А этим славным витязькам,
Королевским племенницам,
Одному взял глаза выкопал,
А другому по колен ноги отсек.
100 Садит безного(го) на слепого.
«Ты, слепой, неси его домой,
А ты, безногой, дорогу показывай.
И снесите Силеван королю Литовскому
Низкой поклон от Романа Митриевица
105 И скажите, что Роман Митриевиц
На Руси здоров старик живет».
Пошли славные витязьки
В своё царство Литовское,
Пришли к Силеван королю Литовскому,
110 Принесли поклон от Романа Митриевица.
«Говорил же я вам:
Был я в молodu пору не вашу часу,
Да находилсе раскораю от Романа Митриевица».

КСЕНИЯ ЕГОРОВНА РЕМИЗОВА

Ксения Егоровна — вдова замечательного сказителя Н. А. Ремизова. Неграмотная. В 1961 году ей было 76 лет. Родилась в деревне Маткаже (Купецкое озеро), вышла замуж в д. Алексеево Пудожского района. Жизнь ее, по воспоминаниям, сложилась трудно: с шести лет ходила она по людям «во пестуньях», в замужестве «десяти ребят было выношено», потом Ксения Егоровна воспитывала многочисленных внуков.

«Когда Ксения Егоровна рассказывает или поет, она постоянно занята чем-нибудь: вяжет, шьет или качает ребенка. Что бы она ни рассказывала, она всегда ссылалась на мужа как на первоисточник. «Микита Антоныч что сказок знал, стихов и старин, и всего. Все, бывало, складывал, сам про себя складет былинку» (21/16). По словам Ксении Егоровны, которые подтверждают ее автобиографией самого сказителя, Ремизов перенял многое от Егора Семина, которого она никогда не слышала. «Как только собиратели спросили о богатырях, Ксения Егоровна рассказала «Илью Муромца», «Ермака Тимофеевича», быстро вспомнила «Добрыню», содержание всех остальных былин вспоминала с трудом. Пересказы ее довольно близки к текстам мужа, за исключением тех, которые она совсем плохо помнит. (Например «Непра-королевична»). То же можно сказать о старине про Ермака Тимофеевича. ...На вопрос собирателей, слышала ли она что-нибудь об Иване Грозном, Ксения Егоровна ответила: «Слышала, да не знаю. Грозный царь Иван Васильевич еще пели. Не поняла, не знаю». Она охотно рассказывала все, что могла вспомнить, никогда не заставляя просить себя дважды. Гораздо сложнее было уговорить ее спеть. При пении она постоянно сбивается на пересказ. Так как давно не пела «стихом», ей трудно вспоминать старины и она, по-видимому, иногда импровизирует. Пересказы и тексты, записанные от нее с пения, значительно отличаются (ср. пересказы былины о Ермаке Тимофеевиче и напетый текст). Тексты былин, записанных с голоса, более традиционны. Характерно, что пересказывавая былины, Ксения Егоровна постоянно называла киевского князя царем, а когда пела их, почти всегда называла Владимира князем стольно-киевским (один раз при пении, назвав Вла-

димира царем, тут же поправилась: «князь стольнѣ-киевский»).

Ксения Егоровна не пользуется репутацией сказительницы ни в своей деревне, ни в окружающих. На нее нам указали только потому, что мы искали родственников Н. А. Ремизова.

Она знает еще былину-балладу «Братья разбойники и сестра» и сказку «Как сын не пошел хоронить отца» (определение внучки), записать которые помешали гости» (21/16).

В архиве хранятся неопубликованные былины, баллады и духовные стихи К. Е. Ремизовой: 1) «Ставр Годинович» (отрывок, пересказ — 21/136); 2) «Илья Муромец, Ермак и Калиндарь» (отрывок, пересказ — 21/132; 21/128); 3) «Илья Муромец, Ермак и Идолище» (21/131); 4) «Чурила и Катерина» (пересказ — 21/135); 5) «Дюк» (отрывок, пересказ — 21/133); 6) «Муж губит свою жену» (21/139); 7) «Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (пересказ — 21/117, 21/118); 8) «Непра и Дон» (отрывок, пересказ — 21/134); 9) «Добрыня и Алеша» (пересказ — 21/129); 10) «Егорий» (21/142); 11) «Сорок калик» (21/140); 12) «Михаил Архангел» (21/141).

28. ПРО ДОБРЫНЮШКУ

(Добрыня и Алёша)

Была цостна вдова Офимья Александровна,
Был у ей сынушка Добрынюшка Микитиниц,
Силушка была непомерная.

Сделалось собраньице у царя у великого.

⁵ Повещают ёго на собраньице,

На собраньице, на совещаньице.

Сходил туды-ко Добрынюшка Микитиниц,

Приходит с собраньица невесѣленький да угрюменький.

Спрашивает ёго матушка,

¹⁰ Цостна вдова Офимья Александровна:

«Ты Добрынюшка да сын Микитиниц,

Как тебя ведь там да огорчили же,

Невесѣлый да ты пришел,

Видно, мѣстецко дали не по разуму,

¹⁵ Обнесли тебя царой зеленым вином?»

«Ты цестна вдова Офимья Александровна,

Как любимая да моя матушка,

Мне-ка мѣстецко да было первое,

Была цара вина да налита первая.

²⁰ Как Владимир-князь стольно-киевский

Наложил мне службу великую:

Мне идти на войну да на сраженьице,

А человеком-то да мне-ка первым.

Еще ты, родитель моя матушка,

- 25 Как родила-то меня на светушку,
Опустила бы ты меня на поле пылиночкой,
А на цисто полё травиночкой.
Как поутрушку вставать ранёшенько,
А справляться мне да поскорешеньку.
- 30 Вы останетесь-то, вы победные,
Как Настасьюшка да доць Микулична,
Еще ты, родитель моя матушка.
Мне отправиться да во цисто полё».
Как поутрушку да ранёшеньку
- 35 А Добрынюшка сын Микитиниц
А как не елося ему, не пилося,
Он сядился тут да на добра коня,
Отправлялся тут да на войну туды,
Как Настасью-то да он Микуличну
- 40 Ён давал наказ да все наказывал:
«Ты Настасьюшка да доць Микулична,
Уж ты год мене жди, как не дожدهшься,
И второй меня жди, как не дожدهшься,
Ну и третий жди, как не дожدهшься,
- 45 Так хоть вдовой живи, а хоть замуж пойди,
Не ходи замуж да за Олешеньку,
За Олешеньку да за Поповица:
Смёлой-то Олешенька да мне-ко-ва подкрестовый брат,
Мы крестами-то да с ним менялисе,
- 50 Дак ён ведь мне-ко-ва подкрестовый брат».
Распростилисе да поехали.
Как поехал Добрынюшка Микитиниц.
Как прошло тут времецко да скорое,
А три годушку прошло да миновалосе,
- 55 А нет Добрынюшки ни вестоцки,
А никакого тут нет извистица.
Ещё смелый-то Олешенька Поповиц-то
Да стал Настасьюшку да доць Микуличну,
Да стал он сватать-то да посватывать,
- 60 Да как она не йдет за него.
А Владимир-князь стольно-киевский
Да постращал-то ю да таковым словбм:
«Ты Настасьюшка да доць Микулична,
Не пойдешь за Олешеньку в замужество —
- 65 Мы во старици да тебя постригём,
В монастырь-то мы да тебя отошлём».
Настасья тых страстей да побояласе,
И побояласе да пострашиласе,
Ёна пошла за Олешеньку-то Поповица.
- 70 Ёны клали пир да на двенадцать дён.
А Добрынюшка-то да сын Микитиниц
Ён лежит-то ведь да во цистом поли,

- А сквозь тело бело трава проросла.
И прилетали тут голубь со голубкою,
75 А стал тут голубь прогуркивать,
Со голубкою стал проговаривать:
«Ты Добрынюшка да сын Микитиниц,
Ты лежишь ведь тут да во сырой травы,
А твоя жона за замуж пошла
80 Да за смелого Олѣшеньку Поповица,
А не с охвотушки пошла, с неволюшки.
Ѣна тых страстей да побоялase,
Государьских да пострашилase,
А ѣны клали пир да на двенадцать дѣн.
85 Дак ты ставай, Добрыня, со булынь-травы».
А ставал Добрынюшка с булынь-травы,
А садился ѣн да на добра коня,
Приезжал Добрынюшка к своей матушки,
Да к Офимье ѣн да к Олександровне.
90 Ѣн стуцит-гремит да во первой закон.
«Ты пусти меня, Офимья Олександровна,
Как любимая да моя матушка».
Ѣго матушка да испугаласи.
«Горька пьяница да голь кабацкая,
95 Голь кабацкая да подорожная,
Отойди-тка проць да от моих ворот,
От моих воротец от решѣтчатых.
Кабы был Добрынюшка во живности,
Не дошло бы тебе надругатисе
100 Над моим домом да над сиротским».
Того Добрыня не пытается,
Ѣн стуцит-гремит да во второй закон.
«Ты пусти меня, да родна матушка».
Отворяет воротецка решѣтчаты.
105 «Дай-ка мне-ка, дитя, пощупати:
Да на головушке да у Добрынюшки
Было родимное знадебко на верховище».
Как пощупала да Ѣго матушка —
Дак обрадела тут.
110 Да своего сына человала в уста сахарные,
А провела себе да в горницы.
«Ты Добрынюшка да сын Микитиниц,
А как твоя жена да есть замуж пошла,
Не с охвотушки пошла, с неволюшки,
115 Ѣна тых страстей да побоялase,
А за смелого Олѣшеньку Поповица».
«Ты цестна вдова Офимья Олександровна,
А любимая да моя матушка,
Неси-тко мне гусѣлышка яровчаты.
120 Я пойду-ка, справлюсь на поцестной пир,

На поцестной пир, да к молодой жены». И приходит ён да на поцестной пир. «Пропусти-тко да меня, скоморошинку, А скоморошине мйса немножечко». 125 «А скоморошино мисто на запорье». Как выстал Добрынюшка на запецек Да заиграл гусёлышка яровцаты, Как Настасьюшка да доць Микулична За столом ёна да зашаталаси.

(Узнала, видно.)

- 130 «Опустите-тко скоморошинку, А пусть садитсе с нами за дубовый стол». Опускалсе ён да Добрынюшка, А садилсе к столу дубовому. Наливали цару зелена вина, 135 Подносил Настасье Микуличне. «Ты Настасьюшка да доць Микулична, «Уж ты пей до дна — дак увидашь добра, А не пьёшь до дна — не увидашь добра». Как Настасьюшка да доць Микулична 140 Эту цару брала правой рукой, Выпивала ёна да на единый вздох, А там лежит кольцо да обруцальное, Которым ёны с Добрынюшкой обруцалисе, А когды венцалисе да обруцалисе. 145 «Так не тот мой муж, кой возли бока, А тот мой муж, кто против меня». Как Добрынюшка да сын Микитинец А вимал Олешеньку за желты кудри, А бросал Олешу о дубовый пол. 150 «От живого мужа жоны не бери». Ён царю отнес да благодарственну. «Не велел ведь я да жоны замуж дать За Олешеньку да за Поповица, Так ведь вы меня да не послушали».

29. ПРО ЛАЗАРЕЙ

Жили да были два братца Лазыря: Один-то был братец богатый человек, А другой-то был братец убогой человек. Сделался у богатого поцестной пир, 5 Приходя убогой к брату своему. «Братец ты, братец, богатый человек, Накорми-тко, братец, голого меня, Напой-ко, братец, жадного меня, Обнадёжь, обуй, братец, босого меня».

- 10 «Выдь, нишша калика, ты прочи от меня,
А есть у мня братъица получше тебя,
А повыше плещём, покрасивее лицём:
Попы да дьяки — то братья мои,
А купци да торговъци — тое дружъя мои.
- 15 А ты-то меня братцем да не на́зывай,
А ты меня родимым не нарекай».
Выходил убогой на крутое крыльцё,
Ставилсе убогой на восток лицём,
На восток лицём, да на запад хребтом,
- 20 Закричал убогой своим громким голоском:
«Господи, господи, Спас милостливой,
А выслушай-ко, господи, моленьицё моё,
А неправедно моленьицё Лазырёвое.
А при́шли-ко ко мне, господи, двух ангелков,
- 25 Двух ангелков, да двух немилостливых».
А выслушал господи, Спас милостливой,
А праведно моленьицё Лазырёвое,
А прислал к ёму господи двух ангелков,
А двух ангелков, да двух милостливых.
- 30 А кличут ту душеньку, выкликали,
А манят ту душеньку, выманили.
Укладывали душеньку на бело полотно,
А поднимали душеньку на небеса,
А принимали душеньку Исак да Абрам,
- 35 А кладывали душеньку во светлой рай.
«А тут тебе, душенька, мистецка,
А тут-то ведь, праведна, уготовано».
А выезжал богачий да во лузя гулять,
А приняла богатчину скорбность и болеть,
- 40 А три году богачина во гноюшке лежал,
А всё ёго именице прахом прошло,
А светлы ёго горъницы огнём пожгало.
А выходил богатчина на крутое крыльцё,
Становилсе богачий да на восток лицём,
- 45 На восток лицём, да на запад хребтом,
Закричал богатый своим тухлым голоском:
«Господи, господи, Спас милостливой,
А выслушай-ко, господи, моленьицё моё,
Моё праведно моленьицё Лазырёвое.
- 50 А будет мни на сём свете странствовати,
А надо мни на том свете поцарствовати».
А выслушал господи моленье ёго,
А неправедно моленьицё Лазырёвое,
А прислал к ёму господи двух ангелков,
- 55 А двух ангелков да немилостливых.
А колют всю душеньку, выкололи,
А тычут всю душеньку, вытыкали.

- Накладывали душеньку на острое копьё,
 А поднимали душеньку на небеса,
 60 А принимали душеньку Исак да Абрам,
 Кладывали душеньку во огнянну реку,
 Во огнянну реку да на вертяцё колесо.
 «А тут тебе, душенька, мистецко,
 А тут тебе, грешная, уготовано.
 65 А праведны-то душеньки по крежицку идут,
 По крежицку идут да херуимский стих поют.
 А грешна-то душенька так в огненной реки,
 В огненной реки да на вертяцём колеси».
 А увидел богатчина брата своего.
 70 «Братец ты, братец, бедной человек,
 Сходи-тко ты, братец, ко синему морю,
 А принеси-тко, братец, мизинец воды,
 А распечатать уста-то мне печальные,
 Размоцить бы мне как глодоцка сахарная».
 75 «Братец ты, братец, богатой человек,
 Как жили мы, были на вольнем на свету,
 А жили мы, были, тешилисе,
 А телеса-то наши грешные нежилисе,
 Так было у тя, братьице, получше меня,
 80 Получше меня, супротиву себя:
 Попы да дьяки были братьица твои,
 А купцы да торговци были дружья твои.
 А нуьце у мня, братец-то, воля не своя,
 Да воля не своя, да воля господова.

30. ЕФИМЬЯН'КНЯЗЬ ВЕЛИКОЙ

(Алексей человек божий)

- Был Ефимьян князь великой,
 Не было у него никакого отродья:
 Не было ни сына, ни доцери.
 Сошел он во божью церковь,
 5 Днем он молилсе со слезамы,
 Ночью он молилсе со свецамы:
 «Милостивый господи, дай ты мне какое ли отродье:
 Дай-ко мне ты сына либо доцерь,
 При младости лет на потеху,
 10 О полувеку на перемогу,
 При смерти души на поминанье».
 С небесья бы глаз проглазелся:
 «Ай же Офимьян князь великой,
 Пойди ты в белокаменну палату,
 15 Всё твоё моленьице исполнитсе».
 Прошло урённое время,

- Принесла ёму княгина-жона сына.
Собрали попов да по три попа,
Собрали дьяков по три дьяка,
20 Наложили имя Олексіем:
«Ай же ты, Олексій человек божий!»
Стая Олексіюшку лет двенадцать,
Стали ёго в грамоту учити,
Ёму, свету, грамота даласи,
25 Рукописание ёму же тому же.
Проучился Олексій лет да двадцать,
Стали Олексіюшка женити,
Женитьба Олексіюшку не в раз,
Молода княгина не в характер.
30 Провели оны столованьё,
Провели оны пированьё.
Провели их во тёплую спальню,
Олексей стал с княгиной распрощатьсе,
Дал с руки свой злацёный перстень,
(Обруцальный.)
- 35 От себя дал шелковый пояс.
«Вот тебе, обручная княгина,
До тых пор, пока этот пояс не расплетется
Да этот перстень не распойтся,
До тых пор ты меня не увидаешь».
40 Опустился Олексіюшка в окошечко,
Приходил ко синему морю
И ставилсе на маленький кораблик.
(Вот и поехал.)

- Не гребёт Олексіюшка, не правит,
А куды надь, туды ёго и тащит.
45 Приташшило к матушке пустыни.
Стал ён пустыни молитьсе,
Стал ён пустыни коритьсе:
«Допусти меня, пустыня,
Допусти меня, свята».
50 Пустыня ёму отвечает:
«Ай же ты, Олексій человек божий,
Чего ты сюды ко мне приехал?
Нет во мне красного ношенья,
Нету во мне сладкого еденья,
55 Нет во мне садов-то, виноградов,
Нет во мне царских забавов».
«Ай же ты, матушка пустыня,
Того я к тебе приехал,
Господу богу помолитьсе,
60 За млады лета потрудитьсе».
Прожил Олексій человек божий

Тридцать три года, промолился,
Платьица на ём износились,
Постарел ён горазно.
65 Здумалось ёму на свою сторону поехать.
Приехал Олексеюшка в деревню —
И прямо во церковь во божью.
Стоит во церковных синцах,
Народ идет, весь ёму кланяется,
70 И ён кланяется народу.
Выходит с церкви Ефимьян князь великой.
«Здравствуй, странничок!»

(Отец ёму и говорит.)

«Здравствуй, Ефимьян князь великой!»

(А уж они друг друга не знают. Далеко узнать.)

«Вот, говорит, Ефимьян князь великой,
75 Я с твоим сыном Олексием молился
Тридцать три года в одном месте».
Князь великой обрадел,
Берёт ёго за правую руку,
Приводит в свою палату белокаменну.
80 Вовёл ён во греднюшку новую,
Садил за стол за дубовую.
Жона и мать ёго обрадели,
Спрашивают со слезамы:
«Что же ты, наш Олексиюшка, придти сюды-ко?»
85 Очень бы мы ёму рады».
Суточки ёго прокормили,
Другие ёго прокормили.
Ен сыном им не назвался.

Было у их особое такое отделеньё (кухонка такая). И вот ён попросилсе у него: «Пусти меня, Ефимьян князь великой, в ево-то особо отделеньё хоть немного пожить». Вот ёго и запустили туды жить. Жил ён там два месяца. Кушанья ёму носили, питьица ёму носили (только уж нехорошие). Слуги к ёму приходили, всё ёму приносили. Потом, через два месяца уж сказал слугам:

«Не ходите ко мне трои сутки».
90 Трои суточки к нему не ходили,
А ладан и дух стал уж носить по хоромам.
Пришли через трои суточки поглядеть,
А уж ён лежить мертвый,
Написано письмо большое,
95 В руки в правой у ёго держитсе.
Никому это писёмышко в руки не далось взять.
Пришел Ефимьян князь великой,

Ёму в руки сдалосе.

Стал Ефимьян это писёмышко читати,

¹⁰⁰ Стали все горько плакать и рыдати,

Что не страннишек чужой был, а свой родной сын.

Ну вот, стали ёго хоронить, понесли гроб на головах да на плечах. Столько народу было, что нельзя было проходить. Ефимьян князь богатый кинет пядь золоту в ту да в дру́гу сторону, народ за ним отвёрнется, так можно будет проехать.

Вот как Олексей человек божий делал, вот какой отец был богатый.

АНАСТАСИЯ ЛЕОНТЬЕВНА ФАДЕЕВА

Во время записи былин в 1938 г. сказительница жила в д. Ижгора, но родом сама из д. Сарозеро Пудожского района. Неграмотная, 1882/83 года рождения. Подробно о своей жизни она рассказала в автобиографии (Парил.—Сойм., с. 382, 496, более полный текст — 8/54). Анастасия Леонтьевна знала сказки, песни, плачи. Собиратели оставили нам интересные наблюдения о личности сказительницы, ее творчестве. «Это уже пожилая, но очень подвижная и живая женщина, сильная, энергичная, умеющая добиться своего. «Я хоть и неграмотная, а черта переговорю; а куды ни приду, так меня скоро не выгоишь, пока своего не дождусь»,— говорит она» (8/35).

Старины она слышала во время работы на лесозаготовках, когда была еще подростком. «Старины были досюльнии — там и наслухалась. Был там из Пудоги, из Ножова старицок, фамилии не помню. Ну уж и петарь был старик»,— вспоминала сказительница (8/54).

В момент записи в июле 1940 г. Анастасия Леонтьевна позабыла многие старины, жаловалась на память. «Былину о Дюке она не могла припомнить целиком. Интересна, между прочим, пословица, которая у них в ходу. О быстро истраченных деньгах она сказала: «А не Дюковы животы (средства)»,— и пояснила, что у них так принято говорить» (8/35).

В архиве хранятся следующие неопубликованные былины сказительницы: 1) «Илья Муромец и Соловей разбойник», «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром», «Илья Муромец, Ермак и Калин-царь» (20/77); 2) «Илья Муромец, Ермак и Калин-царь» (8/52); 3) «Дюк» (20/73); 4) «Женитьба Добрыни» (20/77); 5) «Добрыня и Алеша» (8/51); 6) «Добрыня и Змей» (8/55); 7) «Исцеление Ильи Муромца», «Илья и Святогор» (8/23-а — пересказ).

Характеристика сказительницы дана в статье Г. Париловой и А. Д. Соймонова «Сказители Пудожского края» (Парил.—Сойм., с. 38—39).

31. ПРО ДОБРЫНЮ

(Добрыня и змей)

- Просилсе Добрыня Никитинец
У своей да родной матушки
Во Пучай-реку да окупатисе.
«Пучай-река да е жестокая:
5 Со первой струйки дым столбом валит,
А со другой струйки искры сыплютсе».
«Спусти, спусти, родна матушка,
Съиздить мене во Пучай-реку».
Дала она ему прощеньицо и благословленьицо.
10 Приехал Добрыня ко Пучай-реки,
И говорил он таковы слова:
«Ты напрасно мне, матушка, говорила,
Что Пучай-река есте, как лужа дождевая».
Раздел он платья цветньи,
15 Первой раз нырнул — он не донырнул.
Вдруг тучи нет, а дождь дождит,
Огня нет, а искры сыплютсе.
Налетела то змея поганая,
Говорит змея да таковы слова:
20 «Захочу — Добрынюшку съем-сожру,
Захочу — Добрынюшку в хобота возьму».
Говорил Добрыня таковы слова:
«Подожди, поганая, подавишьсе!»
Посмотрел Добрыня на крутой берег —
25 Нету платья, нет коня доброго,

(Она все забрала.)

- Только одна шапочка пуховая.
Ен нагреб да песку желтого,
Отшиб у змеи два хобота.
Говорит змея да таковы слова:
30 «Давай, Никитушка, побратаемса:
Ты пусть мой старшой брат,
Тебе не издить в мои горы змеиные,
Не топтать моих малых змеенышей».
Говорит он ей таковы слова:
35 «А ты не летай к нам во Киев-град,
Не глотай роду крещеного».
Ена нарушила свою заповедь змеиную,
Полетела через Киев-град,
Унесла у князя племянницу,
40 Молодую дочь Путятичну.
Приезжает Добрыня со чиста поля,
А у князя уж почестной пир.
Добрыня на пир собирается.

- Говорила ему родна матушка:
45 «Не знайсе, сирота, со боярамы,
Потеряшь животы во подарочках,
А нет, дак положишь свою буйну головушку».
Говорил князь таковы слова:
«Кто бы съездил в ты горы змеинные,
50 Вывез бы мою любимую племянницу?»
Старший прятался за младшего,
Младший прятался за среднего,
А от среднего и ответу нет.
За тым столом да за бóльшим
55 Сидел Олешка Попович, любимой племянник князю.
«Я вчера был да во чистом поле
Да сидел во сыром дубу,
Видел, как Добрынюшка заключал заповедь
с поганой змеей,
Что не летать ей в стольне Киев-град».
60 Сказал князь-солнышко стольне-киевский:
«Знать тебе ехать в те горы змеинные».
Приехал Добрыня домой к своей матушки,
Стал собираться в ты горы змеинные.
Ему сказала родна матушка:
65 «Возьми коня батюшкова да дедушкова».
Дала ему плеточку шелковую.
«Как подточат змеи ножку у коня правую,
Дак ты бей коня прямо меж ушй,
Стане конь да поскакивать,
70 Стрясе всех поганных змеенышев».
Дала ему платочик шелковой.
«Будешь ты биться с поганой змеей,
Дак истомишьсе, не буде у тебя силушки.
Ты утерайсе шелковым платком,
75 Буде силы у Добрыни по-старому».
Поехал Добрыня в путь-дороженьку,
Днем ехал по красному по солнышку,
Ночью ехал по светлому по мисяцу.
Приехал в тыи горы во змеинны,
80 А у змеи да в Русь улечено.
Стал Добрыня по той горы поезживать,
Стал змеенышев он да потаптывать.
Вот подточили они у коня да праву ноженку,
Стал конь на ножки припадывать.
85 Ен спомнил материну плеточку,
Стал бить коня да меж уши,
Ен отряс всех поганных змеенышев.
Тут налетела вдруг да поганая змея.
Ены с ей да вдруг сразилисе,
90 Суточки бились, хлеба не едаючи,

- Други бились, воды не пиваючи.
У Добрыни истомилась сила богатырская,
Спомнил Добрыня материн платок,
Стал тереть он лицо белое,
95 Стала силушка да по-старому.
Наконец хотел Добрыня приотъехати,
Тут Добрынюшки с небес глас гласит:
«Бился ты да трои суточки,
А побейся еще три часа,
100 Победишь змею поганую».
Протекла тут кровь змеиная
От востока тут до запада.
Наконец хотит Добрыня приотъехати,
Другой раз Добрыни с небес глас гласит:
105 «Бей-ко ты копьем да долгомерным,
Бей-ко ты во матушку сыру землю,
Бей-ко ты да приговаривай:
«Припей-ко ты, прибери да кровь змеиную».
Бил он копьем да долгомерным,
110 Ушла кровь да во матушку сыру землю.
Пришел он во нору во змеиную,
Туды силушки наношено,
Ены вси да испугалися и говорят:
«Приде Никитушка Добрынич,
115 Дак избавит нас от этой напасти».
«Вот теперь вам, братцы, воля вольная,
Теперь победил я змею поганую,
Покажите мне дочь Забаву Путятичну».
Повез он ю во Киев-град,
120 Привез он Забаву дочь Путятичну.
Князь давал ему города с пригородками
Да давал и села с приселками.
«Мне ничего не надо,
Только надо честь-хвала молодецкая».

32. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

(Илья Муромец и Соловей-разбойник)

Как справляется-снаряжается
А старый-то казак Илья Муромец
Во первую поездку богатырскую.
Ен у матушки уж да дается,
Ен у батюшки благословляется:
«Вы спустите-ко, благословите-ко
Меня к трем же тым крестам да поклонитися,
Ко святым отьцам да приложитися.
Вы спустите — поеду и не спустите — поеду».

- 10 Кладал потницьки да на потницьки,
На потницьки кладал мягки седлышки.
Уж видели добра молодца сядучи,
Не видели доброго молодца поедучи.
Одна куревка уж только прокурела,
- 15 А порошица да пропорошила.
И выехал удалый на чисто поле,
Поглядел в сторонку полуденную —
Там силушка стоит уж несметоцьна,
Околь силушки заюшку не обскакать,
- 20 А черному ворону не облететь,
А сильному богатырю не объехать,
И днем-то не видно красна солнышка,
Только-то уж пару лошадиного.
Уж стал-то молодец-то пораздумалси:
- 25 «А не засхать мне как в эту силушку,
Уж нечем на пиру буде похвастати».
А рвал он дуб кряковистый,
Заехал-то уж ён в эту силушку.
По силушке-то стал ён поезживать,
- 30 Сырым корьям дубком стал помахивать.
Куды махнет — тут туды улица,
Перемахнет-то уж ён переулками.
А всих-то ён прибил ён татаровьёв,
Татаровьёв уж ён всих, улановьёв,
- 35 Не оставил ён ни одного на симёна.
Приехал он в деревню во Смолягину,
Зашел ён во церковь белокаменную.
Стоят-то уж тут люди, богу молятся,
Стоят каюци да приглашаючи,
- 40 На войну-то уж ёны отправляются.
Поклон-то ён ведет по-ученому,
Уж он кладет по-писаному.
Говорил-то ён да таковы слова:
«Что вы каетесь, что причащаетесь,
- 45 А далеко ли да отправляетесь?»
«Под нашим-то под городом Смолягиным
А стоит-то силушка несметошна».
«Бежите-то вы уж скорым-скоро,
А скорым-то вы скоро да скоро-наскоро,
- 50 Поглядите-ко уж вы на свою силушку,
А что силушка да ваша делает».
Сбежали тут ёны скорым-скоро,
Скорым-то скоро да скоро-наскоро.
Поглядели уж тут на свою силушку —
- 55 А силушка-то лежит вся прибитая,
Прибитая она, костром срытая.
«Ах же ты, удал (ый) добрый молодец,

- Живи ты как во городе Смолягине,
Во Смолягине живи да во Смородине».
- 60 «Не буду я уж жить в вашем городе,
Скажите про дорожку прямоезжую,
Прямоезжу про дорожку прямохожую,
А ехать только мне-ка во Киев-град».
- Говорят ему мужики смолягинцы:
- 65 «А прямо-то ехать надо три цясу,
А около-то ехать — только ехать три году,
А прямо-то ехать — есть три заставы,
Три заставы-то есть вси великие:
Перва застава — а тут река Смородина,
- 70 Друга застава — вси болота топучия,
Третья застава — там Соловей-птица,
Соловей-птица да Рахматая.
Сидит тут Соловей на семи верстах,
На семи верстах да на семи дубах.
- 75 Рыцит уж Соловей да по-звериному,
А свищет Соловей да по-змеиному,
Лызгает Соловей тут по-собацьему».
- А тут добрый молодец и раздумался:
«Не сделать мне дорожки прямохожие,
- 80 А нечем на пиру будет похвастати».
- Одною он рукою да уж коня ведет,
Другой-то рукой он дубы все рвет,
Дубы-то уж рвет да мосты мостит,
Да мосты мостит он все дубовые,
- 85 Ставит столбики ён да тоценые,
На столбах-то ён да подписыват:
«Вот-то я прошел, добрый молодец,
А старый-то казак да Илья Муромец».
- Приехал ён тут к Соловью-птице.
- 90 Соловей-птица срыццал по-звериному,
Засвистел тут Соловей ён по-змеиному,
Его добрый конь да на колена пал.
Ну, бил уж тут коня по тугим ребрам.
«Ах ты, добрый конь да ты волчья сыть,
- 95 Не слышал ты, верно, свисту звериного,
Не слышал ты, верно, крику змеиного?»
- Натягивал он только тугой лук,
А тугой он лук со налуцником,
Кладал стрелочку ён тоценую,
- 100 Тоценую-то ён, золоцёную,
А стрелочки-то ён приговаривал:
«Лети-ко ты, стрела, уж не на воду,
Не на воду, не на землю,
Лети-ко Соловью под право крыло,
- 105 А рви-ко Соловья ты на сыру землю».

- Слетела стрелоцька не на воду,
Соловьё-то уж под право крыло.
Поехал тут ён да добрый молодец,
Привязал ён Соловья к правой стремени.
- 110 А говорят его детушки:
«И наш-то уж батюшка какого мужиценочка
А везет-то у права стремени».
Говорила тут уж им родна матушка:
«А нет, какой-то мужиценочка
- 115 Везет он батюшку у стремени».
Выходила его тут родная доць
И звала его во гостебище,
А говорил удалый молодец:
«Я делаю дорожку прямохожую,
120 Гостебищем уж я не занимаюсь».
Пришел да уж ён во Киев-град
Ко солнышку ко князю ко Владимиру.
Был уж у его да поцетный пир.
Приехал молодец да на широк двор,
- 125 Добра уж ён коня да не привязывал.
«А береги-ко, Соловей, ты добра коня,
А конь, ты береги да Соловья-птицу».
А сам-то пошел во высок терем.
Мостиночки уж вси подгибалиси,
- 130 Ступенички тут да ломалиси.
«Проходи-тко уж ты, добрый молодец,
А сядь-ка ты на самый нижний кончик-то».
Уж вси-то на пиру да наедалисе,
А вси-то на пиру-то порасхвастались.
- 135 А умной-то хвастал отчом-матерью,
А безумной-то хвастал золотой казной,
А глупый-то хвастал молодой женой,
А он-то говорил, удалый молодец:
«А ехал уж поездкой богатырской,
- 140 А сделал к вам дорожку прямохожую,
Убил-то я у вас Соловья-птицу».
Говорили тут таковы слова:
«Не хвастай, молодец, не заманивай».
А говорил-то добрый молодец:
- 145 «Соловей-то уж птица у добра коня».
А говорил-то солнышко князь стольно-киевский:
«Веди-ко ты сюды да во высок терем,
А пусть-ко зарычит а по-звериному,
Пусть-ко ён свищет по-змеиному».
- 150 А говорил-то добрый молодец:
«Рыци-ко, Соловей, только вполголоса,
Свищи, Соловей, только вполсвиста».
Зарыцал как Соловей во всю голову,

- Засвистел-то Соловей в буйну голову.
155 Терема-то только вси зашаталися,
А околеньки вси посыпались,
А князь уж со княгиней чуть с ума ни шел.
«Ах вы, сильные могучие богатыри,
Возьмите-ко невежу за белы руки,
160 Ведите-ко его во глубок погреб,
Посадите-ко его во глубок погреб,
Дубьем уж вы, колодьем заворочайте».
(Посадили Илью Муромца.)

33. (Добрыня и Алеша)

- Царь стольне-киевский давал заповедь великую:
«Кто бы съездил к князю Испануйлу Испануйловичу,
Ко любимому тестю,
Да проклял бы дорожку прямоезжую,
5 Пробил бы тых черкес пятигорских,
Тых калмыков со татарами?
А ты съиздил, Добрыня, в горы змеинные,
Да проклади ты дорожку прямоезжую».
Солнышко князь стольне-киевский
10 Сказал ему таковы слова:
«Съезди, Никитушка, к моему тестю любимому
Испануйлу Испануйловичу».
Тут Добрыня распрогневался.
Заседлал он коня доброго,
Не зашел он к родной матери.
15 «Куды ты, дитятко, справляешься,
Куды ты, дитятко, снаряжаешься?
Когды нам буде ждять-ожидать,
Когды в окошечко поглядывать?»
«А если жив буду — домой буду,
20 А жив не буду — ждять некого.
Не так ты меня, матушка, породила,
Спородила бы ты меня на поле дубочком —
Съезжались бы ко мне сильные могучие богатыри,
Век по веку ко мне без шевелимости,
25 Иль в сине море бы серым камешком,
А ты породила сильным могучим богатырем —
Надо бить да потом бесповинных
Сиротать малых детушек
Да вдовить молодых жен».
30 «Что же сделать, мое дитятко,
Как господь не дал, не пожаловал».
Шла она скорешенько в палату белокаменну,
Говорила она богоданному дитятку:

- «Поди спроси у мужа, когда нам его ждать».
- 36 Она бежала поскорешенько,
Говорила потихошенько:
«Милая ты моя ладушка,
Дорогая моя содержавушка,
Когда нам тебя ждать-ожидать,
40 Когда в окошечко поглядывать?»
«Если жив буду — домой буду,
Жив не буду — ждать некого.
А три года живи как замужем,
А через три года — хоть вдовой живи, а хоть замуж поди,
45 Хоть за князя, хоть за барина,
Хоть за русского могучего богатыря,
Только не ходи за смелого Олешку Поповича.
Она выняла кольцо с правой руки
И подала его мужу законному.
- 50 Они с им да распростилисе.
Уехал Добрыня во чисто полё,
День за днем идет, как трава растет,
А неделя за неделей, как вода текет,
А не видать Добрыни с чиста поля.
- 55 Прошло времечки целых три году,
Не видать Добрыни со чиста поля
Приезжал Олешка со чиста поля
И говорил им да таковы слова:
«Я сегодня был да во чистом поли,
60 А сидел да во сыром дубу.
Добрыня лежит на сырой земли,
Буйна голова испроломана,
Могучий плечй испроломаны,
А сквозь кудри-то сквозь желтны
- 65 Проросла трава шелкбвая».
Тут его да родна матушка
Скорбила сердце материнское,
Слезила очи ясны.
Ему говорила Настасья Никулична:
- 70 «Я сполнила заповедь мужнюю,
А теперь сполню заповедь женскую:
Еще не пойду замуж три года».
Опять приезжал Олешка с чиста поля,
И говорил он таковы слова:
- 75 «Лежит Добрыня на сырой земли,
Буйна голова испрострелена,
Могучи плечи испроломаны».
И потом приходил солнышко князь стольне-киевский,
И сватали Настасью Никуличну
- 80 За того Олешку Поповича.
Наконец она согласиласе

- Завтра идти с Олешкой в божью церковь
И принимать с Олешкой по злату венцу.
Далеко-далеко во чистом поли
- 85 Спит Добрыня во белом шатри.
Конь стоял да у бела шатра,
Бил ногой да во сыру землю,
В реки вода сколыбаласе,
Под шатром земля зашаталасе.
- 90 Скочил Добрыня со сну богатырского,
Бил коня да по тугим ребрам.
«Что ты будишь богатыря не вовремя,
Да нету против меня да поединщика».
«Спишь да прохлаждаешься,
- 95 А над собой невзгоды не начеешься:
Твоя молода жена замуж пошла,
Сегодня идти с Олешкой в божью церковь
Да принимать с Олешкой по злату венцу».
Ен поклонилсе коню в ногу правую,
- 100 Носу правую во переднюю.
«Сюда ты меня вез ровно три года,
А отсюда вези ровно три часа».
Говорил конь ему таковы слова:
«Клади-ко ты на коня потечки,
- 105 На потечки клади еще потечки,
А на потечки мягки войлочки,
А на войлочки черкальско седло,
А сам садись-ко крепко-накрепко».
Реки-озера промеж ног пускал,
- 110 Маленьки перелески перескакивал.
Выезжал Добрыня на чисто полё.
Не погодка ль снежку белого выпала,
Будто заюшко да проскакиват,
Куропаточка там бы как пропурхиват —
- 115 А его родна матушка, честна вдова
Офимья Олександровна,
Под окошечком она сидит да причитыват:
«Прошло времечко только шесть годов,
Закатилосе красное солнышко
За горушки высокии, за лесушки темныи,
- 120 Ну, закатилсе и светел месяц,
Ушло богоданно мое дитятко».
Приехал Добрыня со чиста поля,
У ворот не спрашивал приворотничков,
У дверей не спрашивал придверничков,
- 125 От себя всих прочь отталкивал.
Вси идут со жалобами, что приехала
Собака-судаскальничка с чиста поля,
У ворот не спрашивал приворотничков,

- У дверей не спрашивал придверничков,
130 Нас всех да прочь отталкивал.
Говорила им честна вдова Офимья Александровна:
«Теперь наш двор сиротской,
Дак нечего нам поделати.
Было бы живо мое мило дитяtko,
135 Дак некогда было бы надсмехаться над вдовами».
Он тут и говорит:
«Не напрасно ли вы да согрешаете?
Мы вчера с Добрыней поразъехались:
Ен поехал к строгому Испануйлу Испануйловичу,
140 А я к князю солнышку стольне-киевскому.
Некогда мне с тобой да разговаривать,
Расскажи-ко мне, да где моя молода жена?»
«Твоя молода жена пошла замуж,
За того ли Олешку Поповича.
145 А сегодня поиде в божью церковь
Принимать по злату венцу».
Не верит мать, что тут ейно дитяtko.
«У моего-то у дитяtkи было лицо румяное,
На ножках сапожки сафьянные,
150 А на головушки шапочка пуховая».
Говорил он ей да таковы слова:
«Неси-ко мне да платьница цветные
Да гуселка яровчаты,
Я пойду да на почестный пир».
155 Пришел он да на почестен пир,
Сел на печку на припечечек,
Стал в гуселышка поигрывать.
Говорила Настасья Никитична:
«Солнышко князь стольне-киевский,
160 Разреши налить чару зелена вина,
Поднести игроку,
Он ведь так играт,
Как мой покойной муж».
Ен взял чару единой рукой,
165 Выпил чару за единой дух,
И говорил он князю таковы сл(ова):
«Ой ты князь да сто(льно-киевский),
Разреши налить мне чару зелена вина,
Поднести вашей княгини».
170 Говорил ен таковы слова:
«Коли хошь добра — дак пей до дна,
А не пьешь до дна — не видашь добра».
Выпила чару зелена вина,
Прикатилсе перстень ко устам да ко сахарным.
175 Ена скочила тут через дуб(овый) стол, говорила тут:
«А не тот муж, который за столом сидит,

- А тот мой муж, который сидит на печки на припечечки».
А скочила она через дубовой стол.
«Прости, прости меня во той вины,
180 Прости меня во глупости».
«Не дивую я разуму женскому:
У бабы волос долог, а ум короток,
Их куда везут — туда и едут,
А куда ведут — туда и они идут,
185 А дивуюсь солнышку князю Владимиру,
Что от живого мужа жену отняли».
Как он хватил Олешку за желты кудри
Да хотел ударить о кирпичный пол.
Ён со того со стыда со великого
190 Уехал со Киева-града.

34. ПРО СТАВРА ГОДИНОВИЧА

- Приехал Ставр Гоудинович
Да к князю Владимиру.
Вси на пиру наедалисе,
Вси на пиру наедалисе,
5 Вси на пиру и расхвастались.
Умный хвастал отцом-матерью,
Глупый хвастал молодой женой,
А безумный хвастал золотой казной,
А ён похвастал молодой женой:
10 «А моя да молода жена
А ваш Киев скупила и продала
И тебя бы, князя, с ума свела».
И тут царю не к лицу пришло,
Посадили Ставра во погреба глубокии.
15 За тем столом да за дубовым
Сидел его желанный дядюшка,
И писал он записку (жени),
Клал коню под сидельшко.
«Приезжай скорей, выкупай своего мужа законного».
20 Ена говорила своей богоданной матушки:
«Секи-ко мои волосы женские по-мужскому
Да неси-ко платьица Ставровьи,
Я поеду выкупать своего мужа законного».
Приехала она к солнышку князю Владимиру
25 И говорит князю таковы слова:
«Отдай замуж мне свою племянницу».
Племянница сказала таковы слова:
«Тут е не мужчина, а женщина».

«Солнышко князь стольно-киевский,— говорит племянница,—
что стопим байну, дак сойдет, дак мы увидим, что мужчина али
женщина».

И потом расположились, и просватал он свою любимую племянницу.

И навалили приданого сорок телег,
30 Сорок ордынских злата и серебра,
А завтра идти в божью церковь,
Принимать по злату венцу.
Вот пошел у их уж почестен пир,
И говорила она таковы слова:
35 «У вас есть Ставер да Годинович,
Дак он хорошо играет на гуселках яровчатых,
Дак выпустите вы его,
Нам он поиграет на пиру».

Выпустили его со погребов со глубоких, ну вот, потом она говорит, что «я схожу с им в другу комнату, попрошу его, как играть».

Туды пошли две мужчины,
40 А оттуль идут мужчина да женщина.
Ена солнышку князю поклонилась.
«Я приехала выкупать своего мужа законного,
А не жениться на твоей племяннице».

ИВАН ТЕРЕНТЬЕВИЧ ФОФАНОВ

Иван Терентьевич Фофанов — замечательный пудожский сказитель — родился в 1871 г. в д. Климово. Былины усвоил от известного П. Н. Рыбникову и А. Ф. Гильфердингу сказителя Н. Прохорова (Утка) и Т. Г. Блохина из д. Мелентьевской на Пудогге. О других учителях И. Т. Фофанов ничего вспомнить не мог (Парил.-Сойм., с. 473). По свидетельству собирателей и самого сказителя — неграмотный.

В архиве хранятся неопубликованные записи следующих былин: 1) «Илья Муромец и Святогор» (пересказ — 14/23); 2) «Добрыня зовет Илью Муромца на пир к князю Владимиру», «Непра и Дон» (2/46); 3) «Михайло Потык» (14/22).

Биография сказителя изложена в сб. «Былины Пудожского края». Петрозаводск, 1941, с. 186—187, 473. Характеристика дана в предисловии к этому изданию, с. 28—31. См. также: Новиков, 1976, с. 13.

35. (ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ)

Во славном во городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира
Роздернут как был почестен пир.

А на пир он всех князей-бояр собрал,

⁵ Всех руських могучих богатырей.

А на том на пиру на почестном

У ласкова князя да у Владимира

Был молодой Добрыня Микитинец.

А стал князь Владимир да выпрашивати:

¹⁰ «Вы, руськие могучие богатыри,
Не издили ли вы на горы Сорочинские,

Ко норам ко змеинным?

Унесла у меня змея проклятая

Молоду Забаву дочь Путятичну».

¹⁵ Все да тут отказались,

А говорит смелый Алеша Попович:

«Езживал, мол, Добрыня Микитинич

А во горы он Сорочинские,

- А ко норам он ко змеиным,
20 Да сделаны у их записи великие». Говорит Владимёр стольно-киевский:
«Съезди-ко, молодой Добрыня Микитьинич,
Повыручи мою племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну,
25 А не съиздишь — голову срублю». Молодой Добрынюшка Микитьинич
Шел как со пиру со почестного,
Пошел ён невеселёшенек,
Пошел ён крученёшенек
30 Ко своей ко родной матушке. Приходит молодой Добрынюшка Микитьинич
Со пиру со почестного
От князя ён да от Владимира
Ко своей да родной матушке.
35 Приходит ён невеселёшенек,
А приходит ен крученёшенек.
Родна матушка выспрашиват:
«Что же ты, Добрынюшка Микитьинич,
Пришел от князя от Владимира,
40 А пришел невеселёшенек,
А пришел ты крученёше(н)ек?
Да не обидели ли князья-бояра там,
На том пиру да на пиру почестном
У князя да у Владимира,
45 Да не обнес ли тебя князь Владимир
Чарочкой с зеленым вином,
Не обсмеялись ли круг тебя
Мужики да деревенские?»
Молодой Добрынюшка Микитьинич
50 Стал родной матушке рассказывать:
«Не обсудили меня князья-бояре
На пиру да на почестном
У князя да у Владимира,
Не обнес меня князь Владимёр
55 Чарой зелена вина,
Да не обсмеялись круг меня
Мужики да деревенские,
Только наложил он мне службу великую,
Службу он мне тяжелую:
60 Съиздить во горы Сорочинские,
А во норы во змеиные,
Повыручить у князя Владимира племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну». «Эх ты, молодой Добрынюшка Микитьинич,
65 Говорила я тебе да родна матушка,
Что не изди, не купайси во Пучай-реки,

- Что не изди-ко ты на горы Сорочинские,
Не топчи-ко ты там змеенышей.
Но молодой Добрынюшка Микитынич,
70 Вставай-ко ты поутрушку ранешенько,
Седлай-ко ты да добра коня.
Да поезжай-ко на горы Сорочинские,
Да ко норам-то да ко змеиным».
- Молодой Добрынюшка Микитынич
75 Вставал как ён поутрушку ранешенько,
Одевал как ён одеждушку военную,
А доспехи все да богатырськии.
Брал как он копье да долгомерное,
А за плечи кладовал да тугой-то лук,
80 А палицу ён брал да во сорок пуд.
Шел как же Добрынюшка на широк двор,
А шел как уж Добрыня ко добру коню,
Отвязывал Добрынюшка добра коня
От столба да от точеного,
85 От кольца ён золоченого.
Садился Добрыня на добра коня,
Прощался с своей родной матушкой.
Родна матушка Добрынюшке наказывала:
«Молодой Добрынюшка Микитынич,
90 Я дам платок да родна батюшки.
Как сразишься ты со змеиным Горынышом,
Добрый конь у тя наскочется,
А рука могучая намашется,
Ты вспомни родну матушку,
95 Выдерни из своего карманышка
Родны матушки платок беленький,
Проведи-ко ты добра коня
Да по тугим ребрам да промеж ушей,
Да потри-ко свои да очи ясные,
100 Да свои да руки могучие,
А будет у тебя конь поскакивать,
Поскакивать да не по-старому,
Будет конь скакать да не по-прежнему,
Будешь ты махать не по-старому и не по-прежнему,
105 Победишь змеинышшо Горынышшо».
- Молодой Добрынюшка Микитынич
Садился как ён на добра коня,
И поезжал он с широка двора.
Как вид'ли добра молодца сядучи,
110 Да не видели поезжаючи.
Молодой Добрынюшка Микитынич
Ехал он на гору Сорочинськую,
А ко норам как ён ко змеиным.
Приезжал как молодой Добрынюшка

- 115 На горы Сорочинские,
А ко норам да ко змеиным.
Вылетала тут Горынища змеинишша
Со нор да со змеиных,
Говорит Добрыне таковы слова:
- 120 «Молодой Добрынюшка Микитынич,
Изменил ты заповедь великую,
А приехал ты на гору ко мне да Сорочинскую».
Говорит молодой Добрынюшка Микитынич змеинищу
Горынышшу:
- «Ах ты, проклятая змеинишша Горынышша,
125 Не я же изменил заповедь великую,
А ты же изменила заповедь великую:
Не лететь было тебе по Русиюшки,
Не уносить люду крестьянского,
А народу пролетарского
- 130 Во норы во змеиные,
А ты полетела да унесла у князя у Владимира
Молоду Забаву дочь Путятичну,
Отдай ю без боя, без кроволития».
Говорил змеинищу Горынищу:
- 135 «Ах ты, молодой Добрынюшка Микитынич,
Не отдам я без бою, без кроволития,
А выйдем мы с тобой да на чисто поле».
Молодой Добрынюшка Микитынич
Выезжал как со змеинищом Горынищом,
140 Выезжал-то ён на чисто поле.
А тут со змеей ёны сразилися,
Открыли бой-кроволитие.
Молодой Добрынюшка Микитынич
Дерется со змеинищом Горынищом,
145 Дерется он да трои суточки,
Не едаючи да не пиваючи,
Да отдоху себе не даваючи.
Наскакался у Добрынюшки добрый конь,
Намахалась у Добрынюшки рука могучая.
- 150 Молодой Добрынюшка Микитынич
Вспомнил платок родной матушки,
Что наказыва(ла) ему да родна матушка.
Молодой Добрынюшка Микитынич
Поскорешенько выдергивал платок да родной матушки,
155 Обвел платочком коня да по тугим ребрам,
А по тугим ребрам да промеж ушей,
Водил он себя да по ясным очам,
По ясным очам да по белым рукам.
И Добрыни конь стал поскакивать
- 160 Не по-старому и не по-прежнему,
У Добрыни сила стала не по-старому да не по-прежнему,

- У Добрыни силы много прибыло.
Молодой Добрынюшка Микитынич
Съехался как со змеином Горынином,
165 Махнул как ён палицей сорокпудовою,
Отсадил ей шесть хоботов.
Молодой Добрынюшка Микитынич
Другой раз как съехался со змеином Горынином,
Остатних отсадил шесть хоботов.
170 Сочил он на грудь на змеиную,
Схватил нож булатный,
Отсек ён голову змеиную,
Хлынула кровь змеиная.
Молодой Добрынюшка Микитынич
175 Стал во крови змеиной да по колени с добрым конем.
Говорит молодой Добрынюшка Микитынич:
«Росступись-ко ты, мать сыра земля,
Углотай-ко ты кровь да змеиную,
180 А не погуби-ко ты меня, молодого Добрынюшку
Микитынича».

- Росступилась мать сыра земля,
Углотала кровь змеиную.
Садился Добрыня на добра коня
185 И ехал ко норам ко змеиным.
Приезжал как молодой Добрынюшка Микитынич
Ко норам да ко змеиным.
Выходил как ён да со добра коня,
Заходил как ён во норы во змеиные,
190 Там люда было много множество,
Были князья и князёвичи,
Короли и королёвичи,
И были красны девушки,
Королевы и царевичны.
195 Говорит молодой Добрынюшка Микитынич:
«Ах вы, народ да люди добрые,
Не видали ли князёвой племянницы,
Молодой Забавы дочь Путятичны?»
200 Все отказались:
Не видели молодой племянницы,
Молодой Забавы дочь Путятичны.
А молодой Добрынюшка Микитынич
Брал ключи да змеиные,
Отмыкал у змеи да вси комнаты.
205 А молодая Забава дочь Путятична
Была в самой комнате последнею.
Взымал Добрынюшка Микитынич князеву племянницу,
Молодую Забаву дочь Путятичну,
Брал ён да за белы руки,
210 А вел со норы да со змеиную,

- Говорил народу люди добрым:
«Выходите вы, народ да люди добрые,
Со норы да со змеинные
Вы вослед да позади меня,
215 А убил я змеинищу Горынищу».
Выходили народ люди добрые
Со норы да со змеинные,
Выходили ёны на белый свет,
Добрынюшки до пояса все кланялись:
220 «Спасибо тебе, молодой Добрынюшка Микитынич,
Повывел ты нас да на белый свет,
На матушку да на Русиюшку,
Сбавил нас от победы великою».
Говорит молодой Добрынюшка Микитынич:
225 «Ах вы, народ да люди добрые,
Расходитесь вы да по своим местам».
Поклонились молодому Добрынюшке Микитыничу
Да все до пояса.
А молодой Добрынюшка Микитынич
230 Садился ён же на добра коня,
Посадил князеву любимую племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну,
К себе ён на коленочка,
Повез ён да во Киев-град,
235 Ко князю ён да ко Владимиру.
Говорит молодая Забава дочь Путятична:
«Ох же молодой ты Добрынюшка Микитынич,
Будь-ко ты да законный мне-ка муж,
А я — твоя жена законная».
240 Говорит молодой Добрынюшка Микитынич:
«Ах ты, говорит, князева племянница,
Молодая Забава дочь Путятична,
Ты есть роду княженецького,
А я роду есть крестьянського,
245 Не пристойно мне брать роду княженецького
А молодую Добрынюшке сынку крестьянскому».
Привез ко князю ён ко Владимиру
Молодую Забаву дочь Путятичну,
Опустился он со добра коня,
250 Подавал ю князю ён да Владимиру
Молодую Забаву дочь Путятичну,
А князь Владимир ему и спасибо не сказал.

36. ПРО ДОБРЫНЮ (Добрыня и Маринка)

- Добрынюшка как был ведь Микитинец
Ходил-гулял по улицам Игнатъёвским,
Ходил-то ён гулял со дивницей Малиновкой,
Гулял как ён до позднего до вечера
- ⁵ Со этой- той он со дивницей Малиновкой
Эта дивница да видь Малиновка
Добрынюшку звала ёна в палаты белокаменны.
Добрынюшка как нунь ведь Микитинец
Говорил ведь как ён Малиновки:
- ¹⁰ «Дивница как ты ведь, Малиновка,
А я-то видь как нынеку домой пойду,
Домой пойду к своей я родной матушки,
А к тебе-то я приду да ведь утрышком,
А утрышком приду да видь ранешенько».
- ¹⁵ Приходил как тут Добрынюшка Микитинец,
Приходил как ён ведь к родной матушке.
Говорила ему родная матушка,
Говорит Добрынюшки Микитичу:
«Добрынюшка как ты ведь Микитинец,
- ²⁰ Долго ты гуляшь как по вечеру,
Долгим-то ты долго да до полуночи.
Говорил Добрынюшка Микитинец,
Говорил своей как ён родной матушке:
«Родна ты была, как родна матушка,
- ²⁵ Гулял как я по улицам Игнатъёвским,
Гулял как я со дивницей Малиновкой.
Одва-то я от дивницы домой ушел,
Одва-то я дивницы замуж не взял».
- Добрынюшка как нунь ведь Микитинец
- ³⁰ Поутрышку вставал он ранешенько,
Обувалси еще он да скурешенько,
Одёвался-то ён скоро-наскоро,
Умывался-то ён ведь нунь да белешенько,
Утирался ён да сухешенько.
- ³⁵ А выходил как тут Добрынюшка на улицу,
А шел как тут по улицам Игнатъёвским,
А скакал-то тут Добрыня, будто заюшко,
А бежал-то, будто горносталюшко.
Приходил как ён к палаты белокаменной,
- ⁴⁰ Заходил в палату белокаменну,
К этой дивиче как ён ко Малиновки.
Как стретала нунь эта дивича,
Эта дивича да тут Малиновка,
Стретала тут Добрынюшку Микитича.
- ⁴⁵ «Проходи-ко ты, Добрынюшка, пожалуйста,

- Садись-ко за столы ты за дубовые,
За тьи скатереточки шелковые,
За ествица ты за сахарные,
За питья нунь за медвяные».
- 50 Садился как Добрынюшка Микитинец
За тьи за столы он за дубовые,
За тьи скатереточки шелковые,
За ества как нунь за сахарные,
А за питьича как ён за медвяные.
- 55 Хлеба-соли ел он ведь досыти,
А зелена-то видь вина пил он допяна
У этой ведь он дивичи Малиновки.
А эта дивича видь нунь да Малиновка
Говорит Добрынюшки Микитичу:
- 60 «Добрынюшка как ты Микитинец,
Нам надо с тобой как нунь да спать легчи,
Надо нам с тобой да призабавиться».
Эта дивича как нунь же Малиновка
Скидываласе же в тоненьку сорочинку без пояса.
- 65 Добрынюшка как нунь ведь Микитинец
Скидывался в биленьку рубашку без щобота.
А шли как ёны со дивичей Малиновкой
На ту ведь как на кроваточку на рыбину,
Приходили как к кроваточки рыбиной.
- 70 Эта дивича как ведь Малиновка
Открывала ведь одеяло соболиное
На той ведь на кроваточки на рыбиной.
Говорила эта дивича Малиновка,
Говорит Добрынюшки Микитичу:
- 75 «Добрынюшка как ты ведь Микитинец,
Ложись-ко ты, Добрынюшка, о стеночку,
А я-то еще лягу ведь на краешок,
На эту ведь кроваточку на рыбину».
Говорил как тут Добрынюшка Микитинец,
- 80 Говорит ён дивиче Малиновке:
«А дивича как ты ведь, Малиновка,
Ложись-ка ты как нунь о стеночку,
А я-то еще лягу ведь на краешок».
Стоят как они у кроваточки-то, рядятси.
- 85 Добрынюшка как нунь ведь Микитинец
Схватил ён эту дивичу Малиновку,
А бросил на кроваточку на рыбину,
А бросил ён о самую о стеночку.
А кроваточка была эта поддильная,
- 90 Эта дивича да нунь да прогрязнула
Во подпольи нунь да глубокии,
Во погреба-то видь она во широкии.
Добрынюшка как нунь ведь Микитинец

- Брал как ён ключи да этой Малиновки,
95 А выходил как ён видь на уличу,
Отмыкал как тут подполия глубокия,
А погреба как ён видь широкия,
А выпускал как видь народу оттуль множества,
А было много там и попов, много дьяконов,
100 Было русьских да там богатырев.
Идут-то нунь, Добрыни-то кланялись,
Кланялись Добрынюшки до пояса.
«Спасибо ти, Добрынюшка Микитич,
Нас-то ты нунь выпустил».
- 105 Тут идет как с им Малиновка,
Кланялась как Добрынюшки Микитичу.
«Прости-ко ты, Добрынюшка Микитич,
Прости-ко меня дивичу Малиновку».
Говорил как видь Добрынюшка Микитич,
110 Говорит он дивиче Малиновке:
«А я-то бы простил, да как народ простит,
Как простят тя люди добрые».
Говорит как тут народ люди добрые,
Говорит Добрынюшке Микитичу:
- 115 «Не прощай-ко ты, Добрынюшка Микитич,
Не прощай-ко этой дивиче Малиновки,
Этой дивичи да Малиновки,
А ей-то еще нуньку смерть предать».
Добрынюшка как нунь ведь Микитиц
- 120 Хватил как эту дивичу Малиновку,
А в вышину-то ён кинул выше церьквы соборною,
А с вышины как ёна на зень нунь тропнулась,
А тут ведь как дивича кончилась.
А тут-то видь этой дивиче как слава минулase,
125 Добрынюшке как слава не минулase.

СЕРАФИМА СТЕПАНОВНА ФОФАНОВА

Сказительница живет в г. Пудоже с дочерью. Серафима Степановна сообщила нам о себе следующее. Родилась она в 1898 г. в д. Подпорожье Пудожского района¹. Былины переняла от старых тетушек, схватывала их сразу, так как обладала хорошей памятью. Училась в школе три года. Страсть к книге сохранилась у Серафимы Степановны до сих пор. А. П. Разумова, хорошо знающая сказительницу, говорила нам о том, что С. С. Фофанова очень любит книги и кино, все увиденное и прочитанное записывает в особую тетрадь.

Кроме духовных стихов и былин С. С. Фофанова знает много свадебных причитаний, частушек, лирических, рекрутских и плясовых песен, жестоких романсов.

Не опубликован духовный стих «Алексей человек божий» (23/21, ф. 1422/12, 1423/1).

37. (Василий и Софья)

- Было у вдовушки пять дочерей,
И все-ты дочери по божьим церквам пошли,
И все они сказали: «Господи боже, прости».
Что только Остафеюшка промолвиласе,
⁵ Промолвиласе да споговориласе.
Да ладила сказать, что: «Господи боже, прости»,—
А в тоё время молвила: «Васильюшко, дружок».
Услышала Васильева матушка,
Сходила на ярмарку, на рыночек,
¹⁰ На гривенку купила зеленого вина,
На другую купила зелья лютого.
Василью подносила зеленого вина,
Софии подносила зелья лютого.
Василей говорит, что голова стала болеть,
¹⁵ София говорит, что ретиво сердце щемит,
И к утрышку-светушку представилсе,

¹ К И. Т. Фофанову никакого отношения не имеет.

- Преставилисе да приготовилисе.
Василья хоронили по праву руку церкви,
Софию хоронили по леву руку церкви.
20 Веночки с веночками свивалисе,
Цветочки с цветочками срасталисе.
И старые идут— дак богу молятсе,
Молодые идут — дак распотешатсе.
«И что это за чудо, чудо чудное?»
25 И что это за диво, диво дивное?»

(Всѣ.)

38. ПРО ГЕОРГИЯ

(Мучения Егория)

- Что в восьмом году да в восьмой тысячи
Наезжал царищо Кудриянищо,
Наезжал царищо Кудриянищо,
Кудриянищо да самозванищо.
5 Кудриянищо-самозванищо
Всех купцов-бояр да высек-вырубил,
Всех купцов-бояр высек-вырубил.
А молодых жен да во полон берет,
А молодых жен во полон берет.
10 У одной вдовы да благочестивой
У одной вдовы благочестивой
Оставалосе да чадо милое,
Оставалосе чадо милое,
Чадо милое, дитя любимое,
15 Чадо милое, дитя любимое,
Что любимо дитятко Егорий-свет,
Что любимо дитятко Егорий-свет,
Да Егорий-свет да многомилостив.
А Егорий-свет многомилостив.
20 Начинал Егорья мукой мучитись,
Начинал Егорей мукой мучити.
Первой мукушкой да топором рубил,
Первой мукушкой топором рубил,
В топоре зубьев назагибалосе,
25 В топоре зубьев назагибалосе.
Тут Егорью-светушку ничто не льнет,
Тут Егорью-светушку ничто не льнет.
Он по божьему да повеленьицу,
Он по божьему повеленьицу.
30 Начинал Егорей другой мукушкой,
Начинал Егорий другой мукушкой,
Другой мукушкой да он пилой пилить,
Другой мукушкой он пилой пилит,

Что в пилы зубья да все согнулисье,
35 Что в пилы зубья все согнулисье.
Тут Егорью-светушку ничто не льнет,
Тут Егорью-светушку ничто не льнет.
Начинал Егорей третьей мукушкой,
Начинал Егорий третьей мукушкой,
40 Третьей мукушкой да он в котли варил,
Третьей мукушкой он в котли варил,
Под котлом щепья не разгораются,
Под котлом щепья не разгораются,
А в котли смола не раскипляется,
45 А в котли смола не раскипляется,
Он по божьему да повеленьицу,
Он по божьему по веленьицу,
По Егорьевому моленьицу.

(Всё.)

39. (Два Лазаря)

Жило два братца, два Лазарюшка:
Один-то был братец богатый человек,
А другой-то братец убогой человек,
И три года убогий хлеба-соли не едал,
5 И три года убогий во глаза людей не знал.
И пришел убогий да к брату своему,
И к брату своему, да к брату Лазарюшку.
«И братец ты, братец, богатый человек,
Голодного, холодного напой и накорми,
10 А голого да босого одень да обуи».
«Какой я те брат, как я богатый человек?
И есть у меня братьница получше тебя:
Князи да друзи — милы братьница мои».
И выходил убогий на старые на сени,
15 И закричал убогой хриплым своим голосом:
«Господи, господи, Спас милостивой,
И пошли-ко, господи, трех ангелков,
И трех ангелков, да трех немилостивых.
И пусть-ка вынут душу железныма крюкмы,
20 И пусть полощат душу да в чаши каменной,
И пусть кидают душеньку в огнянну реку,
И в огнянну реку да во кипящую смолу».
И услышал господи моленье его,
Моленье его, моленье Лазарево,
25 И послал-то господи трех ангелков,
И трех ангелков, да трех ведь милостивых.
И полоскали душеньку в чаше золотой,
И полагали душеньку на божий престол.
На том свете душа его постранствовала,

- 30 На этом свете душенька поцарствует она.
У богатого у братца у Лазарюшка
Богачество-именьице прахом все прошло,
Хоромное строеньице огнем все сожгло.
И вышел богатый на старые на сени,
- 35 И выкричал богатый своим нежным голоском:
«И господи, господи, Спас милостивой,
И пошли-ко, да господи, трех ангелков,
И трех ангелков, ды трех ведь милостивых».
И послал-то господи трех ангелков,
- 40 И трех ангелков, да трех немилостивых.
И вынимали душу железныма крюкмы,
И полоскали душу да в чаше каменной,
И вот бросали душу да в огнянну реку,
И в огнянну реку да во кипящую смолу.
- 45 На том свете душа его поцарствовала,
На этом свете душенька постранствует она.
И увидал богатый да брата своего,
И брата своего, да брата Лазарева.
«И братец ты, братец, убогий человек,
- 50 Пусти-ко меня, братец, хоть в раёк на краёк».
«Какой я те брат, как я убогий человек?
И есть у тя братыца получше меня:
Князи да друзи да милы братыца твои».

(Всё.)

АНДРЕЙ СТЕПАНОВИЧ ЛОГИНОВ

Об этом сказителе в архиве не сохранилось почти никаких данных, даже имени и отчества, года рождения. Из Авдеевского сельсовета сообщили мне, что Андрей Степанович Логинов родился в 1906 г. в д. Мелентьево (или Мелентьевская, как ее называют пудожане)¹. После войны А. С. Логинов вернулся к семье в д. Рагнозеро Рындозерского сельсовета. Заболел — и там умер. По словам старожилы из д. Мелентьево, П. А. Логинов, былины которого опубликованы в сб. «Онежские былины», троюродный брат сказителя. Это обстоятельство очень интересно в плане сопоставления их текстов, обнаруживающих большое сюжетно-композиционное сходство.

Неопубликованные былины: 1) «Ставр» (2/42); 2) «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Илья и Святогор» (2/43).

40. ПРО ДОБРЫНЮ МИКИТИЦА, КАК ВЕЗЛИ ДАНЬ (Добрыня и Василий Казимирович, Добрыня и Алеша)

Во стольном городе Киеви
Были собраны князя и бояра
Ой везти дани-пошлины Бонияну Бониянову
За двенадцать лет да с половиною,
⁵ А й везти да тридцать белых лебедей,
Ах везти да тридцать кречетей.
Ой стали избирать да добрых молодцев:
Ой сын Василья Газемерова, Добрынюшку Микитица,
Василья Газемерова, Олешку Долгополого.
¹⁰ «А мы где будем, братья, съезжатися?»
«Будем мы съезжатися
У того дуба Онивина,
У того креста да Леванидова».
Вот приезжают к дубу Онивину,
¹⁵ К тому кресту они да Леванидову,

¹ Неясно, почему в паспортных данных сказителя в архиве записано д. Алексеево. Может быть, сказитель был там какое-то время.

- На ту гору, на Фофор-гору.
Насыпали коням пшены да белояровой,
Ой зоблют кони пшену да белоярову.
Вот поехали братья крестовые
- 20 Везти да дани-пошлины
Да за двенадцать лет да с половиною.
Привезли да дани-пошлины
Да за двенадцать лет да с половиною.
Ой приезжают да на широкий двор,
- 25 Ой вяжут коней к столбу точеному,
К колечку да золоченому,
Идут во гридню столовую,
Приходят к Бонияну Бониянову во гридню столовую
И челом не бьют.
- 30 «Бониян да Бониянов, забирай-ко дани-пошлины
За двенадцать лет с половиною».
Ой забрал он дани-пошлины
Ой за двенадцать лет да с половиною.
«Ей не угодно ли сесть сыграть да в шашки шахманные,
- 35 В тьи тавлеи золоченые?»
«Ой такне игроки да остались во Киеви,
Но надиемси мы на Добрыню Микитица».
Но вот сили играть да в шашки шахманные,
В тавлеи золоченые.
- 40 Начинал он играть в шашки шахманные.
Вот Бониян Бониянов
Вот проигрывает Бониян Бониянов королевство полное,
Вот Бониян Бониянов
Залагат же королевство полное.
- 45 А Добрыня Микитинець проигрывает брата крестового.
Ой первый раз ступил — не достигил,
А другой раз ступил — переступил,
Проиграл же братця крестового.
Но вот начинат он проигрывать
- 50 Второго брата крестового.
Ой первый раз ступил — не достигил,
А другой раз ступил — переступил,
Проиграл же второго брата крестового.
Третий раз сыграл,
- 55 Стал проигрывать коня брата крестового.
И вот давай четвертый раз проигрывать
Брата крестового коня второго.
«Давай проиграть да свою да буйну голову».
А й первый раз ступил — не достигил,
- 60 Второй раз ступил — и в дамочки,
Ой выиграл он брата крестового.
А й первый раз ступил — не достигил,
Второй раз ступил — и в дамочки,

- Ой выиграл второго он брата крестового.
65 Ну давай же ну третий раз
Выигрывать коня доброго брата крестового,
Вот он выиграл коня да богатырского.
Давай же выигрывать коня да последнего,
Он выиграл коня да последнего.
70 Вот Бонияну Бониянову
Неохота упустить да богатырей,
Охота выиграть, да обыграл его Добрынюшка Микитинець,
Выиграл королевство Бониянское.
«Ей, Добрынюшка Микитинець,
75 Не угодно ли сходить да на широкой двор
К тому столбу точеному,
К колечку золоченому?»
«Ой таки стрельцы остались во Киеви,
Понадиемся мы на Добрыню Микитица».
80 Вот приходят да на широкий двор,
И ён приказыват да Бониян да Бониянов:
«Несите-ко тугой лук Добрыне Микитицу».
Приносят же тугой лук.
Он лук же повыломал,
85 Тетивки повыщелкал,
Наиспашь повыкидал.
Тут же скомандовал Б(ониян) да Бониянов:
«Несите ему еще тугой лук».
Вот приносят же тугой лук.
90 Он лук опять повыломал,
Тетивки повыщелкал.
А й Бониян Бониянов закричал во всю буйну голову:
«Привезти такой невежищу да тугой лук!»
Подвозят же тугой лук
95 На сороки подводах сильных.
Он лук же опять да повыломал,
А тетивки повыщелкал.
Да наиспашь повыкидал.
«Олешка Долгополый,
100 Иди-ко на широкий двор,
Неси-ко лучончко дорожное».
Приносит Олешка лучончко дорожное.
Вот он взял лучончко дорожное.
«Ну-ко, стреляй, Бониян да Бониянов».
105 Как стрелил Бониян Бониянов —
Не то попасть в колечко точеное,
Дак и в щит попасть не мог.
Как стрелил Добрыня же Микитинець
Со своего лучонка дорожного —
110 Перерубил кольцо да золоченое.
И пошли они.

- Висит кольцо да золоченое.
Вот оны свисили кольцо да золоченое,
Не та половинка и не другая ведь
115 Не тяжельше ведь и не легче.
«Не угодно, Добрынюшка Микитинец,
Сходить да поборотися?»
Ой ёны выходят боротися да на широкий двор.
Посылат же Добрыня Микитинець
120 Того да Олешку Долгополого.
Но вот пошел бороться Олешка Долгополой,
Вот стали находить да по́ двою да по́ трою,
Он возьмет да их да схлестнет их,
Да уж давно и пару нет.
125 Ой стали находить же видь десятками.
Закричал же Олешка Долгополой:
«Помогите же, братья крестовые,
Ей Добрыня Микитинець и Василий Газемерович!»
Стояли они да на балхони верхнем.
130 Вот они, ребята, да опускалися,
Прямо с балхона скакали да верхнаго.
Вот оны стали боротися.
Один же взял осишко тележное,
А Добрыня Микитинець хватил столоб да богатырьскую.
135 А куды махнут — туды улича,
А перема́хнут — переулочек.
Ой закричал Бониян Бониянов
Во всю же буйну голову:
«Уйми-ко, Добрыня Микитинець,
140 Своих же да братьев крестовых!
Нунь мы будем платить же вам да дани-пошлины,
Оставьте же мне проклятых татаровей на сімена».
Вот унял Добрыня Микитинець
Ой братьёв крестовых.
145 Вот он стал Б(ониян) Бониянов
Платить им да дани-пошлины.
Раньше дань привозили им:
Какой Бонияну приезжал да к Бониянову,
Который приезжал — дак и живой не уезжал.
150 Получил Добрыня дани-пошлинных
И отправил домой да даней-пошлины
Да за двенадцать лет да с половиною.
Ой привозит Василий да Газемерович
Ой за двенадцать лет да даней-пошлины.
155 Вот у Добрыни да во чистом поли только забавушки —
Играет он в шашки шахманны,
Ой в тыи тавлен золоченые.
«Ой любима семья да молода жена!»
Поезжал он да и приказывал:

- 160 «А не ходи-ко ты да во замужество
За того Олешку Поповица:
Он же мне да падше брата родного.
Через шесть лет хоть вдовой живи,
А хоть замуж поди».
- 165 Шесть лет она ждала Микитица,
А не приехал через шесть годов.
Стал Олешка подхаживать
И стал ее да подговаривать:
«Добрыня убит да во кувыль-траву лежит.
- 170 Добром пойдешь— дак добром возьму,
А добром не йдешь — дак силѡм возьму».
Вот она да пораздумалась:
«Чем мне недобром итти — дак давай добром пойду».
Вдруг прилетает черен ворон,
- 175 Он жупит же Добрыню Микитица,
Жупит он по-птичьему,
Говорит по-человичьему:
«Ай живешь ты, Добрынюшка, во чистом поли,
Невзгодушки над собой да не ведаешь:
- 180 Ой молода жена да любима семья
Выходит да во замужество
За твого же братца крестового,
Да за Олешку Поповица».
Ой ставал Добрынюшка на резвы ноги,
- 185 Он брал же да доску шахманную,
Ой бил ее да о кирпичный пол,
Розлетелась доска да на мелкие дребезды.
Он выходит да во чисто поле,
Ой кричит во всю да буйну голову:
- 190 «Эй, Бурушко-Косматушко!»
Бежит, дак мать-земля дрожит.
«Ой ты, Бурушко-Косматушко,
Меня сюда да вез да три году,
А отсюль вези да ровно три часу».
- 195 Вот садится он на Бурушко-Косматушка.
А й Бурушко-Косматушко
Широки озера через ног лускал,
А й широки раздолья перебегивал,
А й синие моря да перескакивал.
- 200 Приезжает он домой да на широкий двор
А й через двенадцать лет да с половиною.
Он вяжет коня к столбу точеному,
К большому кольцу да золоченому,
Заходит к мамаше во гридню столовую.
- 205 «Здравствуй, мамаша Настасья Микулична».
«А й был бы у меня роженое дитятко

- Добрыня Микитинец,
 Не дошло бы вам да над старухой надсмехатисе».
 Он скорым-скоро да поворот держал.
 Ен приходит да на широкий двор,
 210 Ен бьет коня да по тучным ребрам.
 «Эй, мой Бурушко-Косматушко,
 А издили двенадцать лет да с половиною,
 Не видали мы да слова гладкого,
 Слова гладкого, обеда сладкого».
- 215 Вот тут старушка мамаша здогадалася.
 «У моего-то роженного дитятко
 Была родимная знадебка-рубечок».
 Вот он волосы да пороскинул он,
 Увидала мамаша Настасья Микулицна.
- 220 Вот тут оны с сынком да поздоровались,
 Вот же тут сынок да у мамашеньки
 А стал он спрашивать:
 «Эй, мамашенька, да где молода жена да любима семья?»
 «Вот сегодня у них было сватовьсво,
- 225 Ой завтра уж пированьицо».
 «Ну-ко, мамашенька, скочи-ка на глубок погрѣб».
 Вот скакала старуха да на глубок погрѣб.
 Вот он сын да ей приказыват
 Нести же шапку-мурманку,
 230 И шапку-мурманку во сорок пуд,
 Ключу-шевыгу подорожную, и тоже во сорок пуд,
 И платьє скоморошьє, и тоже во сорок пуд,
 И гусельшка яровчаты, и тоже во сорок пуд.
 Вот старуха все брала да во леву руку
- 235 И приносила сыну во левой руки:
 Гусельшка яровчаты и платьє скоморошины,
 И ключу-шевыгу подорожную.
 И наделси он да и пошел на пир к брату крестовому,
 К Олешки к Поповицу.
- 240 Вот и приходит и проситсе:
 «Пригласите меня да на почестной пир,
 Хоть в гусельщики и игральщики, и барабанщики».
 «Есть у нас без вас гусельщиков, игральщиков
 и барабанщиков».
- 245 «Но пустите хоть с край печки да на зѣпечки».
 «Полезай же на печь да черную».
 Вот заиграл же Добрыня Микитинец,
 Вот он начал да поигрывать свое происхождение.
 Тут же Олешка Попович здогадался,
 Вот сейчас предложили ему:
- 250 «А хоть за стол поди,
 Садись хоть возли княгини Апраксией».
 Вот он садитси да возли княгини Апраксией.

Наливали чару ему да зелена вина,
Эта чара да полтора ведра,
255 И весом да вытягает полтора пуда.
И брал он чару во леву руку,
И выпиват ее да на единый здох.
Наливают вторую почестную.
«Хоть сам пей, а хоть князю дай,
260 А хоть княгине Апраксией».
И вот эта чара полтора ведра,
И весом полтора пуда.
И подал он княгине Апраксией.
«Ой пьешь до дна — дак увидашь добра,
265 А не пьешь до дна — дак не видашь добра».
Спустил он да в цару да перстень, которым обручались.
Вот она брала во леву руку
И выпивала на единый здох.
Увидала перстень, которым обручались,
270 Ой бухнула в ноги Добрыне Микитицу.
«А прости меня да во большой вины:
У бабы волос долог, а ум короток».
Вот вставал же Добрыня на резвы ноги.
«Не дивую я разуму женскому,
275 А тому дивую уму мужскому:
От живого мужа жену взял».
Вот он взял же брата крестового Олешку Поповица,
Ой хватил же он да за желты кудри,
Начал он же братьца поваживать Олешку Поповица,
280 Ой же его тут поваживал,
Плёточкой охаживал.
Вот он стал же Олешка Поповиц,
Убежал он во чисто поле по...ать.
С горя хватил он ножищо-кинжалищо,
285 Ой поставил он чернем вниз, кверху носом вострым,
Да тут с горя-досадушки Олешеньки Поповицу
И вот тут ему да и славы поют.
Ну, ушел Добрынюшка с женой домой
И сейчас живет да лучше старого.

41. ПРО ИВАНА ГУДЁНОГА

(Иван Гоудинович)

Во том же во городе да во Киеви,
У того же у князя Владимира
Ой были же собраны князья и бояра,
Ой сильные и могучие богатыри,
5 Купцы имянитые, поляницы удалые.

- Ой умный хвастат отцом-матерью,
А безумной хвастат молодой женой,
А кто хвастает силою-хваткой богатырьскою.
А Иванушко Годёнович не ест, не пьёт, не кушает,
- 10 И ничим же он не хвастает,
Бслой лебеди не рушает,
Медку, сахарку не закусыват.
«Ой чим мне, дяденька, хвастать не похвастати:
Ой ровня во Киеви жениласи,
- 15 Ой равны подружки замуж ушли».
«Ой время, Иванушко, да и женитесе,
Бери-ко княгину во Киеви по разуму».
«Ой нет мне во городи Киеви,
А есть в том городи Чернигови
- 20 У Митрия гостя торгового».
«Что ль тебе надо: казна ли несчетная,
Казна ли несчетная аль сила несметочна?»
«Не надо мне казны несчеточной, а силы несметочной,
Ой дай мне одного слугу Офимку-пазумку,
- 25 Мы двое вывезем».
Заплясал он на полаты белокаменной.
«Спасибо, Иванушко Годёнович,
Что с собой берешь,
Мы двое вывезем».
- 30 Заскакал он по полаты белокаменной.
«Спасибо, Иванушко, что с собой берешь».
Ой стали кладывать да потнечки на потнечки,
Мяжки войлочки на войлочки,
Сидельшка черкации.
- 35 Ой вид'ли молодцев сядучи,
А не вид'ли, куды поедучи.
Вот приезжают они же в Чернигово.
Ой крест кладут да по-писаному,
Поклон ведут да по-ученому,
- 40 А на вси на четыре сторонки поклоняются.
«А вы коёй орды, а вы коёй земли?
Коего отца да коей матери?
Как вас именем зовут и звеличают по отчеству?
Эй князи ли есть и князёвичи,
- 45 Аль сильны могучи богатыри,
Аль поляницы удалые,
Аль послы лиховецкие?»
«А й есть же мы да не князи-князёвичи,
И не сильны могучи богатыри,
- 50 И не купцы именитые,
И не поляницы эх удалые,
И не послы лиховецкие,
А есть мы да из города Киева,

- И приехали мы да свататься».
55 «А есть у меня на свадьбу не заправленось».
«А не гостить мы к тебе же эй приехали».
«Эх, тое делушко сделано,
Рукобильё поделано,
Тому делу так и быть».

(Начисто отказыват.)

- 60 Просватана же Настасья Митриёвична
За того же сына Кощаева Тропитова».
«Чим отдать да во чужу землю,
А лучше отдать да во свою землю».
«Нет, тое делушко сделано,
65 А рукобильё поделано,
Тому делу так и быть».

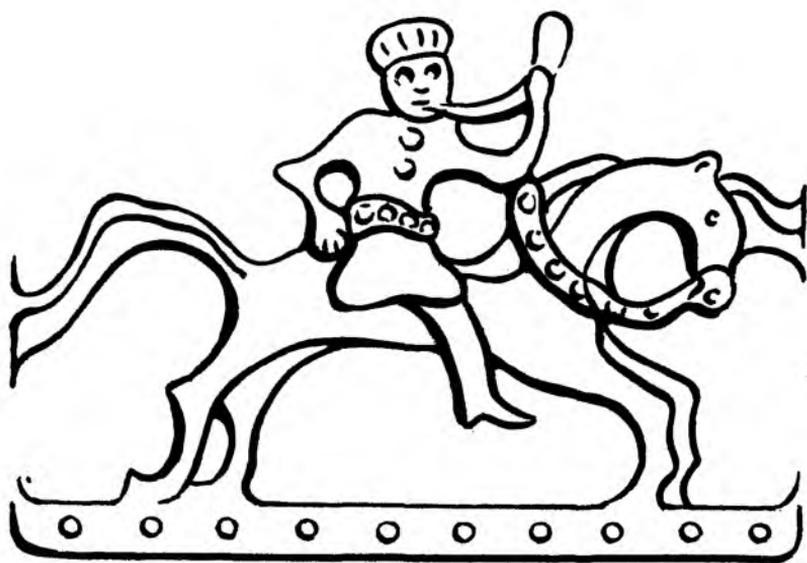
(Начисто отказыват.)

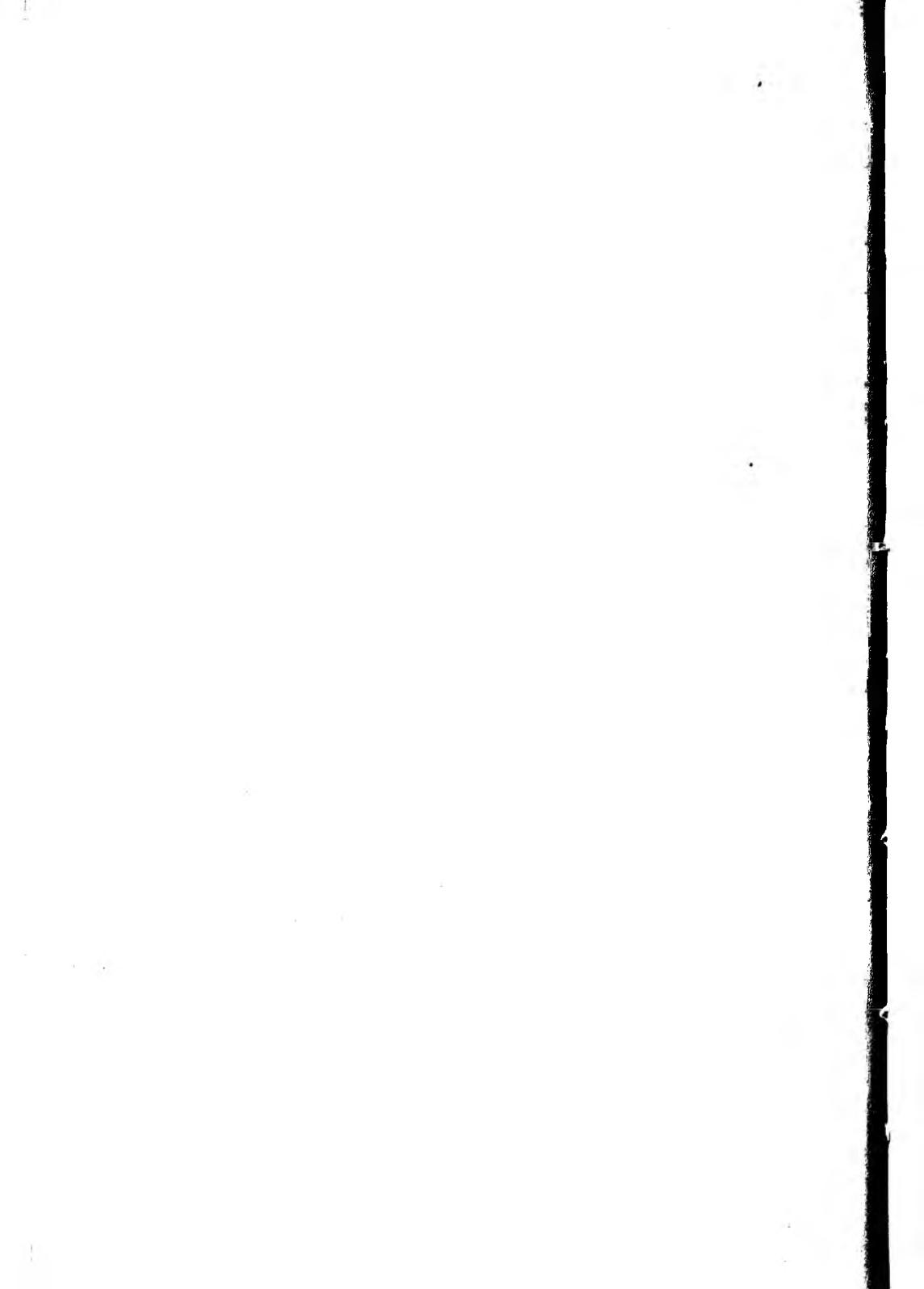
- Разгорелось у Ивана Годенова да сердце богатырьскоё,
Он хватил же саблю вострую
И махнул ему да по буйной главы.
70 Отлетела у Митрия гостя торгового,
Откатилась головка, как пуговка.
Вот брали невесту да за белы руки
И садили невесту на добра коня.
Приезжают оны да во чисто полё.
75 «Ой поезжай-ко, слуга Ефимка-паромка,
А й кури-вари да зелено вино,
А вари еще да пиво пьяное,
Да дожидай меня а со княгиною».
Вот уехал Офимка во Киев-град
80 Курить-варить пива пьяного,
А еще варить пива пьяного,
Ожидать его со княгиною.
Ой раздергивал Иванушко Годёнович
Вот шатер же тот да белополотняный.
85 Только хочет зайти да забавлятися,
Приезжает же первый жених Кощай же Тропетович.
«Вьезжай-ко со мной на поединочок,
Ой ты побьешь — дак ты возьмешь,
А я побью — дак я возьму».
90 Вот оны разъехались.
Во ты палицы военные ой булатные,
Ой палицы военные, булатные во сорок пуд,
Друг дружка ударили,
Полетел же Кощай сын Тропетович.
95 Садится Иванушка на белую грудь
И хочет пластать да Кощаю белую грудь.
Закричал же Кощай да во всю голову:

- «За Иваном тебе быть — портомойницей,
А за мной тебе быть — царицей слыть.
- 100 Выдь, Настасья Митриёвична, из бела шатра
И сдери за волосы назад себя.
Вот она выходит да из бела шатра
Да взяла сдернула да назад себя.
И вот садится Кошай сын Тропетович
- 105 Ивану Годенову да на белую грудь
И хочет пластать да Иванушку белую грудь.
Ой тут же он да пораздумался.
«Ой подай-ко, Настасья Митриёвична,
Ой ты тетивки шелковые,
- 110 Ой свяжем ручки резвые и ножки резвые,
Привяжем ко кустышку да ко ракитову,
А свезем его да в свою сторону,
А будет нам слуга да очень верная».
«Пластай же, Кошай Тропетович,
- 115 Ивану Годенову белую грудь».
Вот приказал, она подала тетивки шелковые,
Привязали ко кустышку да ко ракитову.
Вот заходит в шатер да забавляются
Кошай да сын Тропетович,
- 120 Вот заводит же он с ней да забавляются.
Вот заспал Кошай да сын Тропетович да крепко-накрепко,
Ен-то спал, она не спала, ведь Настасья Митриёвична.
Ой прилетает голубь да со голубкою,
Ой садятся да на Ивана Годенова.
- 125 «Каково тебе жить да у кустышка,
Как у кустышка да у ракитова,
Глядить на забаву Тропетова?»
«Ой выстань-ко, Кошай сын Тропетович,
Убей голуба со голубкою:
- 130 Голуб с голубкой не простые —
Приедут же киевски богатыри,
Убьют тебя да во чистом поли».
Вот он встает и выходит да из бела шатра,
Берет же он да тугой лук,
- 135 А кладават стрелу каленую.
«Эй ты, моя да калена стрела,
Не падай ни на воду, ни на землю,
Отлетай в голубка со голубкою».
Не полетела калена стрела
- 140 Не в голубка и не в голубушку,
А отлетала самому да во белую грудь.
Убил же Кошай да сын Тропетович да самого себя.
Вот в шатре она да слезно прирасплакалась.
«Ох от бережка да я откачнулась,
- 145 А к другому я да не прикачнулась.

- Ой Иванушко да Годёнович,
Ой прости меня да во большой вины:
У бабы волос долог, а ум короток».
А раздумалси Иванушка Годенов:
150 «А пропал же я не от женщины».
«А не простишь меня,
А отрублю тебе да буйну голову».
Вот вернулась она в шатер да белополотняной,
Вот она же взяла саблю вострую,
155 Хочет срубить да Ивану буйну голову.
Да замахнулась она да саблей вострою,
А сдрожала у ей да сабля вострая
И пала Ивану на белы руки,
Обрубила тетивки шелковые.
- 160 Поймал Иван да в руки саблю вострую,
А закричал же он во всю да буйну голову:
«Вот прощу же я теперь тебя, Настасья Митриёвична».
Обрубил же на ногах да у себя тетивки да шелковые.
Вот ставает он да на резвы ноги,
165 И подходит он к Настасьи Митриёвичной.
«Этот язык мне не надобён,
Который велел пластать да белую грудь».
Отсек он язык да у Настасьи Митриёвичной.
«И эти мне губы не надобны,
170 Целовали Кощя Тропетова».
Взял он губы отсек у ней.
«Эти мне руки не надобны,
Да обнимали Кощя Тропетова».
И взял он у ней руки отсек напрочь,
175 И взял он у ней да отрубил ноги резвые.
«Сейчас поди да хоть за князя да за князовича,
Хоть за сильного могучего богатыря,
Хоть за того купца да имянитого,
За того купца имянитого,
180 А хоть за тую поленицу удалую».
Сейчас же Иванушко Годенов
Уехал он во Киево.
Поживат же теперь он во Киеви,
А живет же он да лучше старого,
185 А лучше старого да лучше прежнаго,
Лучше прежнаго да князя нежнаго.

КАРЕЛЬСКОЕ
ПОМОРЬЕ

АНАСТАСИЯ ИВАНОВНА ЕФРЕМОВА

Анастасия Ивановна Ефремова из д. Қалгалакша Қемского района родилась в 1893/95 гг. Сведений о ее жизни в архиве нет, но облик ее как исполнительницы свадебных песен, баллад, духовных стихов хорошо известен. А. П. Разумова, записавшая от нее песни и духовные стихи, сообщает, «что в 1964 г. А. И. Ефремова по знанию большого количества песен была ведущей исполнительницей, хотя ввиду преклонного возраста ее голосовые данные довольно ограничены» (51/1).

Баллады и былины А. И. Ефремовой публиковались в РНПКП. От нее записаны сказки, одна из которых помещена в сб. РНСКП, № 12.

В архиве есть и неопубликованные варианты: 1) «Илья Муромец и разбойники» (35/55); 2) «Иван Гостинный сын» (35/56); 3) «Князь, княгиня и старицы» (35/53); 4) «Ездил Михайло по морю» (51/277); 5) «Князь Роман и Марья Юрьевна» (35/51; 51/3— ф. 353/2; 56/14).

42. ПРО КАЗАЛИНА

- На роду Казалина попортили,
Отец с матерью на руки не приняли,
Отдали бабушке-задворенке
Кормить поить до трех годов,
⁵ От трех годов до шести лет,
А от шести лет до двенадцати,
Чтобы мог Казалин конем владеть,
Он конем владеть да шбровать.
Стал Казалин по улицам похаживать,
¹⁰ С ребятами шара мечать-покидывать.
Кого хватит за руку — рука оторвется,
Кого хватит за ногу — ноги как не было.
Стали Казалина ругать-бранить:
«Чужехлебица-деревенщина».
¹⁵ Казалину забедно пало и за конфуз большой.
Пришел он к бабушке, пришел к задворенке.

- «Ой ты, бабушка да ты задворенка,
Ты скажи, скажи, да не утай, скажи:
Я коёй земли и коёй орды,
20 Коёго отца ды коёй матушки?»
«Уж ты городá, дитя, Берёзово,
Твоего отца Петра Коромыслова,
Твоей матери Настасьи-королевны.
На роду-роду тебя попортили,
25 Отец с матерью на руки не приняли,
Отдали мне, бабушке-задворенке,
Кормить-поить до трех годов,
От трех годов до шести лет,
От шести лет до двенадцати,
30 Чтобы мог ты, Казалин, копьём шоровать, конем
владеть».

- «Скажи, бабушка, скажи, задворенка,
Было ли у них еще кого с роду детушек?»
«Была у них доченька любимая,
Увезли ее да три татарина».
35 Видели Казалина-то седучись,
А не видели добра молодца поедучись.
Во чистом ноли куревá стоит,
Дым столбом валит,
А желты пески столбом ставятся.
40 Приезжает татарин ко тому шатру,
Ко тому шатру белополотнищу.
Сидит девица, душа красная.
«Уж ты, девица, душа красная,
Ты скажи, скажи, да не утай, скажи:
45 Ты коёй орды, да ты коёй земли,
Коёго отца да коёй матери?»
«Уж я города да из Берёзова,
Да того отца Петра Коромыслова,
От той я матери Настасьи-королевны,
50 Увезли меня при татарина».
Выходил татарин из бела шатра,
Из бела шатра белополотнища,
Говорил татарин таковы слова:
«Не плачь, девица, душа красная,
55 Мы на завтрашний день будем дела делить,
А по-вашему — паи паивать:
На первой мы дел положим скатно золото,
На второй мы дел положим чисто серебро,
А на третий дел положим тебя, девушку.
60 Если ты мне, девушка, достанешься,
Я возьму тебя да за себя взамуж».
Девка плачет пуще прежнего да пуще старого,
Ко своей косы она причитыват:

- «Ты коса моя да светло-русая,
65 Плетена коса на святой Руси,
Расплетут косу в неверной земли».
Выходил другой татарин из бела шатра,
Говорил татарин таковы слова:
«Не плачь, девица, душа красная,
70 Мы на завтрашний день будем дела делить,
А по-вашему — дак паи паивать:
На перво дело положим скатно золото,
На второй дел положим чисто серебро,
А на третий дел положим тебя, девушку».
- 75 Если ты мне, девушка, достанешься,
Я возьму тебя да к себе в портомойницы».
Девка плачет пуще старого да пуще прежнего.
Выходил третий татарин
Из бела шатра белополотница,
80 Говорил татарин таковы слова:
«Не плачь, девица, ды душа красная,
Мы на завтрашний день станем дела делить,
А по-вашему — паи паивать:
Да на первый дел положим скатно золото,
85 На второй дел положим чисто серебро,
А на третий дел положим тебя, девушку.
Если ты мне, девушка, достанешься,
Я возьму да отвезу тебя да во чисто поле,
Опроблю у тебя по плеч буйну голову».
- 90 И брошу там тебя волкам на рысканье,
Да вedy черным воронам на граянье».
А Казалин за шатром стоит,
Богатырско сердце как ключом кипит.
Одного татарина рукой схватил,
95 А второго копьем сколол,
А третьего конем стоптал.
Собирал казну да многосотенну,
Садил девицу на добра коня.
«Ты скажи-ко, девушка, да не утай, скажи,
100 Ты коёй орды, да коёй земли,
Коего отца, коей матери?»
«Уж я города Берёзова,
Того отца Петра Коромыслова,
Той матери Настасьи-королевны».
- 105 Повез девушку да ко родителям.
Подъезжает к городу Берёзову,
К тем палатам белокаменным,
А палаты Коромысловы как огнем горят,
Все скатным золотом.
- 110 Подъезжает он да к тем окошечкам.
Кричал-зычал да зычным голосом:

- «Ой же ты, Петр-королевич,
 А ты, Настасья-королевна,
 Было ли у вас кого сроду малых деточек?»
 115 Бросалась королевна по плеч в окно,
 А Настасьюшка по поясу.
 «Была у нас доченька любимая,
 Увезли ее три татарина».
 «Выкупайте-ко доченьку любимую.
 120 Вы овесьте-ко моего коня куницами да лисицами
 И налейте мне чару зелена вина
 Мерою да в полтора ведра».
 Овешали его коня куницами да лисицами,
 Наливали ему цару зелена вина
 125 Мерою в полтора ведра.
 Казалин вино не пил — коню на гриву лил,
 И грива вся в колечки скрутилася.
 Он вскричал-зычал зычным голосом:
 «По роду-роду — да ты мне мать родна,
 130 А по житью-бытью — да змея лютая!»
 Закричали все: «Казалина да держи-души!»
 Поглядели в окошечко, а Казалина уж след простыл.
 (*Конь, видать, хороший был.*)

43. ДМИТРИЙ-КНЯЗЬ

(Дмитрий и Домна)

- Сватался Митрий-князь по две годы да по три осени,
 На четверту осень только свадьбе быть,
 Только свадьбе быть да к венцу пойти.
 Случилось Митрию идти к заутрене,
 5 А Васильевичу к воскресеньския.
 Бросалась Домночка по плеч в окно,
 Да Фалилеевна да по поясу.
 «Этот ли, матушка, Митрич-князь,
 Этот ли, сударыня, Васильевич?»
 10 Ой сутул-горбат, наперед поклап,
 Ноги кривы, глаза косы,
 Кудри желты залежались,
 Речь-то у Митрия, верно, карельская».
 Митрию-князю забедно пало
 15 Да за конфуз большой.
 Пришел он к сестрице к Софье да Васильевной.
 «Уж ты, Софьюшка да ты Васильевна,
 Позови-ка ты к себе Домну Фалилеевну,
 Ты скажи-ка, что Дмитрия дома нет,
 20 Да Васильевича не случилось».
 Пришла к ним Домнушка да Фалилеевна.

- «Ты садись-ко, садись, да Домна Фалилеевна,
Дмитрия-князя дома нет,
Васильевича да не случилось.
- 25 Будем-ко с тобой мы чаёк пить,
Чаёк попивать да пир пировать».
Села Домнушка да Фалилеевна
Ко тому столу ко дубовому.
«Выходи-ко ты, Дм(итрий)-князь,
- 30 Да из-за завесы да из-за шелковой».
Выходил тут Дм(итрий)-князь да из-за завесы,
Говорил тут Дмитрий таковы слова:
«Ты зачем сюда пришла, да змея лютая,
Змея лютая да подколодная?
- 35 Ты поди-ка, Софьюшка Вас(ильев)на,
Зови-ко попа да протопопа,
Мы со Домнушкой да повенчаемся».
Взяла Домнушка ножичек булатный
И говорила таковы слова:
- 40 «Не достанься, ты мое тело белое,
Не сутулому да не горбатому,
Не ногам кривым да не глазам косым,
А достанься, мое тело белое,
Грбовой доски да сырой матери-земли».

44. ЕГОРИЙ СВЯТОХР(АБРЫЙ)

(Мучения Егория)

- Задумал царище Кудриянище
Егория святохраброго со свету сжить.
Копал царище Кудриянище
Три погреба глубокие,
- 5 Длинною по сорок сажён, шириною по семьдесят,
Садил туда Егория святохраброго,
Задёргивал решеточки железные,
Заваливал серы валючи камешки.
Пошел царище Кудриянище,
- 10 Ухмыляется и похваляется:
«Не бывать Егорию на святой Руси,
Не видать ему света белого да солнца красного».
А Егорий говорит святохрабрый:
«Вы падите-ко, ветры буйные,
- 15 Развалите-ко серые валючи камешки,
Прираздёргайте решеточки железные,
Выпустите Егорья на святую Русь».
Пали ветры буйны,
Развалили серы валючи камешки,
- 20 Прираздёргали решеточки железные.

- Выходил Егорий на святую Русь.
Пошел к царицу Кудриянищу.
Захватил царище Кудриянище
Егория свят(охрабро)го,
25 Приказал Егорья пилой пилить,
Пила вся в щепки преломилася,
А Егория святохраброго не уранила, не уязвила.
Опять схватил царище Кудриянище
Егория святохраброго,
30 Поставил котлы со смолой кипеть
И положил в котел Егория свят(охрабро)го.
Котёл кипит, Егорий во котле стоит,
Стихи поет херугвимские.
Поставил царище Кудриянище
35 Заставы великие, леса непроходимые, горы высокие,
Скрутил руки и ноги Егорью свят(охрабро)му,
Пошел домой и похваляется:
«Не придти Егорью свят(охрабро)му
В мои палаты белокаменны».
40 Сам измучился и улегся спать,
Поставил стражи везде великие,
А под голову полбжил меч-самосеч.
Шли мимо Егорья слуги царские.
«Ой вы, говорит, слуги царские да гос(под)ские,
45 Не верайте вы царицу Кудриянищу,
А поверайте Егория св(ятохрабро)му,
Раскрутите у меня ручки и ноженьки».
И поверили слуги царские
В Егория св(ятохрабро)го,
50 Раскрутили ему ручки и ноженьки.
Говорит Егорий таковы слова:
«Разодвиньтесь вы, горы высокие,
Пропустите Егория св(ятохрабро)го.
Вы не верайте в неверного,
55 А поверайте в Егория св(ятохрабро)го».
Приходит к палатам белокаменным,
Говорит Егорий таковы слова:
«Ой да застава царская да неверная,
Не верайте в неверного,
60 Поверайте в Ег(ория) св(ятохрабро)го,
Пропустите во высокий дом».
Пропустила застава Егория св(ятохрабро)го.
Заходит Егорий во высок терем,
Спит царище Кудриянище.
65 «Ой же ты, меч-самосеч,
Ты не верай в неверного,
А поверай в Егория святохраброго,
Отруби царицу Кудриянищу

- По плеч буйную голову».
70 Послушался меч Егория св(ятохрабро)го,
Отрубил царицу по плеч буйну голову.

45. ЖИЛ-БЫЛ ЕФИМЬЯН КНЯЗЬ БОГАТЫЙ (Алексей человек божий)

- Жил-был Ефимьян князь богатый,
Он охоч был богу молиться
И на каждую субботу причащаться.
Он просил у господя отродья,
5 Хоть мужьского или полу женьского.
Богородица во сне ему явилась,
Человеческим языком говорила:
«Встань, Ефимьян, убудися,
Ты умой свои ясные очи,
10 Прочитай трижды Иисусову молитву
И поди сходи в свою лёжню,
Там лежит твоя княгина трудна-больная,
Чадышка спородила.
Созови-ка попа-протопопа
15 И созови еще кума со кумою,
И нарекайте ему имя Олексея,
Олексеюшка божья человека».
Встал Ефимьян, убудился,
Приумыл свои ясныя очи,
20 Прочитал трижды Иисусову молитву.
Он призвал тут попа-протопопа,
И созвал он кума со кумою,
Нарекал ему имя Олексеем,
Олексеем божьим человеком.
25 Исполнилось Олексеюшку восемь лет,
Захотели отец с матерью грамоты учить.
Олексеюшку грамота далася,
Рукописанье само писалось.
Исполнилось Олексеюшку восемнадцать лет,
30 Захотели отец с матерью Олексея поженить.
Олексеюшку жениться не далося,
А противить отца-мать не хотелось.
Выбирали Олексею возбручную княгину,
Пир пировали, свадьбу играли.
35 Увели спать Олексея
С возбручной княгиной в почивальну.
Богородица во сне Олексеюшку явилась.
«Встань-ко ты, Олексей, да убудися,
Ты сними-ка с правой руки перстень
40 Да одень его своей возбручной княгины,
Отвяжи от себя шелков пояс

- Да привяжи его возбручной княгины,
А сам одень-ко старческо платье,
Да ты поди на пристань корабельну,
45 Там стоят кáрабли,
И поезжай-ка ты в пустыню богомольну».
Встал Алексей, убудился,
Умыл свои ясные очи,
Прочитал трижды Иисусову молитву,
50 Он снял со своей правой руки перстень
И одел возбручной княгины,
Отвязал от себя шелков пояс,
Привязал к возбручной княгины,
Одевал он старчес(к)о платье,
55 И выходил он на пристань корабельну,
И уезжал он в пустыню богу молиться.
Утром встали и разнесли по всему городу слухи:
«Куда Алексей девался?»
Искали, искали, нигде не могли найти.
60 Тридцать лет пробыл Алексей в пустыне,
Тридцать лет богу молился.
Захотелось Алексею увидеть отца-матерь.
Нарядился он каликой перехожей,
Приходит он в дом Ефимьяна,

(Отца-то.)

- 65 Просит он милостыньку спасёную:
«Ой же ты, Ефимьян князь богатый,
Ты подай-ко мне милостыньку спасёную,
Хот(ь) не ради меня, а ради сына Алексея».
Бросалась княгинушка старцу в ноги
70 И стала у старца выпрашивать:
«Где же ты нашего Алексеюшка видел?»
«Я, говорит, тридцать лет с им богу молился».
И приказал князь построить келью,
И поселить калику в келью.
75 И в каждой день возбручна княгина
Носила сама еду калики.
На один раз приходит,
А калика скончался.
Написана была грамота у калики,
80 Все хотели обирать,
Но никому грамота не далася,
Только далася возбручной княгины.
Все горевали, плакали, рыдали:
«Что же ты, Алексеюшка, нам не сказался?»
85 Мы бы тебя к себе поселили».
Кто к этим мошшам прикасался — все исцелялись:

Кто был без глаз — тот с глазами стал,
Кто был без ног — тот с ногами стал.

46. (Саул Леванидович)

Поезжает Саулушко во чисто поле,
Наказ наказывал, приказ приказывал
Своей молодой жены:

- «Я поеду воевать во чисто поле.
- ⁵ Если пятнадцать лет не приеду,
Если ты сына спородишь —
Пошли мне на завырчку,
А если дочку спородишь —
Накорми, напой, замуж выдай
- ¹⁰ И пошли зятя на завырчку».
Прошло пятнадцать лет,
Есаулушко не ворачивался.
И послала княгина сына на завырчку.
Едет сын мимо города Чернигова,
- ¹⁵ Там кричат ему татаровья:
«Приворачивай, сильный богатырь,
Мы возьмем тебя королевствовать,
У нас король погиб в бою».
Схватили они Василия Сауловича,
- ²⁰ Посадили в тюрьмы темные.
Вернулся Саулушко из чиста поля,
Собирает Саулушко почестен пир.
Все на пиру пьют и едят,
Одна княгина не ест, не пьёт.
- ²⁵ Говорит Саула ей таковы речи:
«Что же ты, княгинушка, не ешь, не пьёшь, не кушаешь?»
Говорит княгина таковы слова:
«О-хо-хо, хо-хо, да о-хо-хонюшки,
Как сокол-то есть, да соколенка нет».
- ³⁰ У Саулушки да пир покончился.
И садился он на добра коня,
Поезжает Саула во чисто поле.
Едет мимо города Чернигова,
Мимо той стены городовья.
- ³⁵ Кричат ему татаровья, улановья громкими голосами:
«Приворачивай-ко, славный богатырь,
Мы возьмем тебя королевствовать,
У нас король погиб в бою».
Говорит Саула таковы слова:
- ⁴⁰ «Эй вы, татарове да уланове,
Вы отдайте-ко мне милá сына да одинакого.
Если вы не отдаёти мне,
Я вас всех в ополон возьму,
Весь Чернигов-город во пепел спущу».

АНАСТАСИЯ ВАСИЛЬЕВНА ИВАНОВА

От Анастасии Васильевны Ивановой записывали дважды: первый раз в 1956 г., второй — в 1964 г., когда ей было 76 лет. Родом сказительница из д. Гридино Кемского района. Баллады и былины А. В. Ивановой частично помещены в сб. РНПКП. Остальные записи хранятся в архиве: 1) «Дмитрий и Домна» (35/183; 56/214); 2) «Илья Муромец и разбойники» (35/182); 3) «Добрыня и Алеша» (35/180); 4) «Князь, княгиня и старицы» (55/181); 5) «Илья Муромец и брат его» (35/176).

47. ПОТЫК СЫН ИВАНОВИЧ

Ездил Потык сын Иванович

На заводь на охотушку.

Он увидел на заводе лебедь белую:

Плавает лебедь белая.

- ⁵ Берет он в свои руки ружьё,
Заводит натягать курок калиновый.
Говорит ему лебедь языком человеческим:
«Ты заводишь стрелять не в лебедь белую,
А в девицу красную».

- ¹⁰ Она развернулась девицей красною,
Подходит к Пóтоку
И говорит ему таковы слова:
«Здравствуй-ка, здравствуй, Поток сын Иванович!

Буду я тебе да молода жена,

- ¹⁵ Богом сужена да богом ряжена».
Берет Поток сын Иванович
Девицу за белы руки,
За белы руки да за златы перстни,
Целует ее в сахарны уста,

- ²⁰ Называет ее молодой женой,
Богом суженой да богом ряженой.
Полагают они заповедь великую:
«Кто из нас да наперёд помрёт —
Живому вслед идти».

- 25 Идут оны да по чисту́ полю,
Встречает их стар казак да Илья Муромец.
«Здравствуй-ка, здравствуй, Поток сын Иванович,
Ты кого себе везёшь?»
«Ой же ты, Илья Муромец,
- 30 Я везу себе молодую жену,
Богом сужену да богом ряжену».
«Ты везешь себе не молодую жену,
Богом сужену, богом ряжену,
А везешь себе змею лютую.
- 35 Когда станет она тебя
Огнём палить да змеёй точить,
Возьми-ка ты книгу старинную
Да колокол звонистый.
Ты звони в этот колокол
- 40 И читай книгу старинную».
Проехал стар казак Илья Муромец,
А Потак идут с молодой женой по чисту полю.
Обернула она взяла его заюшком белым,
Рыскать-свистать по чисту полю да по темну лесу,
- 45 А сама вперед попадат.
А этот стар казак Илья М(уромец) говорит:
«Тридцать лет я выезжал мимо этого места,
Не видал этого заюшка скакучего да прыгучего».
Говорит добр(ый) казак Илья Мур(омец):
- 50 «Ты сойди-ка, Алёшенька Попович брат,
Возьми-ка ты этого заюшка скакучего да прыгучего,
Брось-ка его через правое плечо».
Алёшенька Попович и признать не мог.
Говорит Илья да Муромец Никитушке Добрынюшке:
- 55 «Ну-ка ты, Никитич, сойди со добра коня,
Брось-ка этого заюшка через левое плечо».
А Никит(ушка) Добрынюшка
Только от зéми чуть призял.
Говорит Илья М(уромец):
- 60 «Не пала заменушка от братьев Илью Муромцу,
Придется самому сойти со добра коня».
Говорит Потак таковы слова:
«Фу-фу-фу, долго спал, да впору встал».
Говорит стар(ый) казак И(лья) М(уромец):
- 65 «Кабы не я, так пришлось бы тебе
Искать-рыскать по чисту полю».
Пошел Потак опять искать молодую жену.
Проехал стар казак да И(лья) М(уромец)
Мимо их с молодой женой.
- 70 Она овернула его серым камнем во чистом поле.
Едет стар казак да И(лья) М(уромец).
«Тридцать лет да я выездил,

- Не видал этого камня серого, валючего,
Наверно Потак сын Иванович лежит,
75 Овернула его молода жена.
Ну-ка ты, Алёшенька Попович, сойди со добра коня,
Брось этот камень через левое плечо».
Говорит И(лья) М(уромец):
«Сойди-ко ты, Никитушка Добрынюшка,
80 Брось этот камешек через правое плечо».
Никит(ушка) Добрынюшка тоже чуть от полу отзял.
Говорит Илья да Муромец:
«А не пало И(лье) М(уромцу) заменушки,
Надо самому сойти со добра коня».
85 Сошел с добра коня И(лья) М(уромец),
Взял этот камешек,
Бросил через правое плечо.
Просыпается Потак сын Иван(ович).
«Фу-(фу-фу), долго спал, да впору встал».
90 Не дават совету Илья М(уромец)
Идти к молодой жене
Потаку да сыну Ивановичу.
Не послушал он старого казака И(лью) М(уромца),
Идёт за своей молодой женой.
95 Пришли оны в Киев-град.
Молода жена да очутилась мёртвою.
Вот стали хоронить во сыру мать-землю
И Потака сына Ивановича.
Берет Потак сын Иванович
100 Книгу старинну да колокол звонистый,
Зарыли Потака живого в мать сыру землю.
Она начала огнём палить да змеёй точить
Потака сына Ивановича.
Потак сын Иванович вскочил, сидя сел.
105 Берет в руки книгу старинную
И (в) колокол трезвонный звонит.
Едет стар казак да И(лья) М(уромец).
«Тридцать лет я выездил,
Да не слышал звону колокольного,
110 Наверно точит молода жена
Потыка сына Ивановича,
Огнём палит да змеёй точит».
Становил своего добра коня
И говорил таковы слова:
115 «Ой же ты, Алёшенька П(опович) и Добрынюшка
Никитич,
Сойдите со добра коня,
Берите-ка в руки заступы железные,
Разрывайте-ка вы могилу Потака сына Ивановича».
Разрыли могилу.

- 120 Они встали на белы ноги
И пошли вперед попадать в Киев-град.
Пришли они в Киев-град.
Она ему напустила сон крепкий,
Засыпал Потак сын Иванович сном крепким, сахарным.
- 125 И пошла сама ковать гвозьё аршинное,
Забивать Потыку в белы руки,
В белы руки да гвозьё аршинное.
Была в избе девица красная,
Будила от сладкого сна Потака сына Ивановича,
- 130 Будила она и не могла разбудить.
Пришла молода жена,
Сковала гвозьё полуаршинное,
Забивает Потаку в белы руки, в резвы ноги.
Он спит и не пробуждается,
- 135 Со сладким сном и не расстается.
Говорит молода жена таковы слова:
«Кака я глупа женщина,
Сковала гвозьё полуаршинное,
А не сковала гвозьё аршинное
- 140 Забить Потаку в бѣлу грудь».
Плачет над Потыком девица красная, будит его,
Ронит над ним слезы горькие,
Сронила ему во ясны очи свои слезы.
Просыпался Поток сын Иванович,
- 145 Лежит весь скованный.
Приказал девице тащить гвозьё,
А молода жена уж гвоздь несет.
Берёт он саблю в белы руки,
Открывает дверь да молода жена
- 150 С гвоздем с аршинным,
Сказнил он ей голову саблей вострою
И взял эту девицу за белы руки,
Целовал ее в сахарны уста,
Говорил ей таковы слова:
- 155 «Будешь ты моя жена,
Богом сужена да богом ряжена».
Идут они с молодой женой да по чисту полю,
Едет стар казак да Илья Муромец.
«Здравствуй-ко, здравствуй, Потак сын Иванович!
- 160 Ты везешь теперь молоду жену,
Да богом сужену да богом ряжену».
Проздравлял его с законным браком и благословлял.

48. ДУНАЙ И НАСТАСЬЯ
(Молодец и королевична)

- Все на пиру-то напивались,
Все-то на честном да наедались,
Все-то на пиру да прирасхвастались,
Да все-то на честном да прирасхвастались:
- 5 Глупой хвастает молодой женой,
Неумный хвастает молодой сестрой,
А неразумн(ый) хвастает золотой казной.
Один-то Дунаюшко сидит не ест, не пьет
Да ничим не хвастает.
- 10 Спросит его король:
«Что же ты, Дунаюшко, не ешь, не пьешь
Да ничим не хвастаешь?»
«Чим мни-ка стать-то да хвастати,
Чим мни-то молодцу да прихвастати? —
- 15 Нечем мне выхвастывать.
Тем мне разве стать хвастати,
Разве стать хвастати-выхвастывать:
Жил я у короля да по три года да во конюшниках,
Другой по три года да по три осени да во придворниках,
- 20 Третьё по три года да по три осени
Жил я у Настасьи-королевичны да во лакейниках,
Стелил я периночки пуховые,
Улаживал взголовьице высокое,
Натягал я одеяло соболиное,
- 25 Лежал я у Настасьи на белой груди,
Держал я руки в пазухе
Повыше колен да пониже пояса,
.¹»
Вот королю да не понравилось.
- 30 Говорит он своим слугам верным:
«Ой же вы, слуги, слуги верные мои,
Берите Дуная за белы руки да за златы перстни,
Ведите Дуная во чисто поле,
Берите саблю вострую
- 35 Да рубите ему буйную главу».
Берут слуги Дунаюшка
За белы руки да за златы перстни,
Повели его да во чисто поле
Убить-казнить да буйну голову.
- 40 Говорит Дунай да слугам верным:
«Ой же вы, слуги, слуги верные,
Ведите меня да мимо Настасьиного бела крыльца».
Слуги повели мимо ейного крыльца.

¹ В рукописи прочерк.

- Во-первы вскричал:
45 «Да прощай, белый свет!»
Во-вторы вскричал:
«Да прощай, мать-отец!»
Во-трети вскричал:
«Прощай-прости, Настасья-королевична!»
50 Во-первы након она не слышала,
Во второй након ёна не дослышала,
Из окошечка в окошечко бросалася,
А во третей након она услышала.
Выбегала на улицу на широкую,
55 На широкую улицу да на белый свет
И увидела, что слуги ведут Дуная.
Говорит она таковы речи:
«Ой же вы, слуги, слуги верные,
Берите вы злата-серебра, сколько вам надобно,
60 Только отдайте вы мне Дунаяшка».

(Отдали Дуная, а он замуж не взял.)

49. КНЯЗЬ МИХАЙЛА И ЖЕНА

- Ездил Михайлушка-князь да молоды,
Он искал себе жану беляну,
Красну хорошу жану Марфиду.
Он нашел себе жану беляну,
5 Красну хорошу жану Марфиду.
Он приходит к своей матушке родимой.
«Уж ты, мать-то матушка родная, государыня Авдотья,
Уж ты пой-корми мою жану беляну,
Красну хорошу жану Марфиду,
10 Ты корми-тко ей круписцатой пшаницой,
Пой ее да ключавой медовой водицей».
Поезжат Михайла-князь да во цисто полё.
Мать его беляну невзлюбила,
Парну баенку топила,
15 Серый камень нажигала,
Белы груди у беляны прожигала,
Вынимала три да три приметы:
Первая примета — жили с Михайлушкой во совете,
Другая примета — бладень во утробы,
20 Третья примета — Михайлушка-князь да во дороге.
Полагала беляну во колоду
И спускала колоду
В речку быструю да каменистую.
Воротился Михайлушка-князь да из циста поля,
25 Он приходит к своей маменьке родимой, к государыне
Авдотье.

«Ой же ты, мать моя матушка родная, государыня
Авдотья,

Ты скажи-тко, скажи, где моя бяляна,
Красна хороша жана Марфида?»

«Твоя бяляна ушла в лес по ягодки да медовы,
30 Сбирать ягодки да щипать яблоньки».

Тут метался князь Михайлушка да молодой,
Он искал свою бяляну,
Красну хорошу жану Марфиду.

Он приходит к своей маменьке родимой, к государыне
Авдотье.

35 «Ой же ты, мать моя матушка родима, государыня
Авдотья,

Ты скажи, скажи, да не утай, скажи,
Где же жана моя бяляна,
Хороша жана Марфида?»

«Твоя бяляна ушла в парну баенку помыться
40 Да в божью церковь помолиться».

Тут метался князь Михайлушка да молодой,
Он искал свою жену бяляну.

(Не нашел.)

Опять приходит к своей маменьке родимой, к государыне
к Авдотье.

45 «Ой же ты, мать моя родная, государыня Авдотья,
Ты скажи, скажи, да не утай, скажи,

Еще где же жана моя бяляна,
Красна хороша жана Марфида?»

«Твоя бяляна ушла на рецку за водицкой
Да в соседы порядовны».

50 Ты метался князь Михайлушка да молодой
Ко своим соседам порядовным.

«Ой же вы, соседы порядовны,
Вы скажите, не утайте,

55 Где же моя бяляна,
Красна хороша жана Марфида?»

«Мать твоя родна бяляны невзлюбила,
Парну баенку топила,

Серый камень нажигала,
Белы груди прожигала,

60 Вынимала три да три да три приметы:
Первая примета — жили с Михайлой во совете,

А другая примета — младень во утробе,
А третья примета — князь Михайлушка да во дороге».

Тут Михайлушка к соседам да распростился,
65 Ой пошел Михайлушка ко синему морю,

Приходит к рыболовам.

«Ой же вы, рыболовы-ловьци да удалы молодци,

- Да прошу вас, закиньте шелков невод,
Вам придет да рыбы много».
- 70 Рыболовы заметали шелков невод,
Им пришло да рыбы очень много.
«Ой же вы, рыболовы-ловьци да удалы молодци,
Вы закиньте во второй раз да шелков невод,
Вам придет рыбы немного».
- 75 Рыболовы заметали шелков невод,
Им пришло рыбы немного.
«Ой же вы, рыболовы-ловьци да удалы молодци,
Вы закиньте в третий раз да шелков невод,
Вам не придет рыбы ницого,
- 80 Вам придет одна тина».
Рыболовы заметали шелков невод,
И пришла в неводе одна тина,
И пришла колода.
Брал Михайлушка-князь,
- 85 Вытягал эту колоду,
Из колоды брал беляну,
Становил булатный нож
Черенем ей на белую грудь,
А на булатный нож становился своей грудью.
- 90 «Где лежит жана моя беляна,
Хороша жана Марфида,
Там лежи да князь Михайлушка да молодой».

50. (Хотен Блудович)

- Жили-были на почестном на пиро...¹,
Жили-были две умные вдовы, да две почестные жены:
Первая — Авдотья Блудового жана,
Другая — Афимья Часового жана.
- 5 Возговорит Авдотья Блудового жана:
«Ой же ты, Афимья Часового жана,
Станем говорить да мы добры с тобой дела,
Про доброе дело про сватовъство.
У тебя ли-то есть Чайная Часо(вицна),
- 10 Княжая любимая племянница,
Девяти братьям любима сестра.
У меня ли есть Хотенко сын Блудович».
Берет тут Аф(имья) Ч(асового) ж(ана)
Берет ли чару зелена вин(а) да во белы руки,
- 15 Плещет Ав(дотье) Бл(удового) ж(ане) да во ясны очи.
Сама г(овори)т таковы речи:
«Что же ты Хотенком похваляешься,
Что же ты Блудищем выхваливаешься?»

¹ В рукописи неразборчиво, очевидно, «на пированьще».

- Пошла тут Ав(дотья) Б(лудового) ж(ана)
- 20 Со честна пира она невесела,
Свою буйную головку в зень повесила,
Потупила оци ясны в мать сыру землю.
Стрецает Х(отен) сын Б(лудович).
«Что же ты, маменька, с честна пира невесела идешь?»
- 25 На пиру тебя разве не приняли,
На пиру тебя чарой разве приобнесли,
Или пьяница горюща насмеялась над тобой?»
«На пиру меня честнó приняли,
На пиру меня чарой не обнесли,
- 30 Пьяница горюща не смеялась надо мной,
Насмеялась баба богатая,
Насмеялась гордливая,
Твоя ли, сын, теща ломливая».
Садился Х(отен)ка на добра к(оня),
- 35 Поехал Хотенка во чисто полё,
Приехал ко дубу дубиньскому,
Ко тому ли деревину деревиньскому,
Выломáл он палицю дубовую,
Нажал он палицею дубовую —
- 40 Терем пал, виноград приломал,
Малые теремки помитусилисе.
Приехал к палаты белокаменной,
Где сидела Цайна Цасовицна,
Княжая люб(имая) плем(яница),
- 45 Девяти братьям любима сестра.
Нажал он палицею дубовую
Этую палату белокаменну —
Палатушка с боку на бок покацнулася,
С угла на угол перевернулася,
- 50 Только усиделась Чайна Ч(асовицна),
Княж(ая) люб(имая) пл(емяница),
Девяти братьям люб(има) сестра,
У светлого окошка косивцата.
Идет баба со цестна пира,
- 55 Богатая баба, гордливая,
Хотенкова теща ломливая,
Идет да сама ухмыляется
Да небылымы словесамы похваляется:
«Не было ни бури, ни падари,
- 60 Терем пал, виноград сломал,
Малые теремки помитусилисе».
Стрецает ей Ц(айна) Ц(асовицна),
Княжая люб(имая) пл(емяница),
Девяти братьям любима сестра.
- 65 «Это, дьяйна, не буря, не падаря —
Терем пал, виноград сломал,

Малы теремки помитусились,
Этта Хотенко сын Блудовиц
Вызвал девяти братьев да во цисто поле».

(Дальше не знаю, как дело было, отдала замуж или нет. Луч-
ше уж замуж пойти, как девять голов губить.)

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА КОНОВАЛОВА

Екатерина Ивановна родилась примерно в 1868 году. Неграмотная, жила в д. Гридино Кемского района. Она была большим знатоком не только эпических песен, но и свадебных, колыбельных. От нее записаны заговоры, загадки.

Неопубликованные тексты из архива: 1) «Дунай и Настасья-королевична» (56/157); 2) «Князь Роман и Марья Юрьевна» (56/160); 3) «Молодец зовет девицу в Казань» (56/149); 4) «Алексей человек божий» (56/142); 5) «Плач Адама» (56/153); 6) «Михаил Архангел» (56/147); 7) «Стих о нищей братии» («Вознесение Христа») (56/154).

И. Этина опубликовала в 1937 г. былинку о Козарине Е. И. Коноваловой.— Э т и н а И. Былины Кемского района.— Ленингр. госуд. университет. Филолог. факультет. Студ. записки филолог. факультета. Отв. ред. М. К. Азадовский. Л., 1937, с. 15—18.

51. О СТАРОМ КАЗАКЕ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ

(Илья Муромец и разбойники)

Жил да старый казак Илья Муромец.

Ездил старый на добром кони,

На добром кони, на богатырушки.

Он мхи-болота промеж ног спускал,

⁵ А синее море на околь бежал.

Наезжал он старый на сер камешек,

На сер камешке подпись подписана:

«В первую дорожку ехать — мне живу не быть,

Живу не быть, стару застрелену,

¹⁰ А во вторую дорожку ехать — богатому быть,

А в третью дорожку ехать — мне женатому быть».

Сидит тут старый да удивляется,

Головой седой качает, уговаривает:

«На что мне, старому, богато стать:

¹⁵ Нет у меня, старого, молодой жены,

Любимой семьи да малых деточек,

Некому тащить да золотой казны,
Некому носить да платье цветнее,
Некому хлеба-соли исть.

- ²⁰ В ту дорожку поеду, где живу не быть,
Где живу не быть, стару застрелену».
Наеждал тут старый на разбойников,
На тех сорок тысяч подорожников.
Тут стали старого подергивать,
²⁵ Подергивать да пошевеливать.
Тут сидит-то старый, плечами подрыгивает,
Удивляется, головой качает да выговаривает:
«С меня-то старого, говорит, взять-то вот нечего».
Хватил он сырой дуб за вершиночку,
³⁰ И вырывал он сырой дуб со коренем.
«Нет у меня-то, старого, золотой казны,
Только есть у меня, старого, кунья шуба,
У куньей-то шубочки-то есть три пуговики,
Подареньице солнышка Владимирера.
³⁵ Есть у меня, у старого, лапотыца,
Плетены лапотыца из семи шелков,
Из семи шелков да из семи рядков».
Нападают на старого пуще прежнего,
Пуще прежнего, пуще старого,
⁴⁰ Пуще старого да злее прежнего,
Сидит он да удивляется.
А не сырой-то бор-то разгорается —
У старого сердечко злополяется.
Хватил он сырой-то дуб за вершиночку,
⁴⁵ Вырывал сырой кол-то со коренем,
Начал сырым-то дубом помахивать,
Прибил он сорок тысяч подорожников.
Отъезжал он старый на сер камышек,
На сер камышек и написал,
⁵⁰ Что эта дороженька зачищена
Старым казаком Ильей Муромцем.

52. (Два Лазаря)

- Жило-было два брата, два Лазаря.
Один был убогий, а другой был богатой.
Богатой пил, ел сладко, носил хорошо,
Сафьяны сапожки на всяк день таскал,
⁵ Нищих, убогих он ненавидял,
А во гробѣ умерших их не провожал,
А по пути ходящим путникам не давал.
Собирал богатый почестен пир
Для князей, купцей, всех бояров.
¹⁰ Ну, приходит к богатому убогой брат.

- Взмолился убогой брату своему:
«Братя, ты братя, богатый ты Лазарь,
Дай ты мне, братя, хоть милостенку,
Не большу, не меньшую — спасительную.
- 15 Не для меня подай, а ради Христа».
Закричал богатый, как лютый зверь:
«Это ты в срам меня братом нарекаешь.
Есть у меня братовья получше тебя,
Получше, покраше да побогаче:
- 20 Князь-бояра — все братья мои,
А все вельможи — сестры дороги».
Пошел тут убогой, сам расплакался.
Закричал богатый:
«Слуги вы, слуги, слуги верные мои,
- 25 Спустите кобелей со железных со цепей,
Шобы его, убогого, розорвать».
Отпустили слуги кобелей со железных со цепей,
Кобели по постолью похаживают,
Крошечки убогому посбирывали,
- 30 Крошечки убогому подбрасывали,
А гной со больных ран ему облизывали.
Пошел убогой потом и расплакался.
«Господи, господи, бог милостливой,
Пошли-ко ты, господи, трех ангелов,
- 35 Не кротких, не смирных, не милостливых,
Шобы мою душу нечестно выняли,
Хотя из боку крюком бы вытащили,
Подняли бы душу вверх на небеса,
Бросили бы мою душу во кромешный ад».
- 40 Услышал тут господи моленья его,
Моленья его, все убогого.
Послал к ему господи двух ангелов,
Кротких, смирных и милостливых,
Шобы его душу честно выняли бы,
- 45 Положили душу на серебряно блюдо,
Посадили душу вверх на небеса,
Посадили душу во прекрасный рай,
Возле Абрама, возле Исака.
Поехал богатый во чисто полье гулять,
- 50 Находит на богатого лютая пора,
Помолился богатый вверх на небеса:
«Господи, господи, бог милостливой,
Пошли-ко мне, господи, двух ангелов,
Кротких, смирных и милостливых,
- 55 Чобы мою душу честно выняли,
Подняли душу вверх на небеса,
Посадили душу во прекрасный рай».
Услышал тут господь молитву его,

Послал к ему господи трех ангелов,
60 Не кротких, не смиренных и не милостливых,
Шобы его душу нечестно выняли,
Из боку крюком вытащили его.
Ангела вокруг его похаживают,
Как горько и вольно и стородливо
65 Душу его вынимати,
Бросили его душу во кромешный ад.
Увидел тут богатый брата в раю,
Возмолился богатый брату своему:
«Братье, ты братье, убогой Лазарь,
70 Дай мне-ко, братье, хоть с малою перста воды
с мезеночка».
«Рад бы я подати,— убогой отвечал брату своему,—
Рад бы я подати, да воля не своя,
Воля не своя, воля господова».

ЕВДОКИЯ ИВАНОВНА ЛАДИНА

Родилась Евдокия Ивановна Ладина в 1875 г. в с. Кереть Лоухского района. Неграмотная. «Сказки и былины слышала от старшего брата, который был грамотный и читал книги, и от женщин на тони» (58/54). По ее словам, она прожила долгую и безрадостную жизнь, из одиннадцати детей, выжили двое. Собиратели отметили, что это «живая, бойкая и очень приветливая старушка» (58/54).

Фольклорный репертуар ее довольно богат. Она знала волшебные сказки (опубликованы — РНСКП, № 3), причем была сказочницей незаурядной (там же, с. 31), пела песни.

Из неопубликованных эпических текстов в архиве хранятся: 1) «Дмитрий и Домна» (58/51); «Илья Муромец и разбойники» (58/47); 3) «Дунай и Настасья-королевична»; 4) «Казарин» (58/49); 5) «Девушке снится сон о смерти атамана» (58/50). Былина о Сухмане (58/52) опубликована в книге: В. И. Малышев. Повесть о Сухмане. Из истории русской повести XVII века. М.—Л., 1956, с. 184—185.

53. ИВАН ГОСТИНЫЙ СЫН

(Мать продает своего сына)

У отца, у матушки у умные
Зародилось чадышко безумное,
Почастехоньку гуляет на царев кабак,
Много-много испивает зеленá вина,
5 Без расчета тратит золоту казну.
Повязался он с голью кабацкою,
С голью кабацкою, бурлацкою,
С тема ли со девками-дерзанками
И со бабами гулящими.

10 Вот сказали тут его матери,
Той ли старухи староматерной.
Пошла мать путем да дорогою,
Приходила она на царев кабак,
Брала сына за белы руки,

- 15 За белы руки да за желты кудры,
Повела его на пристань корабельную,
И кричит она зычным голосом:
«Где ты есть, купец Павел Павилонович,
Павилонович купец заморский?»
- 20 Ты купи-ка у меня чадо милого,
Моего дитя купи любимого.
«Не вора ли ты продаешь мне, старуха, разбойника,
Не ночного ли вора-полуночника?»
- 25 «Я не вора тебе продаваю, не разбойника,
Не ночного вора-полуночника,
А продаваю тебе чада милого,
Моего дитя любимого.
А за то продаваю,
Что часто ходит во царев кабак,
- 30 Много-много попивает зелена вина,
Без расчёту тратит золоту казну.
Я немножечко прошу с тебя —
Только сто рублей».
- А заговорил слуга новокупленной:
- 35 «Не жалея ты, дай старушки сто рублей,
Дай, не жалея и другое сто».
- Заговорил он другой раз:
«Не жалел ты старухи, дал одно сто,
Не жалел, дал друго сто,
- 40 Не жалея и дай третье сто,
Не ходила бы старуха бедна по миру,
Не сбирала бы ломтей резаных,
Ломтей резаных, кусков ломаных».
- Вот получила старушка денежки,
- 45 Получила, распрощалася,
Распрощалася, горько плакала.
«Ты прости, прости, чадо милое,
Прости, чадышко любимое».
- «Ты прости, прости, родна матушка,
- 50 Уж ты по роду — мне родна матушка,
По разлуки — змея лютая».
- Как распрощались — так и расстались.

ФЕКЛА ИВАНОВНА МЫХИНА

В августе 1972 г. Фекле Ивановне было 68 лет. Родилась она в д. Колежма Беломорского района. Ф. И. Мыхина знаток свадебных песен, свадебного обряда, причитаний и частушек.

54. (Голубиная книга)

- Далече-далече, во чистом поле
Выпадала с небес книга голубиная,
Не малая книга, не великая:
В долину тая книга сорок локот,
В ширину тая книга в двадцать локот,
Да никто до книги не доступится,
Да никто до божественной не дотронется.
Приходил ко книги Владимир-князь,
Владимир-кпязь да Володимирович,
¹⁰ Да приходил до книги премудрый царь,
Премудрый царь Давыд Евсеевич,
Да перед ним-то книга разгибалася,
Все божественно писание показалосе.
Да тут спроговорил Владимир-князь,
¹⁵ Володимир-князь да Володимирович:
«Уж ты гой еси, премудрый царь Давыд Евсеевич,
Ты прочти, сударь, да книгу божию,
Объясни, сударь, да дела божие.
Отчего у нас начался белый вольный свет?»
²⁰ Да отчего у нас мир начат?
Да отчего у нас телеса наши?
Да отчего у нас кровь наша?
Отчего кости крепкие?

(Забыла.)

- Отчего у нас телеса наши?
²⁵ Да отчего ночи темные?
Да отчего красно солнышко?

- Да отчего у нас млад светел месяц?
Да отчего у нас часты звездочки?»
Да тут спроговорил премудрый царь,
30 Премудрый царь Давыд Евсеевич:
«У нас мир¹
Белый вольный свет — от суда божия,
У нас мир-народ — да от Адамия,
А кости крепкие — от камени,
35 А телеса наши — да от сырой земли,
Кровь худа² наша — да из черна моря,
У нас ум-разум самого Христа,
Самого Христа, царя небесного».
Да тут (опять) спроговорил Владимир-князь,
40 Владимир-князь да Володимирович:
«Уж ты гой еси, премудрый царь,
Премудрый царь Давыд Евсеевич,
Какой у нас³
Отчего у нас кровь-руда наша?»
45 «Красно солнышко — от лица божия,
Млад светел месяц — да от грудей его,
А часты звездочки — да от риз божиих,
А ночи темные — да от господних,
А ветры буйные — да от свята духа,
50 У нас ум-разум самого Христа,
Самого Христа, царя небесного».
Да тут (опять) спроговорит Владимир-князь,
Владимир-князь да Володимирович:
«Уж ты гой еси, премудрый царь,
55 Премудрый царь Давыд Евсеевич,
А ты прочти, сударь,
Какой город городам отец,
Да коя церковь всем церквам мати,
Да коя гора всем горам мати,
60 Да какой зверь всем зверям отец,
Да какая птица всем птицам мать?»
«Иерусалим-город — городам отец —
Тут, говорит, у нас пуп земли.
А Фавор-гора — всем горам мати —
65 На Фавор-горы преобразился сам Иисус Христос
С трема своима со апостола:
С Петром, со Ианом, со Иаковым.
А Иордан-река — да всем рекам мати —
В Иордан-реки крестился сам Иисус Христос.
70 А носорог-зверь — всем зверям отец —

¹ Строка не закончена.

² Очевидно: «кровь-руда».

³ Строка не закончена.

Ходит носорог по подземелью,
Подрывает все, значит.

(Стала забывать, тое помню.)

Кит-рыба — всем рыбам мати —
Потому что на трех китах земля основана,
75 Как кит-рыба потронется — так вся земля поколеблется».

ПРИМЕЧАНИЯ

АЛЕКСЕЙ ЧЕЛОВЕК БОЖИИ

Исследования: **Срезневский**, 1867 (Древнее житие Алексея человека божия сравнительно с духовным стихом об Алексее божием человеке); **Дашков Д.** Стихи и сказания про Алексея божия человека.— *Беседы*, М., 1868, вып. 2; **Порфирьев**, 1869, с. 152; **Владимиров П. В.** Житие св. Алексея, человека божия, в западнорусском переводе конца XV в.— *ЖМНП*, 1887, № 10 (текст жития); **Порфирьев**, 1904, с. 345—346; **Ляцкий**, 1912, с. XXI—XXII; **Адрианова В. П. (Перетц)**. Житие Алексея человека божия в древней русской литературе и народной словесности. *ПТГР.*, 1917; **Сперанский**, 1917, с. 384; **Соколов**, 1941, с. 288.

Thompson, К 185.1.1. (Св. Алексей — Благочестивый странник умирает неизвестным в доме своего отца); *Index*, 153 (Жизнь св. Алексея). Сюжет о святом Алексее был чрезвычайно популярен в народном искусстве средневековой Европы и отразился в духовных стихах, драматических религиозных действиях (мистериях) и в иконописи. Источником для них послужило широко распространенное в христианском мире житие св. Алексея, жившего, согласно церковному преданию, в конце IV — начале V в. в царствование императоров Аркадия и Гонория при папе Иннокентии I (Д. Дашков и В. П. Адрианова).

Русский духовный стих об Алексее человеке божием основан на древнерусской обработке жития. В. П. Адрианова в специальном исследовании жития и русского духовного стиха о св. Алексее обнаружила в стихе, наряду с житийной сюжетной схемой и мотивами, чисто фольклорные мотивы (чудесное зачатие Алексея, свадебный пир, чудесное кольцо и пояс, подаренные Алексеем невесте, и т. д.) и мотивы, встречающиеся и в фольклоре, и в житиях (быстрая наука Алексея, мена платьем с нищим и пр.). История лишений и страданий св. Алексея вызывала сочувствие не только у калик, нищих, которые брали его жизнь в качестве эталона, но и у былинных сказителей, частично перенявших репертуар от калик переходящих.

Варианты: Русские варианты указаны в кн.: **Адрианова В. П. (Перетц)**. Житие Алексея человека божия в древней русской литературе и народной словесности. *Птгр.*, 1917; **Киреевский**, 1848, № 7; (*Бесс.*, № 29); **Барсов**, 1867, № 4; *Бесс.*, № 3, № 28, 33—34; **Никольский**, 1878, с. 43—47; **Агренева-Славянская**, 1889, с. 105—110; *Ист.* — **Дютш.** (раздел «Духовные стихи», № 3); *Ист.* — **Ляпунов** (духовные стихи, разд. 1, № 2, 3); **Марк.** — **Богосл.** — *Тр. муз.-этногр. комиссии*, 1906, с. 27—32.

Сперанский, 1901, с. 45—53; **Сперанский**, 1906, № 3; **Рожд.** — **Успенский**, № 179; **Рудин**, 1923, 2 варианта; **Багизбаева**, 1977, с. 198 (прозаич. пересказ).

№ 30. Ефимьян князь великой (21/138). Запись Г. Григорьевой 4 июля 1961 г. от Ксении Егоровны Ремизовой, 76 лет, д. Алексеево, Пудожский р-н.

В примечании к записи отмечено: «К. Е. рассказывала текст. Слышала его от мужа (известного сказителя Н. А. Ремизова — Н. Ч.). Называла то стариной, то сказкой». От Н. А. Ремизова стих не записан.

В варианте К. Е. Ремизовой действие не локализовано во времени (по

традиции события происходят при царе Онории) и вопреки канону семья Алексея живет в деревне (а не в Риме). Ряд поступков героев мотивирован психологически, например, нежелание Алексея жениться: «Женитьба Олесиюшку не в раз, / Молода княжна не в характер». На самом деле причина воздержания Алексея и расставания его с женой — в его монашеском обете.

При исполнении опущены мотивы пребывания Алексея в Эдесе, его монашества, поисков его слугами отца, мотив гласа богородицы, призывающей Алексея вернуться в Рим, мотивы надругательства слуг над Алексеем в доме его отца, исцеления убогих у мощей святого. Текст К. Е. Ремизовой сохранил лишь ключевые мотивы духовного стиха о св. Алексее, испытывавшем на себе влияние других духовных стихов (см. мотив плача-моления Алексея в пустыне).

№ 45. (Алексей человек божий) (51/276). Запись Т. Величко и И. Сухановой 1956 г. (руков. экспедиции К. В. Чистов) от Анастасии Ивановны Ефремовой, 61 год, д. Калгалакша, Кемский р-он.

Как в большинстве вариантов этого духовного стиха, записанных в послереволюционный период, в варианте А. И. Ефремовой не локализовано время и место действия (см. примечание к № 30). Первая часть стиха довольно полная (до отъезда Алексея в пустыню), ее мотив появился явно под влиянием других духовных стихов, вторая — очень сжата: отсутствуют мотивы унижения Алексея слугами в доме его отца, терпения и смирения святого. Мотив чудесного перстня и пояса, подаренных Алексеем жене, не получает дальнейшего развития: согласно традиции, по смерти Алексея перстень должен распаяться, а пояс расплестись. Грамота открывается жене Алексея, и это тоже противоречит эпическому канону: обычно писание святого дается в руки архиерею или отцу Алексея — Ефимьяну.

АНИКА-ВОИН

Исследования: Пыпин, 1860, вып. 2, с. 439—443 («Притча о визязе и смерти»); Лавровский, 1864, с. 336—337; Афанасьев, т. 3, с. 44—50; Веселовский, 1875, с. 763—774; Jagic, 1876, s. 103; 1) Жданов, 1881 (с указанием вариантов стиха); 2) Морозов, 1888, с. 182; Порфирьев, 1904, с. 252—256; Сперанский, 1917, с. 373—376; Mazon, 1932, p. 167; Соколов, 1941, с. 288; Балашов, 1963, с. 31; Bossy, 1976, p. 144—163. Письменные источники русского духовного стиха об Анике-воине указаны в работе: Жданов, 1881, с. 2—52 и пр.

Варианты: Бунаков, 1859, с. 92—94; Варенц., с. 110—127; Кир., вып. 4, с. 115—138; Барсов, 1867, № 5; Агренева-Славянская, 1889, с. 124—127; Марк., № 25; Григ., т. I, № 7; т. III, № 315, 318; Афанасьев, 1914, с. 288—230 (с комментарием к тексту); Гильф., т. I, приложение, с. 700—701; ПФМ, № 251.

Духовный стих об Анике-воине, согласно единодушному мнению ученых, восходит к средневековому «Прению живота со смертью», носящему поучительный характер. Стих, как полагали многие исследователи (И. Н. Жданов, М. Н. Сперанский, А. Н. Веселовский), связан и с византийским эпосом о Дигенисе Акрите, битвой Акрита с Хароном. Имя воина «Аника» происходит от эпитета Дигениса — «aniketos» — непобедимый. Не исключено и воздействие народных представлений о смерти-косце (И. Н. Жданов, Jagic, А. Н. Веселовский).

№ 19. Про Онику-воина (2/7).

Запись В. Р. Дмитриченко в июле 1938 г. от Степаниды Яковлевны Егоровой, д. Малая Пога (нын. д. Кевятсалми), Пудожский р-н.

Текст С. Я. Егоровой передает основные мотивы диалога Аники-воина со смертью. При этом отсутствуют такие мотивы, как хвастовство Аники (угроза его перевернуть столб небесный), угроза смерти (напоминание Анике о гибели Самсона и Святогора). В тексте опущен ряд подробностей, связанных с просьбой Аники отодвинуть срок смерти.

БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА

Исследования: Аст., т. I, с. 554; Пропп — Путилов, 1958, т. 2, с. 494—495; Балашов, 1963, с. 33, с. 391; Линтур, 1968, с. 70—72; Brewster, 1972 (группа: непредотвращенный инцест брат — сестра); Смирнов, 1974, с. 126 («Братья-разбойники берут в плен сестру» — кровосмешение). Thompson, T 415 (Инцест брат — сестра).

По поводу сюжета баллады в науке нет единой точки зрения. Одни ученые считают балладу семейно-бытовой, с трагическим исходом — случайным кровосмешением братьев и сестры, убийством разбойниками зятя и племянника по неведению (А. М. Астахова, Б. Н. Путилов, В. Я. Пропп, Д. М. Балашов). Другие исследователи более определенно связывают балладу с фольклорной темой инцеста (П. В. Линтур, Р. Brewster, Ю. И. Смирнов). В работе П. В. Линтура (Линтур, 1968, с. 70—72), а также в книге Ю. И. Смирнова (Смирнов, 1974, с. 126) приводятся славянские параллели к русской балладе.

Варианты: Аст., т. I, с. 553—556; Аст., т. II, с. 700—704; БПЗ, с. 580.

№ 14. (Братья-разбойники и сестра) (72/43). Запись А. Н. Антиповой 1938 г. от Матвея Егоровича Самылина, 59 лет, д. Артово (нын. д. Космозеро), Заонежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

По словам сказителя, «стих этот слышал давно от стариков».

Вариант М. Е. Самылина интересен тем, что все события включаются в рассказ-монолог сестры разбойников. Текст сохраняет основные мотивы баллады.

ВАСИЛИИ И СОФЬЯ

Исследования: Аст., т. II, с. 709; Пропп — Путилов, 1958, т. 2, с. 491—492; Р. О. Якобсон. Поэзия грамматики и грамматика поэзии.— В сб. Poetics — Поэтика — Poetyka. Warszawa, 1961, с. 401 и след. (Стилистический анализ баллады); Д. М. Балашов. «Василий и Софья». — Труды Карельского филиала АН СССР, 1962, вып. 35; Балашов, 1963, с. 17—19; Линтур, 1968, с. 72—73; Смирнов, 1974, с. 137—138 (Смерть гонимых влюбленных (превращение в растения)).

Thompson, T 415 (Инцест брат — сестра), также E 631.0.1 (Обвивающиеся ветви вырастают из могил возлюбленных.)

Как и в отношении баллады о братьях-разбойниках и сестре, так и в случае с балладой о Василии и Софье, ученые либо видят в балладе вариацию на тему инцеста брата и сестры (А. М. Астахова, частично П. В. Линтур), либо трактуют сюжет в семейно-бытовом плане как типично феодальную ситуацию (Д. М. Балашов, Б. Н. Путилов, В. Я. Пропп). Исследователи обратили также внимание и на древность мотива превращения погибших влюбленных в деревья. Славянские параллели к русской балладе указаны в статье П. В. Линтура и в работе Ю. И. Смирнова (см. библиографию исследований по балладе).

Варианты: Аст., т. II, с. 708—711; Смирнов, 1976, с. 121.

№ 10. Про Софею (8/137).

Запись В. Р. Дмитриченко 26—28 июля 1940 г. от Ирины Андреевны Степановой, 83 лет (род. в д. Подбельники, Заонежский р-н), д. Пяльма, Пудожский р-н.

Текст И. А. Степановой принадлежит к типично заонежской обработке баллады. Наибольшую сюжетно-композиционную близость он обнаруживает с вариантом А. Т. Тихоновой (Аст., № 146).

№ 37. (Василий и Софья) (23/20, ф. 1422/11).

Запись А. П. Разумовой и Т. И. Сенькиной 1969 г. от Серафимы Степановны Ффановой, 71 год (род. в д. Подпорожье Пудожского р-на), г. Пудож.

Вариант С. С. Фофановой содержит основные мотивы баллады, которая на Пудогe, как правило, передается в сокращенном виде (см. Сок.—Чич., № 29 — запись от Г. А. Якушова и Парил-Сойм., № 71 — от Е. С. Журавлевой).

ВОЛХ ВСЕСЛАВЬЕВИЧ

(контаминация с былиной «Вольга и Микула»).

Исследования о былине «Волх Всеславьевич»: Пропп, 1958, с. 70—75; Жирмуинский, 1958, с. 71—73, Пропп — Путилов, т. I, 1958, с. 6—7; Merifu В. Митолошки елементи у српскохрватским народним песмама.—Анали филолошког факултета, 4. Београд, 1964, с. 278; Jakobson R. (with Szeftel M.). The Vseslav Epos.—In: JAKOBSON R. Selected writings, vol. IV. Paris, 1966. Мирончиков Л. Т. О тотемизме восточно-славянского волхования.—В кн.: Советское славноведение. Материалы IV конференции историков-славистов. Минск, 1969; Селиванов Ф. М. Сюжет и композиция былины о Вольге (Волхе).—Вестник МГУ, филология, 1969, № 3; Путилов, 1971, с. 70—78; Иванов — Топоров, 1974, с. 123—126; Смирнов, 1974, с. 113; Иванов В. В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка.—Изв. АН СССР, СЛЯ, 1975, т. 34. № 5, с. 399—408; КД, с. 433.

Сюжет былины о Волхе Всеславьевиче принадлежит к наиболее архаическим в русском эпосе. По мнению большинства исследователей, в Волхе совмещены черты чудесного охотника, оборотня и кудесника, предводителя княжеской дружины. В былинном Волхе ученые видели древнерусского князя Олега и Всеслава Полоцкого. Р. Якобсон и М. Шефтель в совместном исследовании предположили, что историческим прототипом Волха послужил князь Всеслав Полоцкий, а сведения о Всеславе в летописях и в «Слове о полку Игореве» и былина о Волхе восходят к устному эпосу о Всеславе. Согласно этому реконструируемому эпосу-мифу, Всеслав — Волх предстает как сын княгини и змея (см. также Смирнов, 1974, с. 113), родившийся в чудесной сорочке. Р. Якобсон справедливо усмотрел в образе Волха черты дохристианского культа волка. Привлекая типологические параллели из южнославянского эпоса (Змай — Огненный Вук), ученый говорит о генетической праславянской общности Волха и Вука. Р. Якобсон указал и на возможность влияния сказаний об Александре Македонском (имеется в виду его легендарное происхождение от змея и другие мотивы явно мифологического и фольклорного характера на эпос) о Всеславе.

Б. Н. Путилов справедливо подверг сомнению слишком прямолинейное приурочение исторического Всеслава Полоцкого к былинному Волху и параллели между Волхом и Вуком.

Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров, реконструируя праславянские и индоевропейские тексты и мифы, уделили главное внимание мифу о поединке бога грозы и его противника (змея, волка). Волх и Змай — Огненный Вук рассматриваются в свете этих реконструкций как медиаторы, воплощающие и героя, и его противника.

Варианты: Пропп, 1958, с. 70. Исследования о былине «Вольга и Микула»: Аст., т. II, с. 712; Пропп, 1958, с. 374—387, 586; Пропп — Путилов, 1958, с. 316—317; Путилов, 1971, с. 250—253; Алексеев Н. Н. Исторические связи мордовского фольклора и фольклора славянских народов.—В сб.: Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Саранск, 1972, с. 33—40; Смирнов, 1974, с. 142 (Богатырь-пахарь); Балашов, 1975, с. 43—54.

Былина о Вольге и Микуле построена на социальном конфликте средневековья: князь — чудесный пахарь-богатырь. Это свидетельствует о довольно позднем ее происхождении, что подтверждается и данными картографирования былин на Русском Севере (Дмитриева С. И. Географическое распространение былин на Русском Севере. М., 1975, с. 55).

Вопрос о генезисе былины важен, т. к. позволяет отделить от основного сюжетного ядра поздние напластования, не связанные с сюжетом о Вольге

и Микуле. Речь идет о мотиве чудесного рождения князя и реакции природы на появление князя-оборотня. Р. Якобсон в упомянутой работе строго разграничивает былин о Вольге и Микуле и о Волхе Всеславьевиче, полагая, что «Вольга и Микула» — более поздняя былина, а герой ее и Волх «генетически различны». Имя «Volx» восходит, по Р. Якобсону, к древн.-рус. «vъlxъ», а «Vol'ga» — к древн.-рус. «Olyg». Адаптация мотива рождения Волха к былине о Вольге и Микуле усилила, тем не менее, оппозицию князь — пахарь-богатырь.

Варианты: Аст., т. II, с. 712—715.

№ 5. Вольга Всеславьевич (76/84).

Запись Г. Ф. Нефедова 1935 г. от Ирины Андреевны Степановой, 78 лет, д. Подбельники, Заонежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

Вариант И. А. Степановой является комбинацией двух былин — о Волхе Всеславьевиче и Вольге и Микуле. В основе комбинации лежит, очевидно, обычное для заонежских сказителей смешение Волха и Вольги (в Беломорье эти персонажи четко разграничиваются).

По свидетельству собирателей, эта былина относится к тем, которые сказительница знала из книги, какой — неизвестно. Первая часть былины близка в сюжетно-композиционном плане вариантам К. Романова (Рыбн., № 38, Гильф., № 91), а по ряду мотивов (например просьба Волха к матери дать ему «палицу свинцовую») и деталей (имена царя и царицы Индийского царства — Салтык Ставрьюевич и царица Аздяковна) — былине из сб. Кириши Данилова (КД, № 6). Вторая часть — былина о Вольге и Микуле — принадлежит к типичным заонежским вариантам. Она несколько сокращена за счет отсутствия повторяющихся мотивов.

ГОЛУБИНАЯ КНИГА

Исследования: Пыпин, 1857, с. 139—148; Надеждин Н. И. О русских народных мифах и сагах в применении их к географии и в особенности к географии русской, II — РБ, 1857, т. IV, ч. 2; Буслаев, 1861, с. 1—63; Буслаев, 1861а, с. 455—463; Афанасьев, т. 2, с. 142—151, 162—166, 292—320, 458—493, 553—556; Порфирьев, 1869; Веселовский, 1872; Веселовский, 1872а; Jagic, 1876; Веселовский, Разыскания, II—V; Буслаев, 1887 (Рецензия на «Сборник духовных стихов» Варенцова и на сб. «Калитки переходные» Бессонова); Мочульский В. Н. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887; Истрин В. М. Замечания о составе Толковой Палей. — Изв. ОРЯС, 1898, т. III, кн. 2—3; Жданов И. Н. Беседа трех святителей и Иоса топасногого. — В кн.: Жданов И. Н. Сочинения, т. I, СПб., 1904; Порфирьев, 1904, с. 280 и след.; Мансикка В. Представление о «море» в Голубиной книге. — ЖМНП, 1910, февр., ч. XXV, с. 275—283; Радченко К. Ф. Этюды по богомилству. Народные космогонические легенды славян в их отношении к богомилству. — Изв. ОРЯС, 1910, т. XV, кн. 4; Ляцкий, 1912, с. XXXVIII—XLV; Марков А. В. Повесть о Вологе и отношении к Повести о святом граде Иерусалиме и к стиху о Голубиной книге. — Изв. ОРЯС, 1913, т. 18, кн. 1; Сперанский, 1917, с. 371—373; Беляев М. В. Книги небесные. — Изв. Бакинского ун-та, 1921, № 1, 2-ой полутом (гуманит. науки), с. 217—256; Он же. Из литературной истории русских народно-поэтических представлений. — Изв. Азербайджанского гос. ун-та им. В. И. Ленина, 1926, т. 6—7 (Серия обществ. наук), с. 49—64; Schager S. A note on the old Russian variant of the Purushasukta. — Acta Orientalis, 1935, № 7, p. 319—323; Соколов, 1941, с. 286; Иванов — Топоров, 1965, с. 96—97, (Сон о правде и кривде); Топоров В. Н. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией мирового дерева. — Тр. по знаковым системам, V, Тарту, 1971; КД, с. 457; Мурьянов М. Ф. Грааль и «Голубиная книга». — В сб.: Актуальные проблемы советской романистики. Л., 1975.

Книжные источники Голубиной книги: Пыпин, 1862; Тихонравов, 1863; Срезневский И. И. Древние славянские памятники юсового письма. СПб.,

1868; **Вяземский П. П.** Беседа трех святителей.— Памятники древней письменности, вып. 1, СПб., 1880: См. также работы А. Н. Веселовского, В. Н. Мочульского и др., где приводятся книжные источники стиха.

Сюжет Голубиной книги представляет собой широко распространенный в мировой мифологии и фольклоре диалог на космогонические темы (например в «Старшей Эдде» — «Речи Вафтруднира», «Речи Высокого», отчасти «Прорицание Вэльвы», в среднеиранской традиции — вопросы Зороастра и ответы Ормузда). В Голубиной книге наряду с древнейшим мифологическим пластом присутствуют и элементы христианского происхождения, источниками которых являются ветхозаветные апокрифы, т. е. «потаенные» книги, часто запрещавшиеся официальной религией: «Беседа трех святителей» (Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста), «Беседа Иерусалимская», «Вопросы Иоанна Богослова Господу на горе Фанорской», главный богомилский апокриф «*Liber Sancti Iohannis*», апокрифические сказания о Соломоне и Давиде. В стихе заметно влияние средневековых физиологов и bestiариев (вопросы и ответы о птице, звере, рыбе). Относительно самой книги, которая выпадает с небес и ее названия, высказывались различные мнения. Под Голубиной книгой (запрещенной, глубинной, мудрой, «великой, как глубина морская» и т. д.) подразумевалось Евангелие или св. Писание, происходящее от св. Духа, символом которого в христианстве выступает голубь (И. Порфирьев). Голубь связан также с дохристианской космогонией, в которой он или другая птица — утка и т. д. является зачинателем мира и земли (богатый материал находится в книге Дж. Фрэзера «Фольклор в Ветхом завете». М.—Л., 1931, с. 1—48 и пр.). На это указывали О. Миллер, Ф. Буслаев, И. Порфирьев. Возможно, здесь имелась в виду Псалтырь (Ягич, Жданов).

В наиболее полных вариантах стиха содержатся вопросы и ответы: 1) о начале мира — света, солнца, месяца, звезд, ветра и пр. и его устройстве — земли, неба, воды, гор. Здесь отождествляются элементы микрокосма (бога, первочеловека) и макрокосма (вселенной, земли).— Thompson, A 614 (Вселенная из частей тела творца); 2) о происхождении человека — «От скольких частей создан был Адам».— Thompson, A 1291 (Тело Адама, созданное из восьми (четырёх) частей); 3) о происхождении классов и словесий — бояр, царя, крестьян, социальной иерархии. Здесь отождествляются элементы социального устройства и первочеловека (цари — от Адамовой главы, князья-бояре — от Адамовых мощей, крестьяне — от «свята колена от Адамова»).— Thompson, A 1650 (Происхождение различных классов, социальных и профессиональных); 4) о древности и первенстве природных объектов — рыбы, птицы, зверя, дерева, травы, камня; 5) о первенстве различных святынь — города, церкви.— Thompson, A 875.1 (Пуп земли), Thompson, H 681.3 (Что является центром земли?); 6) разгадка снов о Правде и Кривде (о зайце и сове) и сна Волотомана Волотомановича о крестном древе.— Thompson, A 652 (Мировое дерево).

В дореволюционной фольклористике обычно исследовались книжные источники стиха. В. Н. Топоров останавливается на международных мифологических параллелях к стиху («О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией мирового дерева»).

В а р и а н т ы: **Киреевский**, 1848, № 11 (-Бесс. № 82); **Надеждин Н. И.** О русских народных мифах и сагах в применении их к географии и в особенности к географии русской, II.—РБ, 1857, т. IV, ч. 2, с. 31—34 (-Бесс. с. 90, 91); Бесс., № 76—91; **Варенц.**, с. 11—39; **Барсов**, 1867, № 3; **Ист.** — **Дютш** (раздел «Духовные стихи», № 10); **Григ.**, т. I, № 88, 199, 207, 210; **Григ. II**, № 260, 283; **Григ. III**, № 325, 366, 388; **Марк.**, № 53; **Онч.**, № 56, 78; **Агренева-Славянская**, 1889, с. 96—99; **Шуб.**, 1950; **Балашов**, 1963, с. 139—140 (Сон Волотомана Волотомановича); **КД**, № 60.

№ 54. (Голубиная книга) (131/286, ф. 1784/7).

Запись А. П. Разумовой и Е. И. Русаковой в августе 1972 г. от Феклы Ивановны Мыхинной, 68 лет, д. Колежма, Беломорский р-н.

Сказительница так рассказала об усвоении стиха: «Была большая, дак

я теперь не помню. Была маленькой девчонкой, читала дак. Книжка была, маленькими столбиками написана. Больше было, да я теперь забыла.

Вариант Ф. И. Мыхиной является редкой записью некогда популярного на Руси и в Белоруссии духовного стиха о Голубиной книге. Сказительница сохранила в тексте космогонические мотивы, мотивы социального устройства, происхождения человека, первенства святых реликвий — церкви, города, горы, реки, мифологических животных — кита, носорога. В целом вариант довольно краток, многие мотивы забыты сказительницей.

ДВА ЛАЗАРЯ

Исследования: Срезневский, 1867, (Слово о богаче и о Лазаре по списку XII в.); Порфирьев, 1869, с. 143; Морозов, 1888; Батюшков Ф. Спор души с телом в памятниках средневековой литературы. СПб., 1891, с. 118—125, с. 256; Порфирьев, 1904, с. 341—342; Сперанский, 1917, с. 391; Соколов, 1941, с. 289; Балашов, 1963, с. 29, с. 405; Белоусов А. Из наблюдений над русским духовным стихом, 1. Два брата Лазаря — *Quinquagenario*. Сб. статей молодых филологов к 50-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1972, Bossy, 1976, p. 144—163. Thompson — Aarne, 1964, № 808 (Дьявол и ангел ждут души). А.—А., 808* (Смерть праведника и грешника).

Сюжет духовного стиха о двух Лазарях восходит к евангельской притче о богатом и Лазаре (Евангелие от Луки, 16), а также к древнерусскому изводу повести о смерти праведника и грешника. «Братья во Христе» — богатый и бедный (Лазарь) в народном сознании переосмыслились и стали в ряде вариантов кровными братьями, рожденными от одной матери. В отличие от притчи в духовном стихе основное внимание уделено конфликту персонажей «на этом свете». В стихе заметно воздействие «группового мировосприятия» калик переходящих: бедный Лазарь выступает как носитель морального кодекса нищей братии. В стихе четко разграничивается мирская (социальная) сфера жизни, ее ценности — богатство, почет и область жизни «нищей братии» — сиротство, безродность, низкий социальный статус, физические недостатки и в то же время близость к сверхъестественному миру (А. Белоусов). Не случайно П. Бессонов, составитель сборника «Калики переходящие», включил стих в раздел «Кого берут примером калики переходящие».

«Два Лазаря» наряду с такими духовными стихами, как «Стих о нищей братии» («Вознесение Христа»), «Разговор царевича Иосафата с пустыней», «Алексей человек божий», гармонировали с аскетическими христианскими идеалами калик переходящих, являлись для них моральными образцами.

Варианты: Киреевский, 1848, № 10; Бесс., № 19—24; Якушкин, 1860, с. 44—50; Варенц., с. 66—77, 212—219; Барсов, 1867, № 8; Костомаров Н. Об историческом значении русской народной поэзии. Харьков, 1843 (перепечатано у Бесс., № 26); Никольский, 1878, с. 40—41; Агренева-Славянская, 1889, с. 99—101; Ист.—Дюшш (раздел «Духовные стихи», № 6—7); Ист.—Ляпунов (раздел «Духовные стихи», № 6—8); Сперанский, 1901, с. 53—57; Фридрих, 1936, № 638 (два варианта).

№ 29. Про Лазарей (21/140).

Запись Г. Григорьевой 4 июля 1961 г. от Ксении Егоровны Ремизовой, 76 лет, д. Алексеево, Пудожский р-н.

По свидетельству собирателей, «К. Е. Ремизова рассказывала духовный стих. Слышала его от мужа» (Н. А. Ремизова.—Н. Ч.). Духовный стих о двух Лазарях от Н. А. Ремизова не записан.

Текст К. Е. Ремизовой довольно полный, с сохранением основных мотивов данного сюжета.

№ 39. (Два Лазаря) (23/18, Ф 1422/9).

Запись А. П. Разумовой и Т. И. Сенькиной 1969 г. от Серафимы Степановны Фофановой, 71 год, г. Пудож (род. в д. Подпорожье, Пудожский р-н).

Вариант С. С. Фофановой передает основные мотивы духовного стиха

о двух Лазарях, при этом, однако, пропущен мотив просьбы богатого к бедному в аду дать ему напиток (богатый умоляет бедного намочить свой мизинец водой).

№ 52. (Два Лазаря) (56/144).

Запись И. Этниной 1935 г. от Екатерины Ивановны Коноваловой, 67 лет, д. Гридино, Кемский р-н.

Духовный стих о богатом и Лазаре в исполнении Е. И. Коноваловой сохраняет все основные мотивы, присущие ему.

ДМИТРИЙ И ДОМНА

Исследования: Аст., т. II, с. 717; Пропп — Путилов, 1958, т. 2, с. 489—490; Балашов, 1963, с. 19—20; Смирнов, 1974, с. 135 (Девушка не хочет идти замуж за молодца.— Здесь же указаны славянские параллели). Баллада принадлежит к числу малоисследованных. Ученые склоняются к тому, что в балладе нашли отражение средневековые нормы морали.

Варианты: Аст., т. II, с. 717—720; БПЗ, с. 580; Балашов, 1963, с. 236—241 («Грозный и Домна»); РНПП, № 99; РНПКП, № 184, 195. Смирнов, 1976, с. 122—123.

№ 43. Дмитрий-князь (35/52).

Запись Т. Величко и И. Сухановой (руков. экспед. К. В. Чистов). 1956 г. от Анастасии Ивановны Ефремовой, 61 год. д. Калгалакша, Кемский р-н.

Опубликованный вариант: РНПКП, № 195.

Баллада относится к числу тех обработок сюжета, в которых Домна кончает жизнь самоубийством. Эта версия распространена в Поморье наряду с другой — убийством Домны Дмитрием. Вариант А. И. Ефремовой сохраняет лишь основные, ключевые мотивы баллады. Запись 1956 г. очень близка к опубликованной в РНПКП, № 195 как на сюжетно-композиционном уровне, так и на уровнях строф, строк и более мелких словесных компонентов. Вариант А. И. Ефремовой сходен с вариантом А. В. Ивановой (РНПКП, № 184).

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Исследования: Аст., т. I, с. 565—566; Пропп, 1958, с. 277—286; Пропп — Путилов, 1958, т. 1, с. 242—532; Жирмунский, 1958, с. 136; Путилов, 1971, с. 190—206; Добрыня Никитич, с. 415—418; Смирнов, 1974, с. 132.

Thompson, N 681 (Муж (возлюбленный) присажает домой как раз в тот момент, когда жена (возлюбленная) собирается выйти замуж за другого); Thompson — Aarne, 1964, № 974 (Возвращающийся домой муж).

Былина о Добрыне и неудавшейся женитьбе Алёши относится к типу эпических песен о муже на свадьбе своей жены — широко распространено в мировом фольклоре сюжету (см., например, сюжет «Одиссеи», который И. И. Толстой удачно сопоставил с русским материалом, исследования об Алпамыше и его среднеазиатских и пр. версиях в трудах В. М. Жирмунского и т. д.). Русская версия международного сюжета, ее этнографические истоки (институт левирата) обстоятельно изучены в работах советских фольклористов В. М. Жирмунского, В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова. Здесь же приводятся параллели из славянского фольклора (см. Путилов, 1971; Смирнов, 1974).

Варианты: Аст., т. I, с. 565—568; т. II, с. 721—728; Пропп, 1958, с. 277; БПЗ, с. 580; ПФМ, № 205—213; РНПКП, № 181; Добрыня Никитич, с. 413—415, № 61, 67, 74, 76—84.

№ 1. Добрыня и Алёша (70/30).

Запись Е. П. Родиной в мае 1938 г. от Петра Григорьевича Горшкова, 63 лет, д. Демидово (нын д. Космозеро), Заонежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

«Дедушка пел лучше, у его голос был лучше, а таким же мотивом», — вспоминал П. Г. Горшков. Здесь имеется в виду дед Петра Григорьевича —

Павел Перфильевич Горшков, от которого сказитель усвоил былины (Аст., т. I, с. 333).

Вариант П. Г. Горшкова хотя и сохраняет основные мотивы былины, все же сильно сокращен: отсутствуют мотивы пира у князя Владимира, отсылки Добрыни, узнавания его матерью по возвращении, узнавания Добрыни женой по обручальному кольцу и т. д. Вариант П. Г. Горшкова следует заонежской редакции былины, не имея, однако, ближайших параллелей в текстах. Это объясняется во многом стремлением сказителя свернуть повествование, акцентировать внимание лишь на ключевых его моментах.

№ 11. О Добрыне Никитиче (72/37).

Запись Е. П. Родиной 1938 г. от Матвея Егоровича Самылина, 59 лет, д. Артово (нын. д. Космозеро), Заонежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

А. М. Астахова сообщила, что экспедицией ГАХН в 1926 году была записана еще схема былины о Добрыне и Алёше, отдельные отрывки этой былины и стихи о братьях Лазарях, об Алексее и отрывок из «Голубиной книги», которые хранятся в секторе фольклора ИРЛИ (Аст., т. II, с. 377).

В 1938 г. былина о Добрыне и Алёше была записана от М. Е. Самылина полностью. По словам сказителя, эту былину он перенял от Александра Тимофеевича Плакидина из бывшей Шуньгской волости (см. 72/35). Из-за краткости изложения былины сказителем трудно указать на ближайшие текстовые параллели. В целом вариант принадлежит к типично заонежским, охарактеризованным А. М. Астаховой (Аст., т. II, с. 722).

№ 28. Про Добрынюшку (21/130).

Запись Г. Григорьевой 5 июля 1961 г. от Ксении Егоровны Ремизовой, 76 лет, д. Алексеево, Пудожский р-н.

Неопубликованный вариант: 21/129.

В комментарии к записи былины Г. Григорьева замечает: «Текст записан с пения. Ксения Егоровна очень охотно рассказывала все, что ей удалось вспомнить, но уговорить ее петь стоило больших трудов. «Рассказывать-то лучше, а петь тяжелее», — говорила исполнительница. Несколько раз К. Е. сбивалась на пересказ. На просьбы собирателя спеть старину отвечала: «Да я пою, пою» — и продолжала пересказывать. Петь начинала только после многократных просьб собирателя и внуков, хором требовавших, чтобы бабушка пела».

Сравнение текста К. Е. Ремизовой и ее мужа Н. А. Ремизова (Парил-Сойм., № 34), от которого она усвоила былину, свидетельствует о том, что сказительница выучила ее не только от мужа, но и от других певцов. В этом убеждает, во-первых, отсутствие в варианте Ксении Егоровны контаминации с былиной о Добрыне и змее (см. вариант Н. А. Ремизова), во-вторых, не разработаны мотивы, связанные с отсылкой Добрыни «во чисто поле», отсутствует мотив ложного известия о гибели героя. Иначе выглядят и другие мотивы: у Н. А. Ремизова Настасья соглашается идти замуж за Алёшу, у Ксении Егоровны — она сначала отказывается, ей угрожают пострижением в старицы; у Никиты Антоновича вещая птица сообщает Добрыне о предстоящей свадьбе Настасьи и Алёши, в варианте Ксении Егоровны это делают голубь и голубка.

Большое сходство в текстах Ремизовых обнаруживают мотивы появления Добрыни в доме матери (стук в дверь), опознания его матерью по примете на голове. По сравнению с былиной Н. А. Ремизова конец варианта его жены значительно сокращен.

Из пудожских вариантов к былине К. Е. Ремизовой ближе текст Г. Амосова (Рыбн., № 155): совпадает ряд специфических мотивов — угроза постричь жену Добрыни в монахини, насильственное замужество Настасьи, сообщение голубя и голубки о женитьбе Алёши и Настасьи, приход Добрыни к матери (стук в дверь).

Возможно, что первоначальные познания К. Е. Ремизовой в былинном искусстве, полученные на Купецком озере, оказались очень устойчивыми, и былины Н. А. Ремизова незначительно повлияли на них. По поводу этой былины в полевой тетради записано: «Тексты Ремизова и его жены значительно отличаются по содержанию. Ксения Егоровна, в отличие от

мужа, уделяет гораздо больше внимания образу Настасьи Никуличны и психологической мотивировке ее поведения. Объясняется ли это только склонностью исполнительницы к импровизации или тем, что ей приходилось слышать былинку из другого источника, выяснить не удалось. К. Е. говорила, что «Ремизов «Про Олешеньку Поповица» в особину пел, дак я не помню» (см. 21/16).

Свидетельства сказительницы говорят как о возможных других источниках былины, так и о нетвердом ее знании.

№ 33. (Добрыня и Алёша) (20/76-а).

Запись А. В. Беловановой (Щемелевой) 1955 г. от Анастасии Леонтьевны Фадеевой, 73 лет, д. Ижгора (род. в д. Сарозеро), Пудожский р-н.

Опубликованный вариант: Парил.—Сойм., № 55.

Анализ записей 1938 г. (Парил.—Сойм., № 55) и 1955 г. обнаруживает высокую сюжетно-композиционную стабильность текста. В варианте 1955 г. опущен мотив сообщения Алёши Поповича о бое Добрыни со змеем (на пиру у князя Владимира), отсутствует мотив приметы, по которой мать Добрыни узнает своего сына. Незначительно варьируют второстепенные мотивы, некоторые из которых переставлены В отличие от сюжета и композиции словесные элементы текста заметно варьируют. Характеристика варианта Парил.—Сойм., № 55 распространяется и на публикуемый нами текст (Парил.—Сойм., с. 497).

ДОБРЫНЯ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ

Исследования: Аст., т. II, с. 728—729; Пропп, 1958, с. 355—369; Пропп — Путилов, 1958, т. 1, с. 514; Смирнов, 1974, с. 120 (Сватовство в чужой земле); Добрыня Никитич, с. 379—380.

Thompson, Н 310 (Испытания жениха); F 601.2 (Необычные спутники помогают герою в испытаниях жениха); Н 331.4.1 (Состязание женихов с отцом невесты в стрельбе); Н 331.5.2 (Состязание жениха: соревнование с отцом невесты); Н 331.6 (Состязание жениха: борьба); а также: Н 332.1 (Жених в состязании с невестой).

Фольклористы мало интересовались этим сюжетом. Обычно в былине видели прежде всего отражение истории. По мнению В. Я. Проппа, в былине о Добрыне и Василии Казимировиче воплотились народные чаяния до освобождения Руси от монголо-татарского ига. С точки зрения других ученых, «в былине в фантастической форме отражены события, связанные с прекращением выплаты дани и окончательным освобождением Руси от монголо-татарского ига» (Добрыня Никитич, с. 380). Вместе с тем ученые обратили внимание и на следы более архаического сюжета: в былине хорошо сохранились мотивы состязаний в шахматы, стрельбы из лука, борьбы с королем (или его дочерью), типичные для песен о сватовстве в чужой земле. С этой точки зрения правильной кажется оценка былины Ю. И. Смирновым (см. Смирнов, 1974, с. 120). Характерна в плане свадебной поездки и роль Добрыни — помощника в испытаниях жениха.

В а р и а н т ы: Аст., т. II, с. 728—731; Добрыня Никитич, с. 379.

№ 40. Про Добрынюшку Микитица, как везли дань (2/39).

Запись В. Р. Дмитриченко 1938 г. от Андрея Степановича Логинова, 32 лет, д. Авдеево (род. в д. Мелентьевская), Пудожский р-н.

Былина А. С. Логинова состоит из двух былин — о Добрыне и Василии Казимировиче и о Добрыне и Алёше. В такой комбинации записаны тексты от Т. Г. Рябинина (Рыбн., № 8, Гильф., № 8), П. И. Рябинина-Андреева (Аст., № 134, Сок.—Чич., № 97), П. С. Семенова (Сок.—Чич., № 108). Следует отметить большое сходство публикуемого текста с вариантом пудожского сказителя П. А. Логинова, троюродного брата Андрея Степановича (Сок.—Чич., № 39). Совпадают мотивы состязаний, известия ворона о замужестве Настасьи, узнавания Добрыни матерью по «знадебке» на голове, самоубийства Алёши по типу гибели Дуная. Все это, а также общность деталей свидетельствуют об одном источнике былин Логиновых.

П. А. Логинов усвоил былины от Н. П. Прохорова (Утки), от которого, к сожалению, эта былина не записана. Источники эпического знания А. С. Логинова неизвестны. Факт тот, что А. С. Логинов 1906 г. рождения, и не мог знать Н. П. Прохорова. Не исключено, что братья общались между собой и могли выучиться былинам друг у друга. Скорее всего это сделал А. С. Логинов, как самый младший.

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

Исследования: Аст., т. I, с. 570—571; Пропп, 1958, с. 179—206; Пропп — Путилов, 1958, т. 1, с. 509—511; Иванов — Топоров, 1965, с. 103 (мотив: земля не пропускает кровь змея); Смолицкий В. Г. Героические былины о Добрыне Никитиче. АКД. М., 1966; Робинсон А. Н. Эпос Киевской Руси в соотношении с эпосом Востока и Запада.—Изв. АН СССР, СЛЯ, 1967, вып. 3, с. 214—218; Путилов, 1971, с. 38—46; Смолицкий В. Г. Былина о Добрыне и Змее.—РФ, 1971, т. XII, с. 181—192; Добрыня Никитич, с. 372—374; Иванов — Топоров, 1974, с. 170—172; Смирнов, 1974, с. 115 (Змей похищает девушку); КД, с. 453.

Thompson, В 11.11 (Борьба с драконом); R 111.1.3 (Спасение принцессы (невесты) от дракона); А.—А., 300 А; Thompson — Lagne, 1964, 300.

Исследователи справедливо разделяют два сюжета: о борьбе Добрыни со змеем (Первый бой Добрыни) и об уничтожении змея — похитителя женщины (Второй бой Добрыни). Оба сюжета относятся к змееборческим, а Добрыня в них выступает как тип героя-змеборца, к которому принадлежит также Илья Муромец, Михайло Потык, Алёша Попович. Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров в книге «Исследования в области славянских древностей» (М., 1974) рассматривают былинку о Добрыне как эпическую трансформацию праславянского мифа о поединке бога грозы и его противника — змея, скотьего бога Велеса-Волоса и т. д.

Варианты: Аст., т. I, с. 570—572; т. II, с. 731—733; БПЗ, с. 580; ПФМ, с. 204, 212, 213; Шуб, 1950, с. 218—222; Добрыня Никитич, с. 371—372; Смирнов, 1976, с. 123—124.

№ 16. Бой Добрыни со змеем (68/33-а).

Запись Е. П. Родиной в мае 1938 г. от Агриппины Федоровны Трухавой, 59 лет, с. Липовицы, Заонежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

Опубликованный вариант: Аст., № 148.

Запись 1938 г. незначительно отличается от записи 1932 г. (Аст., № 148). В нашем варианте опущены мотивы очередной просьбы Добрыни к матери разрешить ему поехать на пир, отказа матери дать это разрешение, обращения спасенной Забавы к Добрыне. В публикуемом варианте повторяются некоторые второстепенные мотивы. Однако все эти изменения не столь существенны, чтобы вариант приобрел черты редакции или версии. Сопоставление вариантов А. Ф. Трухавой свидетельствует о высокой стабильности текста. Подробный анализ варианта А. М. Астаховой, данный ею в сб. «Былины Севера», применим и для нашей публикации (Аст., т. II, с. 733).

№ 31. Про Добрыню (20/76).

Запись А. В. Беловановой (Щемелевой) 1955 г. от Анастасии Леонтьевны Фадеевой, 73 лет, д. Ижгора (род. в д. Сарозеро), Пудожский р-н.

Опубликованный вариант: Парил.—Сойм., № 54; неопубликованный вариант: 8/55.

Анализ вариантов 1938 г. (Парил.—Сойм., № 54) и 1955 г. показывает высокую стабильность текста на сюжетно-композиционном уровне. При исполнении былины в 1955 г. А. Л. Фадеева дважды повторила мотив гласа с неба, призывающего Добрыню продолжать биться со змеем. Новым выглядит и мотив сидения Алёши Поповича на дубу, когда Добрыня в первый раз бьется со змеем. Гораздо заметнее варьирование стрóf, строк их

компонентов. О характеристике записи 1938 г. см.: Парил.—Сойм., с. 496—497. Это относится и к публикуемому варианту.
№ 35. Добрыня и змей (8/29).

Запись Н. А. Бутинова и А. Д. Соймонова 1940 г. от Ивана Терентьевича Фофанова, 69 лет, д. Климово, Пудожский р-н.

И. Т. Фофанов сказывал, а не пел былину («Спеть-то я ее не могу»).

В сб. «Былины Пудожского края» опубликована былина И. Т. Фофанова о первом бое Добрыни со змеем (Парил.—Сойм., № 21). Сказитель слышал, «как пели только до этого места, дальше рассказывали о том, как Добрыня выручал Забаву, бился три дня, по колену в крови стоял, а выручил» (там же, с. 476.) Здесь публикуется «продолжение» былины, второй бой Добрыни со змеем. Текст И. Т. Фофанова полный, с сохранением основных мотивов. Варианту И. Т. Фофанова не удалось найти сколько-нибудь близких параллелей, возможно, по причине импровизационных особенностей творчества сказителя.

№ 9. Про Добрыню (сводная былина) (8/132).

Запись В. Р. Дмитриченко 26—28 июля 1940 г. от Ирины Андреевны Степановой, 83 лет, д. Пяльма (род. в д. Подъельники, Заонсжский, нын. Медвежьегорский р-н), Пудожский р-н.

Вариант И. А. Степановой является контаминацией четырех былин: о первом бое Добрыни со змеем, втором бое со змеем, о женитьбе Добрыни и о Добрыне и Алёше. В таком составе и последовательности текст И. А. Степановой повторяет запись А. Ф. Гильфердинга от кижского сказителя И. А. Касьянова из Космозера (Гильф., № 157).

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

Исследования: Аст., т. I, с. 573—574; т. II, с. 734; Пропп, 1958, с. 267—277; Пропп—Путилов, 1958, т. 1, с. 512—513; Путилов, 1971, с. 38, 131—132; Смолицкий В. Г. Былина о Добрыне и Маринке.—В сб.: Современные проблемы фольклора. Вологда, 1971, с. 48—68; Путилов, 1972, с. 7—11; Иванов — Топоров, 1974, с. 171—172, 179; Добрыня Никитич, с. 391; КД, с. 434—435. Thompson, G 263.1 (Кирка превращает возлюбленных в животных), G 264. La Belle Dame Sansmerci (Ведьма соблазняет мужчин любовными предложениями и затем покидает или уничтожает их); Index, 5018 (Улисс и Кирка).

Сюжет былины о Добрыне и Маринке содержит два подтекста. Первый, наиболее архаичный, связан с борьбой героя с волшебницей, которая околдовывает богатырей и превращает их в животных (Путилов, 1972, с. 11). Второй, более поздний, пришел из песен о сватовстве в чужой земле (там же, с. 11). Большинство ученых усматривает в Маринке черты змеи. Если учесть коллизию змеборец Добрыня—его антагонист женщина-змея, колдунья, то сюжет можно рассматривать как эпический вариант праславянского мифа о поединке громовержца со змеем (змеей). Более подробно о типе противника героя—женщине-змее, ее имени в русском эпосе—Марина (от мифолог. Мара, Морена и т. д.) см.: Иванов—Топоров, 1974, с. 179.

Варианты: Аст., т. I, с. 573—575; т. II, с. 734—735; Пропп, 1958, с. 267; Пропп—Путилов, 1958, т. 1, с. 512—513; БПЗ, с. 580; Сидельников, 1968, № 35; Добрыня Никитич, с. 390—391.

№ 36. Про Добрыню (2/47).

Запись В. Р. Дмитриченко 1938 г. от Ивана Терентьевича Фофанова, 69 лет, д. Климово (нын. д. Кашино), Пудожский р-н.

При исполнении сказитель пропустил следующие важные мотивы: заперт матери Добрыни ходить сыну в «переулки Игнатьевские», голубь и голубка в окне Маринки, вырезание Маринкой следов Добрыни, превращение Добрыни в тура. Былина явно испытала на себе влияние былины о трех поездках Ильи Муромца (встреча Ильи с волшебницей).

Текст И. Т. Фофанова сходен с текстом пудожанина Г. А. Якушова (Сок.—Чич., № 11) и особенно с вариантом друга Ивана Терентьевича—

Н. А. Ремизова (Парил.—Сойм., № 35). Это объясняется общностью эпических источников: Н. П. Прохоров (Утка) был учителем и И. Т. Фофанова, и Г. А. Якушова. Во-вторых, творческие контакты Н. А. Ремизова и И. Т. Фофанова также могли повлиять на публикуемый вариант.

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Исследования: Аст., т. I, с. 582—583; Пропп, 1958, с. 477—507, 592—595; Пропп — Путилов, 1958, т. 2, с. 166, 477—478; КД, с. 430.

Былина, по мнению В. Я. Проппа, возникла в XVI—XVII в. в Московской Руси. Конфликт в былине разворачивается в форме состязания в богатстве Чурилы, киевского шапа, т. е. щеголя, и заезжего богача Дюка. В былине есть и более архаичные мотивы: преодоление Дюком трех застав на коне (см. Добрыня и змей, Егорий и змей), выезд Дюка на охоту (см. песни о сватовстве). Однако с дальнейшим развитием сюжета эти мотивы плохо согласуются. Вторая часть былины — приезд в Дюково именован и оценка его слугами Владимира — почти полностью повторяет былинку о князе Владимире и Чуриле (ее вторую часть).

Варианты: Аст., т. I, с. 582—585, т. II, с. 741—744; Шуб, 1950, с. 227—228; Пропп, 1958, с. 477; БПЗ, с. 580; РНПКП, № 193; Балашов Д. М. Уникальная редакция былины о Дюке Степановиче.—РФ, т. XII, Л., 1971, с. 234—237 (здесь же текст и анализ былины).

№ 8. Боярин Дюк Степанович (76/85).

Запись Г. Ф. Нефедова 1935 г. от Ирины Андреевны Степановой, 78 лет, д. Подъельники, Заонежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

Вариант И. А. Степановой почти полностью сохраняет все основные мотивы заонежских былин о Дюке. Отсутствуют мотивы преодоления Дюком трех застав. Сказительница варьирует традиционную для Заонежья последовательность мотивов. Текст Ирины Андреевны обнаруживает сюжетно-композиционное, а в ряде случаев и словесное сходство с текстами книжских сказителей А. Е. Чукова (Гильф., № 152) и И. А. Касьянова (Гильф., № 159).

№ 18. Дюк Степанович (68/34-а).

Запись Е. П. Родной в мае 1938 г. от Агриппины Федоровны Трухавой, 59 лет, с. Липовицы, Заонежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

Опубликованный вариант: Аст., № 149.

В полевой тетради записано: «Былинку вначале поет, а со слов «Оны аще прошли дальше...» — сказывает. Конец поет (с какой строки, не указано — Н. Ч.). Знает текст твердо. Записано с голоса».

За исключением некоторых второстепенных мотивов (разрешение Владимира торговать Дюку «век и до веку» — Аст., № 149) и повторов вариант 1938 г. полностью следует записи А. М. Астаховой. Сравнение вариантов А. Ф. Трухавой позволяет говорить о высокой стабильности текстов. Несмотря на прозаизацию ряда фрагментов текстов, они принадлежат к числу наиболее полных и эпически традиционных (об этом см.: Аст., т. II, с. 743).

№ 23. О Дюке Степановиче (12/136).

Запись А. В. Беловановой (Щемелевой) 30 января 1941 г. от Анны Михайловны Пашковой, 75 лет, д. Семеново, Пудожский р-н.

Опубликованный вариант: Парил.—Сойм., № 10.

В сравнении с текстом 1937 г. текст А. М. Пашковой разросся с 477 строк до 973 за счет включения сюжетобразующих мотивов и целых их комплексов. Вследствие этого вариант превратился в версию. При исполнении в 1941 г. сказительница ввела следующие мотивы: мать Дюка сообщает о трех заставах, которые должен преодолеть Дюк (любопытно, что у Парил.—Сойм., № 10 Пашкова не могла вспомнить этот мотив и другие, связанные с ним.—Парил.—Сойм., с. 470); Дюк преодолевает заставы; Чурила сомневается в подвиге Дюка; Дюк наставляет на своем. В то же время в тексте Парил.—Сойм., № 10 Владимир, а не Чурила бьется

об заклад с Дюком — выезжать в новой одежде и на новых конях в поле. У Парил.—Сойм., № 10 нет серии мотивов, связанных с выездом соперников в поле, а мотивы преодоления Чурилой трех застав в этом варианте призваны заменить мотивы состязания богатырей у Пучай-реки (см. нашу публикацию).

В записи 1941 г. подробно, в духе традиционной эпической обрядности описаны наряды Дюка и Чурилы. Большое умение варьировать текст продемонстрировала сказительница и в отношении словесной его стороны.

Судя по словам самой А. М. Пашковой, эту былинку она усвоила из книги (Парил.—Сойм., с. 469), что заметно в некоторых совершенно небылинных мотивах и деталях (например, золотые рыбки в речке у Дюка).

ЕГОРИЙ (МУЧЕНИЯ ЕГОРИЯ)

Исследования: Порфирьев, 1869, с. 73—80; Кирпичников, 1879, с. 157—175; Порфирьев, 1904, с. 322; Рыстенко, 1909, с. 276—312; Марков А. В. Определение хронологии русских духовных стихов в связи с вопросом об их происхождении.—БВ, 1910, № 6—8, с. 361; Ляцкий, 1912, с. XVI—XVII; Соколов, 1941, с. 286—288.

Литературным источником «большого» стиха о Егории ученые считали апокрифическое сказание о нем (см., например, «Георгиево мучение». — Тихонравов, 1863, с. 100—111). В стихе Георгий выступает как распространитель христианства на Руси. Его сравнивали с историческими личностями: Ярославом Мудрым, Юрием Долгоруким. Книжные, апокрифические элементы — мучения соединяются с фольклорными мотивами (сидение в «погребках глубоких», поездка через «горы толкучие», «пески змбучие» — преодоление застав). По справедливому мнению А. Рыстенко, мотивы трех сестер, пасущих стада змеиные-звериные, объясняются функцией Егория в русском обряде, где он выступает покровителем скота (овец, коров, свиней и лошадей). Егорий, защитник скота от зверей и змей, связан с плодородием. Кроме того, он змееборец (см. духовный стих о Егории и змее). Егорьевская обрядность подверглась глубокому изучению в славистике. Из последних работ см.: Иванов — Топоров, 1974, ч. II («Некоторые преобразования основного мифа и соответствующего ритуала в связи с комплексом представлений о плодородии»).

Варианты: Киреевский, 1848, № II; Якушкин, 1860, № I, II, III; Варенц., с. 95, 100; Бесс., № 98—115; Агренева-Славянская, 1889, с. 113—116; Ист.—Ляпунов, (раздел «Духовные стихи», № 4); Ист.—Дютш (раздел «Духовные стихи», № 4); Сперанский, 1901, с. 41—45; Григ., т. I, № 93; Марк., № 24, 89; Сперанский, 1906, № 2; Ляцкий, 1912, с. 98—100; Афанасьев, 1914, с. 103—111; Озар., с. 103—108; Балашов, 1963, с. 194—195. № 38. Про Георгия (23/19, ф. 1422/10).

Запись А. П. Разумовой и Т. И. Сенькиной 1969 г. от Серафимы Степановны Фофановой, 71 г., г. Пудож (род. в д. Подъяельники, Заонежский, нын. Медвежьегорский р-н).

Духовный стих о мучениях Егория в исполнении С. С. Фофановой передает лишь мотивы, связанные с наездом Кудрияница на Русь и истязаниями Егория. В варианте нет мотивов освобождения Егория и его христианской миссии на Русь, встречи со змеиными стадами и пр.

№ 44. Егорий святохр (абрый) (35/54).

Запись Т. Величко и И. Сухановой 1956 г. (руков. экспед. К. В. Чистов) от Анастасии Ивановны Ефремовой, 61 год, д. Калгалакша, Кемский р-н.

В варианте сохранены только основные мотивы мучений Егория. Как и в большинстве записей из Поморья, Пудожа и других районов Карелии, в стихе отсутствуют мотивы о встрече Егория со стадами змеиными-звериными, о его христианизации Руси.

ЕГОРИИ (ЕГОРИИ И ЗМЕИ)

Исследования: **Афанасьев**, т. 2, с. 591—592; **Порфирьев**, 1869, с. 62, 73—80; **Кирпичников**, 1879, с. 177 и след.; **Веселовский**, Разыскания, II, VI, XXII; **Буслаев**, 1887 (Рецензия на сб. «Русских духовных стихов» В. Варенцова и на сб. «Калики перехожие» П. Бессонова); **Рыстенко**, 1909, с. 312—474; **Лопарев** X. Новая литература о Георгии Победоносце.— Византийский временник, 1913, т. XX; **Сперанский**, 1917, с. 383—384; **Соколов**, 1941, с. 286—287; **Алпатов М. В.** Образ Георгия-воина в искусстве Византии и древней Руси.— ТОДРЛ, т. XII, Л., 1956; **Балашов**, 1963, с. 27, с. 400; **Тодоров Евгений К.** Древнотракийско наследство в българския фолклор. Легендата за убиването на дракона от св. Георги.— В сб.: Проблемы на българския фолклор, I. София, 1972; **Пропп В. Я.** Змеборство Георгия в свете фольклора.— В сб.: Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973; **Иванов — Топоров**, 1974, с. 200—204.

Thompson, В 11.10 (Жертвоприношение человеческого существа дракону); В 11.11 (Борьба с драконом); R 111.1.3 (Спасение принцессы (невесты) от дракона); А.— А., 300А; Thompson — Aarne, 1964, 300. Index, 2272 (Св. Георгий и дракон).

Духовный стих о Егории и змее восходит к христианской легенде о св. Георгии, победившем дракона и освободившем царскую дочь. Сюжет о Егории и змее и сам тип змеборца-героя находит параллель в апокрифическом житии св. Федора Тирона и в духовном стихе о нем. Любопытно, что стих о Федоре Тироне на Русском Севере не записан.

Уже дореволюционные ученые (А. Рыстенко и в особенности А. Н. Веселовский) рассматривали стих не только на книжном, христианском фоне, но и в связи со змееборческими мотивами в былинах («Добрыня и змей», «Михайло Потык»), с мифологическими схемами (бог-громовник). А. Н. Веселовский справедливо указал и на международные аналогии сюжету (Дигенис Акрит, южнославянские песни о змееборчестве), и на отношении Георгия к Егорьевской весенней обрядности у славян.

Более определенно говорил о фольклорных истоках образа Георгия — Егория В. Я. Пропп. Он объяснил русские иконописные сюжеты духовным стихом и его фольклорными параллелями. Праславянские черты Егория связаны с мифом о поединке бога грозы и его антагониста змея (Иванов — Топоров, 1974).

Если исходить из древности сюжета о змееборстве и наличии его в былинах, то следует признать, что стих о мучениях Егория, как в основном книжный и христианский, возник позже стиха о Егории и змее.

Чудо о св. Георгии и змее в самых разнообразных художественных воплощениях (иконопись, деревянная скульптура, культовые постройки, их декор, духовные стихи) было чрезвычайно популярно в Европе и на Руси.

Варианты: **Бесс.**, № 117—120; **Киреевский**, 1848, № 3; **Якушкин**, 1860, № IV; **Барсов**, 1867, № 6, 7; **Агренева-Славянская**, 1889, с. 102—105; **Ляцкий**, с. 101—107.

№ 4. Кудряянице (70/4).

Запись Е. П. Родиной в мае 1938 г. от Петра Григорьевича Горшкова, 63 лет, д. Демидово (нын. д. Космозеро), Заонежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

Духовный стих П. Г. Горшкова является контаминацией стиха о мучениях Егория и о Егории и змее. Первая часть сокращена: нет мотива встречи Егория со стадами змеиными-звериными, мотив христианизации Руси перенесен в конец. Вторая часть — стих о Егории и змее — довольно полная, с сохранением редких мотивов сна Георгия, его пробуждения от слезы Олисафии. Сказитель мотивирует приношение Олисафии в жертву змею тем, что отец и мать ее не любят. Это, разумеется, поздня моральная трактовка древнего мотива человеческой жертвы змею.

ЖЕНИТЬБА ДУНАЯ И КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

Исследования: Аст., т. I, с. 576—577; т. II, с. 735; Пропп. 1958, с. 134—154, 571—574; Пропп — Путилов, 1958, т. I, с. 283—285; Путилов, 1971, с. 128, 133—137; Путилов, 1971 а, с. 79—83; Смирнов, 1974, с. 120 (Сватовство в чужой земле); Добрыня Никитич, с. 383—385; Балашов Д. М. «Дунай». — РФ, т. XVI, Л., 1976, с. 95—114; КД, с. 436.

Thompson, T 58 (Сватовство к сильной и красивой невесте); F 565 (Женщины-воины — амазонки); Н 345 (Испытание жениха: одолеть принцессу в силе); Н 331.4 (Испытание жениха: стрельба); Н 332.11 (Испытание жениха: поединок с невестой); Thompson — Aagne, 1964, 519 (Невеста-богатырша — Брюнхильда).

В былинку включаются два сюжета: о поисках невесты для князя Владимира и о встрече Дуная с женщиной-поленницей, его суженой, о их поединке в поле и трагической гибели. Мотив происхождения рек из крови влюбленных является легендарным и очень распространен в фольклоре. В целом былина принадлежит к типу эпических песен о героическом сватовстве, о встрече героя с женщиной-амазонкой, которую он получает в жены лишь одолев в борьбе.

Варианты: Аст., т. I, с. 576—582; т. II, с. 735—739; Пропп, 1958, с. 135; ПФМ, № 228—234; БПЗ, с. 580; Сидельников, 1968, № 36; РНПКП, № 190, Добрыня Никитич, с. 383.

№ 2. Женильба князя Владимира (70/6).

Запись Е. П. Родиной и Фомкина в мае 1938 г. от Петра Григорьевича Горшкова, 63 лет, д. Демидово (нын. д. Космозеро), Заонежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

Опубликованный вариант: Аст., № 158.

«Эту былинку чаще всего Петр Григорьевич поет, текст знает твердо. Может пропеть несколько раз одно место, не изменяя» (полевая заметка к тексту). По сообщению собирателей, текст записан с голоса.

В варианте П. Г. Горшкова отсутствуют мотивы чудесных младенцев во чреве Настасьи и образования рек из крови Дуная и Настасьи. Вместе с тем в тексте замстно влияние былинны о Чуриле и неверной жене: Бермята сообщает о суженой князю Владимиру, обычно это делает Дунай. Текст 1938 г. (наша публикация) очень близок тексту 1926 г. как на сюжетно-композиционном, так и на словесном уровнях. Характеристика записи 1926 г. применима и к нашей (см.: Аст., т. II, с.738).

№ 12. О князе Владимире Киевском (72/47).

Запись Г. Кругликовой в феврале 1938 г. от Матвея Егоровича Самылина, 59 лет, д. Артово (род. в д. Демидово, нын. д. Космозеро), Заонежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

Эту былинку М. Е. Самылин перенял от шуньгского сказителя А. Т. Плякидина (72/35). Вариант Матвея Егоровича очень краток, нет мотива выявления Дуная как возможного свата, мотива противоборства Дуная и короля Литовского. Отсутствуют мотивы чудесных младенцев и превращения крови возлюбленных в реки. Сжато разработаны и второстепенные мотивы. В силу краткости варианта трудно найти ему близкие параллели.

ИВАН ГОДИНОВИЧ

Исследования: Аст., т. I, с. 585—586; Пропп, 1958, с. 126—134, 571; Пропп — Путилов, 1958, с. 460—461; Путилов, 1971, с. 128—129, 137, 186—189; Смирнов, 1974, с. 118 (Жена (сестра) переходит на сторону этнического противника); КД, с. 439.

Thompson, B 652.2 (Женильба на невесте-змее); B 622.1 (Змей-жених); K 1371 (Похищенная невеста).

Былина состоит из двух «сюжетных ходов»: женильбы героя на невесте из другого мира (змее) и борьбы с соперником героя — змеем. Во второй части былина примыкает к песням о похищении жены героя (в данном случае Ивана Годиновича) соперником, который обычно сватался к не-

сте до ее замужества (Путилов, 1971, с. 186—189). Былина об Иване Годиновиче и о Михайле Потыке относится к одному типу эпических песен о женитьбе героя на женщине из другого мира (змея). Славянские и прочие параллели рассмотрены в работе Б. Н. Путилова, 1971.

Варианты: Аст., т. I, с. 585—587; Пропп, 1958, с. 127; БПЗ, с. 580; ПФМ, № 225—227; Смирнов, 1976, с. 124—125.

№ 41. Про Ивана Гуденого (2/40).

Запись В. Р. Дмитриченко 1938 г. от Андрея Степановича Логинова, 32 лет, д. Алексеево (род. в д. Мелентьевская), Пудоожский р-н.

Вариант А. С. Логинова близок к вариантам Т. Романова (Рыбн., № 145), Н. Прохорова (Рыбн., № 122; Гильф., № 51), от которого П. А. Логинов (Сок. — Чич., № 4) усвоил былины. Сравнение текстов П. А. Логинова и А. С. Логинова дает основание говорить либо об одном источнике былины, либо об усвоении былины о Иване Годиновиче одним сказителем от другого. Это подтверждается сходством весьма специфических для этих вариантов мотивов стрельбы Кощея в голубя с голубкой, освобождения Ивана Годинова (сабля сама разрезает пути). Отдельные детали, имена персонажей, например, Ефимка-паромка, — также доказывают генетическую близость вариантов обоих Логиновых.

Вариант А. С., как и П. А. Логинова, достаточно полный и законченный.

ИВАН ГОСТИНЫЙ СЫН (МАТЬ ПРОДАЕТ СВОЕГО СЫНА)

Исследования: Аст., т. I, с. 588; Пропп — Путилов, 1958, с. 493—494; Балашов, 1963, с. 405.

Thompson, S 210 и пр. (Проданные или обещанные дети); S 221 (Ребенок, проданный (обещанный) за деньги); Thompson — Aagne, 1964, 756 В (Договор с дьяволом).

Сюжет о продаже сына матерью специально не изучался. По мнению В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова, «вся баллада в целом — это песня о горестных сторонах народной жизни», и сложилась она не ранее XVIII в. Исследователь русской народной баллады Д. М. Балашов считает, что баллада возникла в древнем Новгороде «и отразила эпизод одного из многочисленных новгородских неурожаев, когда в результате прерванного подвоза хлеба с юга родители, спасаясь от голодной смерти, продавали своих детей заморским купцам «из хлеба» (Балашов, 1963, с. 405). Д. М. Балашов прослеживает дальнейшее развитие этой баллады на Руси и позднейшие переосмысления ее сюжета. В целом существующие сейчас социально-бытовые, исторические трактовки баллады вызывают сомнения. Вероятно, первоначальная основа ее более древняя (об этом свидетельствует легкость обнаружения типа сюжета в указателях Thompson'a и Aagne), как и большинство баллад так называемого семейно-бытового характера («Василий и Софья», «Братья-разбойники и сестра» и т. д.).

Варианты: Аст., т. I, с. 588—589; РНПКП, № 194.

№ 53. Иван Гостиный сын (Мать продает своего сына) (58/48).

Запись А. Ф. Соляковой 1948 г. от Евдокии Ивановны Ладиной, 73 лет, с. Кереть, Лоухский р-н.

Вариант Е. И. Ладиной не окончен. Обычно баллада завершается отъездом Ивана и возвращением за матерью либо гибелью героя. В силу неполноты варианта сложно подыскать ему текстовые параллели.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И РАЗБОЙНИКИ

Исследования: Аст., т. I, с. 601—602; т. II, с. 758; Пропп, 1958, с. 265; Пропп — Путилов, 1958, с. 122; Илья Муромец, с. 488; КД, с. 459.

Thompson, N 765 (Встреча с разбойничьей шайкой).

Былина о встрече Ильи Муромца с разбойниками входит в состав былины о трех поездках героя. Столкновение с разбойниками относится к первой поездке Ильи Муромца в «ту дорогу, где убиту быть». Часто эта поездка выделяется в самостоятельную былину.

Варианты: Аст., т. I, с. 601—602; т. II, с. 758—761; Илья Муромец, с. 488—489; БПЗ, с. 581; РНПКП, № 178; Смирнов, 1976, с. 126—127. № 51. О старом казаке Илье Муромце (56/143).

Запись И. Этилой 1935 г. от Екатерины Ивановны Коноваловой, 67 лет, д. Грдино, Кемский р-н.

Об этой записи сообщено у А. М. Астаховой (Аст., т. II, с. 759). Вариант сохраняет основные мотивы былины. Наибольшее сходство обнаруживается с поморскими вариантами А. В. Ивановой (РНПКП, № 178), А. Г. Рохмистровой (Аст., № 232), Н. А. Ростовцевой (Аст., № 227).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Исследования: Аст., т. I, с. 605—607; Пропп, 1958, с. 237—257, с. 579—580; Пропп — Путилов, 1958, с. 517—518; Илья Муромец, с. 453—455; Путилов, 1971, с. 62—70; Смирнов, 1974, с. 141 (Враг запер дороги); Иванов — Топоров, 1974, с. 164—178; КД, с. 463—454;

Thompson, F 143 (Лес на границе другого мира); F 151 (Вход в другой мир, охраняемый чудовищем); F 661.5.1 (Умелый стрелок стреляет в левый глаз змея); а также В II.11 (Борьба с драконом). Сюжет как целое: А.—А., *650.1 (Подвиги Ильи Муромца).

Былина об Илье Муромце и Соловье-разбойнике относится к эпическим песням о змеборстве, которые подверглись позднее историзации (Путилов, 1971). Врагом Руси и противником героя является антропоморфное существо, генетически восходящее к образу пернатого змея на дереве (Соловей сидит «на семи дубах, на семи верстах»). Соловей запер дороги, охраняя вход в другой мир и препятствуя въезду в Киев.

В свете реконструкции праславянской мифологии поединки Ильи Муромца (как эпического воплощения громовержца) и Соловья рассматриваются как эпическая версия борьбы бога грозы и его антагониста — змея или скотьего бога Велеса — Волоса (Иванов — Топоров, 1974, с. 166 и след.). Имя противника — Соловей истолковывается как результат табунистической метатезы (Соловей — при обратном чтении — Волос), нередкой при переходе высших богов в разряд низших злых существ. Такого рода подход к былине позволяет объяснить многие доселе малоизвестные мотивы. Так, например, как змей, так и Илья (рожденный безногим и безруким, как змей), может соединять оба царства — Землю и Небо. Мировое дерево (дуб) связывает миры между собой. Вырывание дубов Ильею, а в белорусской сказке бросание их в реку, после чего разразилась гроза, объясняется этой чертой героя-громовержца. Так же и во время исцеления Ильи старцами герой чувствует такую силу, что он смог бы схватить небесный столб (вариант мирового дерева) и перевернуть землю и небо.

Более поздние исторические напластования в былине достаточно полно изучены в работах В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова.

Варианты: Аст., т. I, с. 607—609; т. II, с. 762—765; БПЗ, с. 581; Илья Муромец, с. 453—455.

№ 25. Страница (17/92).

Запись А. В. Беловановой (Щемелсвой) 17 октября 1945 г. от Александра Андреевича Портнягина, 78 лет, д. Старое Сягово (нын. д. Сягово), Пудожский р-н.

Вариант А. А. Портнягина содержит основные мотивы былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Отсутствует комплекс мотивов, связанных с просьбой жителей города остаться Илье Муромцу в нем, а также мотив выпрашивания Ильей у горожан «дороги прямоезжей». Из пудожских вариантов наиболее близки былины И. Феонова (Гильф., № 57) и А. Л. Фадеевой (Парил.—Сойм., № 53, а также № 32 нашего сборника).

№ 32. Илья Муромец (8/23).

Запись А. Д. Соймонова 1940 г. от Анастасии Леонтьевны Фадеевой, 58 лет, д. Ижгора, Пудожский р-н.

Опубликованный вариант: Парил.—Сойм., № 53; неопубликованный вариант (контаминация): (20/77).

В полевой тетради отмечено, что «былина записана с голоса, напев Ремизовский (т. е. Н. А. Ремизова — Н. Ч.), некоторые места Фадеева плохо помнит».

За исключением ряда второстепенных мотивов варианты 1938 г. (Парил.—Сойм., № 53) и 1940 демонстрируют высокую сюжетно-композиционную стабильность, в то время как словесная сторона былины заметно варьирует. Характеристика сюжетно-композиционных особенностей варианта (Парил.—Сойм., № 53) применима и для публикуемой записи (Парил.—Сойм., с. 496).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ (СВОДНЫЕ БЫЛИНЫ)¹

1. Исцеление Ильи Муромца и получение им силы

Исследования: Аст., т. I, с. 617—618; т. II, с. 765; Пропп, 1958, с. 237—243; Пропп — Путилов, 1958, т. I, с. 516—517; Илья Муромец, с. 449—450; Алексеев Н. Н. К истории сюжета об исцелении Ильи Муромца.—Уч. записки Горьковского пед. ин-та, вып. 63, серия литературоведения. Горький, 1966; Путилов, 1971, с. 91—95; Смирнов, 1974, с. 113 (Получение силы); Иванов — Топоров, 1974, с. 166—168.

А. А., *650.1 (Подвиги Ильи Муромца), Thompson, F (Человек без ног), F 515.1 (Человек без рук), V 34.1 (Излечение от болезни святым).

История исцеления Ильи Муромца представляет собой популярный в мировом фольклоре (эпосе, сказке, легенде) мотив богатыря-сидня (А.—А., *650.1), который исцеляется волшебным питьем. «Безрукость-безноготь» Ильи, его сидение в гнилице на печке объясняются его «змеиным» происхождением (ср. обратная ситуация: жизнь женщины-змеи в былинах происходит путем отрубания у нее рук и ног, т. е. она возвращается к первоначальному «змениному» состоянию). Мотив небесного столба, который грозит перевернуть Илью, ощутивший гигантскую силу, встречается и в былинах о гибели богатырей. Небесный столб является вариантом мирового дерева, соединяющего миры (землю, небо, преисподнюю). Илья Муромец, герой-змеборец, как и змей обладает способностью соединять царства между собой (см. об Илье как громовержце и змеборце — примеч. к былинам о Соловье-разбойнике).

Варианты: Аст., т. I, с. 616—618; т. II, с. 765—766, 746—751; Илья Муромец, с. 449; БПЗ, с. 581; Сидельников, 1968, № 38, 40, 119, 81 (все контам.).

2. Бой Ильи Муромца со Збутом-королевичем

Этот сюжет обычно рассматривается как видоизменение известного сюжета о бое отца с сыном («Илья Муромец и Сокольник») и былин о встрече Ильи Муромца с чужеземным богатырем-нахвалящиком. Ученые указывают и на возможные книжные реминисценции (имя Збут). Thompson, N 731.2 (Битва отца и сына).

Исследования: Аст., т. I, с. 610; Илья Муромец, с. 474; Пропп, 1958, с. 261—264; Пропп — Путилов, т. I, с. 524—526; Путилов, 1971, с. 206—212; Путилов, 1971 а, с. 84—90; Алексеев Н. Н. История сюжета о бое Ильи Муромца с сыном. (К вопросу о международных фольклорных сюжетах).—Уч. записки Горьковского пед. ин-та, 1974, вып. 148, серия филолог. Горький, 1974, с. 3—34; Смирнов, 1974, с. 141 (Поединок героя с этническим противником).

Варианты: Аст., т. I, с. 609—614; Илья Муромец, с. 473—475; БПЗ, с. 580—581; РНПКП, № 179, 183.

¹ Описание сюжетов дано в зависимости от обычного места их в контаминации.

3. Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром

Исследования: Аст., т. I, с. 597; **Илья Муромец**, с. 481—482; **Пропп**, 1958, с. 289—290, 581; **Пропп — Путилов**, 1958, т. I, с. 519—520; **Жирмунский**, 1958, с. 79—82; **Путилов**, 1971, с. 235—239; **Смирнов**, 1974, с. 120 (Только сидящий в темнице герой защитит страну).

Thompson, R 41.3 (Заключение в подземной темнице); R 162 (Освобождение дочерью (женой, матерью) захватившего в плен).

По мнению В. М. Жирмунского, мотив заточения богатыря принадлежит к типологическим ситуациям средневековья — ссоре вассала и сюзерена. При нашествии врага освобожденный женой (или дочерью) короля богатырь становится защитником государства. Именно поэтому былина о ссоре Ильи Муромца и князя Владимира часто соединяется с былиной о нашествии даяра Калина, который в ряде вариантов прослышал, что в Кневе нет защитника. Сам по себе мотив заточения в погреб (и его эквиваленты — яма, могила) очень архаичен. Нахождение в нем означает временную смерть, пребывание в ином мире (см. об этом: **Неклюдов С. Ю.** О функционально-семантической природе знака в повествовательном фольклоре. В сб.: Семиотика и художественное творчество. М., 1977).

Варианты: Аст., т. I, с. 597—598; т. II, с. 753; **Пропп**, 1958, с. 291—292; **Илья Муромец**, с. 482; **БПЗ**, с. 580.

4. Илья Муромец, Ермак и Калин-царь

Исследования: Аст., т. I, с. 595—598; т. II, с. 753—757; **Пропп**, 1958, с. 301—343, с. 581—583; **Пропп — Путилов**, 1958, т. I, с. 121; **Азбелев С. Н.** Былины об отражении татарского нашествия («Ермак и Калин», «Камское побоище», «Илья и Калин»).—РФ, т. XII, с. 162—180; **Азбелев С. Н.** Мотив убийства вражеского царя в былинах и в косовских песнях.—В сб.: Славянский и балканский фольклор. М., 1971, с. 53—74; **Путилов**, 1971, с. 287—291; **Смирнов**, 1974, с. 119—120 (Отражение вражеского нашествия); **КД**, с. 444.

Былина о нашествии Калина-царя и ряд былин, сформировавшихся вокруг нее, подробно исследованы В. Я. Проппом (**Пропп**, с. 301—343 и след.). В исследовании Б. Н. Путилова «Русский и южнославянский героический эпос» приводятся южнославянские параллели к былинам о татарском нашествии. Нет надобности искать в былинах о битве с Калином-царем исторические события. По справедливому замечанию Б. Н. Путилова (об этом же писал и В. Я. Пропп), «перед нами «модель» исторических событий, построенная в соответствии с народными желаниями и по законам эпической традиции» (Путилов, 1971, с. 284).

Варианты: Аст., т. I, с. 595—601; т. II, с. 753—757; **Пропп**, 1958, с. 303; **Илья Муромец**, с. 462—464.

5. Святогор и Илья Муромец

Исследования: **Mazon**, 1932 (многочисленные международные параллели); Аст., т. I, с. 603—604; **Пропп**, 1958, с. 75—87, 566—567; **Пропп — Путилов**, 1958, т. I, с. 20—21, 507—508; **Илья Муромец**, с. 449—451; **Смолицкий В. Г.** Былина о Святогоре.—В кн.: Проблемы изучения художественного произведения, ч. I, М., 1968, Он же. Былина о Святогоре.—В сб.: Славянский фольклор. М., 1972, с. 71—81; **Путилов**, 1971, с. 78—86; **Смирнов**, 1974, с. 113 (Тяга земная).

Thompson, F 531.6.2.1 (Великаны живут в горах или в пещерах); F 531.2.7 (Великан так велик, что конь не может его везти); F 531.5.1.1 (Великан носит человека в своем кармане (перчатке, за пазухой); F 531.6.8.1 (Великан влюблен в великаншу); G 514.1 (Великана заманивают в ящик — т. е. гроб — Н. Ч.).

А.—А., *650.1 (по классификации Л. Г. Барага — Бараг, 1971); А.—А., *895 (Жена в ларце).

О былине писали давно и много. Ученые находили параллели Илье и Святогору в еврейско-мусульманских апокрифах (Аарон и Моисей открывают гроб с надписью «Я для тех, кому впору»), в Библии, в эпосе разных народов («Нарты» — Батрадз и Сослан), в скандинавской мифологии — Тор и великан Скрюмир («Младшая Эдда») и т. д. Былина сближалась и с южнославянскими эпическими песнями о встрече героя и великана (Путилов, 1971, с. 78—86). Дискуссия шла в основном вокруг мотивов фатального гроба, сумочки — земной тяги и гибели великана, передающего свою силу герою. Несмотря на откровенный международный фольклорный характер ряда мотивов былины (см. Thompson), она как целое по-прежнему очень загадочна.

Варианты: Аст., т. I, с. 603; Илья Муромец, с. 449—451; ПФМ, № 218; Сидельников, 1968, № 39.

6. Илья Муромец и Идолище

Исследования: Аст., т. I, с. 594—595; т. II, с. 751—752; Пропп, 1958, с. 224—237; Пропп — Путилов, 1958, т. 1, с. 523—524; Илья Муромец, с. 469—471; Путилов, 1971, с. 54—62; Смирнов, 1974, с. 116—117 (Этнический враг на родной земле героя).

Thompson, F 632 (Много едящий); F 633 (Много пьющий); F 510 (Чудовище) и т. д. См. также змееборческие мотивы: А.—А., *650.1.

Былина об Илье Муромце и Идолище и былина об Алеше и Тугарине имеют одинаковую сюжетную схему и генетически связаны с песнями о змееборчестве. В Идолище соединяются черты гигантского прожорливого чудовища, змея и одновременно более поздних персонажей — этнических противников русских — татар. Идолище выступает и как насильник-похититель женщин; он хочет взять к себе жену князя Владимира (см. также былинку «Идолище сватается к племяннице князя Владимира»). Роль Идолища — похитителя женщин вполне согласуется с происхождением этого образа от змея. Не случайно и противником его выступает герой-змееборец Илья. (См. также Тугарин-змея и змееборец Добрыня). В былине заметны реально-исторические напластования, связанные с монголо-татарским игом и его отражением в русском эпосе.

Варианты: Аст., т. I, с. 594—595; т. II, с. 751—752; Шуб., 1950, с. 227; Илья Муромец, с. 471; БПЗ, с. 580; Смирнов, 1976, с. 125—126. № 6. Илья Муромец (76/83).

Запись Г. Ф. Нефедова 1935 г. от Ирины Андреевны Степановой, 78 лет, д. Подбельники, Заонежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

По свидетельству сказительницы, былинку «слышала от разных сказителей». Возможны, однако, и книжные источники, на которые указала И. А. Степанова (см. заметку о ней).

Текст является контаминацией следующих былин: 1) Исцеление Ильи Муромца; 2) Встреча Ильи с царевичами под Черниговом (отрывок былины о первых поездках героя); 3) Илья Муромец и Соловей-разбойник; 4) Бой Ильи со Збутом-королевичем; 5) Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром; 6) Илья Муромец и Калин-царь; 7) Илья Муромец и Святогор; 8) Илья Муромец и Идолище; 9) Илья Муромец и нахвальщик.

Перечень различных сводных былин об Илье Муромце: Аст., т. II, с. 746—747.

№ 7. Про Илью Муромца (8/133).

Запись В. Р. Дмитриченко 26—28 июля 1940 г. от Ирины Андреевны Степановой, 83 лет, д. Пяльма (род. в д. Подбельники, Заонежский, нын. Медвежьегорский р-н), Пудожский р-н.

В отличие от варианта 1935 г. (№ 6 нашего сборника) вариант 1940 г. включает меньшее количество сюжетов: 1) Исцеление Ильи Муромца; 2) Встреча под Черниговом с царевичами (отрывок былины о первых поезд-

ках Ильи); 3) Бой Ильи со Збутом-королевичем; 4) Илья Муромец и Соловей-разбойник.

Сопоставимая часть записи 1935 г. и контаминированный вариант 1940 г. очень близки не только в последовательности частей контаминации и в мотивах, но и в словесной стороне: некоторые строки и строфы совпадают почти буквально.

КНЯЗЬ МИХАЙЛО

Исследования: Аст., т. I, с. 618; т. II, с. 777; Пропп — Путилов, 1958, т. 2, с. 488; Жирмунский, 1958, с. 128—129; Балашов, 1963, с. 23; Смирнов, 1974, с. 133 (Мать губит сноху в отсутствие сына).

Thompson S 51 (Жестокая свекровь, теща).

С точки зрения большинства исследователей баллада несомненно архаична. Мотив жестокой расправы свекрови с невесткой и ее ребенком, мотив заключения их в колоду, которую пускают в море, — широко известны в международном фольклоре. На эту древнюю сюжетную схему наслонились позднейшие семейные коллизии периода феодализма. Баллада очень популярна на Русском Севере, особенно у сказителей.

Варианты: Аст., т. I, с. 618—619; т. II, с. 777—779; БПЗ, с. 581; РНПКП, № 186, 197, 200, 203.

№ 49. Князь Михайла и жена (35/184).

Запись С. Вавилиной, Л. Лукиной, И. Сухановой, Т. Величко (рук. экспед. К. В. Чистов) в июне — июле 1956 г. от Анастасии Васильевны Ивановой, 76 лет, д. Гридино, Кемский р-н.

Опубликованный вариант: РНПКП, № 186.

Характеристика варианта в РНПКП распространяется и на запись 1956 г. (РНПКП, с. 438). Однако вопреки утверждению комментатора, варианты 1956 г. и 1964 г. очень близки и не обнаруживают тех различий, на которые указано в примечании. В варианте 1964 г. отсутствует только мотив опускания тела Марфиды в колоду. Как и другие тексты А. В. Ивановой, эта баллада свидетельствует о довольно высокой степени стабильности текста при повторном исполнении.

КОЗАРИН

Исследования: Аст., т. I, с. 770; Пропп, 1958, с. 154—167; Пропп — Путилов, т. I, с. 546; Жирмунский, 1958, с. 130—131; Путилов Б. Н. Исторические корни и генезис славянских баллад об инцесте. Доклад для VII МКАЭН. М., 1964; Он же. Действительность и вымысел в славянской исторической балладе. — В сб.: Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965; Он же. История одной сюжетной загадки (Былина о Михайле Козарине). — В сб.: Вопросы фольклора. Томск, 1965; Он же. Юнацкая песня «Марко находит сестру» в версиях с Хорватского приморья и островов и былина о Козарине. — Rad XI-og Kongresa Saveza folklorista Jugoslavije u Novom Vinodolskom. Zagreb, 1966; Путилов, 1971, с. 223—230; Балашов, 1963, с. 399; Brewster. 1972 (Непреднамеренный инцест (предотвращенный) брат — сестра); Смирнов, 1974, с. 125 (Освобождение сестры из плена).

Thompson, T 415 (Инцест брат — сестра); N 365.3 (Непреднамеренный инцест брат — сестра).

Сюжет былины долго оставался загадкой. В. Я. Пропп условно причислил его к сюжетам о сватовстве, отвергая, однако, мысль о кровосмешении как основе сюжета. В работах Б. Н. Путилова устанавливается связь былины с фольклорной темой инцеста (предотвращенный инцест брат — сестра). Отлучение героя от семьи (воспитание у бабушки-задворенки) происходит из-за страха кровосмешения. Как и в былинах о сватовстве, герой идет искать свою суженую, «и только эта встреча и узнавание навсегда снимают висевшую над героями былины угрозу инцеста» (Путилов, 1971, с. 229).

В свете этой теории сюжета мотивы татарского полона и освобождения из него девушки оказываются вторичными.

Варианты: Аст., т. II, с. 770—772; Пропп, 1958, с. 155; БПЗ, с. 581; РНПКП, № 185, 198, 204, 205.

№ 42. Про Казалина (35/46).

Запись Т. Величко и И. Сухановой (руков. экспед. К. В. Чистов) в июне — июле 1956 г. от Анастасии Ивановны Ефремовой, 61 год, д. Калгалакша, Кемский р-н.

Опубликованный вариант: РНПКП, № 198.

«Этот стих, — сообщила сказительница, — слышала от бабушки Анны Андреевны Даниловой, которая умерла на 103 году жизни, жила в Летней Реке».

По сравнению с записью 1964 г. (РНПКП, № 198) вариант более полный и расширенный (133 строки по сравнению с 93 строками) за счет повторения ряда мотивов, выпрашивания Казарином имени-отчества девушки. Некоторые мотивы переставлены (сватовство — угрозы трех татар), некоторые пропущены в записи 1956 г. (делаж добычи татарами). Варьирование текста не привело к существенным изменениям: былина осталась в пределах варианта. Об особенностях былины в исполнении А. И. Ефремовой см.: РНПКП, с. 440.

МИХАИЛО ПОТЫК

Исследования: Аст., т. I, с. 619—621; т. II, с. 779—780; Пропп, 1958, с. 109—126, 569—571; Пропп — Путилов, 1958, т. 2, с. 459—461; Путилов, 1971, с. 126, 130, 174—176, 179—180; Иванов — Топоров, 1965, с. 104; Иванов — Топоров, 1974, с. 172; Смирнов, 1974, с. 118 (Жена (сестра) переходит на сторону этнического противника); Балашов, 1975, с. 26—43; КД, с. 443.

Thompson, В 652.2 (Женитьба на невесте-змее); А.—А., 612 (Оживленная неверная жена).

В. Я. Пропп, очень обстоятельно изучивший былинку, указал на архаичность сюжета сватовства героя на женщине-оборотне и колдунье. Б. Н. Путилов, сопоставляя былинку о Потяке с однотипными южнославянскими эпическими песнями, относит ее к разряду песен о похищении жены героя (имеется в виду соперничество и борьба Михайло Потяка со змеем в могиле, куда герой последовал за умершей женой — так называемый второй сюжетный ход былины).

Былинку можно анализировать и на фоне змеборческой традиции, широко разработанной в русском эпосе. Михайло Потяк так же, как Илья Муромец и Добрыня, — герой-змеборец, который отправляется в подземный мир, локус антагонистов — змея-соперника и Марья Лебедь Белой. Тип жены — противницы героя — обладает всеми характеристиками противника змеборца: это змея, принимающая облик птицы или человека, живет в подземном мире, имеет жениха змея. Смерть Марьи Лебедь Белой (расчленение на части, т. е. возвращение к исконному, змеиному виду) также говорит в пользу вероятности связи этого сюжета с былинами о змеборчестве. Уничтожив колдунью-змею, Потяк находит себе настоящую невесту.

Варианты: Аст., т. I, с. 619—621; т. II, с. 779—781; Пропп, 1958, с. 110; РНПКП, № 180; Смирнов, 1976, с. 131.

№ 15. Михайло Потяк (68/36-а).

Запись Е. П. Родиной в мае 1938 г. от Агриппины Федоровны Трухавой, 59 лет, с. Липовицы, Заонежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

Опубликованный вариант: Аст., № 150.

«Начало былины поет, а потом, со слов «Брал туды хлеба, огня...», рассказывает», — сообщила собирательница об исполнении былины А. Ф. Трухавой.

Текст А. Ф. Трухавой в сравнении с записью 1932 г. (Аст., № 50) не претерпел изменений в сюжете и композиции. Варьируются лишь строки и их компоненты — эпические формулы и лексемы. Это свидетельствует

о высокой степени устойчивости текста. В обоих вариантах довольно четко отмечен переход от пения к сказыванию и к прозе. К публикуемому здесь варианту применима характеристика, данная А. М. Астаховой записи 1932 г. (Аст., т. II, с. 780—781).

№ 47. Потык сын Иванович (35/185).

Запись С. Вавилиной, Л. Лукиной, И. Сухановой, Т. Величко (руков. экспед. К. В. Чистов) в июне—июле 1956 г. от Анастасии Васильевны Ивановой, 76 лет, д. Гридино, Кемский р-н.

Опубликованный вариант: РНПКП, № 180.

В записи 1956 г. отсутствует ряд мотивов, имеющихсся в записи РНПКП, № 180: мотив смерти жены Потыка, ее захоронения с Потыком в земле, освобождения героя Ильей Муромцем и т. д. Несмотря на это, варианты очень близки на сюжетно-композиционном уровне, большую свободу демонстрирует А. В. Иванова в выборе словесных средств выражения.

МОЛОДЕЦ И КОРОЛЕВИЧНА

Исследования: Пропп, 1958, с. 145—146; Пропп — Путилов, т. 1, с. 282; т. 2, с. 486; Балашов, 1961, с. 270—286; Балашов, 1963, с. 22, 385.

По вопросу о балладе «Молодец и королевична» и «Дунай и Настасья-королевична» нет единого мнения. В. Я. Пропп полагал, что мотив знакомства Дуная с Настасьей, службы у Литовского короля входил в сюжет о Дунае как начальное звено (см. также с некоторыми коррективами: Пропп — Путилов, 1958, с. 282). Д. М. Балашов считает балладу о молодце и королевичне самостоятельной, лишь позже привязанной к Дунаю. Он различает две версии баллады: первая — «молодца казнят и королевна кончает жизнь самоубийством»; вторая — «королевна спасает своего любовника, выкупая его у палачей» и отправляет на родину (Балашов, 1961, с. 271). Первая версия древнее второй. Баллада традиционно считается семейно-бытовой с коллизией, построенной на социальном неравенстве.

Варианты: Балашов, 1961, с. 275.

№ 21. Старина про удалого молодца (7/54).

Запись Н. Н. Алексеева в феврале 1938 г. от Анастасии Яковлевны Малышевой, 30 лет, д. Семеново, Пудожский р-н.

Опубликованный вариант: Сок.—Чич., № 74.

Текст баллады заметно варьирует по сравнению с текстом 1928 г. (Сок.—Чич., № 74) в основном на уровне строф и строк, некоторые из которых опущены, а другие повторяются. Публикуемый вариант (51 строка) больше, чем вариант Сок.—Чич., № 74 (47 строк), но разница минимальная. Оба варианта А. Я. Малышевой принадлежат к древнейшей версии сюжета, наиболее распространенной в Заонежье, Пудожье и на Кенозере (Балашов, 1961, с. 271).

№ 24. Молодец у Литовского короля (12/130).

Запись М. М. Михайлова 1940 г. от Анны Михайловны Пашковой, 72 лет, д. Семеново, Пудожский р-н.

Опубликованный вариант: Парил.—Сойм., № 12.

Сказительница говорила, что балладу «кунала в девушках, пели на вечерах в великий пост, называли ее стихами (как про Анику-воина, Михаила Архангела и др.)».

Баллада о молодце и королевичне А. М. Пашковой при исполнении в 1940 г. (анализ варианта: Парил.—Сойм., с. 471) оказалась полнее, чем вариант 1937 г., где отсутствует мотив приказания короля вести молодца «позади дворца» королевичны, мотив прохождения молодца под окном возлюбленной. Вместе с тем в варианте Парил.—Сойм., № 12 королевична просит не казнить молодца, о чем не упоминается в записи 1940 г.

Оба варианта предусматривают трагический конец, хотя и не столь определенный, как в более полных вариантах баллады, где королевична кончает жизнь самоубийством (Балашов, 1961, с. 271).

Сравнение двух вариантов баллады А. М. Пашковой свидетельствует о свободном импровизационном отношении ее к тексту.

№ 48. Дунай и Настасья (35/179).

Запись С. Вавилиной, Л. Лукиной, И. Сухановой, Т. Величко (руков. экспед. К. В. Чистов) в июне—июле 1956 г. от Анастасии Васильевны Ивановой, 76 лет, д. Гридино, Кемский р-н.

Опубликованный вариант: РНПКП, № 190.

Баллада не закончена. В варианте 1964 г. (РНПКП, № 190) королевична выкупает Дунай и оставляет его у себя. Эта версия является позднейшей (Балашов, 1961, с. 271), распространенной в Поморье и в Заонежье. За исключением конца баллады варианты очень близки, особенно на сюжетно-композиционном уровне.

НАЕЗД ЛИТОВЦЕВ

Исследования: Аст., т. I, с. 623; Пропп, 1958, с. 408—419, 588—589; Пропп — Путилов, 1958, т. 1, с. 550; Смирнов, 1974, с. 117 (В отсутствие героя враги нападают на его дом и похищают жену (сестру)).

Thompson, T 104 (Иностранный король ведет войну, чтобы принудить царевну выйти за него замуж); R 151.1 (Муж освобождает похищенную жену).

Первоначально основное внимание в былине ученые уделяли ее военно-героическому содержанию (А. М. Астахова, В. Я. Пропп), которым, однако, не исчерпывается ее смысл. Постепенно предположение о большей архаичности сюжета брало верх. Былина справедливо стала причисляться к эпическим песням о похищении женщины в результате воинского похода (Пропп — Путилов, 1958; Смирнов, 1974; частично об этом пишет и Б. Н. Путилов, 1971, раздел «Эпические песни о похищении жены»). В. Я. Пропп указал на древность образа Романа — князя-оборотня, сходного с Волхом, под влиянием которого и появились мотивы оборотничества в былине о наезде литовцев.

Варианты: Аст., т. I, с. 623—624; т. II, с. 784—785; Шуб, 1950, с. 222—223.

№ 27. Силеван король земли литовскою (17/97).

Запись А. В. Беловановой (Щемелевой) 1947 г. от Александра Андреевича Портнягина, 78 лет, д. Старое Сигово (нын. д. Сигово), Пудожский р-н.

Текст А. А. Портнягина сохранил основные мотивы былины о наезде литовцев. По ряду специфических для данного текста мотивов (опускание жеребьев в воду, формы оборотничества князя Романа) он сближается с былинами пудожских сказителей П. Антонова (Рыбн., № 164), Шальского лодочника (Рыбн., № 152), И. Фопонова (Гильф., № 61).

САДКО

Исследования: Аст., т. I, с. 625—626; т. II, с. 793—794; Пропп, 1958, с. 87—109, 567—569; Пропп — Путилов, 1958, т. 1, с. 332, 537; Путилов, 1971, с. 134—135; Путилов, 1972, с. 14—17; Акимова Т. М. Структура былинного цикла о Садко.— В сб.: Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, 1973; Смирнов, 1974, с. 123—124 (Корабли останавливаются на море; Искусный музыкант и неземная девушка); КД, с. 445—446; НБ, с. 388—396 (здесь же библиография вариантов).

Thompson — Aarne, 1964, 677*; А.—А., *677.1 (Указано: Барг, 1971).

Былина о Садко в той ее части, где рассказывается о его плавании и путешествии в Морское царство, относится к эпическим песням о сватовстве к девушке из другого мира. Так объясняют этот сюжет фольклористы. Плавание как вариант переправы через воду (символ брака), трудные задачи, которые задает Морской царь Садко — все это неперемные мотивы эпических и сказочных сюжетов о сватовстве в чужой земле (в чужом, ином мире).

Былина о состязании в богатстве Садко и новгородцев является гораздо поздней, чем былина о Садко и Морском царе (ср. противоположное общепринятому мнение Т. М. Акимовой).

Варианты: Аст., т. I, с. 625—627; т. II, с. 793—794; Шуб, 1950, с. 230—232; Пропп, 1958, с. 90; БПЗ, с. 581; Смирнов, 1976, с. 134; НБ, № 29, 46, 53.

№ 22. Садко купец богатый (12/16).

Запись Е. П. Родиной в мае 1938 г. от Анны Михайловны Пашковой, 72 лет, д. Семеново, Пудожский р-н.

По сообщению комментаторов сб. «Былины Пудожского края», «текст выучен по хрестоматии Острогорского «Живое слово», III. СПб». Текст близок к книжному, многие стихи совпадают дословно, другие перефразированы, в некоторых местах наблюдается перестановка эпизодов. Пашкова заучила «Садко» в 1938 г., т. е. в год записи от нее былины. (Парил.—Сойм., с. 462).

Вариант А. М. Пашковой включает былины о получении Садко богатства от Морского царя, о состязании героя с Великим Новгородом, о посещении Садко подводного царства.

САУЛ ЛЕВАНИДОВИЧ

Исследования: Пропп, 1958, с. 263—264; Пропп — Путилов, 1958, т. 1, с. 547—548; Путилов, 1971, с. 210; Смирнов, 1974, с. 130—131 (Родственники помогают друг другу; Родственники встречаются в бою); КД, с. 444—445.

Thompson, N 731.2 (Бой отца с сыном).

Былина о Сауле Леванидовиче очень редкая, малонисследованная. Рассматривая ту версию сюжета, где отец (Саул Леванидович) попадает в плен и побеждает в поединке сына, В. Я. Пропп предполагает закономерную связь былины с былиной о бое Ильи Муромца с сыном. О переосмыслении архаической коллизии бой «отца с сыном» в былине «Саул Леванидович» говорит и Б. Н. Путилов в сравнительном исследовании русского и южнославянского героического эпоса (Путилов, 1971, с. 210).

Варианты: Пропп, 1958, с. 264; РНПКП, № 192; Смирнов, 1976, с. 132—133.

№ 46. (Саул Леванидович) (35/57).

Запись Т. Величко и И. Сухановой 1956 г. (руков. экспед. К. В. Чистов) от Анастасии Ивановны Ефремовой, 61 год, д. Камгалакша, Кемский р-н.

Опубликованный вариант: РНПКП, № 192.

Текст очень краток. Вариант 1956 г., как и вариант 1964 г. (РНПКП, № 192), не завершён, нет мотивов поединка пленного сына и его отца, освобождения сына и расправы с татарами. Сравнение двух записей от А. И. Ефремовой свидетельствует о довольно высокой стабильности текста на сюжетно-композиционном и словесном уровнях.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

Исследования: Аст., т. I, с. 630—631; Пропп, 1958, с. 167—179, 574—575; Пропп — Путилов, 1958, т. 2, с. 473; Жирмунский, 1958, с. 136; Путилов, 1972, с. 11—14; Позднеев А. В. О сюжете былины о Соловье Будимировиче.— В сб.: Вопросы литературы, вып. 2, Львов, 1969; Виланбахов В. Б. Былина о Соловье Будимировиче в свете географической терминологии.— РФ, т. XII, 1971; Путилов, 1971, с. 142—143; Байбурич А. К. О былине «Соловей Будимирович».— В сб.: Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР 1972—1973 (23—26 июля 1974 г.). Л., 1974; Смирнов, 1974, с. 117 (Увоз девушки на корабле); КД, с. 428.

В. Я. Пропп обратил внимание не только на элементы свадебного обряда в былине о Соловье Будимировиче (это делали и дореволюционные ученые),

по и на близость былины сказкам, где жениху задаются трудные задачи (см. мотив построения теремов за ночь в былине). К эпическим песням о сватовстве относит ее и Б. Н. Путилов. Правда, тот факт, что герой сам предлагает строить терема, обновывается в чужой земле и не особо печется о свадьбе, заставляет предположить, что былина возникла в результате конвергенции нескольких сюжетных типов, например, песен о сватовстве и о завоевании чужой земли пришедшим из-за моря Соловьем Будимировичем (см. А. К. Байбурина).

Варианты: Аст., т. I, с. 630—632; Пропп, № 958, с. 169; БПЗ, с. 581.

№ 20. Соловей Будимирович (7/55).

Запись Н. Н. Алексеева в феврале 1938 г. от Анастасии Яковлевны Малышевой, 30 лет, д. Семеново, Пудожский р-н.

Опубликованный вариант: Сок.—Чич., № 73.

По сравнению с записью 1928 г. (Сок.—Чич., № 73) текст сокращен в объеме (81 строка — и 120 у Сок.—Чич.) за счет выпадения некоторых второстепенных мотивов, например, приглашения Соловья к Забаве посидеть с ним. Пропущен также ряд строф и строк. Начало былины (до подношения подарков Владимиру и постройки теремов) мало отличается в обоих вариантах. Больше изменений в серии последующих мотивов, их словесного выражения. В целом при повторном исполнении в 1938 г. былина сохранила все черты варианта 1928 г. Конец былины — самопросватанье Забавы и отказ Соловья жениться — сближает ее с другими пудожскими вариантами П. А. Логинова (Сок.—Чич., № 40), Ф. А. Конашкова (Сок.—Чич., № 86).

СОЛОМАН И ВАСИЛИЙ ОКУЛЬЕВИЧ

Исследования: Аст., т. I, с. 632—633; т. II, с. 794; Пропп, 1958, с. 580—581; Пропп — Путилов, 1958, т. 2, с. 461—462; Путилов, 1971, с. 149—150, 176—177, 180—181; Ярошенко-Титова Л. В. «Повесть об увозе Соломоновой жены» в русской рукописной традиции XVII—XVIII в. (Характеристика редакций.) — ТОДРЛ, т. XXIX, Л., 1974; Смирнов, 1974, с. 118 (Жена (сестра) переходит на сторону этнического противника).

А.—А., *905 Соломон и его неверная жена (указано в сб.: Пропп — Путилов, 1958, т. 2, с. 462).

Сюжет былины об увозе Соломоновой жены восходит, по единодушному мнению фольклористов, к апокрифическим сказаниям о царе Соломоне в различных западноевропейских и восточных версиях, получивших широкое бытование на Руси. Работа А. Н. Веселовского «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине». СПб., 1872 — до сих пор сохранила свою актуальность как источник для исследования самой былины и многочисленных сложных по смыслу мотивов, которые могут быть поняты только в свете подробного изучения сказаний о Соломоне (пастушество Соломона, его оборотничество, мотив телеги, на которой везут Соломона на казнь и загадочных слов, произнесенных им при этом). В статье А. В. Ярошенко-Титовой введена дополнительный материал о книжных редакциях Соломоновых сказаний.

Сюжет об увозе Соломоновой жены хорошо прижился в русском эпосе потому, что книжная, в основе своей тоже фольклорная схема, встретилась с известными былинами и балладами о похищении жены героя.

Варианты: Аст., т. I, с. 632—634; т. II, с. 794—797; БПЗ, с. 581; РНПКП, № 199.

№ 26. Соломан и Василий Окулович (17/96).

Запись А. В. Беловановой (Щемелевой) 1947 г. от Александра Андреевича Портнягина, 78 лет, д. Старое Сигово (нын. Сигово), Пудожский р-н.

Текст Портнягина хорошо сохранил большинство основных мотивов былины о Соломане. Некоторая сжатость не позволяет подыскать достаточно близкие параллели к тексту, особенно из Пудожского района, где былина не была столь популярна, как в Заонежье. Правда, по ряду специ-

фических деталей, фразеологизмов вариант А. А. Портнягина сближается с вариантами Е. П. Родиной (Парил.—Сойм, № 61) и А. Сорокина (Рыбн., № 137).

Сказитель использовал в тексте мотивы из других былин: мотив деревянных жеребьев, которые бросают в воду воины Соломана («Садко» или «Наезд литовцев» — см. былинку № 27 А. А. Портнягина), расправа с Соломанной, которую привязывают к жеребцам (по традиции ее кладут в третью петельку). «Топонимика» былин также заимствована из других былин: Василий живет в царстве Кудрянском (духовный стих о Егории), Соломан приезжает к Пучай-реке («Добрыня и змей», «Дюк»).

СТАВР

Исследования: Аст., т. I, с. 638; Пропп, 1958, с. 580; Пропп — Путилов, 1958, т. 2, с. 467—468; Жирмунский, 1958, с. 129—130; Кржижановский Ю. Девушка-воин (К истории мотива «перемена пола»).—РФ, т. VIII, М.—Л., 1963, с. 62—64; Путилов, 1971, с. 244—250; Бадалиќ Јосип. Кон творечките постапки на руската и хрватската народна епика (Былината «Ставр Годинович» и хрватската далматинска епска песна «Ni za sam život ljuba se ne zamjenjuje»).—С сб.: Македонски фолклор. Списание за Институт за фолклор, год. VI, број II. Скопје, 1973, с. 21—26; Смирнов, 1974, с. 132—133 (Освобождение мужа из темницы).

Thompson, R 152.1 (Переодетая жена помогает мужу бежать из тюрьмы); А.—А., 880 А (Жена выручает мужа); Thompson — Aagne, 1964, 880 (Муж хвастает своей женой).

По единогласной оценке ученых, в основе былинны лежит международный фольклорный сюжет о жене, которая, переодевшись мужчиной, выдерживает «испытание пола» и освобождает своего мужа из заточения. Былина имеет много параллелей в других традициях, особенно в южнославянской (см.: Путилов, 1971; Бадалиќ, 1973; Смирнов, 1974). Обращает на себя внимание финал былинны: жена Ставра побеждает всех киевских поединщиков, против нее выставляют Ставра (одна из редакций былинны). Б. Н. Путилов предположил, что «в основе этой мотивировки лежит известный эпосу разных народов, в том числе и русскому, мотив: в роли поединщика, который один может спасти город, выступает узник; в ходе поединка открывается родство узника и нахвальщика» (Путилов, 1971, с. 246; см. некоторую близость ситуаций — «Илья Муромец в споре с князем Владимиром», «Илья Муромец и Калин-царь», «Саул Леванидович»).

Варианты: Аст., т. I, с. 637—639; т. II, с. 797—800; БПЗ, с. 581. № 3. О Сталоверсте Гардинове (70/5).

Запись Е. П. Родиной в мае 1938 г. от Петра Григорьевича Горшкова, 63 лет, д. Демидово (нын. д. Космозеро), Заонежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

Опубликованный вариант: Аст., № 159.

«Эту былинку сказитель слышал и «понял» от дедушки Павла Перфильевича Горшкова. Поет однотонно, скорее рассказывает — медленно, тягуче. При повторении текст почти не изменяет».

Вариант П. Г. Горшкова в сюжетно-композиционном отношении повторяет запись 1926 г. (Аст., № 159). Опушен лишь мотив испытания жены Ставра в бане. Высокая стабильность текста обнаруживается и на уровне строф и строк. Анализ варианта Аст., № 159 справедлив и для публикуемого варианта (Аст., т. II, с. 799).

№ 13. Про Ставра сына Годиновича (72/48).

Запись Г. Кругликовой в феврале 1938 г. от Матвея Егоровича Самылина, 59 лет, д. Артово (нын. д. Космозеро), Заснежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

Опубликованный вариант: Аст., № 161.

Текст 1938 г. незначительно отличается от записи 1926 г. (характеристика ее — Аст., т. II, с. 799). Изменения затронули в основном строфы и строки.

В сравнении с вариантом 1926 г. большая часть текста, судя по записи, сказывается, хотя былина лишь в отдельных местах перешла в прозу.

№ 17. Ковер Единолич (68/35-а).

Запись Е. П. Родиной в мае 1938 г. от Агриппины Федоровны Трухавой, 59 лет, с. Липовицы, Заонежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

Опубликованный вариант: Аст., № 151.

В публикуемой записи, по сравнению с вариантом А. М. Астаховой, отсутствуют мотивы игры Ставра на гусях и состязания его жены с богатырями в стрельбе. За исключением этих мотивов и ряда повторов в варианте 1938 г. оба текста очень близки друг другу на всех структурных уровнях. Характеристика варианта 1932 г. применима и к данной записи (Аст., т. II, с. 799).

№ 34. Про Ставра Годиновича (20/75).

Запись А. В. Беловановой (Щемелевой) 1955 г. от Анастасии Леонтьевны Фадеевой, 73 лет, д. Ижгора (род. в д. Сарозеро), Пудожский р-н.

Опубликованный вариант: Парил.—Сойм., № 58.

Вариант 1955 г. схематичнее, чем вариант Парил.—Сойм., № 58: выпали мотивы выпрашивания князем Владимиром имени-отчества жены Ставра, мотивы состязания жены Ставра с борцами и некоторые второстепенные мотивы. Еще большему варьированию подверглась словесная сторона былины. В примечаниях к записи 1938 г. скомканность текста объясняется занятостью сказительницы во время исполнения. Сведений об условиях сказывания былины в 1955 г. нет, поэтому можно предположить, что былина вообще была слабо усвоена А. Л. Фадеевой и со временем все больше забывалась.

ХОТЕН БЛУДОВИЧ

Исследования: Аст., т. I, с. 639—641; Пропп, 1958, с. 427—442, 590; Пропп — Путилов, 1958, т. 2, с. 475; Путилов, 1971, с. 161; КД, с. 439—440; НБ, с. 426—433.

В. Я. Пропп относит былинку к позднейшим былинам о сватовстве, в которых архаические коллизии уступают место мотивам социального неравенства жениха и невесты и конфликта их на этой почве. Этой же точки зрения придерживается и Б. Н. Путилов, привлекая много южнославянских параллелей к былинке о Хотене Блудовиче. «...Хотен,— пишет Б. Н. Путилов,— желанный жених, которому отказывают по соображениям сословного порядка» (Путилов, 1971, с. 161).

Варианты: НБ, с. 427 (новая публикация, № 68).

№ 50. (Хотен Блудович) (35/178).

Запись С. Вавилиной, Л. Лукиной, И. Сухановой, Т. Величко (руков. экспед. К. В. Чистов) в июне—июле 1956 г. от Анастасии Васильевны Ивановой, 76 лет, д. Гридино, Кемский р-н.

Опубликованный вариант: РНПКП, № 182.

В варианте 1956 г. пропущены финальные мотивы просьбы-угрозы Хотена Офимье отдать племянницу замуж, согласия на это Офимьи. В остальном текст варьирует незначительно. Оба варианта очень краткие и содержат лишь основные мотивы былины (характеристика варианта — РНПКП, № 182, с. 437).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ПУБЛИКАЦИИ И ИССЛЕДОВАНИЙ

Агренева-Славянская, 1889 — Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными в 3-х частях О. Х. Агреновой-Славянской, ч. III, СПб., 1889.

А.—А.—Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

Аст., 1927 — Астахова А. М. Былины в Заонежье.— В сб.: Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера, вып. 1. Л., 1927.

Аст.—Былины Севера, т. I. Мезень и Печора. Записи, вступ. статья и комментарий А. М. Астаховой. М.—Л., 1938, т. II. Прионежье, Пинега и Поморье. М.—Л., 1951.

Афанасьев — Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу, т. 2, М., 1868; т. 3, М., 1869.

Афанасьев, 1914 — Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. М., 1914.

Багизбаева, 1977 — Багизбаева М. М. Фольклор семиреченских казаков, ч. 1. Алма-Ата, 1977.

Балашов, 1961 — Балашов Д. М. Из истории русской баллады («Молодец и королева», «Худая жена, жена верная»).— РФ, т. VI. М.—Л., 1961.

Балашов, 1963 — Балашов Д. М. Народные баллады. Вступ. статья, подготовка текста и примечания Д. М. Балашова. М.—Л., 1963.

Балашов, 1975 — Из истории русского былевого эпоса («Потык» и «Микула Селянинович»).— РФ, т. XV. Л., 1975.

Бараг, 1971 — Бараг Л. Г. Сюжеты и мотивы белорусских волшебных сказок (Систематический указатель).— В сб.: Славянский и балканский фольклор. М., 1971.

Барсов, 1867 — Барсов Е. Из обычаев обонежского народа.— ОГВ, 1867, № 12.

Бунаков, 1859 — Бунаков. Два образчика изустного старорусского эпоса.— РС, 1859, № 1, отд. III.

Буслаев, 1861 — Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Древнерусская народная литература и искусство, т. 2. СПб., 1861.

Буслаев, 1861а — Буслаев Ф. И. Волот Волотович.— В его кн.: Русская народная поэзия, т. 1. СПб., 1861.

Буслаев, 1887 — Буслаев Ф. И. Русские духовные стихи (Рецензия на «Сборник русских духовных стихов», сост. В. Варенцовым. СПб., 1860, и на сб. «Калики перехожие» П. Бессонова, М., 1861).— В его кн.: Народная поэзия. Исторические очерки. СПб., 1887.

Бесс.—Бессонов П. Калики перехожие. Сб. стихов и исследования, вып. I—V. М., 1861.

БПЗ — Былины Печоры и Зимнего Берега (Новые записи). Отв. ред. А. М. Астахова. М.—Л., 1961.

Варенц.—Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860. Веселовский, 1872 — Веселовский А. Н. Калики перехожие.— ВЕ, 1872, т. 2, кн. 3.

- Веселовский, 1872а — Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872.
- Веселовский, Разыскания — Веселовский А. Н. Разыскания в области русских духовных стихов, I, вып. 1, 1880; II, вып. 2, 1880; III—V, вып. 3, 1881; VI—X, вып. 4, 1883; XI—XVII, вып. 5, 1889; XVIII—XXIV, вып. 6, 1891.
- Веселовский, 1875 — Веселовский А. Н. Отрывки византийского эпоса в русском. — ВЕ, 1875, апрель.
- Гильф.— Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., изд. 4-е, т. I. М.—Л., 1949; т. II. М.—Л., 1950; т. III, М.—Л., 1951.
- Григ.— Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни, т. I. М., 1904; т. II. Прага, 1939; т. III, СПб., 1910.
- Грузинский, 1890 — Грузинский А. Е. Духовные стихи. — ЭО, 1890, № 3.
- Добрыня Никитич — Добрыня Никитич и Алеша Попович. Изд. подготовили Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1974.
- Жирмунский, 1958 — Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. IV Международный съезд славистов. Доклады. М., 1958.
- Иванов — Топоров, 1965 — Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.
- Иванов — Топоров, 1974 — Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей (Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов). М., 1974.
- Илья Муромец — Илья Муромец. Подготовка текстов, статья и комментарии А. М. Астаховой. М.—Л., 1958.
- Ист.— Дютш — Песни русского народа. Собраны в губернии Архангельской и Олонечной в 1886 г. Записали: слова Ф. М. Истомина, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1894.
- Ист.— Ляпунов — Песни русского народа, собранные в Вологодской, Вятской и Костромской губерниях в 1893 г. Записали: слова Ф. М. Истомина, напевы С. М. Ляпунов. СПб., 1899.
- Карнаухова, 1927 — Карнаухова И. В. Сказочники и сказка в Заонежье. — Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера, вып. 1. Л., 1927.
- КД — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е доп. изд., подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977.
- Киреевский, 1848 — Русские народные песни, собранные П. Киреевским, ч. 1. Русские народные стихи. — Чтения, 1848, № 9.
- Кир.— Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I—X. М., 1860—1874.
- Кирпичников, 1879 — Кирпичников А. И. Св. Георгий и Егорий храбрые. Исследование литературной истории христианской легенды. СПб., 1879.
- Лавровский, 1864 — Лавровский. Обзорение ветхозаветных апокрифов. — ДВ, 1864, т. IX.
- Линтур, 1968 — Линтур П. В. Украинские балладные песни и их восточно-славянские связи. — РФ, т. XI. М.—Л., 1968.
- Ляцкий, 1912 — Ляцкий Е. А. Стихи духовные. Слова золотые. СПб., 1912.
- Марк.— Марков А. В. Беломорские былины. М., 1901.
- Морозов, 1888 — Морозов П. О. Очерки из истории русской драмы XVII—XVIII в. СПб., 1888.
- Никольский, 1878 — Никольский А. М. Стихи нищей братии. — Изв. ИО ЛЕАЭ, 1878, т. XXX, вып. II, кн. 5.
- Новиков, 1976 — Новиков Ю. А. Эпическая традиция Пудожского края. Минск, 1976 (АКД).
- НБ — Новгородские былины. Изд. подготовили Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1978.
- Озар.— Озаровская О. Э. Бабушкины старины. Пгр., 1916.
- Онч.— Ончуков Н. Е. Печорские былины. СПб., 1904.
- Парил.— Сойм.— Былины Пудожского края. Подготовка текстов, статья

- и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Предисловие и ред. А. М. Астаховой, 1941.
- Порфирьев, 1869 — Порфирьев И. Я. Народные духовные стихи и легенды.— ПС, 1869, ч. III.
- Порфирьев, 1904 — Порфирьев И. Я. История русской словесности, ч. 1. Казань, 1904.
- Пропп, 1958 — Пропп В. Я. Русский героический эпос. Изд. 2-е. М., 1958.
- Пропп — Путилов, 1958 — Былины в 2-х томах. Подготовка текста, вступ. статья и комментарии В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. М., 1958.
- Путилов, 1971 — Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. М., 1971.
- Путилов, 1971a — Путилов Б. Н. Сюжетная замкнутость и второй сюжетный план в славянском эпосе.— В сб.: Славянский и балканский фольклор. М., 1971.
- Путилов, 1972 — Путилов Б. Н. Об эпическом подтексте.— В сб.: Славянский фольклор. М., 1972.
- ПФМ — Песенный фольклор Мезени. Изд. подготовили Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967.
- Пыпин, 1857 — Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857.
- Пыпин, 1860; Пыпин, 1862 — Памятники старинной русской литературы, изд. графом Г. Кушелевым-Безбородко, вып. 2. СПб., 1860; вып. 3. (Ложные и отреченные книги русской старины, собр. А. Н. Пыпиным). СПб., 1862.
- РНПКП — Русские народные песни Карельского Поморья. Составители А. П. Разумова, Т. А. Коски, А. А. Митрофанова. Л., 1971.
- РНСКП — Русские народные сказки Карельского Поморья. Составители А. П. Разумова и Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1974.
- РПК — Русские плачи Карелии. Подготовка текстов и примечания М. М. Михайлова. Статьи Г. С. Виноградова и М. М. Михайлова. Под ред. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1940.
- РНПП — Русские народные песни Поморья. Составитель и собиратель С. Н. Кондратьева. М., 1966.
- Рожд.— Успенский — Песни русских сектантов-мистиков. Сб. составлен Г. С. Рождественским и М. И. Успенским. СПб., 1912.
- Рудин, 1923 — Рудин Б. Духовные стихи (из этнографических записей 1904 г.).— Труды КНО, вып. XXIX, 3-й этногр. сборник. Кострома, 1923.
- Рыбн.— Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2-е, т. I. М., 1909; т. II. М., 1910.
- Рыстенко, 1909 — Рыстенко А. В. Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славяно-русской литературах.— Записки император. Новороссийского ун-та, 1909, т. 112, № 4—5.
- Сидельников, 1968 — Сидельников В. М. Былины Сибири. Томск, 1968.
- Смирнов, 1974 — Смирнов Ю. И. Славянские эпические традиции. Проблемы эволюции. М., 1974.
- Смирнов, 1976 — Смирнов Ю. И. Эпические песни Карельского берега Белого моря по записям А. В. Маркова.— РФ, XVI. Историческая жизнь народной поэзии. Л., 1976.
- Соколов, 1941 — Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1941.
- Сок.— Чич.— Онежские былины. Подбор и науч. ред. текстов Ю. М. Сперанский, 1917 — Сперанский М. Н. Русская устная словесность. М., 1948 (Госуд. литер. музей. Летописи, кн. 13).
- Сперанский, 1901 — Сперанский М. Н. Духовные стихи из Курской губернии.— ЭО, 1901, кн. L.
- Сперанский, 1904 — Сперанский М. Н. Курский лирик Т. И. Семенов.— ЭО, 1906, кн. LXVIII — LXIX, № 1—2.
- Сперанский, 1917 — Сперанский М. Н. Русская устная словесность. М., 1917.
- Срезневский, 1867 — Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках.— Сб. ОРЯС, т. I. СПб., 1867.

Тихонравов, 1863 — Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы, т. II. М., 1863.

Фридрих, 1936 — Фольклор русских крестьян Яунлатгальского уезда, кн. I. Собраны И. Д. Фридрихом. Рига, 1936.

Шуб, 1950 — Шуб Т. А. Былины русских старожилов низовьев реки Индигирки. — РФ, т. I. М. — Л., 1950.

Якушкин, 1860 — Якушкин П. И. Русские песни из собрания П. И. Якушкина. — ОЗ, т. СХХIX, 1860, кн. 4.

Bossy, 1976 — Bossy M. A. Medieval debates of body and soul. — Comparative literature. Eugene, 1976, vol. 28, N 2.

Brewster, 1972 — Brewster, Paul, G. The incest theme in folksong. — FFC, N 212, vol. LXXX₂. Helsinki, 1972.

Index — Index explororum. A handbook of medieval religious tales by F. C. Tubach. — FFC, N 204, vol. LXXXVI. Helsinki, 1969.

Jagic, 1876. — Jagic V. Die christlichmythologische Schicht in der russischen Volksepik. — Archiv für slavische Philologie, I Berlin, 1876.

Mazon — Mazon A. Svjatogor ou saint-Mont le Céant. — Revue des études slaves, 1932, t. XII, fasc. 34.

Thompson — Thompson S. Motif-index of folk literature. — FFC, N 106—109, 116—117. Helsinki, 1932—1936.

Thompson — Aarne, 1964 — The Types of the Folktale. S. Thompson — A. Aarne. — FFC, N 184, vol LXXV. Helsinki, 1964.

**СПИСОК
СОКРАЩЕНИЙ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ**

- БВ — Богословский вестник.
Беседы — Беседы в обществе любителей российской словесности.
ВЕ — Вестник Европы.
ДВ — Духовный вестник.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ЖС — Живая старина.
Записки РГО — Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии.
Изв. АН СССР, СЛЯ — Известия АН СССР, серия литературы и языка.
Изв. ИО ЛЕАЭ — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (Труды этнограф. отделения).
Изв. ОРЯС — Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности.
ОГВ — Олонецкие губернские ведомости.
ОЗ — Отечественные записки.
ПС — Православный собеседник.
РБ — Русская беседа.
РС — Русское слово.
Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности.
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы (Пушкинский дом).
Труды КНО — Труды Костромского научного общества по изучению местного края.
РФ — Русский фольклор. Материалы и исследования (Пушкинский дом).
Чтения — Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете.
ЭО — Этнографическое обозрение.

СПИСОК СКАЗИТЕЛЕЙ

- Горшков Петр Григорьевич*, Заонежье, д. Демидово, № 1—4.
Егорова Степанида Яковлевна, Пудож, д. Малая Пога, № 19.
Ефремова Анастасия Ивановна, Карельское Поморье, д. Калгалакша
№ 42—46.
Иванова Анастасия Васильевна, Карельское Поморье, д. Гридино,
№ 47—50.
Коновалова Екатерина Ивановна, Карельское Поморье, д. Гридино,
№ 51—52.
Ладина Евдокия Ивановна, Карельское Поморье. с. Кереть, № 53.
Логинов Андрей Степанович, Пудож, д. Мелентьевская, № 40—41.
Мальшева Анастасия Яковлевна, Пудож, д. Семеново, № 20—21.
Мыхина Фекла Ивановна, Карельское Поморье, д. Колежма, № 55.
Пашкова Анна Михайловна, Пудож, д. Семеново, № 22—24.
Портнягин Александр Андреевич, Пудож, д. Старое Сигово, № 25—27.
Ремизова Ксения Егоровна, Пудож, д. Алексеево, № 28—30.
Самылин Матвей Егорович, Пудож, д. Артово, № 11—14.
Степанова Ирина Андреевна, Заонежье, д. Подъельники, № 5—10.
Трухавая Агриппина Федоровна, Заонежье, д. Середка, № 15—18.
Фадеева Анастасия Леонтьевна, Пудож, д. Ижгора, № 31—34.
Фофанов Иван Терентьевич, Пудож, д. Климово, № 35—36.
Фофанова Серафима Степановна, г. Пудож. № 37—39.

СПИСОК БЫЛИН, БАЛЛАД И ДУХОВНЫХ СТИХОВ

- Алексей человек божий, № 30, 45.
Аника-воин, № 19.
Братья-разбойники и сестра, № 14.
Василий и Софья, № 10, 37.
Волх Всеславьевич (контам. с «Вольгой и Микулой»), № 5.
Голубиная книга, № 54.
Два Лазаря, № 29, 39, 52.
Дмитрий и Домна, № 43.
Добрыня и Алеша, № 1, 11, 28, 33.
Добрыня и Василий Казимирович (контам. с «Добрыней и Алешей»),
№ 40.
Добрыня и змей, № 16, 31, 35.
Добрыня (сводная былина: «Первый бой Добрыни со змеем»; «Второй
бой»; «Женитьба Добрыни»; «Добрыня и Алеша»), № 9.
Добрыня и Маринка, № 36.
Дюк Степанович, № 8, 18, 23.
Егорий (Мучения Егория), № 38, 44.
Егорий (Егорий и змей), № 4 (контам. с «Мучениями Егория»).
Женитьба Дуная и князя Владимира, № 2, 12.
Иван Гоудинович, № 41.
Иван гостиный сын, № 53.
Илья Муромец и разбойники, № 51.
Илья Муромец и Соловей-разбойник, № 25, 32.
Илья Муромец (сводные былины: «Исцеление Ильи Муромца»; «Бой
Ильи Муромца со Збутом-королевичем»; «Илья Муромец в ссоре с князем
Владимиром», «Илья Муромец, Ермак и Калинин-царь», «Святогор и Илья Му-
ромец», «Илья Муромец и Идолище»), № 6, 7.
Князь Михайло, № 49.
Козарин, № 42.
Михайло Потык, № 15, 47.
Молодец и королевична, № 2, 24, 48.
Наезд литовцев, № 27.
Садко, № 22.
Саул Леванидович, № 46.
Соловей Будимирович, № 20.
Соломан и Василий Окульевич, № 26.
Ставр, № 3, 13, 17, 34.
Хотен Блудович, № 50.

СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ И СТАРИННЫХ СЛОВ

А

Ащё — еще

Б

Балхон — балкон.

Барашничать — торговать с прибылью.

Барыши — прибыль, нажива.

Басá — краса, украшение, красота.

Бáять — говорить.

Белóйровая (пшеница) — лучший сорт пшеницы.

Бесéдушка, беседа — зд.: «общий сбор» («Собирайтесь-ко, пожалуйста,/В один круг, в одну беседушку:/Что нам делать теперь с морским царем?»).

Блáдень — младенец (см. также млáдень).

Бóльший — 1) лучший («Не заслужил я у тебя места большего»); 2) старший («Младший тулится за большего»).

Бульнь-трава — от булынька, булынья — былинка (?) или искаж. полынь (?). («Дак ты ставай, Добрыня, со бульнь-травы»).

Буржамéцкий (копье буржамецкое) — вместо мурзамецкий — татарский, восточный, от слова «мурза».

Бусарманин (вм. басурманин) — 1) безбожник, неверующий человек; 2) разбойник. («А есть у меня шубка бусарманьска,/С бусарманина снята»).

В

Вдова пáшенька — см. также (пáшенька) — бедная, несчастная вдова (от пáшной — несчастный, бедный, бесталанный).

Вéрхний (конец стола) — «почетный», «красный» конец стола.

Верховище — зд.: макушка головы, теменная часть («Да на головушке да у Добрынюшки/Было родимое знадебко на верховище»).

Взапрекú — неприятно, досадно («Это слово королю да взапреку пришло»).

Взрoдавáться — возрадоваться.

Вилoвáтая (береза) — извилистая, искривленная.

Влaдáть — владеть, обладать.

Волчíя — вероятно, от: «волочить по земле» («Все богатыри собирались.../Васютка-полы волчия,/Гришка роду боярского». Ср.: «Кому ехать на нахвальщину:/А ехать Васютке-полы долги,/На борьбы полы заплéгутся...»).

В oсoбину, в oсoбíцу — особо, отдельно («Князю-солнышку он клонится в особину»).

Втoпáться — зд.: упасть (простореч. — шлепнуться). («Щурила поехал, да и середки реки в воду втопался»).

Выстáть — встать на ноги («Как выстал Добрынюшка на запекек»).

Г

- Ѓйм* — им.
Гля́ — для («Оставь ты нам Шурилушку гля памяти»);
Го́голь — вид утки («Жеребья пловут да будто гоголи»);
Голева́я (парча) — парча из чистого золота («На нем шубонька да голевой парчи»);
Го́ль — гольтыба, беднота.
Горноста́лик — горноста́й.
Гора́з(д) — зд.: искусен, ловок, сведущ. («Он горазд играть на музыки»);
Го́рница — светелка, комната над избой.
Госте́бище — пир, участие в пире, пребывание в гостях («Выходила его тут родная дочь, /И звала его во гостебище»);
Го́стýнный ря́д — купеческий торговый ряд.
Гра́й — воронье карканье, птичий крик («Вот ты, сила, слухай грай черного ворона»);
Гранови́тые палаты — 1) грановитые, отделанные граненым камнем; 2) расписные, с рисунком.
Гри́дня — особое помещение или строение в княжеских дворцах, где пировал князь с дружиной.
Гри́т — говорит.

Д

- Дава́ться* — (см. также подаваться) просить позволения (в данном случае ехать). («Ен у матушки уж да давается»);
Дале́ко — в знач.: где уж там («А уж они друг друга не знают. Далеко узнать»);
Де́л — добыча, которую предстоит делить («На первой мы дел положим скатно золото, /На второй мы дел положим чисто серебро...»);
Диви́ться — удивляться («Не дивую я Чуриле Пленкову, /А я дивую солнышку Владимиру»);
Добро́тушка — ласкательное слово по отношению к женщине-родственнице, к матери («У моей добротушки у матушки»);
Дога́дки — хитрости («Золотой казной, грит, не выкупить, /Надо выкупить мне догадкамы женским»);
Долгоме́рное (копье) — длинное копье, ратовище.
Донижа́ться — упрашивать, умолять («Я у свекровушка подавала-ся, /У свекровушки донижалася»);
До пра́вы узна́ть — узнать правду («А послал своего слугу верного до правы узнать»);
Доро́дный — хороший, красивый, видный (дородный добрый молодец).
Дре́безды — дребезги («Розлетелась доска на мелкие дребезды»);
Дя́йна — тетка («Это, дяйна, не бура, не падаря...»), жена дяди.

Е

- Е* — быть, находиться («Пучай-река да е жестокая»);
Естви́ца (ед. ч. — е́ствице) — еда, кушанье («Садись-ко за столы ты за дубовые, /За тьи скатереточки шелковые, /За ествица ты за сахарные»);

Ж

- Жа́дный* (или жа́дный) — зд.: испытывающий жажду («Накорми-тко, братец, голого меня, /Напой-ко, братец, жадного меня»);
Животи́нки, живо́т — имение, имущество («Дак ты не хвастай животникамы вдовским, сиротским»);

Жупить — кричать (о птицах). («Вдруг прилетает черен ворон,/Он жупит же Добрыню Микитица,/Жупит он по-птичьему,/Говорит по-человичьему»).

З

Забедно пало — обидно стало («Казалину забедно пало и за конфуз большой»).

Забудущий (питья забудушие) — вызывающий забытьё, опьяняющий (о напитках).

Завёт — обет, обещание, уговор («И завет у меня положен»).

Загрáть, грáть — закаркать (о воронах, галках, грачах).

Задворьице — 1) задняя улица деревни; 2) двор («Уезжал в чисто поле на запольице,/К доброй бабушке на задворьице»).

Задворенка (бабушка-задворенка) — женщина, живущая на задворьице, в задней улице деревни или в одиноко стоящей избушке.

Задохнуть, задыхать — зд.: становиться затхлым, застойным («Задохли напитокочки»).

Заколбдеть (о дороге) — стать непроезжей, заваленной упавшими деревьями, колодами («Прямоезжая дорожка заколодела»).

Закон, након — раз («Ен стучит-гремит да во первой закон»).

Заманывать — обманывать («Не хвастай, молодец, не заманывай»).

Замураветь — зарости мелкой густой травой («Заколодела дорожка, замуравела»).

Заносливо — заносчивое («Дитятко заносливо»).

Запечек — 1) место, промежуток между печкой и стеной, к которой она примыкает; 2) настил из досок в пространстве между печкой и стеной («Как выстал Добрынюшка на запечек»).

Запольице — 1) место, участок земли, расположенный за полями; 2) дальние полосы пахотной земли («И садился Дюк да на добра коня,/Уезжал в чисто поле на запольице»).

Застенуться — застегнутья (о пуговках Дюка: «Как застенется, дак зашипят...»).

Захлопина — холоп («И ты ай же ты, захлопина боярская»).

Заштяновый — жестяной, обитый жостью («У вас церквы деревянные, крыши сосновые, кресты заштяновые»).

Здэ — здесь.

Здох — вздох («Выпил чару на единый здох»).

Здынуть — поднять («Он здынул кулак да выше головы»).

Земя, зэнь — земля («Да мать сыра земля колыблется»; «А с вышины как ена на зэнь тут тропнулась»).

Знадебка — знак, отметина.

Зобить — есть («Они зоблют кони пшenu да белоярову»).

Зяблый — мерзлый, поврежденный морозом («Тут насыпано овсишко зяблoей»).

И

Изгода — невгода («Ты здесь со своей дружиной забавляешься,/А про себя изгоды не ведашь...»).

Инной, идной — иной, другой («Инной хвастает добрым конем»; «Идной хвастает да молодой женой»).

Исть — быть, являться («А от добрых людей не исть хвала молодецкая»).

К

Калёки, калики — средневековые странники (от лат. caligae — обувь паломников).

Калёный — стальной (о стреле с прокаленным металлическим наконечником).

Каюци — диал. форма от *каются* («*Стоят-то уж тут люди, богу молятся, / Стоят каюци да приглашаючи*»).

Клюх-шевыга подорожная — (клюка-шалыга) — дорожная палка, посох; см. также «шалыга», «шевыга» («*Вот он сын да ей приказыват / Нести же шапку-мурманку, / И шапку-мурманку во сорок пуд, / Клюху-шевыгу подорожную, и тоже во сорок пуд*»).

Ключник — лицо, заведующее съестными припасами дома, княжеского двора, монастыря и т. д. («*У короля в Литвы да у Литовского... / Я три года служил ключником*»).

Колода — долбленный гроб из цельного дерева («*Полагала беляну во колоду*»).

Колько — сколько.

Кольчуживать — надевать кольчугу (о богатыре).

Корба (карел.) — чашоба («*Проехать путь-дорожку прямоезжую, / Через тыи корбы дремуции*»).

Косица, косиця — висок (У Дюка было: «*По косицам часты звездоцьки*»).

Красна (лицом) — красива.

Крежицек — эд.: земля, край земли, обрыва («*А праведны-то душеньки по крежицку идут*»).

Крестовый (брат) — названный брат, поменявшийся тельным крестом.

Крупичатый, крупищатый (калачик) — крупчатый, из лучшей пшеничной муки.

Кумпы — церковные купола («*Кресты и кумпы позолочены*»).

Куревá, кúревка — пыль от поднимаемого в воздух песка или сухой земли («*Только куревка во полюшке прокуриая*»).

Л

Ладиться — готовиться, собираться («*Как раз протрублю в турьей рог, / Как ты бы, сила, ладилась кольчуживать*»).

Лёжня — спальня («*Прочитай трижды Иисусову молитву / И поди сходи в свою лёжню, / Там лежит твоя княгина трудна-больная*»).

Липина — дверной или оконный косяк («*А Илья Муромец осторонил ся, / Ножик в липину стал*»).

Лопáтник — дворовый слуга.

Лозья-колдыя — прутья (ветки) и бревна («*И зарыть его лозьямы-колдыямы*»).

Луда — каменистая мель, выступающий из воды камень («*Шупайте по Волге-реки, в широко, глубоки, / Нет ли где не луды, да не камени*»).

Лузи — диал. форма «луга» («*А выезжал богачий да во лузя гулять*»).

Лызгать (очевидно: мызгать) — лаять («*Лызгает Соловей тут по собацьему*»).

Ляцкий, лиховецкий — литовский («*Я есть посол земли ляцкие*»).

М

Матёрая — пожилая («*Сидит жона матерая*»).

Медвяница — вареный мед («*Святой медвяницей выпайвай*»).

Медвяный — медовый, сладкий, душистый подобно меду.

Межаный, меженый (день) — летний жаркий длинный день («*Как межанный день идет ко вечеру*»).

Метать — 1) бросать, складывать; 2) быстро, с удовольствием есть («*Стали оны калачики метать*»).

Мечать — см. метать (бросать).

Метельник — слуга, подметающий двор.

Младень — см. бладень (младенец).

Модриый — мудрый («*Еду я от модривого Соломана / К прекрасному царю Василию Окульеву*»).

Мóла — мель («...по Волге-реке/Нет нигде ни луда, ни камня,/Ни маленькой не молы перемельчены»).

Монéставка — от: монисто, зд.: деньги («Помнишь ли, Ставер, когда мы с тобой вместе грамоте учились,/В золотую монестовку поигрывали,/В серебряное колечко попадавали?»).

Мура́вленный (о печке) — глазурованный, облицованный глазурью.

Мура́шецька — муравей.

Н

Нáва-птичина — птица («великая», «страховитая»). («Есть ли из вас такие молодцы:/Овернуться навой-птичиной»).

Наддáтком — впридачу («Она в руку трех и в другу трех/И седьмого наддатком»).

Надлыга́ться — надрывать враньем, издеваться. См. также: *подлыгаться* («Во глазах мужчина насмехается,/Над тобой мужчина надлыгается»).

Назаворáчивать — наловить («Обвернуться левом/И назаворачивать соболей, кунци, чернобурых лисиц»).

На́зим, на́зём — навоз («Уж как есть ведь у нас дедков конь,/Во назыму стонт да призарощенный»).

На́испашь — с размаху, в сторону, мимо («Он вина не пьет, да вылил наиспашь»).

Нако́н — раз («Во-первы након она не слышала»).

Нала́дить — договориться («И надумали да наладили/Промеж собой да кинуть жеребий»).

Налу́цник, налу́чник — чехол для лука («Не вынять бы туга лука с налуцника»).

На о́коль — вокруг, по краю («Он мхи-болота промеж ног спускал,/А синее море на околь бежал»).

Напосле́ди — напоследок («Напоследи-то ведь сказала Дюкова матушка»).

Насётка — наговор («Отправляет тут Добрынюшко Никитича/Еще в тую-то во землю Ляховитску/По насетке-то Чурилушки Пленковича»).

Настрéльник — чехол для стрел, колчан («Не вынять бы туга лука с налуцника,/А каленой стрелы со настрельника»).

Начáльный (город) — относящийся к началу бытия, город городов (Иерусалим считался «пупом земли», первым городом мира: «Поезжал Оника-воин ко начальному граду Ерусалиму»).

Ненави́ждеть — ненавидеть.

Несме́точна, несме́тоцьна (силушка, войско) — несметная.

Невдалéчу — недалеко («Невдалечу завидла часовенку»).

Не мочи — нельзя («Уж какой-то богатырь наехау Дюк Степановиць,/Что не мочи его ничим уштрафити»).

Неуми́льные (речи) — невежливые, неприятные («Посадить Сталоверста Гардинова/Во погреба глубокие за речи неумильные»).

Ни́жний (конец стола) — противоп.: верхний (конец стола) — непочетный («У того стола конца у нижнего,/Там сидел-то старый Вермята сын Васильевич»).

Ну́ньку, ну́нь — нынче, сейчас.

Ну́неку — см. нуньку.

Ну́ркóм — нырнув под воду («Как в краю ну́ркóм пойдет — другому вынырнет»).

О

Обгáнивать (коня) — обезжать («Поехал Самсонушко коня обганивать,/Обганивать, обхлыстывать»).

Обжа́ — оглобля у сохи («Подъехал ратай-ратаюшко,/Схватил сошку за обжу»).

Обзадриться — раззадориться, войти в задор («А молодой Чурилушка тут Пленкович/Он обзадорился, не успокоился»).

Обнадёжить — помочь, зд.: одеть («Обнадежь, обуи, братец, босого меня»).

Обрадётся — обрадоваться.

Обрать — убрать, вобрать («И оберн-тко ты да всю-то кровь поганую» — Добрыня обращается к «матушке сырой земле»).

Одвѣ — едва.

Оди́нкий — 1) одинаковый («Тридцать три молодца, все одинакие»); 2) единственный («У этой у вдовушки у пашеньки/Было девять сыновей, одинака дочь»).

Оди́нцвѣй — из цельного куска материала («А по тем мосточкам по кленовым/А положены ковры да одиноцвѣе»).

Око́леньки, око́ленки, око́нница — оконные рамы («Терема-то только вси зашаталися,/А околеньки вси посыпались»).

Око́ль — вокруг («Околь силушки заюшку не обскачать»).

Око́льный — 1) о дороге: объездная дорога, в противоположность прямой, 2) скамеечки: находящиеся рядом с чем-либо.

Окольчу́живать, см. также *кольчу́жить* — 1) надевать на коня сбрую с попоной из металлических колец («Выводил коня да на широкий двор,/Стал заседывать да окольчуживать»); 2) надевать на себя кольчугу, снаряжаться («Одевает он одежду богатырскую,/Вооружился да окольчужился»).

Оме́шки, бме́шки — лемех, сошник, железное острие у сохи («Сошка поскрыпывает,/Омешки о камешки прочиркивают»).

Онное — некоторое («Проходило время онное»).

Опа́рубки, па́робки, па́ромки — слуги («Тут опарубки боярские догадливы:/Принимали у гостей да коней добрых»).

Опочѣв (держать) — почивать, спать («Ты ложись-ка спать да опочив держать»).

Оста́вѣньце — наследник («Оставалоси оставленьце,/Что Егорий-свет да он семнадцать лет»).

Ото́мкнутъ — отомкнуть, отпереть («Он велел тебе отомкнуть да кованы ларцы»).

Отму́риваться — зд., судя по контексту, — освободиться из темницы («Стал с подлоба поглядывать, отмуриваться»).

Отро́дьѣ — потомство («Он просил у господя, Хоть мужьского или полу женьского»).

Отсю́ль — отсюда.

Отту́ль — оттуда.

Отцина — вотчина, земля, состоящая во владении, родовое имение («Что послал господь нам посланницька,/Оцнстил нашу отцину»).

Очѣствовать, учѣствовать — оказывать почет, внимание («А приехал — вы меня не очѣствовали...»).

П

Па́дара, па́деро — буря, выюга («Не было ни бури, ни падари,/Терем пал, виноград сломал»).

Па́дше — паче, лучше («Он же мне да падше брата родного»).

Па́сть (о вести) — дойти («Пала весть Роману Митриевичу»).

Па́лица — дубина.

Па́рубок, см. опарубок, паромок — слуга.

Па́ромок, см. опарубок, парубок — слуга.

Па́сточки — ловушки для птиц («Вей веревочки шелковыи,/Ставьте пасточки дубовыи»).

Па́шенька, па́шица — бедная, несчастная.

Пе́рёное (крыльцо) — крыльцо с перилами.

Пересѣльское (село) — от: *пересѣльщик* — переселяющийся куда-либо («Попленнили два села пересельских»).

Печёрочки, пецёрочки — пещеры («печерочки зменные»).

Плуживья — от *плүтиво* — поплавок для рыболовных сетей («Невода вяжи шелковыи, /Кладите плуживья серебряны»).

Победушка — беда, несчастье («А победушки ты над собой не ведаешь»).

Победный — несчастный («Вы останьтесь-то, вы победные»).

Повысмекать — постичь, подсчитать («Так не могли глазами повысме-
кать, /А не только повыписать»).

Подаваться — 1) спрашивать, проситься; 2) проситься спать в выраже-
нии: «Вот у царя подавалисе к ночи, и ён пустил».

Подать — подарить («И подать мни на память гусли звонкие»).

Подбекрэниться — поставить руки в бока («А как увидя молодуш-
ки — /Так подбекрэнются»).

Подкрестовый (брат) — см. крестовый.

Подлыгаться — издеваться, лгать («Ведь он говорит да подлыгается, /Да
над тобою насмехаётся»).

Подорожные (мужики) — грабители на дорогах, разбойники («Там му-
жики ты подорожные, /Прсят деньги подорожные»).

Поединчик — один из двух противников-бойцов («..Настасья-королевич-
на /Ездит во чистом поли, полякует, /Ищет себе поединщиков»).

Поеждать — поезжать.

Поезд — отъезд («Уж как дала Добрыни на поезде родна маменька»).

Поклян(ый) — 1) пригнутый книзу, понурый (о человеке) («Ой сугул-гор-
бат, наперед поклян!»); 2) дерево с кривым стволом, обычно в былинах —
береза.

Поладиться — войти в привычку, поверить («Никому это слово не по-
верится, /И никому это слово не поладится», т. е. с ним не будут согла-
шаться, считаться).

Полёница, поляница — женщина-богатырка.

Полон — плен.

Полыхать — пугать, трсвожить, переполошить («Не пугай, не полохай
людей добрых»).

Полуденный — южный.

Получки, полуцки — дань («Отправил ёго в города за полуцками»).

Поляковать — ездить в поле воевать («Ездит во чистом поли, полякует»).

Помитуситься — покрывиться («Терем пал, виноград приломал, /Малые
теремки помитусидисе»).

Пораздóриться — занемочь, разболеться («И она с вечера да взяла поро-
здорилась, /Ко полуночи да й порасхворилась»).

Позакладываться — побиться об заклад, поспорить на что-либо («Не
хсещь ли с нашим Щурилой Шаплёнковичем позакладываться?»).

Полустолье, полупере — в выражении: «Уж стол-то был во полу-
столье, /А пер-то был в полупере» — т. е. пир (и угощения) наполовину
прошел.

Пометельщики, см. метельщики («У моей у милой матушки /На дворе ее
пометельщики»).

Помялышко — помело для обметания печи перед посадкой хлеба «Дров-
ца-то у вас еловый, /А помялышки сосновыи»).

Порядовные (соседи) — близкие, от «порядок» — ряд домов, /ов по одной
стороне деревенской улицы.

Посёлье — поселенье, деревушка («Приехали в посёлье соловьиное»).

Постельник — прислужник в спальне.

Постолье, подстолье — место под столом («Кобели по подстолью поха-
живают, /Крощечки убогому посбирывают»).

Посукончики — торговцы сукном.

Потничек — подстилка под седло («Он положил войлучки, /А на войлуч-
ки положил потнички, /А на потнички седельце черкацкое»).

Потолкúчие, толкучие (о горах) — раздвигающиеся и вновь сходящиеся
горы.

Потребить — уничтожить, погубить («Моего мужа в воду бросили, /А мла-
денчика взяли потребили»).

Потро́склиться — попа́дать («Зашел в божью церковь, / Они испугали-се, / Некоторые в окно потросклисе»).

Похма́тки — ухватки, повадки («У ней есть вси похматки женския»).

Почевáльня — опочивальня, спальня.

Преста́виться, переста́виться — умереть.

Прибра́ть — выбрать («Вы приберите-ко мне невесту хорошую»).

Приворо́тники — слуги, охраняющие ворота («Приворотников да он не спрашивал»).

Придве́рники — слуги, охраняющие вход в дом («Всех придверников да прочь отталкивал»).

Приглаша́юци — форма от глг.: голосить, причитывать («Стоят-то уж тут люди, богу молятся, / Стоят каужи да приглашаюци, / На войну-то уж ёны отправляются»).

Пригоди́ться — в знач.: оказаться («А с собой у мяя струночек не пригодилося»).

Призна́ть, отза́ть, приза́ть — поднять («Возьми-ка ты этого заюшка скакучего да прыгучего, / Брось-ка его через правое плечо». / Алешенька Попович и признать не мог»).

Приза́ть — см. признать («А Никитушка Добрынюшка / Только от земли чуть призял» (о зайце)).

Приобма́тереть — постареть («Через пять-то лет Микита бородой оброс да приобmaterел»).

Припе́чечек, припе́чек — 1) место перед печью; 2) лежанка на печи («Пришел он да на почестен пир, / Сел на печку на припечечек»).

Припуты́ть — пленить (от «путы»?) («Прирубил, припутил всих татаровьев»).

Присёлок — небольшое селенье, деревня, которая приселилась к бо́льшей со стороны («Завоюю девять сел с приселкамы»).

Присбе́к — сошная лопаточка для отворота земли.

Приста́ть — начать («Как пристала тут искать да Олисафия»).

Приужа́хнуться — ужаснуться, испугаться («Как увидя красны девушки, / Так приужахнутся»).

Прогря́знуть — провалиться в грязь («Эта дивича да нуь да прогрязнула, / Во подпольи нуь да глубокии»).

Пя́даны — пядь, мера в четверть аршина, расстояние между большим и указательным пальцами («Чудо Идолицо страшное, / Голова с пивной котел, / Промеж ушами пяданы с локотью»).

Пяте́рица — число «пять» («Над воротами икон семь десятков с пятеричею»).

Р

Разде́рнуть — начать, открыть («У ласкова князя у Владимира / Роздернут как был почестен пир»).

Раско́ракою, раско́рякою — растопырив руки и ноги («Был я в молоду пору, / И находился от Романа Митриевича раскоракою»).

Расто́пнуться (о горах) — раздвинуться («Только горушки растунулись, не стоунулись»).

Рата́ться, рати́ться — ратовать, воевать («Он вчерась-то день билсе со змею, рателся»).

Рети́вый — горячий, пылкий на дело («А угодил в сердце ретивое»).

Реши́ть — убить, погубить («Тут-то она и сказала, что решу, верно, свою младую головушку»).

Ровня — 1) чета, пара под статью; 2) сверстник, сверстница («Ой чим мне, дяденька, хвастать не похвастати: / Ой ровня во Киеви женилася, / Ой равны подружки замуж ушли»).

Рого́ч — рукоятка у сохи.

Роди́мное (знадебка) — отметина от рождения («Да на головушке да у Добрынюшки / Было родимное знадебка на верховище»).

Рубе́чок — бородачка, царапина, след от раны, зд.: примета («У моего-то роженого дитятко/Была родимная знадебка-рубечок»).

Ру́шать — резать на части пирог, хлеб, птицу («Хлеба-соли да откушати,/Белой лебеди порушати»).

Ры́бина (кроваточка) — из кости моржа («Приходили как к кроваточки рыбиной»).

Ры́тый (бархат) — с цветами, узорами, вытисненными по ворсу.

Рыча́ть — кричать («И зарычи-тко ты да там да ясным ясаком»).

Ря́хнуть — рывкнуть, крикнуть, заорать.

С

Сба́вить — избавить («Спасибо тебе, молодой Добрынюшка Микитынич,/Сбавил нас от победы великою»).

Сва́литься — зд.: лечь («свалиться спать»).

Сва́тух — сват («Это не посол ли чужой земли,/Не сватух ли моей племянницы?»).

Сверста́ (умом) — 1) догадливая, сообразительная («Чтоб была умом сверстна и лицом красна»). Добавочное значение — 2) под стать умом.

Седа́тый — седоватый, с проседью («старичок седатенький»).

Се́нные (девушки) — служанки («А потом пойдут да сenny девушки»).

Си́нцы — сени.

Ска́тный (жемчуг) — крупный, круглый.

Сколыба́ться — заколебаться, задрожать («земля сколыбаласе»).

Скори́ться — взмолиться («Скорилсе тут Соломон-царь»).

Скоропи́вчатый — написанный скорописью, скорописчатый («Он писал да скоропичватую грамотку»).

Скошева́ться — образоваться, собраться («Вдруг его сила скошеваласе»).

Скrhóзь — сквозь.

Смолы́ться — взмолиться.

Содержа́вушка, сдержа́вушка — глава дома, муж, хозяин («Милая моя ты ладушка,/Дорогая моя содержавушка»).

Сойти́ — прийти («Стопим байну, дак сойдет, дак мы увидим,/Что мужчина али женщина».— Об «испытании пола» переодетой в мужчину жены Ставра).

Соло́вая (кобылка) — желтоватой масти.

Сороко́вка (бочки-сороковки) — бочка сороковая, мерная, в 40 ведер.

Сры́ять — см. рычать, кричать.

Ста́в — станок для тканья («Как одна сижу за ставом да запою...»).

Ста́рица — монахиня («Мы во старици да тебя постригем»).

Стегно́ — бедро («Не выдай меня, дивчину, за женщину,/У ней походочка в ногах частенькая,/Стегно жмет и товар бережет»).

Стойка́ — дверной столб, на который навешивали двери. («Он ведь, двери со стойками выдергивал»).

Сто́лнуться — сдвинуться, столкнуться («Только горушки растоунулись — не стоунулись»).

Столова́нице — званый обед, пир («Был почетный пир да столованьце»).

Столо́п — столб («столп до небушка»).

Сто́льник — смотритель за царским (княжеским) столом («Я три года служил стольником»).

Сто́льный — столичный город.

Сторо́дливо — осторожно («Ангела вокруг его похаживают,/Как горько и вольно и стородливо/Душу его вынимати...»).

Стосну́ться — стосковаться («Она год жила — не стоснуласи»).

Стоя́лый — 1) выдержанный, долго стоявший (о медах); 2) эпитет конюшни, где есть стойла; 3) эпитет береженных, кормленных, холеных (о конях). («Впрягали коней стоялых»).

Страхови́тый — страшный, опасный («Как Пучай-река-то есте страхо-
витая»).

Стре́тáть — встречать («Как стретала нунь эта дивнча»).

Сы́ть — еда, пища, зд.: бранное слово: («Ах ты, волчья сыть да травя-
ной мешок»).

Сычѐный (мед) — разварной мед на воде («А княгина потчует Ильюшу
мѣдом сычѐным со своих рук»).

Съѣхáть — приехать («Съедете, так кланяйтесь/Моей маменьке Меуфе
Тимофеевной»).

Т

Тавле́и — древняя игра в кости («Ей не угодно ли сесть играть да
в шашки шахманные,/В тыи тавлеи золоченные»).

Тáя — та («Тая за тебя замуж не пойдет»).

Ти, те — тебе.

Тоѐ — те, то («А купци да торговци — тое дружья мои»).

Трѡ́пнуть́ся — удариться («А с вышины как ёна на зень нунь тропну-
лась»).

Ту́лится — прятаться («А передней тулится за середнего»).

Ту́лово — туловище.

Ты́н — забор («Подведи к тыну высокому»).

Тя́ — тебя.

У

Уго́жество — красота («А не для красы-басы, угожества»).

Угра́живать — угрожать («И уж как этим ты меня да не уграживай»).

Удума́ть — надумать, решить («Это ты удумал биться о велик заклад»).

Ужа́хнуться, приужа́хнуться — ужаснуться, испугаться («Ужахнулся
верный богатырский конь»).

Укре́па — крепость, сила («Как не гля-ради красы-басы да молодецко-
ей,/А гля-ради укрепы богатырскойей»).

Устри́чь (волосы) — остричь.

Укони́ть(ся) — упросить(ся), умолить(ся), зд.: согласиться («Палачи на
деньги не уконулись»).

Ула́н — татарский сановник, мурза.

Урѡ́чное, урѣ́чное (время) — положенное («Прошло урѣчное время,/При-
несла ему княгина-жона сына»).

Уштра́фить — устрасить («Что не мочи его ничим уштрафити»).

Ф

Фалá — хвала.

Фати́ть — схватить.

Х

Хорббры́й — храбрый.

Ц

Церьне́зенка — искаж.: черкес («Поглядел в трубку подзорную,/Увидел
в поле церьнезенку»).

Ч

Ча́яться — надеяться, ожидать («А супруга его, молода жона,/Не начая-
ласи, не дожидаласи»).

Червѐный, черлѐный (корабль, вяз) — темно-красный, багряный.

Черка́льский, черка́цкий — черкасский, черкесский («седельце черкацкое»)
Чёрнь — черенок, рукоятка («С горя хватил он ножище-кинжалище,/Ой поставил он чернем вниз, кверху носом вострым»).

Честна́я (вдова) — уважаемая, почитаемая.

Чоботный (мастер) — сапожник («У меня, грит, сидит триста чоботных мастеров»).

Чудиться — удивляться («Они чудушку да чудуются»).

Чумбу́р, чембу́р — повод, уздечка («На чумбурах на шелковых/Привязано два жеребца неезженных»).

Ш

Шалы́га, шевы́га и т. д. — клюка, дорожная палка, дубина, металлический прут («Как он начал тут по комнатам поваживать,/Вот уж начал он шалыгой поколачивать»).

Ша́пка-му́рманка — шапка особого покроя, от слова мурманский («Вот он сын да ей приказыват/Нести же шапку-мурманку»).

Ша́шки-ша́хманки — шашки, шахматы.

Ша́хманная (доска) — шахматная.

Шпенёк — шип («У меня во гусельшках яровчатых.../Ах шпенечки все да поломалисе»).

Щ

Ща́п — шеголь.

Ща́пливый — шеголеватый, франтоватый («А на походочку нет шапли-вее Чурилы Пленковича»).

Ща́бот, ча́бот — сапог.

Э

Этто — здесь («Этто много есть Дюковых прислуг вам ходить»).

Ю

Ю — её («Повез он ю во Киев-град»).

Я

Яло́вый — из ели («А обруцики да есть ведь тут яловые»).

Ярлы́к — письмо, грамота («И пиши ярлыки золотой строкой»).

Яро́вчатый (гусельшки) — яворчатый из дерева явора, род чинары или платана.

Яса́к — голос, крик («И зарычи-тко ты да там да ясным ясаком»).

Яства — кушанья («яствушки сахарные»).

СОДЕРЖАНИЕ¹

Предисловие	3
О былинных сказителях Карелин	8

ЗАОНЕЖЬЕ

Петр Григорьевич Горшков

1. Добрыня и Олёша	33	268
2. Женитьба князя Владимира (Женитьба Дуная и князя Владимира)	36	276
3. О Сталовёрсте Гардинове	43	288
4. Кудрянище (Мучения Егория, Егорий и змей)	48	275

Ирина Андреевна Степанова

5. Вольга Всеславьевич (Волх Всеславьевич, Вольга и Микула)	53	265
6. Илья Муромец	58	281
7. Про Илью Муромца	72	281
8. Боярин Дюк Степанович	79	273
9. Про Добрыню	86	272
10. Про Софею (Василий и Софья)	99	263

Матвей Егорович Самылин

11. О Добрыне Никитиче (Добрыня и Алёша)	101	239
12. О князе Володимере Киевском (Женитьба Дуная и князя Владимира)	104	276
13. Про Ставра сына Годиновича	107	288
14. (Братья-разбойники и сестра)	111	263

Агриппина Федоровна Трухавая

15. Михайло Потык	113	283
16. Бой Добрыни со змеем	116	271
17. Ковёр Единевич (Ставр Годинович)	121	288
18. Дюк Степанович : : :	123	273

¹ Первая колонка цифр обозначает страницу текста, вторая — примечания.

ПУДОЖ

Степанида Яковлевна Егорова	
19. Про Онику-воина	135 262
Анастасия Яковлевна Малышева	
20. Соловей Гудимирович	137 287
21. Старина про удалого молодца (Молодец и королевична) . .	139 284
Анна Михайловна Пашкова	
22. Садко купец богатый	141 286
23. О Дюке Степановиче	152 273
24. Молодец у Литовского короля (Молодец и королевична) .	172 284
Александр Андреевич Портнягин	
25. Старина (Илья Муромец и Соловей-разбойник)	174 278
26. (Соломан и Василий Окулович)	177 287
27. Силеван король земли Литовскою (Наезд литовцев) . . .	181 285
Ксения Егоровна Ремизова	
28. Про Добрынюшку (Добрыня и Алеша)	185 269
29. Про Лазарей	188 267
30. Ефимьян князь великой (Алексей человек божий)	190 261
Анастасия Леонтьевна Фадеева	
31. Про Добрыню (Добрыня и змей)	195 271
32. Илья Муромец (Илья Муромец и Соловей-разбойник) . .	197 278
33. (Добрыня и Алеша)	201 270
34. Про Ставра Гоудиновича	205 288
Иван Терентьевич Фофанов	
35. (Добрыня и змей)	207 272
36. Про Добрыню (Добрыня и Маринка)	213 272
Серафима Степановна Фофанова	
37. (Василий и Софья)	216 262
38. Про Георгия (Мучения Егория)	217 274
39. (Два Лазаря)	218 257
Андрей Степанович Логинов	
40. Про Добрыню Микитица, как везли дань (Добрыня и Василий Казимирович, Добрыня и Алеша)	220 270
41. Про Ивана Гуденога (Иван Гоудинович)	226 277
КАРЕЛЬСКОЕ ПОМОРЬЕ	
Анастасия Ивановна Ефремова	
42. Про Казалина	233 283
43. Дмитрий-князь (Дмитрий и Домна)	236 268
44. Егорий святохр(абрый) (Мучения Егория)	237 274
45. Жил-был Ефимьян князь богатый (Алексей человек божий)	239 262
46. (Саул Леванидович)	241 286
Анастасия Васильевна Иванова	
47. Потык сын Иванович : :	242 284

48. Дунай и Настасья (Молодец и королевична)	246	285
49. Князь Михайла и жена	247	282
50. (Хотен Блудович)	249	288
Екатерина Ивановна Коновалова		
51. О старом казаке Илье Муромце (Илья Муромец и разбойники)	252	278
52. (Два Лазаря)	253	268
Евдокия Ивановна Ладина		
53. Иван Гостиный сын (Мать продает своего сына)	256	277
Фекла Ивановна Мыхина		
54. (Голубиная книга)	258	266
Примечания		261
Список сокращений		290
Список сказителей		295
Список былин, баллад и духовных стихов		296
Словарь диалектных и старинных слов		297

РУССКИЕ ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ КАРЕЛИИ

Издание подготовила
Наталья Григорьевна Черняева

Редактор Г. Е. Пялинин
Художник В. О. Поляков
Художественный редактор Р. С. Киселева
Технический редактор Э. С. Иванова
Корректоры Л. Т. Дмитриева, Т. Н. Казакова

ИБ № 740

Слано в набор 05.06.81. Подписано в печать 20.11.81. Е-02836. Формат бум. 60×90^{1/16}. Типогр.
№ 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 19,5. Усл. кр. отт. 19,5 Уч.-изд.
• 19,36. Тираж 3000 экз. Заказ 2900. Изд. 79. Цена 2 руб. 20 коп.

Издательство «Карелия». 185610. Петрозаводск, пл. В. И. Ленина, 1.

Типография имени Анохина
Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Совета Министров Карельской АССР.
185630, г. Петрозаводск, ул. «Правды», 4

Р 89 Русские эпические песни Карелии. Изд. подготовила
Н. Г. Черняева. Петрозаводск: Карелия, 1981.—310 с.

В сборник включены былины, баллады, духовные стихи, собранные на территории КАССР в 1930—1960-е годы.

Р $\frac{70700-110}{M127(03)-81}$ 42-81

ББК 82.3Р РФ